

В. С. Бочкарёв

**КУЛЬТУРОГЕНЕЗ
И ДРЕВНЕЕ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

**Санкт-Петербург
2010**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ВОЛГО-ДОНСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО «ЮЖАРХЕОЛОГИЯ»

В. С. Бочкарёв

**КУЛЬТУРОГЕНЕЗ
И ДРЕВНЕЕ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2010

Опубликовано при финансовой поддержке
ВООО «Волго-Донское археологическое общество»
и НП «Южархеология»

Редакционно-издательская группа:
Л. Б. Кирчо (редактор), *М. Б. Рысин*, *В. Я. Стеганцева*

В. С. Бочкарёв. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. — СПб: «Инфо Ол», 2010. — 231 с.

Сборник статей В. С. Бочкарева издан к 70-летию автора и включает 33 работы разных лет, часть из которых ныне труднодоступна. Большинство этих работ посвящено исследованию древнего металлопроизводства Восточной Европы, на материалах которого рассмотрены различные аспекты проблемы культурогенеза, его значение в культурно-историческом процессе бронзового века, а также некоторые общие вопросы теории археологии.

Для археологов, культурологов, историков, музееведов, студентов исторических факультетов вузов.

На обложке: бронзовый котел из с. Домашки, Самарской обл. (Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина).

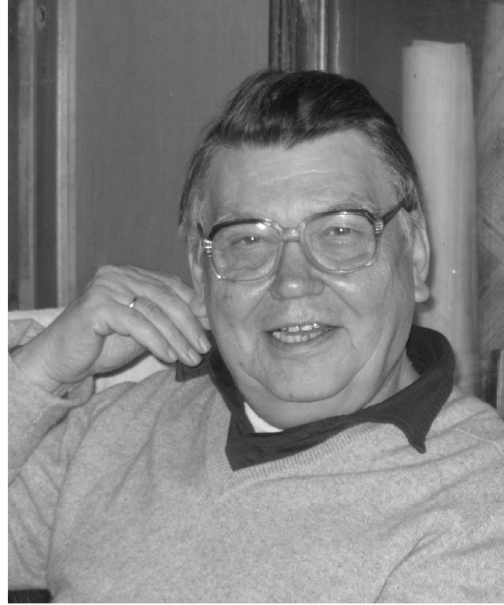
ISBN 978-5-904538-07-1

© Институт истории материальной культуры РАН, 2010
© В. С. Бочкарёв, 2010
© «Инфо Ол», 2010

Содержание

В. Я. Кияшко. Рукописи не горят	5
Список работ В. С. Бочкарёва	9
I. ИСТОРИОГРАФИЯ.....	14
«Система трех веков».....	14
А. А. Спицын и бронзовый век Восточной Европы	21
Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века	24
В. И. Равдоникас и революция в советской археологии.....	26
II. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ	28
К вопросу о системе основных археологических понятий	28
К вопросу о структуре археологического исследования	33
Пространство и время в археологии	35
Теория и методы исследования в археологии	37
Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве (по материалам эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья).....	39
Развитие общества и прогресс систем вооружения (По материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы)	42
Факторы развития металлообрабатывающего производства южной половины Восточной Европы в эпоху поздней бронзы.....	44
Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (По материалам южной половины Восточной Европы).....	45
III. ДРЕВНЕЕ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	52
Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы	52
Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики)	53
Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы.....	59
К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников.....	60
Орнаментация сейминско-турбинских топоров-кельтов.....	80
Царевокурганская коллекция металлических изделий эпохи бронзы.....	86
Волго-Уральский регион в эпоху бронзы	97
Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы.....	119
О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири	123
Знаменская находка	143

Пространственный анализ памятников археологии Нижнего Поволжья (по материалам погребений энеолита — раннего железа).....	148
К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье	156
Новые абсолютные даты для бронзового века Европы	158
Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы.....	159
Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы	164
Металлические булавки с кольцевидной головкой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы	171
«Киммерийские» котлы.....	180
О металлических котлах эпохи поздней бронзы Восточной Европы.....	185
Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр)	209
Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл.	211
Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы	215
Литература	217
Список сокращений.....	231

В. С. Бочкарёв в 1961 и 2009 гг.

Рукописи не горят

«Слова, слова, слова». Узнаете классику?

А ведь прав был принц датский вместе с породившим его Уильямом Шекспиром. Читая — то мы словами и пишем тоже. Причем, содержание зависит не столько от количества использованных слов, сколько от того, как их расставить, вот и вся хитрость.

В книге, которую вы держите, они скомпонованы в сжатые фразы, между которыми, как между блоками пирамид, нельзя протиснуть ни лезвия ножа, ни лишнего знака. Это необычная книга. Здесь собраны тексты, написанные одним человеком на протяжении более четырех десятилетий и разбросанные по разным, в основном малотиражным, изданиям, в результате чего многие превратились в библиографическую редкость. Имя автора — Вадим Сергеевич Бочкарёв, он археолог, живет и работает в Петербурге, в этом году научный мир отмечает его юбилей — 70 лет.

Специалисты узнают научную прозу Бочкарёва, как различают кисть художника, стиль поэта, манеру игры актера, настоящее мастерство всегда индивидуально. Эта проза прозрачна, открыта для критики. В ней нет намеков, недомолвок, размытых определений. Все связано в логические цепочки, звенья которых спаяны ясными примерами, конкретными ссылками.

«Я знаю силу слов, я знаю слов набат» — говорил другой классик, уже советской эпохи, что не помешало ему в другом месте заметить: «...мало ли, что можно в книжке намолоть!» Так в чем же «сила слов» юбиляра, чем отличаются его тексты от привычного, много раз прокрученного фарша иных тезисов и статей? Вряд ли мне удастся дать исчерпывающий ответ, однако, зная автора со студенческих лет, постараюсь.

Основная сфера научных интересов В. С. Бочкарёва — бронзовый век Восточной Европы. Если точнее — металл финальной части этой эпохи во всем многообразии аспектов: технологии, типологии, хронологии, периодизации, развития, группировки, пространственного распределения комплексов и т. д.

— Как, — воскликнут многие, — так узко! А теория, а методика, а обобщения? Действительно, структура исследований, система понятий, предмет и объект, пространство и время — не перечислить ярких, наиболее цитируемых теоретических работ автора. Но я сознательно

пошел на провокацию, поскольку беру на себя смелость утверждать, что замечательные теоретические посылы выросли и оформились под влиянием великолепного всестороннего знания вещевого материала. Равно как успешное решение многих конкретных вопросов культурогенеза опирается на прочный теоретический фундамент. Взаимосвязь двух сторон — залог успешного творчества — таков нехитрый первый из секретов исследовательской прозы юбиляра.

Автор — педагог с многолетним стажем. Его письменные труды не просто многократно прокручены в голове, но проговорены, обкатаны и отточены в лекциях, дискуссиях, просто в общении со студентами, коллегами. У него много учеников, с которыми он щедро делится своими идеями, а передача знаний всегда имеет благодатную обратную связь, служит постоянным катализатором, мотором развития темы. Вот вам вторая составляющая успеха.

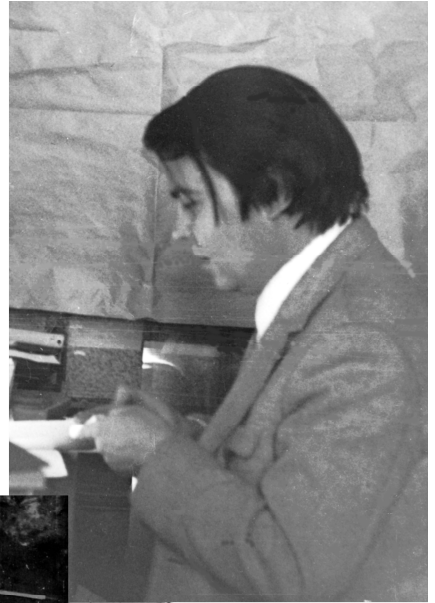
И, наконец, сам Вадим Сергеевич с его увлеченностью, настоящей любовью к своим «кельтикам», «серпикам», «ножичкам», которые выглядывают из многочисленных папок, подмигивают и посмеиваются когда, чертыхаясь, ищет он запропастившийся рисунок, сноску, или не вовремя завалившиеся очки. Но любовь взаимна. И если в глухую полночь исследователь сидит за разложенными таблицами и выписками, он не одинок. С ним его верные друзья, его радости и печали, его творчество.

Годы идут. Истекшее время принесло перемены, сдвинулись датировки, появились новые факты. Но высказанные автором и десять и тридцать лет назад суждения во многом сохраняют значение, интересны и теперь, поскольку лежат на прочном фундаменте добросовестного труда.

Каюсь, что не читал некоторые из его работ, иногда по лени, но часто из-за невозможности достать изданные за тридевять земель тонкие брошюры тезисов, считал, что они потеряны для меня навсегда. Но нет! Стараниями учеников сделано большое дело — собраны воедино эти малые, но дорогие золотники отечественной археологии. Остается только радоваться и желать юбиляру продолжать свою деятельность.

Поистине, рукописи не горят!

В. Я. Кияшко

Вадим Сергеевич Бочкарёв на работе и в жизни

Вадим Сергеевич Бочкарёв на работе и в жизни

Список работ В. С. Бочкарёва

Проблема Бородинского клада // Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР). Проблемы археологии. Л., 1968. Вып. 1. С. 129–154.

Археологические исследования Никопольской экспедиции // АО 1969 года. М., 1970. С. 237–239 (совместно с Л. К. Галаниной и В. П. Шиловым).

К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье // Домашние промыслы и ремесло. Л., 1970. С. 7–10.

Дискуссия о характере ремесленного производства // СА. 1971. № 4. С. 299–305 (совместно с В. И. Распоповой).

Новый клад прикубанских бронз из Ростовской области (Самарский клад) // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 87–91.

Киммерийські казани // Археологія. 1972. № 5. С. 63–68.

Новые открытия Ингульской экспедиции // Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 году. М., 1972. С. 21–23 (совместно с О. Г. Шапошниковой).

Работы Ингульской археологической экспедиции в 1971 г. // Результаты полевых археол. исследований 1970–1971 годов на территории Украины. Одесса, 1972. С. 122–124 (совместно с О. Г. Шапошниковой).

К вопросу о структуре археологического исследования // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973. С. 56–60.

К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 г. Л., 1975. С. 34–42.

Погребения литейщиков эпохи бронзы // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев, 1975. С. 65–68.

Шапошникова О. Г., Бочкарёв В. С., Шарфутдинова И. Н. О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингуля. Киев, 1977. С. 7–36.

Бочкарёв В. С., Бианки А. М., Державин В. Л. Раскопки курганного могильника Веселая Роща 1 // АО 1976 года. М., 1977. С. 88.

Массон В. М., Бочкарёв В. С. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 36–43.

О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом // Научные труды Куйбышевского педагогического института. Куйбышев, 1978. Т. 221. С. 23–26 (совместно с А. М. Лесковым).

Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Сборник статей в память профессора М. И. Артамонова. Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 48–52.

Работы Прикубанской экспедиции // АО 1978 года. М., 1979. С. 115–116 (совместно с В. А. Трифоновым, Э. С. Шарафутдиновой, Г. Н. Бестужевым, А. М. Бианки, О. Р. Дубовской).

Работы Кубанской экспедиции // АО 1979 года. М., 1980. С. 97–98 (совместно с А. Д. Резепкиным).

Пространство и время в археологии // Методика археологических исследований и закономерности развития древних обществ. Ашхабад, 1980. С. 13–17 (совместно с В. А. Трифоновым).

Jüng- und Spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzermeer gebiet // Prähistorische Bronzefunde. München, 1980. Abteilung 19. Band 1. 97 s., 22 Taff. (совместно с А. М. Leskov).

Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Материалы методологического семинара Ленинградского отделения Института археологии. Л., 1981. С. 22–27.

Hroby kovoliticů doby bronzové // J. Malina. Archeologie včera a dneš. Brno, 1981. S. 103–110.

K otázce systému základních archeologických // J. Malina. Archeologie včera a dneš. Brno, 1981. S. 205–214.

Развитие общества и прогресс в системе вооружений (По материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы) // Культурный прогресс в эпоху поздней бронзы и раннего железа (20–24 октября 1982 г.). Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума, посвященного 60-летию образования СССР. Ереван, 1982. С. 19–22.

Работы Кубанской экспедиции // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л., 1983. С. 11–13 (совместно с Э. С. Шарафутдиновой, А. Д. Резепкиным, В. А. Трифоновым, Г. Н. Бестужевым).

Работы Кубанской экспедиции в 1978–1980 годы // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 82–88 (совместно с Э. С. Шарафутдиновой, А. Д. Резепкиным, В. А. Трифоновым, Г. Н. Бестужевым).

К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986. Вып. 3. С. 78–111.

Работы Кубанской экспедиции в 1985–1986 годы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 50–52 (совместно с Э. С. Шарафутдиновой, А. Д. Резепкиным, В. А. Трифоновым, Г. Н. Бестужевым).

Отклик на статью Башилова В. А., Лоне Э. Н. «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии» // СА. № 1, 1988. С. 226–228 (совместно с Г. П. Григорьевым).

Классификация в археологии: Терминологический словарь-справочник. М., 1990. 156 с. (совместно с Е. М. Колпаковым, А. А. Ковалёвым и др.).

Факторы развития металлообрабатывающего производства Южной половины Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Краткие тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. А. Латынина. Л., 1990. С. 4–5.

Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб, 1991. С. 24–27.

Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 году // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 3–58 (совместно с Э. С. Шарафутдиновой, В. А. Трифоновым, Г. Н. Бестужевым).

Новые абсолютные даты для бронзового века Европы // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб, 1992. С. 21–23.

Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб, 1993. С. 42–43.

Культурогенез и развитие металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы // Динамика культурных традиций. Механизм передачи и формы адаптации. СПб, 1993. С. 20–21.

В. И. Равдоникас и революция в советской археологии // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб, 1994. С. 13–15.

Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Культурные традиции и исторический процесс (палеолит — средневековье). Тематический сборник научных статей. СПб, 1994. С. 66–75.

Орнаментация сейминско-турбинских топоров-кельтов // Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память профессора В. И. Равдоникаса. Проблемы археологии. Л., 1994. Вып. 3. С. 92–102.

Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции 21–25 августа 1995 года. Саратов; СПб, 1995. С. 18–29.

Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (По материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1995. С. 114–123.

Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой (Кавказ в IV–I тыс. до н. э.). СПб, 1996. С. 96–97.

Источниковедение // Программы методических курсов по археологии. СПб, 2000. С. 3–8.

Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». 23–28 апреля 2001 г. Самара, 2001. С. 8–10.

Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар. Т. 1, Казань, 2002. С. 46–68.

Европейские votivные клады эпохи бронзы // Ладога и Северная Евразия от Балтики до Ла-Манша. Связующие пути и организация цепи. СПб, 2002. С. 57–66.

Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб, 2002. Кн. I. С. 113–118.

Проблемы интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб, 2002. С. 45–54.

Проблемы хронологии в археологии эпохи бронзы Восточной Европы // Программы специальных курсов по археологии. СПб, 2002. С. 53–54.

Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002. 346 с. (совместно с В. А. Дергачёвым).

Металлические серпы и серповидные орудия позднего бронзового века // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. М., 2003. Ч. 1. С. 120–122 (совместно с В. А. Дергачёвым).

Металлические изделия эпохи бронзы из историко-краеведческого музея г. Бендеры // *Stratum plus*. 2001/2002 (2003). № 2. С. 592–594 (совместно с З. С. Шинкаренко).

Бочкарёв В. С., Царевокурганская коллекция металлических изделий эпохи бронзы // Царев курган. Самара, 2003. С. 60–81 (совместно с П. Ф. Кузнецовым).

О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб, 2004. С. 385–408.

Пространственный анализ памятников археологии Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Волгоград, 2006. Вып. 4. С. 58–66 (совместно с М. Б. Рысиным).

Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. СПб, 2006. С. 53–64.

Знаменская находка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 245–252.

К хронологии памятников Прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и со-

предельных территорий. (Юбилейные 25 «Крупновские» чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 64–70 (совместно с А. Л. Пелих).

Secerile de metal din epoca bronzului târziu din Europa de Est / Bibliotheca Archaeologica Moldaviae. Iași, 2008. No. 5. 540 p. (совместно с V. Dergačev).

А. А. Спицын и бронзовый век Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7. С. 247–250.

Металлические булавки с кольцевидной головкой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы // С. Н. Бибиков и первобытная археология. СПб, 2009. С. 357–365.

«Система трех веков» // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Сборник статей к 80-летию Вадима Михайловича Массона. СПб, 2009. С. 87–101.

Погребения средневековых кочевников в Степном Прикубанье // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2009. С. 127–144 (совместно с В. Н. Чхаидзе).

І. ИСТОРИОГРАФИЯ

«Система трех веков»¹

Археологические знания имеют чрезвычайно длительную историю. Они зародились еще в те далекие бесписьменные времена, когда люди впервые столкнулись с ископаемыми древностями и попытались их объяснить. Впоследствии интерес к этим загадочным и необъяснимо привлекательным предметам, находимым в земле, медленно, но неуклонно возрастал. Их начали собирать, коллекционировать и даже целенаправленно раскапывать. К началу 18 века в европейских хранилищах скопились уже целые собрания таких древностей. Но как самостоятельная отрасль знаний, как отдельная наука археология возникла совсем недавно. На мой взгляд, можно точно указать время и место ее рождения — 1836 г., Дания. В этом году куратор Национального музея в Копенгагене К. Томсен опубликовал свой знаменитый «Путеводитель по северным древностям» (рис. 1 и 2). В нем была изложена так называемая система трех веков, которая спустя некоторое время приобрела статус универсальной археологической периодизации. Как теперь совершенно ясно, это была первая фундаментальная концепция археологии, которая и превратила ее в настоящую науку. Она давала общее, хотя и одностороннее представление о развитии культуры, и что особенно важно, — с ее помощью удавалось рассортировать ископаемые артефакты по временным стадиям. Иными словами, она была первой всеобъемлющей схемой относительной хронологии археологического материала. Ее появление явилось важнейшим шагом в становлении новой науки. Без собственной концепции времени дальнейшее развитие археологии было бы невозможным. Поэтому в историографической литературе она получила самые высокие оценки (Daniel 1943; Graslund 1987). Ее называли краеугольным камнем археологии, самым полезным археологическим инструментом и т. д. Уже в наше время К. Ренфрю и П. Бан заявили, что система трех веков, наряду с принципами эволюционизма и верой в глубокую древность человеческого рода, стала концептуальной основой современной археологии (Renfrew, Bahn 1991: 22–23).

В литературе иногда встречается мнение, что эта система возникла в результате простого приложения идей древнеримского философа Лукреция Кара к скандинавским древностям (Монгайт 1973: 16). Это неверно. В нескольких специальных работах было доказано, что К. Томсен разработал оригинальную концепцию и убедительно ее обосновал (Klindt-Jensen 1975: 50–53; Генинг, Левченко 1995: 37–41). Прежде всего, отметим, что ею он начал заниматься еще в 1820-е гг. и только спустя полтора десятка лет пришел к окончательным выводам.

Первоначально он попытался сгруппировать артефакты по их функциям. Но это не принесло ожидаемых результатов. Постепенно им было осознано, что их следует рассматривать в контексте, то есть по комплексам (Klindt-Jensen 1975: 52). Анализируя составы комплексов (это были инвентари погребений и клады), К. Томсен разделил их на три группы. В первую вошли комплексы, в которых были изделия только из камня, во вторую — из бронзы и иногда из камня, в третью — из железа и иногда из бронзы. По мнению К. Томсена, эти группы имели хронологическое значение. Он их последовательно расположил во времени: первую отнес к каменному веку, вторую — бронзовому, и третью — к железному. При этом он, вероятнее всего, руководствовался скорее идеей прогресса, столь популярной в век Просвещения, нежели взглядами Лукреция Кара. Несомненно, что в расчет также принимались данные о состоянии культуры так называемых примитивных народов Африки, Азии и Америки.

¹ Опубликовано: Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Сборник статей к 80-летию Вадима Михайловича Массона. СПб, 2009. С. 87–101.

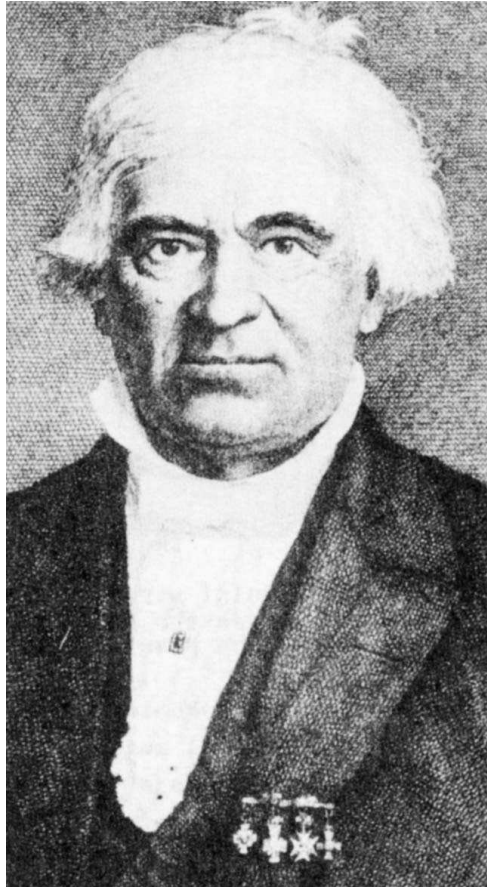

Рис. 1. Кристиан Юргенсен Томсен (1788–1865)

Таким образом, к своим выводам К. Томсен пришел через анализ конкретных материалов. Результаты этого анализа им были интерпретированы в духе теоретических воззрений, которые преобладали в науке того времени. Метод, которым пользовался К. Томсен, и сегодня широко применяется в археологии. С его помощью в замкнутых комплексах выявляются устойчивые сочетания различных артефактов, признаков, типов и т. д. В итоге можно сказать, что с методической точки зрения система трех веков была обоснована очень хорошо. Она действительно являлась полноценной научной концепцией.

Как это нередко бывает с крупными открытиями, «система трех веков» не сразу получила признание. В 1837 г. «Путеводитель...» Томсена был опубликован на немецком языке (рис. 3), а в 1848 г. — на английском. С этого времени взгляды К. Томсена стали известны далеко за пределами Дании. Сначала, часть историков их просто проигнорировала, а другая отнеслась к ним скептически. В лучшем случае признавалось, что «система трех веков» может быть полезной схемой, но только для Скандинавии. К счастью, у нее нашлись и горячие сторонники. Среди них особо следует выделить знаменитого датского археолога И. Я. Ворсо, ученика и преемника К. Томсена по Национальному музею. Во многом благодаря его трудам «система трех веков» стала широко известна и популярна в научных кругах. Поэтому вполне справедливо, что в числе ее авторов иногда называют имя самого И. Я. Ворсо. Он собрал новые и убедительные аргументы в пользу достоверности этой системы. Среди них особенно ценными были данные стратиграфии, которые И. Я. Ворсо получил при раскопках датских курганов и торфяников. Свои наблюдения и материалы он опубликовал в нескольких книгах, одна из которых была в 1861 г. переведена на русский язык (Генинг, Левченко 1995: 21).

Ledetræd

til

Nordisk Oldkyndighed,

udgivet

af

det kongelige

Nordiske Oldskrift-Selskab.

Kjøbenhavn.

Trykt i G. E. Møllers Bogtrykkeri.

1836.

Рис. 2. Титульный лист первого издания
«Путеводителя по северным древностям». Копенгаген, 1836 г.

С течением времени появлялись все новые и новые факты, подтверждающие правильность концепции К. Томсена. В основном их, конечно, поставляла археология. Но свою лепту также внесли сравнительная этнография, антропология и некоторые другие гуманитарные науки. Кроме того, был еще один фактор, который чрезвычайно сильно способствовал утверждению в науке «системы трех веков» — ее способность к саморазвитию. Оказалось, что потенциал этой системы далеко еще не исчерпан. Она развивалась вместе с археологией. В 1866 г. Д. Леббок разделил каменный век на палеолит и неолит. В 1860–1870 гг. Г. Мортилье разработал подробную периодизацию палеолита. В 1876 г. на Международном конгрессе по археологии и антропологии в Будапеште венгерский археолог Ф. Пульский объявил об открытии новой эпохи — энеолита. Энеолит занял место между каменным и бронзовым веками. Наконец, в 1893 г. А. Браун предложил выделить еще одну эпоху — мезолит.

Таким образом, к началу XX столетия «система трех веков» превратилась в шестиступенчатую схему. По сравнению с первоначальным вариантом число ее подразделений удвоилось. К трем томсеновским векам добавились эпохи мезолита, неолита и энеолита. Благодаря их открытию, система приобрела более законченный вид и в таком состоянии сохранилась до наших дней. Но как не странно, ни тогда, ни позже, вплоть до середины 40-х гг. XX в., не были понятны критерии этой периодизации. Обычно писали (и до сих пор пишут), что разделение на

эпохи (века) производилось по материалу ведущих категорий изделий и технике их изготовления (Равдоникас 1939: 41; Канторович, Кузьминых 2006: 10–11). Это мнение оказалось поверхностным. В своей знаменитой работе «Археологические века как технологические стадии» Г. Чайлд убедительно показал, что за сменой материалов и техники стояли более глубокие и масштабные изменения — технологические (Childe 1944: 1–19). Стало окончательно ясно, что в основании системы лежит технологический принцип.

Возвращаясь в начало XX века, отмечу, что это было время торжества концепции К. Томсена. Многие археологи воспринимали ее уже как аксиому. Она вошла в школьные учебники и художественную литературу. Но тогда же поднялась новая волна ее критики. Примечательно, что ей оппонировали люди, которые в науке часто занимали совершенно разные идейные позиции. Все они сомневались в универсальном характере системы, ее способности дать адекватное представление о развитии материальной культуры и т. д. В частности указывалось, что эпохи (века) по длительности и культурно-историческому содержанию не равноценны друг другу, что между ними трудно провести четкие грани и т. д. (Аникович 1992: 85–94). Действительно, такие проблемы существовали и некоторые из них не разрешены до сих пор (Мерперт 1981: 4–20). В целом, все претензии к системе К. Томсена сводились к тому, что она устарела и не отвечает насущным потребностям археологии. Такие упреки звучали неоднократно. В английском археологическом словаре, изданном в 1970 г. и переведенном в 1990 г. на русский язык, о ней сказано: «Система постепенно изживает себя и, несомненно, будет заменена, как только будет предложена лучшая, и археологи смогут отказаться от привычной терминологии» (Брей, Трамп 1990: 250). Этот, как и другие пессимистические прогнозы, пока не оправдался. Она все еще остается востребованной (Захарук 1988: 54). Более того, система продолжает развиваться, хотя и не столь бурными темпами, как во второй половине XIX века. К числу ее новейших достижений следует относить уточнение периодизации целой серии евразийских памятников эпох энеолита и бронзы (Черных 1978б: 53–81; Mohen 1990; Бочкарёв 2006: 54). Они стали возможны благодаря широким металлографическим и особенно спектральным исследованиям металла эпох меди и бронзы (Тавадзе, Сакварелидзе 1959; Черных 1970; 1978а; Черных, Кузьминых 1989; Рындина 1998; Junghans, Sangmeister, Schröder 1974).

В связи со всем сказанным невольно возникает вопрос, в чем же состоит секрет живучести этой системы? Почему она продолжает исправно функционировать вот уже 170 лет, хотя сама археология за это время изменилась до неузнаваемости? В литературе называют разные причины ее долголетия. В частности указывают, что она очень проста в использовании и в целом адекватна характеру археологического материала (Клейн 2000: 510–511). Это правильно. Можно назвать и другие ее достоинства. Но, на мой взгляд, эта система добилась успеха главным образом потому, что в ее основу был положен технологический принцип. Смена технологий как основной критерий периодизации выбрана исключительно точно. Дело в том, что технология в отличие от других культуuroобразующих элементов оказалась необратимой во времени. Конечно, речь идет не о всей техносфере, а только о ее самой передовой на то время отрасли, такой, например, как технология металлопроизводства. Она могла развиваться быстро или медленно, временами впадать в стагнацию, но никогда не обращалась вспять. Такой характер ее развития доказывается всей суммой археологических знаний. Повсюду, во всех частях ойкумены, эпохи идут в той последовательности, которую установила периодизация К. Томсена. Неизвестен ни один достоверный случай, чтобы где-нибудь мезолит сменялся палеолитом, неолит — мезолитом, энеолит — неолитом и т. д. Правда, на большей части территории Африки и в полярных областях Евразии неизвестны памятники энеолита и бронзового века. Но эти исключения не нарушают общего правила системы, так как и в этих случаях нижестоящие и вышестоящие эпохи местами не меняются.

Между тем, другие компоненты культуры периодически бывают подвержены деволюции. В этом отношении чрезвычайно показателен пример послемикенской Греции. В так называ-

Zeitfaden

.zur

Nordischen Alterthumskunde,

herausgegeben

von

der königlichen

Gesellschaft für Nordische Alterthumskunde.

Kopenhagen:

Im Secretariat der Gesellschaft;
Hamburg, Perthes, Besser & Mauke; St. Petersburg, Graef
Gedruckt bei Bianco Luno & Schneider.

1837.

Рис. 3. Титульный лист немецкого переиздания 1837 г.
книги К. Томсена «Путеводитель по северным древностям»

емые темные века в Греции исчезают все основные признаки цивилизации: письменность, города, государства. Вот что писал по этому поводу один из ведущих специалистов по древнегреческой истории Ю. В. Андреев: «Если попытаться экстраполировать все эти симптомы культурного упадка и регресса в недоступную нашему непосредственному наблюдению сферу социально-экономических отношений, мы почти наверняка должны будем признать, что в XII–XI вв. до н. э. греческое общество было отброшено далеко назад, на стадию первобытнообщинного строя и, по существу, снова вернулась к той исходной черте, с которой когда-то (в XVII столетии) началось становление микенской цивилизации» (Андреев 1985: 16). Далее, обобщая свои наблюдения, он заявил: «В принципе феномен возвращения вспять, с более высокой ступени на более низкую, хотя и встречается в истории человечества сравнительно редко, не включает в себе чего-то невозможного» (Андреев 1985: 18).

С этими выводами Ю. В. Андреева можно согласиться. Следует лишь подчеркнуть, что деволюция не была уж столь редким явлением, как многим кажется. Можно даже утверждать, что в истории она встречается регулярно, хотя, конечно, далеко не всегда носила столь катастрофический характер, как «послемикенский регресс». Особенно широко это явление, видимо, было распространено в древнейшей истории, когда новые общественные структуры находились только в стадии становления и под воздействием разных факторов могли сравнительно легко

деградировать. Поэтому археология, пожалуй, чаще, чем другие гуманитарные науки сталкивается с этим феноменом. Ниже я приведу два ярких примера деволюции, которые, на мой взгляд, хорошо фиксируются археологическими материалами.

Начну с майкопской культуры эпохи ранней бронзы (Мунчаев 1994: 158–225; Корневский 2004). На Северном Кавказе она появилась в начале IV тыс. до н. э. Согласно авторитетному мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей «майкопское» население пришло из Восточной Анатолии. Мигранты принесли с собой очень высокую культуру своей родины. В предгорной зоне Северного Кавказа они создали своего рода анклав древневосточной цивилизации. В древнейшей истории Северной Евразии это было уникальное событие. В варварской среде вдруг оказался фрагмент совсем другого мира. По уровню своего развития майкопская культура в то время не имела себе равных не только на Кавказе, но и во всей Европе. Достаточно сказать, что часть ее керамики была уже изготовлена с помощью гончарного круга. Она имела очень большой и разнообразный ассортимент металлических предметов, включая сосуды из золота и серебра. В состав ее инвентаря входили также высокохудожественные изделия, выполненные в особой стилистической манере. Наконец, следует назвать знаменитые майкопские курганы, которые нередко относят к разряду княжеских или даже царских усыпальниц. Их высота достигает 8–10 м, а погребальный инвентарь поражает необычайным для того времени богатством.

Эта культура просуществовала почти все IV тыс. до н. э. Она оказала огромное влияние на все соседние народы и особенно те, которые граничили с ней на севере. Благодаря майкопскому импульсу значительно ускорилось развитие степных культур, и они во многом опередили другие европейские культуры. Что касается самой майкопской культуры, то она как-то тихо и незаметно завершила свое существование.

Ее сменили северокавказская и дольменная культуры, которые относятся уже к эпохе средней бронзы. Они почти во всем уступают «майкопу»: вся керамика становится лепной и грубой, очень значительно сужается набор металлических изделий, исчезают большие курганы и вместе с ними «княжеские» погребения и т. д. Уровень их развития по сравнению с «майкопом» некоторым исследователям показался столь низким, что они усомнились в достоверности хронологии всех этих культур. По их мнению, значительная часть майкопских древностей следовало бы датировать рубежом II и I тыс. до н. э., то есть самым концом эпохи поздней бронзы (Деген-Ковалевский 1939; Артамонов 1948: 167–182). Иными словами, они предлагали поменять места «майкоп» и культуры эпохи средней бронзы. Эти предложения были решительно отвергнуты А. А. Иессеном, который доказал глубокую древность майкопской культуры (Иессен 1950).

То, что произошло на Северном Кавказе в постмайкопское время ничем иным, чем деволюция назвать нельзя. Здесь отсутствуют какие-либо достоверные сведения о значительной смене населения или о большом временном интервале между культурами ранней и средней бронзы. Напротив, в этих культурах фиксируются некоторые черты преемственности. Особенно хорошо они заметны в металлообработке. Вместе с тем на всем лежит печать регресса и деградации, что и позволяет говорить об откате назад в культурной и социальной сферах в эпоху средней бронзы.

Следующий пример переносит нас с Кавказа на Северо-Восток Европы — в Поволжье и на Южный Урал. В начале II тыс. до н. э. здесь сформировался новый очаг культурогенеза, который получил название Волго-Уральского. Он стал основным генератором всех тех крупных новаций, которые определили характерные черты эпохи поздней бронзы на значительной части Северной Евразии — от Иртыша до Днепра (Бочкарёв 1991; 1995б). В его среде возникла целая свита новых культур, сформировалась так называемая андроновская модель скотоводства, зародились или получили дальнейшее развитие передовые для того времени технологии металлопроизводства, было изобретено самое грозное оружие той эпохи (конные колесницы), развились предгосударственные формы организации общества (вождества). В целом с этим очагом и,

особенно, с начальным этапом его развития связан значительный подъем экономики и культуры волго-уральского населения, мощный всплеск его социальной и военной активности. Но постепенно, начиная примерно со второй четверти II тыс. до н. э., он клонится к упадку и к концу этого тысячелетия окончательно угасает.

Одними из самых развитых структур волго-уральского очага были синташтинская и петровская культуры, которые датируются первой четвертью II тыс. до н. э. (Зданович 1988; Зданович, Батанина 2007; Ткачѐв 2007; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю 2005: 92–102). В Южном Зауралье первая из них непосредственно предшествовала второй. Ареал синташтинской культуры охватывал Южное Зауралье и Южное Приуралье, а петровской был несколько шире — он простирался на территорию Северного и Западного Казахстана. Эти культуры выделяются своими богатыми могильниками, укрепленными поселениями и большим и разнообразным набором металлических изделий. Привлекает внимание погребения с остатками колесниц, парными захоронениями лошадей, роговыми псалями и оружием. В литературе такого рода памятники рассматриваются как надежный признак того, что в обществе уже выделилась военная знать, а само оно достигло достаточно высокой степени дифференциации (Массон 1976: 149–176; Kristiansen 2002: 75, 413–415). Относительно «синташты» и «петровки» этот вывод подкрепляется еще и тем, что в обеих культурах открыты городища. Особенно интересны синташтинские укрепленные поселения. Они имеют мощные оборонительные сооружения (рвы, валы, стены) и продуманную инфраструктуру. Но больше всего поражает их планировка. Она имеет сложный и удивительно регулярный характер. Судя по ней, каждое синташтинское городище возводилось по единому плану и под руководством одного лидера, в руках которого были сосредоточены значительная власть и материальные ресурсы. Вполне вероятно, что эти городища и были резиденциями таких лидеров (Бочкарѐв 2002а: 64–65). По информации Г. Б. Здановича, в синташтинской культуре были также небольшие открытые селища (Зданович 1999: 42). В этом случае можно говорить о двухуровневой иерархии поселений. Верхнюю ступень занимали городища, а нижнюю — мелкие селища. Такого рода поселенческая структура обычно указывает на весьма значительную централизацию экономической и политической власти. Наконец, следует сказать, что обе культуры имели развитую металлообработку, которой занимались профессиональные кузнецы и литейщики. Они делали разнообразные изделия: наконечники копий и стрел, проушные топоры, тесла, долота, серпы, разнообразные украшения и т. д. Кроме меди и бронзы, иногда также использовалась серебро и золото. Основными заказчиками этой продукции, очевидно, были представители колесничьей аристократии.

Суммируя эти данные, исследователи обычно заключают, что в социологическом отношении синташтинское и петровское общества больше всего напоминают вожества (Masson 1998: 23–26; Бочкарѐв 2002а: 65–67; Епимахов 2005). Все основные признаки этой организации (социальное ранжирование, ремесленная специализация, укрепленные центры, монументальные сооружения и т. д.), так или иначе, представлены в синташтинских и петровских материалах.

Но следует особо подчеркнуть, что в петровской культуре эти признаки выражены несколько слабее, чем в синташтинской. В следующей по времени алакульской культуре они едва заметны, а впоследствии почти полностью исчезают. Казалось бы, все должно быть наоборот. Но здесь культуры, более молодые по возрасту, в социальном отношении выглядят более архаичными, чем их предшественницы. Этот парадокс можно объяснить только феноменом деволюции. На мой взгляд, социальный регресс в поздних культурах вызван упадком и деградацией колесничьей аристократии. Археологические признаки ее существования почти полностью исчезают уже в алакульской культуре, хотя между «алакулем» и «петровкой» сохраняется очень высокая степень культурной преемственности. Такой же ход социального развития реконструируется в Приуралье, Поволжье и в Среднем Подонье, то есть во всех основных областях волго-уральского очага культурогенеза. Таким образом, упадок этого очага также можно связывать с социальной деградацией его военной элиты.

Очевидно, во всех трех случаях причины, масштабы и последствия деволюции были разными. Отличает их и многое другое. Но есть у них одна общая черта, которая для нашей темы является особенно интересной. Оказывается, что деволюция культуры нигде полностью не останавливает технологический прогресс в металлопроизводстве. Так, в Греции как раз во времена «темных веков» началось производство железа, и страна вступила в новую технологическую эру. На Северном Кавказе в эпоху средней бронзы, несмотря на общий спад по сравнению с предшествующим временем металлообработка продолжала развиваться. К числу важных технологических достижений этого времени следует относить разработку новой и более совершенной схемы литья проушных топоров (Черных 1978а: 135–139), а также ковку изделий со слепой втулкой. В Южном Зауралье социальный регресс серьезно не повлиял на металлопроизводство. Продолжалось распространение новых технологических стандартов эпохи поздней бронзы (оловянные бронзы, каменные литейные формы, литье изделий со слепой втулкой) (Бочкарёв 2006: 54).

Итак, судя по этим материалам, даже в экстремальных условиях деволюции культуры технология металлопроизводства продолжала развиваться. Иногда благодаря именно кризису она делала крупный шаг вперед. Именно так случилось в послемикенской Греции. Если взглянуть шире и привлечь большее количество фактов, то можно заключить, что технологический прогресс мог протекать в разном темпе, временами он мог вообще приостанавливаться. Но нет данных, что развитие технологии где-нибудь и когда-нибудь обращалось вспять. То же самое можно сказать о технологии обработки камня и железа. Это качество и сделало ее незаменимым критерием периодизации археологического материала.

В заключение следует сказать, что история системы «трех веков» еще очень далека от своего завершения. Эта система продолжает функционировать в современной археологии и совершенствуется вместе с ней. Недавние открытия в разных частях мира новых археологических памятников, «радиоуглеродная революция», новые теоретические воззрения выдвинули перед ней очередные задачи. Очевидно, все это будет стимулировать ее дальнейшее развитие.

А. А. Спицын и бронзовый век Восточной Европы²

Научное наследие А. А. Спицына поражает своим богатством и разнообразием. Он оставил нам свыше 300 печатных работ и огромный рукописный архив. Судя по этим материалам, в археологии его интересовало решительно все: раскопки и разведки, учет и хранение находок, их культурно-историческая интерпретация и многое-многое другое. Но подлинной страстью А. А. Спицына все же были сами ископаемые древности. По свидетельству академика С. А. Жебелёва, к ним он относился «...с особой отеческой любовью, с особым захватывающим интересом» (Жебелёв 1948: 10). Эта любовь неволью передавалась окружающим и особенно его ученикам. Кажется, что древностями А. А. Спицын готов был заниматься круглосуточно. В действительности так почти оно и было. Но, судя по всему, А. А. Спицыну были совершенно чужды фанатизм и одержимость, свойственные некоторым любителям старины и коллекционерам. Археологией он занимался как подлинный профессионал. В археологическом материале А. А. Спицын видел прежде всего источник познания прошлого. Хорошо известны его высокие требования к методике раскопок и составлению научных отчетов. Сам он тщательно и неторопливо подбирал факты для своих работ, а его выводы отличались сдержанностью. А. А. Спицын, видимо, был убежден, что для широких и твердых обобщений время в нашей науке еще не пришло. В целом, можно сказать, что пылкая, романтическая любовь к прошлому сочеталась у А. А. Спицына с научной основательностью и осторожностью в оценках этого прошлого. Возможно, в этом и заключался секрет обаяния его личности.

² Опубликовано: Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7. С. 247–250.

Конечно, А. А. Спицын с его универсальным интересом к археологии не мог пройти мимо памятников бронзового века. Как раз в те годы, когда он занялся археологией, сведения о них все в большем количестве начали проникать в специальную литературу. Тогда же развернулись сравнительно большие исследования поселений и особенно могильников бронзового века. Это были новые и во многом загадочные материалы. И как таковые они привлекли пристальное внимание А. А. Спицына. Он начал их изучать еще в вятский период своей жизни и продолжал это делать до конца своих дней. В 1928 году, подводя некоторые итоги своей научной деятельности, он скромно констатировал «...для медного века мною сделано, к моему удовольствию, не мало» (Спицын 1928: 334). В действительности, было сделано так много, что А. А. Спицын наряду с В. А. Городцовым и А. В. Гальгреном может считаться основоположником современной концепции бронзового века Восточной Европы.

Работы А. А. Спицына по тематике бронзового века многочисленны и разнообразны. Для удобства их рассмотрения они могут быть разделены на три условные группы. В первую из них вошли его полевые изыскания. Надо отметить, что А. А. Спицын копал регулярно и в самых различных регионах Восточной Европы: в Волго-Вятском крае, в Нижнем Поволжье, на Дону, в Поднепровье, на Северо-Западе России и т. д. Ему удалось открыть новые памятники ямной, трипольской, среднеднепровской, покровской, срубной и ряда других культур. Эти раскопки обогатили фонд источников бронзового века, а самому А. А. Спицыну дали незаменимый опыт полевых исследований погребений с так называемыми скорченными и окрашенными костяками.

Вторую группу работ А. А. Спицына составили его многочисленные публикации новых материалов. Регулярно, из года в год, практически в каждом выпуске ИАК он печатал сведения о новых находках эпохи бронзы из разных уголков Российской империи (Спицын 1909). Чаще всего это были рисунки или фотографии отдельных предметов, снабженных аннотациями. Но иногда он делал более пространственные и систематические обзоры по отдельным регионам. В этой связи упомяну его такие работы, как «Медный век Верхнего Поволжья» (Спицын 1903б: 77–93), «Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России» (Спицын 1905: 73–82), «Саратовские стоянки медного века» (Спицын 1923: 32–38). Особо нужно выделить публикации А. А. Спицына таких своего рода ключевых памятников бронзового века Восточной Европы, как Галичский и Сосновомазинскийклады (Спицын 1903а: 104–110).

Некоторые из этих работ актуальны и по сей день, так как являются единственными источниками наших знаний о тех или иных находках бронзового века. Дело в том, что в советское время эти находки по разным причинам были утеряны, депортированы или просто бесследно исчезли. Приходится только сожалеть, что А. А. Спицын опубликовал лишь маленькую толику известных ему материалов. Правда, в какой-то степени этот пробел восполняет картотека А. А. Спицына, его знаменитые «корочки» (Бич 1948: 21–22). В них собраны сведения о тех многочисленных материалах, которые довелось видеть А. А. Спицыну в ИАК, музеях, частных коллекциях и на раскопках. Их он фиксировал в форме эскизных рисунков небольшого размера. Тем не менее с типологической точки зрения эти рисунки весьма точны. Во всяком случае без особого труда удастся опознать типы изображенных вещей. Иногда гораздо сложнее бывает расшифровать подрисовочные подписи к ним, также сделанные рукой А. А. Спицына. В целом, эти рисунки могут считаться вполне достоверными источниками. Поэтому было бы желательно издать «корочки» Спицына в том виде, как они хранятся в его архиве. Несомненно, что это издание вызвало бы интерес у специалистов.

Третью группу работ А. А. Спицына составляют его аналитические статьи. Для современной критики это наиболее уязвимая часть его научного наследия. Действительно, сейчас многие положения и выводы А. А. Спицына кажутся безнадежно устаревшими. Однако надо иметь в виду, что в свое время некоторые из них сыграли очень большую положительную роль. Ведь своевременная и правильная постановка вопроса нередко бывает не менее значима, чем

само решение этого вопроса. Более того, даже ложная посылка, если она затрагивает существо дела, также может привести к истине. Поэтому научные взгляды А. А. Спицына, как и других ученых прошлого, следует оценивать исторически.

Когда в конце XIX в. А. А. Спицын занялся древностями бронзового века, в нашей литературе не было каких-либо определенных представлений о самом этом времени. Некоторые авторы даже сомневались в факте существования такой эпохи на территории Восточной Европы. А. А. Спицын одним из первых твердо заявил, что здесь эта эпоха была. Правда, долгое время он предпочитал называть ее медным веком, так как, по его мнению, тогда большинство металлических изделий производилось еще из меди. Он был убежден, что эпоха раннего металла в Восточной Европе продолжалась долго и в своем развитии прошла несколько этапов. Поэтому он предложил ее разделить на три периода: старший, младший и средний. Следует подчеркнуть, что в нашей литературе это была первая попытка периодизации памятников бронзового века Восточной Европы. Впоследствии эта схема была им заметно изменена.

Большое значение А. А. Спицын также придавал выявлению и изучению территориальных групп памятников эпохи меди–бронзы. Как справедливо отметили С. В. Кузьминых и И. Е. Сафонов, он один из первых в нашей археологии начал широко использовать картографический метод. В этой связи примечательны как по названию, так и по содержанию такие его работы, как «Карты бронзового века Восточной Европы» (Спицын 1928: 77–84) или «Расселение древне-русских племен по археологическим данным» (Спицын 1899б: 301–340). Занятия археологическим и этническим картографированием, вероятно, способствовало тому, что А. А. Спицын легко и свободно воспринял такое новое и сложное по тем временам понятие, как археологическая культура. Одним из первых он начал использовать этот термин и писать о памятниках трипольской и фатьяновской культур, о культуре скорченных и окрашенных костяков и культуре Сеймы. Он также пытался сконструировать новые культуры бронзового века, например, коршиновскую.

Наконец, отмечу еще одну заслугу А. А. Спицына перед отечественной археологией. Мне кажется, что он один из первых в нашей науке понял, какое огромное познавательное значение имеет классификация археологических материалов. В этом отношении он был полностью солидарен с В. А. Городцовым. Смысл ряда его работ по эпохе бронзы только в том и заключается, чтобы типологически упорядочить накопленный к тому времени материал. В подтверждении этого тезиса сошлюсь только на одну его большую статью, изданную в 1898 г. и названную «Курганы с окрашенными костяками» (Спицын 1899а: 53–133). Она целиком посвящена классификации южнорусских погребений эпохи бронзы и распределению их по нескольким территориальным группам. В сущности и вся картотека А. А. Спицына представляет собой ни что иное, как грандиозную попытку систематизации ископаемых древностей на территории Российской Империи. Этот опыт зря не пропал. Так или иначе он был воспринят учениками и последователями А. А. Спицына, а сама идея классификации, несмотря на все идеологические препятствия, пробилась себе дорогу в нашей науке и особенно в археологии энеолита и бронзы.

В заключение я хочу сказать следующее. После кончины А. А. Спицына прошло без малого 80 лет. За это время археология неузнаваемо изменилась. Она сделала гигантский шаг вперед. Но А. А. Спицын продолжает восприниматься как один из современных действующих археологов.

Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века³

Создание периодизации восточноевропейских памятников эпохи бронзы является одним из самых крупных достижений отечественной археологии прошлого века. Ее основы были заложены В. А. Городцовым в процессе его классических исследований изюмских курганов в 1901 г.

Раскопками этих курганов В. А. Городцов занялся по поручению Московского Археологического Общества, членом которого он состоял. Общество поставило перед ним весьма специфическую задачу: выяснить «вопрос об отношении каменных баб к курганам». Но самого В. А. Городцова интересовал гораздо более широкий круг проблем. 27 апреля 1901 г. он получил Открытый лист за № 762 и вскоре развернул в Изюмском уезде Харьковской губернии крупномасштабные работы по изучению памятников различных эпох. За четыре месяца, проведенных в поле, ему удалось исследовать 268 курганных погребений, несколько древних стоянок и поселений, а также провести основательные разведки в бассейне Северского Донца. Подробный отчет о своих раскопках и разведках В. А. Городцов опубликовал в 1905 г. в Трудах XII АС. В одном из его разделов он прямо указал, что ему не удалось придти к определенному выводу, относительно связи каменных баб с курганами. Это не повлияло на положительную оценку результатов его работы со стороны Московского Археологического Общества.

Результаты, действительно, были впечатляющими. Однако, мало кто тогда мог предполагать, что публикация изюмского отчета станет знаменательным событием в истории нашей археологии. Только со временем будет ясно, что В. А. Городцов открыл новое, подлинно научное направление в изучении эпохи бронзы Восточной Европы.

Новизна подхода В. А. Городцова проявилась как в полевых, так и в кабинетных исследованиях. В отличие от большинства своих предшественников и современников, он использовал более строгую и продуманную методику раскопок курганов. Она больше напоминала приемы работы натуралиста, чем гуманитария. Кроме вещевых находок, В. А. Городцова интересовали практически все детали погребальных памятников: форма и размеры курганов, состав их насыпей, планиграфическое и стратиграфическое положение погребений, конструкция могильных ям, позы костяков, их ориентировки и т. д. При изучении курганов В. А. Городцов начал также привлекать данные геологии, почвоведения, зоологии и других естественных дисциплин. Сам он обладал солидными познаниями в этих науках. По мнению некоторых специалистов, его природоведческие заключения были вполне компетентными. Ко всему этому следует добавить, что В. А. Городцов тщательно и систематически документировал свои полевые наблюдения. Помимо словесного описания, он их фиксировал в форме рисунков, чертежей и схем.

Многие из методических приемов, апробированных В. А. Городцовым в процессе раскопок изюмских курганов, в последствии стали общепринятыми нормами. Они вошли в методические инструкции и руководства и получили широкое распространение в советской археологии. Одно из таких руководств по поручению XIV АС было написано и опубликовано в 1914 г. самим В. А. Городцовым.

Новая, по-настоящему профессиональная методика раскопок, позволила В. А. Городцову собрать множество дополнительных сведений, которые обычно ускользали из поля зрения исследователей того времени. В значительной мере благодаря этим новым данным В. А. Город-

³ Опубликовано: Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». 23–28 апреля 2001 г. Самара, 2001. С. 8–10.

цову удалось разработать свою знаменитую классификацию донецких погребений. В ней очень ярко проявился аналитический дар В. А. Городцова, его приверженность доказательным и строгим методам исследования. В этой классификации ему удалось скоррелировать множество разнородных признаков и выделить среди них два ведущих показателя: форму устройства могил и типы керамики (Клейн 1991). В результате В. А. Городцов выделил четыре группы погребений: в ямах, катакомбах, срубках, на горизонте и в насыпи. По мнению Л. С. Клейна, сам принцип этой классификации В. А. Городцов заимствовал из работы известного датского археолога С. Мюллера, опубликованной в 1898 г. Однако, ни прямых, ни косвенных доказательств этому нет. Даже неизвестно, был ли тогда В. А. Городцов знаком с указанной работой С. Мюллера. Но очевидно другое. В. А. Городцов одним из первых в европейской археологии успешно использовал элементы вариационной статистики для анализа массового археологического материала.

Временную последовательность выделенных групп погребений В. А. Городцов установил с помощью стратиграфических данных и по частотам встречаемости каменных и металлических изделий в каждой из этих групп. Его выводы оказались правильными и вскоре (в 1903 году) получили полное подтверждение. Тем самым классификационная схема В. А. Городцова была преобразована в хронологическую систему. Все четыре группы донецких погребений В. А. Городцов без колебаний отнес к бронзовому веку. Между тем, в русской археологии того времени еще продолжалась дискуссия о временной принадлежности погребений со скорченными и окрашенными костяками. Некоторые из исследователей относили их к каменному веку и даже отрицали саму возможность существования бронзового века в Восточной Европе. Донецкие исследования В. А. Городцова положили конец этим спорам.

Через 15 лет В. А. Городцов вновь обратился к проблематике эпохи бронзы. В своей выдающейся работе «Культуры бронзовой эпохи Средней России» он пришел к выводу, что три из четырех хронологических групп донецких погребений представляют самостоятельные культуры. С этой работы понятие «археологическая культура», которое только осваивалось европейской наукой, вошло в арсенал нашей археологии.

Периодизация В. А. Городцова заняла достойное место в европейской археологии. Наряду с системами С. Х. Монтелиуса, П. Рейнеке и А. Фурумарка, она вошла в число самых значительных и важных исследований по хронологии бронзового века. Появилась она позже хронологии О. Монтелиуса, но гораздо раньше разработок П. Рейнеке и А. Фурумарка.

В конце 20-х — начале 30-х гг. периодизация В. А. Городцова и вся его концепция бронзового века Восточной Европы подверглась ожесточенной и несправедливой критике со стороны советских археологов-марксистов. Но она устояла, потеряв, правда, имя своего создателя. В конце 50-х — начале 60-х гг. к ней вернулись, и она продолжила свое развитие.

В настоящее время хронология бронзового века Восточной Европы представляет собой огромное многоэтажное здание. Его возводили несколько поколений советских археологов. Конечно, в нем еще остались недостроенные этажи, не отделан, как следует, фасад, не везде убраны строительные леса. Но его грандиозный силуэт отчетливо виден. Фундамент этого здания сто лет тому назад заложил выдающийся русский ученый Василий Алексеевич Городцов.

В. И. Равдоникас и революция в советской археологии⁴

В начале 30-х гг. в отечественной археологии произошли решительные и драматические изменения. По мнению некоторых авторов (М. А. Миллер), это была своего рода октябрьская революция в археологии, несколько запоздалая, но столь же радикальная. Идейным вождем этой революции стал В. И. Равдоникас. За короткий промежуток времени (1930–1933 гг.) он выступил с целой серией ярких работ, в которых изложил программу марксистского обновления археологии.

Как и подобает истинному революционеру, он начал «с ниспровержения устоев». Его знаменитая книга «За марксистскую историю материальной культуры» (1930) почти целиком посвящена тотальной критике русской и вообще буржуазной археологии. Эта наука без колебаний была объявлена классово чуждым явлением. Отсюда автоматически вытекало, что ничего хорошего в ней не было и быть не могло. Отвергалось все: ее теории, методы, организация и т. д. В конечном итоге археологии было отказано в праве на самостоятельное существование и на свое имя (А. Л. Монгайт). Надо признать, что в ряде конкретных случаев критика В. И. Равдоникаса была вполне справедливой. На недостатки русской археологии указывали также другие исследователи, например А. А. Спицын, и задолго до В. И. Равдоникаса. Но он придал им концептуальное значение, расценив как пороки, имманентно присущие феодально-дворянской и буржуазной науке.

Разгром традиционной археологии, начатый В. И. Равдоникасом и продолженный другими энтузиастами (С. Н. Быковский, М. Г. Худяков, Б. А. Кричевский и т. д.), имел негативные последствия. Особенно тяжело они сказались в сфере кабинетных исследований. Вместе с «голым вещеведением» были фактически отброшены понятийный и методический арсенал археологии, ее этические нормы. Ничего, кроме расцвета дилетантизма, это принести не могло (Л. С. Клейн). Понадобились десятилетия, чтобы постепенно, шаг за шагом восстановить утраченные навыки и традиции.

Второй фронт борьбы был открыт В. И. Равдоникасом против псевдомарксистских, на его взгляд, течений в археологии. К таковым он отнес так называемое новое направление во главе с А. В. Арциховским и А. Я. Брюсовым. Предмет спора, казалось, был сугубо теоретическим. Но очень скоро он приобрел резко политизированный характер. В ход пошли слова и выражения из партийного лексикона (богдановщина, механицизм, меньшевистствующий идеализм и т. д.). Все это вылилось, возможно, вопреки желанию В. И. Равдоникаса, в конкурентную борьбу враждующих марксистских группировок.

В те годы сам В. И. Равдоникас постоянно находился под огнем критики. Почти каждое его выступление, устное или письменное, вызывало враждебную реакцию. Он не уклонялся от полемики. Очень часто сам ее намеренно вызывал. Дискуссии были его родной стихией. В них ярко проявился его талант оратора и полемиста. Привлекали также новизна его подходов, творческий энтузиазм.

⁴ Опубликовано: Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб, 1994. С. 13–15.

Драматизм отечественной истории нашего столетия ярко отразился на всем жизненном пути юбиляра. Тема борьбы двух противоположных начал незаурядной личности, особенно обостренная всей атмосферой тоталитарной диктатуры, неизбежно присутствует в каждом обращении к памяти исследователя. В данном сообщении, на взгляд редакции, несколько односторонне освещены отрицательные стороны теоретической инициативы В. И. Равдоникаса в начале 30-х гг. Но в силу представленности такой точки зрения эти тезисы публикуются без правки — тем более, что сам В. И. Равдоникас никогда не отказывался от дискуссий (*Примеч. редакции первого издания*).

Тогда (в первой половине 30-х гг.) он, видимо, искренне верил, что идеи марксизма и яфетической теории Н. Я. Марра действительно открывают новые горизонты в познании прошлого. Он энергично взялся за их практическую реализацию. В центре внимания В. И. Равдоникаса оказались вопросы периодизации истории первобытного общества и социологической интерпретации материалов археологии от палеолита до средневековья. По этой тематике он написал несколько больших статей. Сейчас эти работы представляют в основном историографический интерес. Но нужно помнить, что они способствовали утверждению социологического направления в археологии, столь популярного теперь на Западе. Вообще, многое из того, что в те годы обсуждали В. И. Равдоникас и его ленинградские коллеги, впоследствии стало объектом пристального внимания англо-американской новой археологии (Л. С. Клейн).

С 1934 г. В. И. Равдоникас резко обрывает свою «археологическую публицистику» (А. Д. Столяр). Революция закончилась. Замолчал и ее трибун. Правда, спустя почти 20 лет, в 1948 г. он вновь попытался «поднять знамя революционной борьбы». Но времена уже были не те, и он был уже не тот. На этом завершилась его научная карьера.

Деятельность В. И. Равдоникаса всегда вызывала крайне противоречивые суждения. Действительно, оценить ее однозначно очень тяжело. Однако несомненно, что этот выдающийся ученый оставил глубокий след в истории нашей археологии.

II. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

К вопросу о системе основных археологических понятий⁵

1. Археология, как и всякая другая наука, оперирует множеством понятий разного объема, содержания и ранга. В совокупности они образуют понятийный аппарат, развитие и совершенствование которого во многом определяет прогресс археологии как самостоятельной отрасли знаний. Каждое отдельное понятие получает полную и законченную форму в некоей системе, которая в идеале достижима лишь в рамках той или иной теории. С другой стороны, принятая система понятий образует костяк любой теории. Неудивительно, что в последние годы в связи с повышенным интересом к теоретическим основам археологии остро встал вопрос и о системе археологических понятий. Этим вопросом занимались как советские, так и зарубежные исследователи. Из учтенных мною работ наиболее развернутая и строгая система предложена в книге Дэвида Кларка «Аналитическая археология» (1968). Д. Кларк обосновал так называемую гнездовую иерархическую модель археологических сущностей, оценка которой будет дана ниже.

2. Любое определение предмета и объекта археологии так или иначе исходит из положения, что эта наука имеет дело только с теми ископаемыми материальными объектами, которые изготовлены, или модифицированы человеком прошлого. Иными словами, в поле деятельности археологии попадают артефакты, которые и составляют ее материал. Понятие «артефакт», таким образом, можно принять за исходное в археологии. Идентифицировать артефакт означает не что иное, как отнести данный объект к области человеческой культуры. Концепция культуры жизненно необходима археологии. Без нее археология просто не в состоянии выделить свой материал. Однако простого указания на причастность к культуре недостаточно для определения артефакта. Принадлежность объекта к культуре выясняется в полной мере тогда, когда устанавливается его роль, функция в системе культуры. С учетом этого замечания предлагается следующая формулировка понятия «артефакт» — любой материальный объект, изготовленный или модифицированный человеком прошлого и выполняющий определенную культурную функцию. Функция берется в системном понимании — «такое отношение части к целому, при котором само существование или какой-либо вид проявления части обеспечивает существование или какую-либо форму проявления целого» (М. И. Сетров). В таком виде функция шире ее традиционного технико-технологического значения. Культура вслед за Э. С. Маркаряном трактуется как специфическая функция общественной жизни людей. Артефактами могут считаться отдельные черты объекта (например, орнаментация горшка), целый объект (например, горшок), монумент (например, кафедральный собор), структура (например, планировка могильника) и т. д. Артефакты обладают множеством функций. Каждый имеет их несколько — производственную, социальную, эстетическую и пр. Разные функции определяются с различной степенью трудности. Но первоначально знание функций всегда предположительное. В процессе археологического исследования оно дополняется, уточняется, подтверждается или отвергается. Этот путь не тривиален, а приносит новое знание. Подтверждение может выступать в любой форме, но всегда в более конкретной, чем первоначальное предположение. Функция артефакта стоит не только в начале археологического исследования, но и в его конце, так как только в результате всего комплекса исследовательских операций выявляется конкретное содержание функции артефакта.

⁵ Опубликовано: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 г. Л., 1975. С. 34–42.

3. Артефакты составляют материал археологии, ее эмпирическую базу. Фундаментальное качество этого материала таково, что информация о нем поступает в виде артефактуальных свойств (Д. Кларк). Свойств бесконечное количество. В их состав входят как искусственно созданные человеком, так и естественные. Зарегистрировать все свойства артефакта или даже их перечислить — нереальная задача. Археолог учитывает только те из них, которые представляются ему значимыми. Учет свойств связан с проблемой выбора, которая пронизывает всю исследовательскую работу археолога, начиная от определения артефактов и кончая открытием культур. В решении этой проблемы он руководствуется общими историко-культурными представлениями, накопленным опытом археологии, целью исследования, состоянием материала и т. д. Конечно, рамки выбора ограничиваются тем, что во внимание принимаются прежде всего свойства, возникшие в результате деятельности человека, которые не случайны, а регулярны, статистически устойчивы. Но в любом случае проблема не поддается однозначному решению и формализации.

Свойства артефактов могут быть подразделены на два основных вида: специфические (в дальнейшем — просто свойства) и контекстуальные (в дальнейшем — комплексы) (Д. Кларк). Они характеризуют артефакт как бы с двух сторон. Специфические свойства дают представления об отдельных чертах, компонентах артефакта, который сам может рассматриваться как пучок свойств. Вместе с тем артефакт как целое не может быть приравнен к сумме его свойств. Как узел взаимосвязанных свойств он обладает такими особенностями, которые не могут быть выведены ни из одного из его свойств или их совокупности. Он больше суммы своих свойств. Наиболее полно, как нечто целое, артефакт проявляется в контексте с другими артефактами, в комплексах, в которых артефакты вступают друг с другом в связи совместного существования, функционирования и т. д.

4. Специфическим свойством артефакта является любая черта, любая характеристика, любое состояние, измерение, которые поддаются непосредственному наблюдению, — все, что может быть описано и зафиксировано в артефакте. При такой расширительной трактовке сюда попадают как природные свойства объектов, так и те, которые инспирированы человеком. Конечно, последний род свойств представляет для археологов первостепенную важность. Это те свойства, которые появились в результате деятельности человека и которые имеют определенную культурную функцию (или функции). Выделение этих свойств осуществляется с помощью концепции культуры, и в дальнейшем они преобразуются в признаки с помощью специальных археологических методов. Другой вид свойств — чисто естественного происхождения, но они учитывались человеком, например вещество артефакта. В выявлении и фиксации этих свойств археология не самостоятельна и вынуждена обращаться к результатам химических, физических, биологических и прочих изысканий. Третий род свойств тоже естественного происхождения. Они не учитывались человеком прошлого. Знание их также полезно археологу (например, датировка по C_{14} , но их открытие целиком лежит в сфере компетенции других наук.

5. С работами О. Монтелиуса в археологию вошло и закрепилось понятие «комплекс». Анализ существующих мнений показывает, что в дефиниции комплекса основной упор делается на два критерия: «совместное нахождение артефактов» и «одновременность их положения». Оба критерия представляются недостаточными. Агрегат тоже может состоять из находящихся в одном месте артефактов, которые положены относительно одновременно. На мой взгляд, решающим является обстоятельство, что артефакты комплекса образуют одно функциональное целое. При этом безразлично — попали артефакты в комплекс одновременно (как в кладе краткого накопления) или с некоторым временным интервалом (как в кладе длительного накопления), образуют они несколько типов или принадлежат только одному, оформился комплекс в результате сознательных целеустремленных действий человека или с помощью естественных процессов. Конечно, сами по себе эти вопросы очень важны, но для определения комплекса они имеют лишь вторичное значение. Главное, чтобы группа артефактов, найденных в одном про-

странственном локусе, составляла единое функциональное целое. При такой трактовке ни один из артефактов не является решающим для выделения комплекса. Но комплекс не равен и сумме артефактов. Его определяет характер взаимосвязи между отдельными компонентами. Чтобы убедиться, что перед нами погребение, недостаточно указать на присутствие костяка, ямы, глиняных горшков и т. д. Сами по себе и все вместе они встречаются и в других ситуациях. Погребение будет погребением только в том случае, если компоненты связаны в единое целое и это целое выражается через определенную культурную функцию. Каждый комплекс, так же как и артефакт, в своем составе содержит компоненты естественного происхождения. Они часто смаывают границы комплекса, иногда превращают последний в агрегат и всегда маскируют его функции. Поэтому их учет обязателен. Итак, комплекс — это группа артефактов и других объектов, найденных в ограниченном локусе и составляющих одно функциональное целое.

6. В структурном отношении комплексы очень неравноценны. Можно выделить: А) простой комплекс, состоящий из набора артефактов (например, погребение); В) комплекс комплексов (например, могильник); С) мегакомплекс (например, поселение и его могильник); D) комплекс мегакомплексов (например, хора античного города). Коротко охарактеризую выделенные подразделения. Прежде всего отмечу, что виды комплексов, расположенные по возрастающей степени сложности, образуют иерархический ряд. Каждый комплекс последующего уровня включает комплексы предыдущего уровня как составляющие компоненты. Но каждый такой комплекс не просто сочетание компонентов, а дает новый ряд связи по сравнению с предыдущим уровнем. Чем ближе к концу ряда, тем меньше наглядность, «непосредственность» комплекса. Выделение комплекса С и особенно D требует более сложной исследовательской процедуры, чем выделение комплекса В и особенно А.

Всеобщее распространение имеет только комплекс А. Остальные виды представлены не на каждой территории, не в каждом периоде и эпохе. Материал поздних эпох (бронза — железо) чаще дает более сложные комплексы и в большем количестве. Но здесь нет жесткой зависимости. Многое зависит от степени социально-экономического развития общества. Не каждый источник имеет все виды комплексов.⁶ Как правило, источнику более высокого иерархического ранга соответствует более сложный комплекс. Если иметь в виду временной аспект, то в пределах ряда комплексы предшествующего уровня являются замкнутыми по отношению к комплексам последующего уровня, а эти последние — открытыми по отношению к комплексам предшествующего уровня. Например, погребение в сравнении с могильником может считаться замкнутым комплексом, а могильник по отношению к отдельному погребению — открытым. Погребение рассматривается как результат одного действия, одного события, одного момента, а могильник — ансамбля моментов. Иерархический ряд комплексов представляет в таком случае чередование замкнутых и открытых комплексов, в чем выражается его ритмичность.

Охарактеризованные виды комплексов весьма различны, требуют разного обращения, разных приемов исследования. Каждый из них демонстрирует новый вид связей. Естественно, возникает вопрос о соответствии определенного вида комплексов определенной археологической категории. Обычно считается, что комплекс лежит в основе культуры. Культура фиксирует устойчивые связи между комплексами. Но какими? А, В, С или D? Как правило, этот вопрос не возникает. В результате выделенные археологические культуры очень неравноценны с логической точки зрения. Само понятие «археологическая культура» приобретает расплывчатые и неопределенные очертания.

7. Итак, археологическая реальность, данная нам в непосредственном наблюдении, предстает перед нами в виде артефактов, их специфических свойств и комплексов. С помощью этих понятий выделяется археологический универсум. Любой участок этого универсума может быть описан и зафиксирован посредством универсалий — свойств, артефактов и комплексов. Каким

⁶ Например, клады не образуют мегакомплексов и комплексов мегакомплексов.

бы ни был отдельный объект, он определяется через одну из универсалий. В то же время нужно подчеркнуть, что в зависимости от конкретной ситуации, выбранной «точки отсчета» этот объект может попеременно менять свое определение, превращаясь из одной универсалии в другую. В этом выражается еще одна черта всеобщности артефактов, их свойств и комплексов.

8. Центральное место среди универсалий занимает артефакт. Но если их разместить по возрастающей степени сложности, то получим иерархический ряд. Свойство может быть представлено как пучок компонентов, артефакт — пучок свойств, комплекс — пучок артефактов. В данном случае сложность выступает как степень внутренней организованности универсалий. Каждая последующая универсалия включает в себя предыдущую как необходимый компонент, и это составляет суть движения в иерархии. Но универсалия не может быть сведена к сумме составляющих ее компонентов. Они, связаны между собой определенным образом, и это обеспечивает новое качество для каждой универсалии. Учитывая взаимозаменяемость универсалий, ряд может рассматриваться и как последовательность комплексов различной степени сложности. Такой ряд будет обладать ритмикой, которая выражается в чередовании замкнутых и открытых комплексов. В свою очередь каждая из универсалий обладает иерархическим строением, что я стремился показать на примере классификации комплексов. Иерархическая структура универсалии находит частное выражение и в классификации источников.

9. Согласно распространенной точке зрения, археологический материал лишен движения, статичен — археология имеет дело с результатами процесса, а не с самим процессом. С этим можно согласиться, если к материалу подойти с отвлеченных историко-социологических позиций. Он действительно мертв и является остатками деятельности прошлых поколений людей. Однако для археолога он полон движения, динамики, что выражается в нескончаемой изменчивости и вариабельности артефактов, их свойств и комплексов. Компоненты свойств изменяются от свойства к свойству, свойства — от артефакта к артефакту, артефакты — от комплекса к комплексу. Уловить порядок, регулярность, повторяемость в этих изменениях — центральная задача археологии как автономной отрасли знания. Не будет большой смелостью утверждать, что археология есть наука об изменчивости и вариабельности ископаемых артефактов. Это наука, которая стремится прежде всего изучить закономерности археологического процесса.

10. Нет абсолютно сходных археологических объектов, — как нет абсолютно различных, и все изменения археологического материала укладываются в этих крайних пределах. Они бывают трех основных видов: утеря, приобретение, трансформация элементов. В реальности все эти процессы переплетены и составляют несколько вариантов. Последовательное «утеря», «приобретение», «утеря — приобретение» неизбежно приводит к качественным разрывам в рядах. Резкий разрыв, вызванный синхронным изменением функциональных элементов, означает переход к другому источнику. Более слабые нарушения в постепенности в пределах источника ведут к образованию субисточника и т. д. Кроме качественных изменений, происходят различного рода количественные, которые могут успешно изучаться статистическими методами (например, метод сериации). Изменения могут быть как хаотичными, так и регулярными. Последние представляют цель поисков археологов.

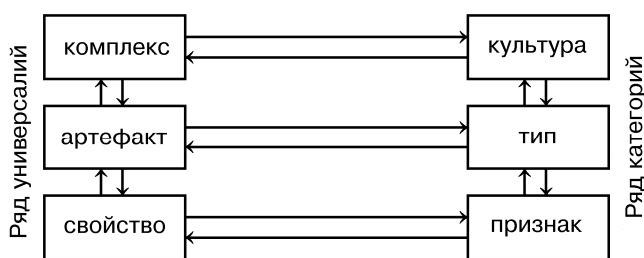
11. Археология, как и всякая другая наука, стремится вскрыть порядок в своем материале, выявить его регулярность и закономерности, стремится отличить случайное от повторяющегося, обобщить, генерализовать единичные разрозненные явления. Иными словами, она прибегает к типизации, классификации материала. Основное средство в этой процедуре — выявление сходства и различия в материале. «Исследование артефактов основывается на первоначальных законах логики: А есть А и А не есть А. Его наиболее важная базисная концепция есть концепция сходства и несходства», — заявляет Матс Мальмер. Какие же сходства и различия ищет археология? Сходства и различия между свойствами артефактов, артефактами и комплексами артефактов. Устойчивые, повторяющиеся сходства свойств фиксируются в признаке, ар-

тефактов — в типе, комплексов — в культуре. Основные классификационные категории археологии возникают на базе изучения сходств и различий в универсалиях. Но только на каждом отдельном уровне иерархического ряда универсалий. Бессмысленно искать сходства и различия между универсалиями различного уровня, так как они логически неравноценны. Смещение уровней, нарушение их соподчиненности приводит к потере самого критерия сравнения. Как цельные образования мы можем сравнивать только свойства со свойствами, артефакты с артефактами, комплексы с комплексами, соответственно через наборы компонентов свойств, артефактов и комплексов. В этом сказывается иерархичность натурального ряда (ряда универсалий), которая с неизбежностью передается ряду археологических категорий (признак — тип — культура). Тип мы можем определить только через набор признаков, культуру — через набор типов.

12. Иерархическая модель основных археологических понятий не нова для археологии. В последние годы она детально была развита Д. Кларком. Понятия от признака до технокомплекса Д. Кларк организовал в виде одного непрерывного иерархического ряда, ячейки которого упорядочивались по возрастающей степени сложности. В модели Д. Кларка оказались совмещенными в одном ряду понятия, которые я отношу к двум разным параллельным рядам, к двум разным уровням. Первый ряд — ряд универсалий (свойство — артефакт — комплекс) — понятия о непосредственно наблюдаемых объектах археологии, эмпирической базе этой науки. Вторым ряд — ряд категорий (признак — тип — культура) — возникает на основе первого в результате изучения сходств и различий между свойствами, артефактами и комплексами. Это ряд генерализаций, абстракций. Характеристики первого ряда наследуются вторым. Иерархичность ряда категорий выступает как следствие ряда универсалий, а иерархическая структура последнего является.. результатом частного подхода к выделению предмета и объекта археологии. Д. Кларк не, делает различий между этими группами понятий, он их смешивает в одном ряду. Это приводит к противоречиям, а вся модель приобретает характер очень отвлеченной конструкции.

13. Принятая система позволяет сделать ряд ответственных выводов. Как в ряду универсалий, так и в ряду категорий отдельные их подразделения находятся в связи друг с другом. Это связь соподчинения части и целого. Артефакт невозможно рассматривать без свойств, комплекс без артефактов и соответственно — тип без признака и культуру без типа. Каждый последующий уровень предполагает предыдущий как необходимый элемент для своего существования. Поэтому, например, определение типа невозможно без признаков, культуры без типов. Но выделенный тип фиксирует набор признаков, культура — набор типов. Таким образом, между подразделениями рядов действуют не только прямые связи по восходящей, но и обратные связи по нисходящей. Можно, следовательно, заключить, что понятия в рядах находятся в тесной взаимосвязи. Эта простая, но важная истина часто игнорируется.

14. Предлагаемая экспериментальная система основных археологических понятий может быть графически изображена следующим образом:

К вопросу о структуре археологического исследования⁷

1. Современное состояние археологии характеризуется обостренным интересом к самым основам нашей науки. После многолетнего периода господства эмпиризма на первый план выдвинулись проблемы, которые еще недавно казались решенными или, напротив, отодвинутыми в будущее. Одной из таких проблем является структура археологического исследования (или модель археологической процедуры по Д. Кларку). Ею занимались американские (Б. Шварц, Ф. Плог, Д. Фриц, И. Раус и др.), английские (Д. Кларк и др.), шведские (М. Мальмер, К. Моберг и др.) и советские (Я. А. Шер) археологи. Разработанные модели наряду с несомненными достоинствами (цикличность процесса, механизм обратной связи и пр.) имеет два прямо противоположных недостатка. Они либо слишком общи, и поэтому приложимы почти к любой науке (Д. Кларк, К. Моберг), либо имеют узко эмпирический характер (Б. Шварц). В моделях того и другого рода непосредственно отразились воззрения их авторов на предмет, объект и методы археологии.

2. В последнее время получила новое обоснование старая идея четкого отграничения собственно археологии (археологическое источниковедение и проч.) от доистории (палеоистория, социологическая археология и проч.). Обычно эти подразделения рассматриваются как два последовательных уровня исследования, первый из которых является описательным, а второй — интерпретационный. Одновременно усилились крайние тенденции: 1) возведение археологии в ранг самостоятельной науки; 2) растворение археологии в доистории. Обе точки зрения неприемлемы.

3. В распоряжении археологов есть только два объективно данных факта: свойства артефактов и условия их нахождения (У. Мальмер). На этом фундаменте вырастает все здание археологии, которое складывается из таких понятий, как признак — тип — культура, абстрагированных от этих реальностей. Устойчивое сочетание признаков образует тип (А. Сполдинг, Я. А. Шер) — материальным выражением которого является артефакт. Устойчивое сочетание типов дает культуру (Д. Кларк), которая находит свое материальное выражение через комплекс артефактов. Их тех же оснований выводятся археологические пространство и время как разновидности связей признаков.

4. У археологии есть свой объект исследования, представленный материалом со специфическими закономерностями. Благодаря этому археология выработала самостоятельный метод — типологический. Этот метод остается центральным, несмотря на широкое внедрение естественнонаучных приемов исследования. Данные других наук могут быть введены в археологию только посредством типологии (М. Мальмер).

5. Кроме собственно понятийного аппарата, объекта и метода, археология имеет специфические цели (о предмете археологии см., например, у Д. Кларка), которые не могут быть сведены только к реконструкции утраченного прошлого.

6. Изложенное в 3–5 тезисах подводит к заключению об известной автономии археологии (собственно археологии). Видимо, большинство археологов сознательно или интуитивно проводят такое разграничение. Во всяком случае почти общепринята последовательность этапов: сначала археология, а затем историко-социологические реконструкции. Стремление перейти непосредственно от археологического материала к его историческому толкованию, столь распространенное в советской археологии 30–40-х гг., сейчас отвергнуто и принята двучленная процедура. Однако здесь необходимо внести коррективы.

7. Без историко-социологических представлений археология немислима. Приступая даже к сверхчистому археологическому исследованию, мы вынуждены уже в самой начальной

⁷ Опубликовано: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973. С. 56–60.

точке руководствоваться внеархеологическими предположениями и постулатами. Пусть они будут самого общего характера, типа того, что данные артефакты изготовлены рукой древнего человека. Но их присутствие обязательно. В ходе дальнейшего археологического исследования делается еще два решающих шага (при отборе признаков для выделения типов и типов для выделения культур), в которых очень отчетливо выступает гуманитарная природа археологии. Но смешение историко-социологических и археологических представлений недопустимо.

8. В палеоистории (доистории, социологической археологии и проч.) привлекаются данные не только археологии, но и других общественных и естественных наук. Историко-социологические реконструкции возможны только в терминах и понятиях истории, социологии и этнографии. Археология не в состоянии выработать «единиц» реконструкции в силу самой своей природы. Для палеоистории неприемлемы те подразделения материала, те понятия, которые действуют в археологии. У палеоистории свой материал, свои цели, свои методы. Она неуклонно движется по пути выработки собственного понятийного аппарата. По отношению к археологии палеоистория должна взять на себя объяснительные функции. При помощи палеоистории археология как бы «замыкает» себя.

9. В итоге мы приходим к выводу о диалектическом единстве обеих отраслей знаний (собственно археологии и палеоистории). Они достаточно отчетливо разделены, но их независимое друг от друга существование невозможно. Связи между ними не бессистемны и хаотичны, а упорядочены и целенаправленны. Отсюда вытекают два основных принципа построения процедуры: замкнутость процесса исследования и двучастность процесса исследования. Если к этому добавить, что на каждом этапе исследования археологическое знание можно «замкнуть» историко-социологическими реконструкциями, то в зрительном представлении процедура выглядит как спираль, замкнутая в эллипсе.

10. Конкретно для собственно археологической части процедуры могут быть выделены пять последовательных уровней: 1) постановка задачи исследования, 2) внешняя и внутренняя критика источников, 3) выделение типов (классификация), 4) изучение связей между типами, 5) выделение фракций и культур. Каждый последующий уровень предполагает предыдущий как необходимый элемент. Поэтому процедура имеет жесткую структуру, не допускающую пропусков уровней или их смешения. Основу процедуры составляют три фундаментальных археологических понятия: признак — тип — культура, которые абстрагированы от объективных реальностей: свойств артефактов — артефакта — комплекса артефактов. Иерархия натурального ряда отражена в иерархии понятий. Поэтому само движение в процедуре понимается как восхождение от простого понятия к сложному, от сложного к более сложному и т. д., — процедура построена так, что каждый предыдущий уровень (кроме первого) является описательным, а каждый последующий — интерпретационным. Таким образом, между уровнями действуют не только прямые, но и обратные связи. Есть не только движение вверх, но и постоянное возвращение вниз — с целью внести коррективы в исходные данные. Следовательно, основные археологические понятия можно рассматривать только в системе, в тесной взаимосвязи друг с другом. На каждом уровне, кроме первого, возможны историко-социологические реконструкции, которые как бы замыкают очередной круг археологического исследования. Такова в общих чертах модель археологической процедуры. Цель ее — дать последовательность этапов исследования в их взаимосвязи.

11. Завершенная археологическая процедура превращает археологический материал в объект палеоистории, процедура которой тоже насчитывает несколько уровней (по Д. Фрицу и Ф. Плогу — семь). Если в археологии наряду с дедукцией очень большую роль играет индукция, то в палеоистории преобладает дедукция. Здесь особое значение приобретает гипотезно-дедуктивный метод исследования, что справедливо подчеркивают американские археологи (Л. Бинфорд и др.).

Пространство и время в археологии⁸

1. Как указывают философы, пространственно-временные отношения обладают и общими закономерностями и закономерностями специфическими, характерными для объектов того или иного класса, поскольку сами эти отношения определяются структурой, материальных объектов. В полной мере это касается и археологии, изучающей объекты древней культуры в специфической выборке и в специфической ситуации, определивших особый характер этих объектов как археологических артефактов.

2. Обычно измерение пространства артефактов эмпирически сводится к определению трех координат объекта — длины, ширины и глубины (физическое пространство — ФП) и его географического положения (географическое пространство — ГП). Однако одновременно существуют и специфические пространственно-временные отношения в археологическом универсуме и особые археологические единицы их измерения. По существу, вся полевая методика направлена на установление выраженных пространственных границ объекта, продиктованных самой его структурой. Типология также учитывает пространство археологических объектов через их форму. Будучи исторически обусловленными, эти пространственные координаты являются не рада их самих, а с целью получения новой исторической информации.

3. Для выделения археологических типов и культур учет ГП необязателен, но при обосновании исторической реальности выделенных явлений картографирование типов и культур необходимо. Методически это означает корреляцию синхронизированного и типологически упорядоченного материала с его географическим распределением, причем в данном случае коррелируют две независимые величины. Иными словами можно условно сказать, что мы коррелируем ФП объектов, выраженное посредством типологии, с ГП объектов. Если корреляция положительная, мы получаем замкнутые области (ареалы), и возникает новый вид пространства, которое с полным правом можно назвать археологическим (АП). Чтобы его получить, необходимы три операции: археологическая классификация, синхронизация полученных подразделений и их нанесение на географическую карту. Единицами измерения АП являются ареалы (области) признаков, типов, фаций, культур и т. п. Специфические признаки АП еще мало исследованы. Ясно, что АП обладает свойствами как дискретности, так и континуальности, причем дискретность сказывается в локальных вариантах типов, фаций, культур, а непрерывность — в замкнутости их ареалов.

4. В археологии, как и в истории, измерением времени занимается хронология, подразделяющаяся на относительную и абсолютную. При всей важности абсолютной хронологии она не может полностью заменить относительную, поскольку последняя отражает сам процесс, его границы, ритм, темп, чего не в состоянии сделать абсолютная хронология. Археология наблюдает не события, а артефакты, но чтобы датировать артефакт, нужно его «представить» в виде цепи событий, системы действий, то есть выявить «моменты». В простейшем случае таким моментом (событием) считается временной промежуток от изготовления артефакта до его попадания в землю. Но в комплексе по причине его сложной структуры между созданием и отложением может пройти столь значительный промежуток времени (как это наблюдается по составу некоторых кладов), что не различать эти моменты было бы грубым просчетом. Для различения двух видов формирования (отложения) комплексов в археологии давно введены понятия открытого и замкнутого комплекса. По О. Монтелиусу, замкнутый комплекс — это сумма предметов, найденных в условиях, свидетельствующих об их одновременном положении, а в открытый комплекс предметы помещаются в существенно различные промежутки времени. Деление

⁸ Опубликовано: Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Тезисы совещания (октябрь 1980 г.). Ашхабад, 1980. С. 12–17.

это сугубо относительно и позволяет оценить один комплекс лишь в отношении к другому. Так, коллективное погребение может считаться замкнутым комплексом по отношению к могильнику и открытым по отношению к его компонентам. Возможен и другой критерий классификации: если комплекс рассматривается как результат одного действия, одного события, одного момента — это замкнутый комплекс, если ряда — открытый.

5. При различных обстоятельствах тот или иной объект может превращаться из открытого комплекса в замкнутый и наоборот, что зависит от места, которое ему отводится в последовательности археологических универсалиев, то есть в натуральном ряду, который ритмичен и иерархичен. Если вслед за Д. Кларком свойство артефакта считать за событие (момент), то артефакт будет ансамблем моментов, комплекс — ансамблем ансамблей моментов и так далее. В этом случае каждая из универсалий может считаться относительной мерой времени. Если установлено, что однослойное поселение (комплекс) и многослойное (мегакомплекс) существовали по 300 лет каждое, то они тем не менее имеют как бы разную продолжительность, так как во втором поселении отражен процесс более насыщенный моментами, более «уплотненный» с более высоким ритмом и темпом. Поэтому артефакты, имеющие разные абсолютные даты, в определенных условиях могут рассматриваться как один временной уровень, отличный от уровня комплексов, поскольку они обладают одинаковым количеством моментов, одним ритмом, одним темпом и т. д.

6. Это позволяет заключить, что такие археологические категории, как признак, тип, культура, наиболее подходят для измерения археологического времени. Следует иметь в виду, что тип как единый временной уровень выступает только по отношению к другим археологическим категориям. Конечно, конкретные типы различны и не все они реально одновременны. Синхронная группа типов, существующая раньше или позже других синхронных групп типов, может именоваться периодом. Период — это основная ячейка относительной хронологии. Он является наиболее концентрированным выражением археологического времени, его ритма, темпа, границ. Его можно выделить только на основе археологических категорий, соответствующим образом синхронизированных и соотнесенных (по формуле «раньше–позже») с другими периодами. Археологическое время автономно и это объясняет хорошо известный факт случаев несовпадения археологической периодизации с исторической, социологической, технологической и т. д. Это несоответствие — результат различий в процессе, а не следствие скудости наших знаний.

7. Универсалии и археологические категории могут выступать в качестве временных и пространственных масштабов археологического материала. Но в археологии, как и повсюду, пространство и время неразделимы. Выражением их единства является форма археологического объекта, что можно записать в виде $Pr. Vr. = \Phi$. Сам факт существования объекта, который воспринимается археологом прежде всего через форму, достаточное основание, чтобы говорить о времени и месте его изготовления, функционирования и отложения. Близость артефактов по форме и в пространственно-временном отношении имеет реальное историко-социологическое объяснение. Как правило, формальная близость является результатом непосредственных контактов людей, непосредственной передачи идей и объектов. Но на пути этих контактов стоят многочисленные барьеры, в том числе и пространственно-временной.

8. Известны три основных метода относительной хронологии. Так, теоретической основой стратиграфического метода является убеждение, что любое материальное явление распространяется в пространстве и времени. Типологический метод основан на том, что расположение объектов в один ряд по степени их физического (формального) сходства может отражать временную последовательность объектов. Для проверки того, что здесь действуют именно временные факторы, О. Монтелиусом введен принцип параллельности рядов. Важное значение имеет метод сериации, учитывающий наряду с качественными, также и количественные показатели. Он основан на положениях о том, что процентное соотношение типов массового материала по-

стоянно меняется во времени, и что для каждого отрезка времени процентное соотношение устойчиво и определено для данного памятника и для данной серии однородных памятников. Вычислив степень близости комплексов по процентному соотношению их типов, мы можем их выстроить в ряд по степени близости. В сериационном ряду форма объектов считается как бы стабильной и учитываются только количественные вариации объекта. Таким образом, при сериации время выводится из трех объективно данных показателей — пространства, формы объектов и их количественных вариаций. Каждый из трех методов обладает и достоинствами и недостатками, и они должны использоваться по возможности в сочетании. Новые методы «восстановления» археологического времени используют археологические категории и их пространство. Учет специфики археологического материала как такового и, в частности, определение специфики пространственно-временных связей в археологии, позволит приблизить нас к более адекватному решению цели археологии — познанию культурно-исторического процесса.

Теория и методы исследования в археологии⁹

Археологию относят к историческим, а в англоязычных странах — к числу антропологических (культурологических) наук. Вместе с тем, общепризнанно, что в системе гуманитарных дисциплин она занимает достаточно обособленное положение.

Своеобразие археологии в значительной мере обусловлено особенностями ее источников. Археологическим источником может считаться любой *ископаемый артефакт или комплекс таких артефактов*. Из этого определения вытекает, что археологический источник имеет двойственную структуру. Как артефакт (то есть искусственный объект) он является частью прошлой культуры, свидетельством истории. В этом качестве он может дать ценную и зачастую уникальную культурно-историческую информацию. С другой стороны — это ископаемый артефакт. Он выпал из контекста живой, функционирующей культуры и стал частью окружающей среды со всеми вытекающими отсюда последствиями. Исходя из этого можно утверждать, что в археологическом источнике органически переплетаются свойства искусственного и естественного объекта, природного и культурно-исторического. Поэтому ее успешное изучение возможно лишь при условии учета обеих указанных сторон и применения методов как гуманитарных, так и естественных наук. Естественно-научные методы особенно важны в полевой археологии.

Археология, как и любая другая наука, имеет самостоятельный *объект исследования (ископаемые древности)* и свои *цели (познание прошлого)*. В соответствии с этими положениями она разработала свой понятийный аппарат. Его основу составляют два параллельных иерархических ряда понятий, которые связаны между собой прямыми и обратными связями и образуют единую систему. Первый ряд составляет цепочка культурологических понятий — *свойство артефакта — артефакт — комплекс артефактов*. Это своего рода исходные категории, которые уже заданы в археологическом материале и которые сравнительно легко опознаются. С них начинается исследование. Параллельный ряд образует иерархическая цепочка аналитических понятий — *признак — тип — культура*. Это абстракции высокого уровня. Они отражают наиболее общие и существенные особенности, связи и отношение материала. Они формируются на базе параллельных понятий первого ряда и понятий предшествующего уровня второго ряда. Так, в рамках этой системы *тип* может быть определен как *группа артефактов, связанных устойчивым сочетанием признаков*, а *культура* как *группа комплексов, связанных устойчивым сочетанием типов*. Оба эти понятия имеют определенные пространственно-временные границы и определенное культурно-историческое содержание. Приведенные выше

⁹ Опубликовано: Программы государственного экзамена по археологии и экзамена кандидатского минимума по специальности 07.00.06 — археология. СПб, 2005. С. 2–6.

определения типа и культуры являются, пожалуй, наиболее простыми и наиболее распространенными в современной археологии. Но кроме них в литературе фигурирует еще несколько десятков дефиниций для этих понятий. Нет также единого мнения относительно их культурно-исторического содержания. Несмотря на это, они единодушно признаются фундаментальными понятиями современной археологии и используются в качестве основных категорий анализа и интерпретации археологического материала.

Основным приемом, с помощью которого могут быть выделены археологические типы и культуры, является *классификация*. В целом, в археологических исследованиях классификация играет огромную роль. Существует несколько ее видов. Между собой эти виды различаются по поставленным целям и по набору исходных признаков. Один и тот же археологический материал может быть сгруппирован по-разному в зависимости от этих целей. Существуют также различные стратегии классификации.

Для археологии, как культурно-исторической дисциплины, жизненно важное значение имеет *концепция времени*. Речь идет о *периодизации и хронологии ископаемых древностей*. Первая универсальная периодизация таких древностей была предложена в 1836 г. датчанином К. Томсеном. Она получила название «*системы трех веков*» и, по мнению некоторых исследователей, стала краеугольным камнем современной археологии. В ее основе лежит *технологический критерий*. Как было установлено, за сменой материалов для изготовления основных категорий орудий стоит смена технологий. Этот критерий оказался необратим во времени, и по этой причине схема К. Томсена оказалась правильной. В настоящее время она представляет собой шестиступенчатую периодизацию со множеством внутренних подразделений. В качестве последних выступают региональные периодизации, в основе которых лежат как технологические, так и культурно-исторические и типологические критерии. Среди таких периодизаций широкую известность получили схемы О. Монтелиуса для Северной Европы, П. Рейнеке для Центральной Европы и В. А. Городцова для Южной половины Восточной Европы.

В археологии используется несколько методов определения относительного возраста ископаемых древностей. Наиболее доказательным является *стратиграфический метод*. Он широко используется в различных разделах археологии. Различают *вертикальную, горизонтальную и сравнительную* стратиграфию.

Другой метод относительной хронологии, *типологический*, был разработан в конце XIX в. О. Монтелиусом. Сам О. Монтелиус дал блестящие образцы его применения. С его помощью он разработал свою знаменитую периодизацию северных древностей. Однако сам этот метод имеет ряд серьезных ограничений. При малом числе замкнутых комплексов и при скачкообразном характере развития применение этого метода сопряжено с большими трудностями.

Следует также упомянуть статистический метод частотной сернации и ряд методов естественных наук (географии, геологии, палеонтологии и т. д.).

Приемы абсолютного датирования археологических объектов столь же многочисленны и разнообразны, хотя и не очень надежны. Кроме исторической хронологии, возможности которой ограничены, в последние десятилетия широкое распространение получили естественнонаучные методы датирования. В частности, огромное значение приобрела *радиоуглеродная хронология*. Она произвела настоящий переворот («радиоуглеродная революция») в наших представлениях о временной протяженности каменного, медного и бронзового веков. Согласно ее данным памятники этих эпох относятся к гораздо более древнему возрасту, чем было принято думать. Вместе с тем следует учитывать, что в настоящее время радиоуглеродный метод находится в стадии доработки. По этой причине многие его данные в будущем, возможно, будут скорректированы. Более точные и надежные результаты дает *дендрохронология*. Но область ее применения пока ограничена. В целом, следует признать, что в археологии и особенно для ранних периодов томсеновской периодизации существует проблема абсолютного датирования археологических памятников.

Археологические источники содержат значительный объем культурно-исторической информации. Строго говоря, извлечение и обработка этой информации являются одной из конечных целей археологии. Но на пути к этой цели наша наука сталкивается с самыми значительными трудностями. Одна из них заключается в том, что интересующая нас информация содержится в археологическом материале в скрытом и закодированном виде. Ее необходимо извлечь и перевести на язык гуманитарных наук. Обычно эта процедура реализуется в форме так называемой *культурно-исторической интерпретации данных археологии*. В качестве интерпретационных моделей используются положения, понятия, теории и гипотезы культурологии, истории, этнографии и некоторых других наук. Среди этих моделей особенно важное значение имеет культура и культуuroгенез, общество и его институты, этнос и этногенез, автохтонизм, диффузионизм, миграционизм и т. д. Главными объектами культурно-исторической интерпретации выступают основные археологические понятия и особенно культура. Различаются более высокие и низкие интерпретации.

Методика таких исследований еще слабо разработана в нашей науке. Все варианты этой методики, так или иначе, исходят из положения о системной организации человеческого общества и культуры. Но само это положение в современной науке остается еще недостаточно изученным.

Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве (по материалам эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья)¹⁰

1. Эпохе поздней бронзы в Северном Причерноморье свойствен подъем металлообрабатывающего производства, которое наибольшего размаха достигло на сабастиновском этапе. В десятки раз увеличилось число кладов металла и литейных форм, единичных случайных находок металлических изделий, характерных для этого периода. Тогда же произошло важное качественное изменение. Наряду с оружием основным продуктом производства становятся орудия труда, выпуск которых приобрел серийный, а для ряда категорий — массовый характер. Судя по этому, производство было переориентировано на удовлетворение потребностей широкого круга потребителей. Количественные и качественные преобразования, происшедшие в сфере металлообработки, нашли непосредственное выражение в соответствующих изменениях каждого вида экономических отношений (производственных, обмена, распределения и потребления), которым с неизбежностью подчинялись процесс производства и его результаты. Такого рода исторические взаимосвязи, документируемые археологическими материалами, сами по себе представляют фундаментальный объект исторического исследования. Однако их научная констатация обретает и иную познавательную ценность: на данной основе оказывается возможным судить о процессах более широкого порядка — культурных взаимосвязях, их устойчивости и трансформации, факторах генезиса, упадка и смены культуры тех же обществ.

2. Расширение производства потребовало соответствующих перемен в сфере обмена. Благодаря широкой экспансии племен срубной культуры Северное Причерноморье вошло в торгово-обменные системы Волго-Уралья, Карпат и Северных Балкан (Е. Н. Черных). Поддерживались также контакты с Северным Кавказом. В пред и раннесабастиновское время, видимо, существенное значение стали играть донецкие руды (С. И. Татаринов). Таким образом, внешний обмен приобрел огромный территориальный размах, его пределы определялись границами «срубного» влияния. Усилился внутренний обмен (особенно металлическим ломом), с помощью которого происходило перераспределение дефицитного металла. Объектом обмена стало

¹⁰ Опубликовано: Преемственность и инновации в развитии древних культур. Материалы методологического семинара Ленинградского отделения Института археологии. Л., 1981. С. 22–27.

сырье, что связано с повсеместным распространением металлообработки. Интенсивность и регулярность обменных операций были столь значительными, что на протяжении длительного времени удавалось поддерживать производство на высоком уровне. Само собой разумеется, что системы обмена могли нормально функционировать при условии культурной стабильности от Урала до Балкан.

3. Те перемены, которые произошли в производстве и обмене, нашли свое завершение в сфере потребления. Огромный фонд единичных случайных находок изделий, регулярное появление кладов лома, упадок кремневой индустрии — красноречивое свидетельство тех успехов, которые были достигнуты в этой сфере. Не менее показательны расширение ассортимента изделий и особенно массовое внедрение металлических орудий в сельское хозяйство (серпов и, возможно, мотыг), что, согласно Г. Чайлду, является признаком высшей стадии медно-бронзового производства.

4. Подъем сабастиновской металлообработки во многом связан с технологическими достижениями, освоенными в то время. Среди них центральное место занимают освоение литья закрытой втулки, внедрение долговременных каменных форм и широкое распространение оловянистых бронз (В. С. Бочкарёв). Эти новые для Северного Причерноморья технологические приемы тесно связаны друг с другом и отчасти взаимно обусловлены. Изобретение закрытой литой втулки позволило перейти к литью многих изделий, которые раньше изготавливались ковкой. Этому же в значительной степени способствовал и переход к каменным литейным формам, более удобным и производительным, чем формы из глины. С другой стороны, отказ отковки как формообразующего приема и внедрение каменных форм были облегчены распространением оловянистых бронз — идеального материала для литья. Конечным результатом взаимодействия данных процессов явилось широчайшее распространение литья как основного технологического приема. Новая технология как нельзя лучше отвечала тенденции к производству серийной и массовой продукции. В этих условиях старые, малопродуктивные методы (ковка, литье по восковой модели и т. д.) выходят из употребления. Новая технология преобразила типологический состав изделий. Вместо проушного топора, плоского ножа-кинжала, кованых копья и долота, плоского тесла появляются кельт, нож и кинжал с кольцевым упором и нервюрой, цельнолитые копье и долото, кельт-тесло.

5. Как и в эпоху средней бронзы, металлообработка оставалась профессиональным занятием, но ее организация претерпела изменения. Разветвленная сеть обмена и создание на этой основе местных запасов сырья, упрощение и универсализация технологии привели к территориальному расширению производства. Находки литейных форм сабастиновского этапа известны во всех районах Северного Причерноморья (от Восточного Приазовья до Молдовы). Приуроченность литейных форм и особенно кладов форм к поселениям, наличие долговременных производственных свалок, локальные вариации изделий — все говорит в пользу того, что повсеместно возникают мелкие стационарные мастерские. Металлообработка стала как бы рассеянной, децентрализованной. Вместе с тем появляются крупные мастерские (судя по кладам форм из Голоурова, Красного Маяка и т. д.), способные обслуживать несколько общин. Обе формы организации сосуществуют, дополняя друг друга. Как в мелких, так и в крупных мастерских отливались различные изделия, специализация отсутствовала. Судя по кладам литейных форм, которые были спрятаны на поселениях, но так и не достались их владельцам, торговлей металлом занимались главным образом кузнецы-литейщики. Анализ составов кладов (типичный состав — сельхозорудия), некоторых приемов литья (приспособления для получения единовременных серий серпов), путей сообщений убеждает, что обмен и производство носили сезонный характер и в целом регламентировались сельскохозяйственным циклом.

6. Сабастиновская металлообработка обязана своим расцветом значительному подъему добычи сырья в карпато-балканском и донецком горно-металлургическом центре. Экономическим следствием этого подъема было удешевление материала, что и позволило его экспортиро-

вать в больших количествах на значительные расстояния, несмотря на все трудности транспортировки. Прекращение импорта меди, нарушение обменных связей грозили обернуться для северопричерноморской металлообработки катастрофой. В значительной мере это и произошло на белозерском этапе (Е. Н. Черных, А. И. Тереножкин). Резкое уменьшение числа кладов и единичных случайных находок металла, исчезновение некоторых специализированных категорий (серпов, коротких мечей, копьевидных долот и т. д.), миниатюризация изделий, частичное возрождение кремневой индустрии (серпы) — все это объясняется сокращением внешнего притока меди в белозерское время. На состоянии белозерской металлообработки прямо отразился упадок горно-металлургического производства в Юго-Восточной Европе, который определенно связывается с распространением культур гальштатского облика. Появление гальштатских комплексов сопровождалось исчезновением старых культур (ноу, витенберг, отомань и т. д.), гибелью их горного промысла, выходом из обращения большого количества металла, нарушением традиционных связей. По неясным пока причинам захирел донецкий горно-металлургический центр. В результате этих событий прекратил существование мощный рижский (ноуский) очаг, а северопричерноморская металлообработка территориально сокращается до пределов Нижнего Поднепровья. Нехватка меди вызвала ее подорожание, объективно это вело к распространению рудничного железа, которое было давно уже известно в Европе, но долгое время не могло конкурировать с медью, ибо оставалось относительно дорогим. Теперь шансы обоих металлов в значительной мере уравнились. Поэтому можно высказать предположение, что в ряде районов, особенно безрудных, внедрение нового материала связывается не с расцветом бронзолитейного производства, а, напротив, с его кризисом. Однако в Северном Причерноморье настоящий железный век начинается с киммерийской культуры (А. И. Тереножкин). И здесь гибель старой и закрепление новой традиции обусловлены крупными культурно-хозяйственными изменениями.

7. Проведенный обзор показывает, что древняя металлообработка в Северном Причерноморье — достаточно сложное явление, организованное по принципу обратной связи. Нельзя, в частности, не заметить того тривиального факта, что производство, обмен и потребление взаимообусловлены, что технология отвечает характеру производства, и т. д. Поэтому любая крупная инновация в одной из сфер так или иначе вызывает изменения в других сферах. Вместе с тем существует некий механизм самосохранения воспроизводства, который не дает этим изменениям выйти за пределы определенных границ (Э. Г. Абрамян). В принципиальном плане роль такого механизма выполняла традиция общинного ремесла, которая своими корнями уходит в раннесрубную металлообработку (В. С. Бочкарёв). Она прослеживается во всех северопричерноморских очагах. Даже в белозерское время на Нижнем Днепре производство было ориентировано на достаточно широкий, «демократический» круг общинников. Правда, это было достигнуто за счет жесткой экономии сырья (миниатюризация изделий, отказ от выпуска ряда категорий и т. д.). Столь же стойкой, не считая мелких изменений, оказалась технология, основные компоненты которой восходят к раннесрубным, андроновским и особенно сейминско-турбинским образцам. Однако в функциональном отношении уже происходят существенные перемены. Из деревообрабатывающих инструментов на всем протяжении эпохи поздней бронзы сохраняются кельт-топор, желобчатое долото (стамески, пилы, копьевидные долота и т. д. со временем исчезают); из оружия — кинжал и копье; из утвари — нож, шило, бритва, котел; из украшений — браслет. На белозерском этапе металлические сельскохозяйственные инструменты выходят из употребления.

8. Наиболее подвижной, изменчивой частью металлообработки оказались типы изделий. К традиционным формам можно отнести только три: нож-кинжал с упором, двушковый кельт и прорезное копье. Все остальное меняется, причем весьма существенно, что и дает основания для выделения отдельных металлообрабатывающих очагов. Возникновение очагов было вызвано и сопряжено с более или менее крупными общекультурными изменениями, часто охваты-

вавшими очень значительные территории. Поэтому в каждом новом очаге синтезировались по крайней мере три группы элементов: местные (традиционные), общестадийные (с широким территориальным охватом) и той культурной зоны, откуда стало поступать сырье. Новое усваивалось как путем прямого привнесения, подражания, так и через специфическую реализацию технологической, функциональной или культурной идеи. На уровне категории и типа источниками инноваций выступали технико-технологические, функциональные и дизайнерские изменения, а чаще их комбинации. При этом разные категории с неодинаковой скоростью и степенью реагировали на эти изменения. Так, для эволюции ножей и отчасти бритв лидирующее положение занимали кинжалы; долот и тесел — кельты и т. д. Если зарождение каждого нового очага считать актом инновации, то в его стабильности следует видеть проявление традиции, в которую через стереотипизацию трансформировалась инновация.

Развитие общества и прогресс систем вооружения (По материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы)¹¹

1. В южной половине Восточной Европы, как и на большей части европейской степи и лесостепи, эпоха поздней бронзы открывается свитой новых культур (срубная, андроновская и др.). Вместе с этими культурами происходит становление и развитие комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, которое позволило с небывалой доселе полнотой осваивать степные и лесостепные пространства и тем самым стимулировало колонизацию новых земель. Более устойчивая экономика и прочная оседлость благоприятно сказались на развитии металлургии и металлообработки, обогащенных серией новых технических и технологических приемов. С этой поры металлические изделия стали широко внедряться в сельское хозяйство, деревообработку, горное и военное дело. Расцвету металлообработки в сильной степени способствовал также слой «военной аристократии» (Е. Е. Кузьмина), возникновение которой, очевидно, связано с процессом дислокации культур или их отдельных групп. Этот процесс не всегда протекал мирно, о чем мы можем судить по появлению укрепленных поселений и настоящих крепостей, многочисленных погребений мужчин, погибших от стрел, и таким памятником, как Пепкинский курган (А. Х. Халиков) и др. К этой же поре (XVII–XV вв. до н. э.) приурочены погребения «военной аристократии», которые иногда составляют целые родовые (?) могильники (Покровск, Синташта). Аналогичные могильники того же времени открыты в лесной зоне Восточной Европы и Западной Сибири (Сейма, Турбино, Ростовка и др.). Все они отличаются не только богатством инвентаря, особенно воинского, но и так называемым культурным синкретизмом. В них присутствуют не только элементы соседних культур, но и очень отдаленных (карпато-дунайских, южнобалканских, северокавказских, сибирских). Последнее обстоятельство указывает как на высокий общественный статус погребенных, так и на вероятность далеких грабительских походов. В среде этой «аристократии», которую отличает «культурный космополитизм», возникает эффективная система наступательного вооружения, включающая легкую (очевидно, двухместную) боевую, конную колесницу (Синташта, Спасское, Сухая Саратовка, Петровна и т. д.), лук, мощное копье (длиной 20–50 см), кинжал. Структурно сходная система вооружения зафиксирована у поздних хеттов и ассирийцев.

В атаке основным оружием колесничих был лук со стрелами, снабженными крупными кремневыми наконечниками сейминского и турбинского типов. Появляются и металлические стрелы — черешковые или втульчатые. В спешенном положении и в поединках применялись копьа различных типов и кинжалы. Для борьбы с колесницами противника кроме лука исполь-

¹¹ Опубликовано: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа (20–24 октября 1982 г.). Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума, посвященного 60-летию образования СССР. Ереван, 1982. С. 19–22.

зовали специальные копья с крюками (Ростовка). Из защитного вооружения известны деревянные щиты (Натальино) и роговые латы (Ростовка).

Кроме этого оружия колесничих в состав боевого снаряжения различных культур входили проушные топоры (срубная, андроновская), топоры-клевцы (андоновская), клевцы, кельты, боевые ножи, редко, дротики (Сейма-Турбино-Ростовка), булавы, пращи (срубная, андроновская).

Сравнительный анализ показывает, что в XVII–XV вв. до н. э. население Юго-Восточной Европы и прилегающих с востока территорий обладало одним из самых мощных военных потенциалов того времени. Военная мощь опиралась на успехи сельскохозяйственного производства (обилие лошадей), металлообработки (цельнолитое бронзовое оружие, плотничьи инструменты) и деревообработки (колесницы). Все это в конечном счете и обеспечило успех грандиозных миграций той эпохи.

2. Бурная эпоха второй четверти II тыс. до н. э. после передвижения основной части срубной культуры в пределы степной и лесостепной Украины сменяется общей культурной стабилизацией. В XIV–XII вв. до н. э. степь от Дуная до Волги покрывается сетью неукрепленных селищ, курганными и грунтовыми могильниками с тысячами погребений, которые отличаются удивительной простотой и единообразием. Среди них исчезают «богатые» погребения и вообще сколько-нибудь отклоняющиеся от общей нормы. Несмотря на общий культурный подъем, общество сабашиновского этапа представляется слабее дифференцированным, чем в предшествующую эпоху. Нет никаких признаков существования и «военной аристократии». С этим вполне коррелирует то обстоятельство, что в XIV–XII вв. до н. э. кардинально меняется набор вооружения. Сохраняя типологическую преемственность с предшествующей эпохой, копье трансформируется в легкий дротик, в том числе и специализированного вида (красномяцкий тип), а кинжал — в короткий рубящий меч сосново-мазинского и красномяцкого типов, явно предназначенных для пешего боя.

Судя по всей совокупности источников, резко сокращается боевое применение лука и колесниц. О существовании последних мы можем предполагать только по находкам стержневых псалиев и некоторых бронзовых поделок (Лозово). Но более или менее широкое применение такой дорогой военной машины почти автоматически подразумевает наличие военной знати (Э. А. Грантовский), чего не подтверждают источники XIV–XII вв. до н. э. (в частности, отсутствует дорогое оружие).

Резюмируя сказанное, можно заключить, что новая система вооружения предназначалась для пешего боя.

Из других видов оружия, которые дополняют нарисованную картину, следует назвать кинжал, кельт (в андроновской культуре — проушной топор), булаву, пращу, деревянный щит, обтянутый бронзовой пластиной (Борисовка).

3. В белозерское время (XII–X вв. до н. э.) продолжается развитие срубной культуры без каких-либо кардинальных перемен. Набор оружия остается прежним, хотя оно и претерпевает типологические изменения. К этому следует добавить еще три обстоятельства, которые отличают белозерский этап: а) кризис бронзолитейного производства, вызванный внешними причинами (следствием этого было развитие железоделательного производства); б) черты социальной и имущественной дифференциации, что нашло отражение в погребальном обряде; в) признаки освоения верхового коня и зачатки новой системы вооружения. Правда, по последнему пункту мы имеем только косвенные данные, основанные на морфологическом и структурном сходстве белозерских и киммерийских псалиев и появлению длинных кинжалов или коротких мечей с параллельными лезвиями (Волошское).

4. Третья реформа вооружения происходит в IX–VIII вв. до н. э. и связана она с возникновением кочевого скотоводства и переходом к веку железа. В киммерийское время на первое место выдвигается конный стрелок из лука, вооруженный также кинжалом, железным мечом с параллельными лезвиями, длинным копьем, секирой (А. И. Тереножкин).

5. В заключение обратим внимание на три общих положения, которые вытекают из проведенного обзора: а) совершенно ясно просматривается зависимость систем вооружения от общего состояния общества и политической ситуации; б) системы вооружения эпохи поздней бронзы в пределах степи принципиально были едины, но источники инноваций имели восточное происхождение; в) в условиях степи непосредственное и прямое влияние на выбор системы вооружения оказывали средства передвижения в бою.

Факторы развития металлообрабатывающего производства южной половины Восточной Европы в эпоху поздней бронзы¹²

В эпоху поздней бронзы в южной половине Восточной Европы широкое распространение получило металлообрабатывающее производство. Его развитие было тесно связано с процессом культуругенеза и зависело от него. Смена культур или их существенная трансформация влекли за собой аналогичные изменения в металлообработке.

Конечно, не во всякой культуре возникал самостоятельный металлообрабатывающий очаг, но каждый из них наиболее полно соответствовал одной культуре. При этом, сфера воздействия очага могла быть очень обширной и охватывать ареалы ряда культур. Иногда несколько очагов группировались в металлообрабатывающие зоны, деятельность которых развертывалась на территории двух-трех родственных культур. В качестве примера таких образований могут быть названы: срубно-алакульская, лобойковско-дербеденовская, ноуа-саботиновская зоны.

Деятельность очагов и зон, в основном, определялась традициями культур, в рамках которых они функционировали, а также состоянием горно-металлургического промысла на Кавказе, Урале, в Карпато-Балканском бассейне и в альпийском регионе. Эти горно-металлургические области играли ключевую роль в развитии металлообработки во всем умеренном поясе Европы. На базе их сырьевых ресурсов формировались металлургические провинции. Особо важно подчеркнуть, что эти же области являлись крупнейшими очагами культуругенеза, в которых зарождались блоки культур. Строго говоря, металлургические провинции являлись одним из проявлений этих блоков.

Каждая такая провинция имела довольно сложную иерархическую структуру. В ее состав входили очаги, зоны и субпровинции, часто удаленные друг от друга на большие расстояния. Они могли нормально функционировать благодаря развитой системе обмена с указанными горно-металлургическими областями, причем связи с той или иной из них определялись не столько экономической целесообразностью, сколько степенью культурного родства, традициями, то есть в конечном итоге все тем же «фактором культуры».

Однако, настойчиво подчеркивая значимость этого фактора, мы не должны упускать из виду, что металлообрабатывающие производства обладают значительной автономией. Их обособленность была вызвана специализацией кузнечно-литейного дела, особым социальным и общественным статусом мастеров, особым характером их производительных и торговых связей и т. д. Одним словом, металлообработка столь специфична, что может быть ярким примером субкультуры. Для нее свойственны собственные традиции, свой путь развития, что находит отражение в истории сплавов, технологии производства, типологии металлического инвентаря и, наконец, в системе понятий.

Учитывая сказанное, можно заключить, что при археологическом изучении металла необходимо учитывать оба фактора (культуры и субкультуры) в их соподчиненном положении.

¹² Опубликовано: Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Краткие тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. А. Латынина. Л., 1990. С. 4–5.

Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (По материалам южной половины Восточной Европы)¹³

В этой работе предпринята попытка продемонстрировать те элементы взаимосвязи, которые обнаруживаются между ходом культурогенеза и развитием металлопроизводства в эпоху поздней бронзы. Хотя археология постоянно сталкивается с проявлениями культурогенеза, представления о нем слабо разработаны в нашей науке. В широком смысле это явление можно рассматривать как процесс всех тех изменений, которые приводили к возникновению и становлению новых культурных образований. Он протекал в различных формах: путем эволюции, трансформации или же через резкий, катастрофический скачок. Важнейшими субъектами культурогенеза являются археологическая культура и тесно с ней связанная группа других археологических явлений (вариант культуры, культурно-историческая общность и т. д.). Основные из них показаны в работе Д. Кларка (Clark 1968: 188).

Модель Д. Кларка не самая проработанная и полная из тех, что уже известны археологии. Но она отличается простотой, логичностью, включенностью в более общую систему. Принимая ее в целом, позволим себе сделать лишь некоторые уточнения. В основном они будут касаться такой важнейшей категории, как археологическая культура (АК). Напомним, что, согласно Д. Кларку, АК — это политегический набор специфических и всеобщих категорий типов артефактов, которые не случайным образом встречаются вместе в комплексах в пределах ограниченного географического ареала (Clark 1968: 188). Это определение позволяет отчетливо осознать, что в составе культуры имеются два основных компонента: типологический и географический. Первый из них — это некий набор, группа комплексов, связанных устойчивым сочетанием типов, а второй — та часть географического пространства, которая занята этой группой. Важность разграничения этих двух компонентов становится очевидной при сравнении культуры с периодом, который является чрезвычайно важным инструментом в исследовании культурогенеза. Как известно, АК и период частично идентичны по своему типологическому содержанию. Но в культуре акцент делается на географическом размещении типологического компонента, а в периоде основное внимание обращается на то, какое место он занимает на шкале времени. По этой причине культуру и связанные с ней явления следует отнести к числу пространственно-типологических понятий, а период, этап, горизонт и т. д., очевидно, являются типолого-временными определениями.

Культура — ключевое звено в модели Д. Кларка. Все остальные ее звенья прямо или косвенно восходят к этому понятию. Они также относятся к числу пространственно-типологических понятий, содержат те же компоненты — типологический и географический. Но объем и содержание этих компонентов, естественно, будут различаться в зависимости от того, какое место занимает то или иное звено в иерархическом ряду модели.

Явления, зафиксированные в модели Д. Кларка, являются своего рода археологическими формализмами. Действительно, когда археолог выделяет новую культуру, он понятия не имеет о ее, скажем, социально-экономическом содержании. В этой связи высказывание Д. Кларка, что археологическая культура есть археологическая культура и больше ничего, вполне понятно. Но оно справедливо до определенных пределов. Когда, например, мы переходим к изучению культурогенеза, мы не можем отрешиться от культурно-исторического содержания археологических явлений. Поэтому, хотя бы априорно, приходится допускать, что культура, ее вариант и т. д. являются археологическим отражением каких-то общностей живой, функционирующей культуры.

¹³ Опубликовано: Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1995. С. 114–123.

Как известно, эта «живая» культура охватывает все стороны человеческой деятельности, и в том числе металлопроизводство, причем металлопроизводство единодушно признается весьма важной чертой культуры. Поэтому не случайно сведения о нем тщательно изучаются этнографией, историей, археологией и другими гуманитарными науками. Но, будучи важной составной частью культуры, металлопроизводство является и очень обособленной ее частью. Его автономия вызвана рядом причин. Назовем важнейшие из них. Вся совокупность исторических, этнографических, фольклорных и археологических данных единодушно свидетельствует в пользу того, что с самого раннего времени производство металла и изделий из него было высоко специализированным занятием. Обычно оно было наследственным ремеслом, обучение которому начиналось с детского возраста. Как правило, мастера составляли обособленные кланы, в которых практиковалась эндогамия. В соответствии с этим социальный и общественный статус кузнецов-литейщиков отличался своеобразием. Он колебался в широких пределах, от самого низкого до очень высокого. Но всегда был особым. Металлопроизводство было окружено массой суеверий и предрассудков, магией, что нашло отражение в языке и фольклоре многих современных народов (Forbes 1950: 196). Список аналогичных данных о положении металлопроизводства в так называемых примитивных обществах может быть продолжен и дальше. Обобщая их, можно уверенно заключить, что металлопроизводство относится к числу тех автономных культурных явлений, которые в западной антропологии называют субкультурами.

Археология так же хорошо опознает субкультуру металлопроизводства. Она ее улавливает уже на уровне источников. Имеются в виду такие специфические памятники, как погребения литейщиков, литейные мастерские, клады литейных форм и металлических изделий. На основе этих источников были сформулированы такие абстрактные представления о металлопроизводстве, как очаг, зона, провинция и т. д. Основная часть этих понятий была систематизирована Е. Н. Черных (1978а: 262, рис. III).

Модель Е. Н. Черных во многом подобна модели Д. Кларка. Обе они состоят из археологических рядов пространственно-типологических понятий, каждое из которых содержит типологический и географический компонент. Однако имеются и принципиальные различия, которые лучше всего проявляются при сравнении очага и культуры. В типологический компонент очага входят только те комплексы, которые отражают металлопроизводство, то есть специфические виды источников. В культуре дело обстоит иначе. В ней за основу берутся все доступные виды источников или же те из них, которые в наибольшей степени выражают локальные особенности бытовой и производственной деятельности древнего населения. Иными словами, она стремится отразить живую культуру как можно полнее и всестороннее. Эти принципиальные расхождения свойственны не только культуре и очагу, но и всем остальным звеньям I и II моделей. В конечном счете, сходство и различия этих двух моделей — это сходство и различия культуры и субкультуры, целого и части.

Завершая на этом теоретическую часть этой работы, мы, однако, продолжим сопоставление моделей Д. Кларка и Е. Н. Черных. Но это будет сделано уже в ином, культурогенетическом аспекте. Такое сопоставление естественно начать с ключевых понятий культуры и очага. А. А. Иессен, который ввел в нашу литературу представление об очаге металлургии и металлообработки, не дал ясного ответа на вопрос о его соотношении с археологической культурой. Однако их полное отождествление для многих исследователей стало как бы само собой разумеющимся. Полнее всего такой подход реализовал Е. Н. Черных в работе, посвященной волгоуральской металлургии. Там у него, что ни очаг — то культура, что ни культура — то очаг. Это было даже закреплено в теоретических формулировках: «Металлургический очаг — район, заселенный единокультурным населением, занимающимся металлургией» (Черных 1970: 13), «Очаг металлообработки — район, заселенный единокультурным населением, занимающимся металлообработкой» (Там же). Подобных определений придерживается часть исследователей и сегодня. Однако сам Е. Н. Черных изменил свое первоначальное мнение, когда он познакомил-

ся с материалами из Северо-Западного Причерноморья. Оказалось, что в этом регионе ареалы синхронных культур и очагов часто не совпадают друг с другом, что один очаг мог охватывать территорию, занятую несколькими культурами. Обобщая эти наблюдения, Е. Н. Черных заключил: «Так очаг металлургии (металлообработки) мог полностью совпадать с археологической культурой либо выходить за ее пределы и был связан с населением более чем одной культуры: в пределах же обширных культур (общностей) возможно существование двух-трех очагов» (Черных 1967: 168). В другом месте, переводя вопрос в несколько иную плоскость, он пишет: «Под очагом металлообработки в Северном Причерноморье ... приходится понимать не металлообработку той или иной культуры, ... а в первую очередь металлообрабатывающую деятельность группы (клана) мастеров. Последние часто придерживались своеобразных традиций и приемов в своем ремесле ... и, вероятно, нередко были культурно обособлены от окружающего их населения» (Черных 1967: 149).

Однако и эти новые выводы Е. Н. Черных, на наш взгляд, не совсем точны. С ним можно вполне согласиться, когда он отмечает разнообразие культурных связей того или иного очага, неполное совпадение его ареала с территорией, занятой той или иной культурой. Все это так. Но при этом нельзя не заметить, что связи этого очага наиболее полно концентрируются на одной культуре, что его основные производственные центры сосредоточены в зоне распространения именно этой культуры. На этот счет мы имеем достаточное количество фактов. Приведем только некоторые из них. Так, кардашинский очаг, выделенный и описанный Е. Н. Черных, охватывал своей деятельностью три культуры: белозерскую, белогрудовскую и бондарихинскую. Однако ясно, что территории двух последних культур являлись его периферией. Все основные производственные мощности этого очага располагались в Северном Причерноморье, занятом населением белозерской культуры. В том же плане следует трактовать отношения красномаяцкого очага с позднерубной, комаровской и восточнотшинецкой культурой. Его принадлежность к позднесабатиновской культуре вряд ли может вызывать серьезные сомнения. Примеры подобного рода отношений также известны в Волго-Уралье. С другой стороны, мы не знакомы с достоверными случаями, когда бы одной культуре принадлежали два, а тем более три очага.

В итоге приходится заключить, что при всем многообразии культурных связей того или иного очага, в наибольшей степени он все же соответствует одной культуре. Подчеркнем, что речь идет именно о соответствии, а не о тождестве, которого не может быть в силу автономии металлопроизводства.

Этот вывод фактически предопределяет и ответ на вопрос о судьбе металлопроизводства в случае изменения культуры. Очевидно, эволюция, трансформация или смена культур вызывает во многом аналогичные перемены в металлопроизводстве. Рассмотрим эти три варианта изменений на конкретных примерах.

В XVI–XV вв. до н. э. в Нижнем Подонье и на Левобережной Украине появилась рубная культура, заняв часть территории, до этого принадлежавшей населению КМК. Смена одной культуры другой здесь происходила резко и внезапно. Она была связана с миграцией нового населения из пределов Поволжья. Столь же радикальные перемены происходят и в металлообработке. Вместе со «срубниками» появляется волго-уральский металлообрабатывающий комплекс, который полностью вытесняет из производства и потребления старые стереотипы, восходящие к северокавказской традиции.

К аналогичному результату привела замена культуры ноуа гальштатскими культурами (Кишинев-Карлатень, Голиграды) в XII–XI вв. до н. э. Вместе с гибелью культуры ноуа прекращает свое существование и ее рибештский очаг металлообработки. В этом случае смена культур также происходила миграционным путем и имела катастрофические последствия для местного металлопроизводства.

Иначе обстояло дело при другом варианте изменений, который мы относим к числу культурных трансформаций. В этом случае новая культура возникает на местной основе под воздействием внутренних или внешних импульсов. В зависимости от этого различают спонтанную или стимулированную трансформацию (Арутюнов 1985: 32–33). Вероятно, в результате таких процессов возникают срубная (в Волго-Уралье), алакульская и белозерская культуры. Остановимся на последней из них, вопрос о которой представляется более или менее проработанным. У большинства исследователей не вызывает сомнений, что в основе белозерской культуры лежит сабастиновский субстрат. Он проявляется во многих компонентах, но особенно наглядно и убедительно в кухонной керамике. Не случайно долгое время эту культуру принимали лишь за очередной, самый поздний этап развития местной культурной среды в эпоху поздней бронзы. Как теперь бесспорно установлено, она является новым культурным образованием, что ярко демонстрируют ее погребальный обряд и столовая керамика.

Что касается металлопроизводства, то белозерская и сабастиновская металлообработка показывают высокую степень преемственности. Это видно на примере развития ряда категорий деревообрабатывающих орудий и инструментов (кельты, кельты-гесла, долота). Реже в этот ряд попадает утварь (ножи) и совсем редко оружие (прорезные наконечники копий). Подчеркнем, что речь идет о развитии, эволюции сабастиновских форм. Их прямой перенос, без всяких изменений, очень редок и коснулся только трех простейших типов булавок. Вместе с тем в белозерской культуре исчезает большая серия изделий, чрезвычайно характерных для ноуасской (ришештской) и сабастиновской (красномаяцкой) металлообработок. Среди них следует назвать все типы серпов, короткие мечи и копья красномаяцкого типа, подвески соловецкого типа, булавки с «протуберанцами» и т. д. Частично они были заменены новыми формами, привнесенными из западных, гальштатских культур. Особенно много таких заимствований оказалось среди украшений. Произошли замещения и иного рода: часть изделий начали изготавливать из железа, а металлические серпы почти полностью были вытеснены из употребления серпами кремневыми. Оба эти явления были вызваны кризисом кардашинского производства в сфере снабжения сырьем. Кстати, черты упадка местной металлообработки вполне коррелируют с тем общим спадом активности, который замечен для всей белозерской культуры (например, сокращается число поселений по сравнению с предшествующим периодом (Березанская и др. 1986: 122–123).

Последний вариант изменений, эволюционный, судя по нашим материалам, не приводит к возникновению новой культуры. В лучшем случае мы здесь имеем дело с очередным этапом в развитии одной и той же культуры. Примером может быть развитие срубной культуры на Нижнем Дону и в Левобережной Украине. Второй этап этой культуры, предсабастиновский, отмечен здесь появлением валиковой керамики и рядом восточных (федоровских) форм посуды. Во всем остальном сохраняется преемственность с предшествующим этапом. Что касается металла, то многие его ведущие формы, такие как проушные топоры, серпы, долота и т. д., переходят от первого ко второму этапу без всяких изменений. Но часть изделий (ножи, кинжалы и бритвы) все же претерпевает эволюционные изменения. При этом показательно, что минимальное количество типов I этапа выходит из употребления и на II этапе совсем не отмечено случаев так называемых абсолютных инноваций.

В целом, завершая раздел, можно констатировать, что характер и масштаб изменений в металлопроизводстве в своих основных чертах соответствовал тому процессу, который происходил в культурогенезе.

Переходя от культуры на более высокий таксономический уровень, необходимо отметить следующее обстоятельство. Как нам теперь хорошо известно по многочисленным данным, процесс культурогенеза во всех трех его вариантах обычно охватывал не одну, а одновременно несколько культур. Это наблюдение является одним из постулатов гипотезы о блоках культур. В наших материалах обращает на себя внимание синхронное и взаимосвязанное появление срубной и алакульской культуры. В Молдове (в румынской и советской ее частях), Нижнем

Подунавье и в Северном Причерноморье практически одновременно появляются культуры ноуа, кослоджени и поздняя сабастиновка. Позднее на этой территории приблизительно в одно и то же время их сменяет группа гальштатских культур и белозерская. Что же происходит с металлопроизводством при этих групповых, блоковых изменениях?

В срубной и алакульской культуре существовали самостоятельные очаги металлургии и металлообработки (Черных 1970: 111–115), которые отличались друг от друга по типам серпов, топоров, некоторым видам украшений. Заметны также различия в металлургическом и технологическом отношениях (Там же). Так, в алакульском очаге чаще, чем в срубном, употреблялись оловянистые бронзы, каменные литейные формы и т. д. Вместе с тем эти очаги имели очень много общих черт, которые проявляются как в типологии инвентаря, химизме металла, так и в общем характере производства. Эта общность столь велика, что позволяет их объединить в одну срубно-алакульскую металлообрабатывающую зону.

Формирование этой зоны, конечно же, было обусловлено тесными и всесторонними связями, которые объединяли срубную и алакульскую культуру. Но не меньшее, если не главное значение, имело то обстоятельство, что срубная и алакульская культура во многом восходят к общей подоснове. Ее можно видеть в таких памятниках, как Потаповский, Синташтинский и Покровский могильники, которые в свою очередь восходят к уральской абашевской культуре. Именно в этой среде находятся прототипы всех будущих форм срубно-алакульской зоны.

В противоположном углу Восточной Европы около XIII в. до н. э. образовалась другая металлообрабатывающая зона, рибештско-красномаяцкая. Она охватывала всю Молдову, Северное Причерноморье и также состояла из двух очагов — рибештского и красномаяцкого. Они столь близки друг другу, что Е. Н. Черных принял их за один ингуло-красномаяцкий очага (Черных 1976: 178–185). В действительности они имеют весьма существенные типологические различия. Это касается кельтов, копий, кинжалов, коротких мечей и т. д. Имеется так же много элементов сходства, но они носят несколько иной характер, чем в срубно-алакульской зоне. Здесь оно обусловлено не столько генетическим родством, общей подосновой, сколько прямыми синхронными связями. Это выражалось в заимствованиях и подражаниях многих металлических форм. В красномаяцкий очаг широким потоком вливались такие характерные рибештские формы, как одноушковые кельты с арочной фаской и «пещеркой», серпы с двумя отверстиями на рукоятке, крестовидные подвески, булавки с «протуберанцами» и т. д. В Северном Причерноморье эти изделия иногда воспроизводились без всяких изменений, но, видимо, чаще они подвергались модификациям. Так, кельты здесь приобретали два ушка, серпы снабжались полукольцом в основании рукоятки и т. д. С другой стороны, рибештский очаг воспринял с востока ряд чуждых для себя форм. Среди них следует назвать простые листовидные ножи, ножи-кинжалы с кольцевидным упором, некоторые типы наконечников копий, коротких мечей.

Таким образом, то единство, которое обнаруживает рибештско-красномаяцкая зона, явилось результатом тесных взаимных контактов двух соседних очагов. Они были обусловлены не столько территориальной близостью, зависимостью от общих источников сырья, сколько глубокими всесторонними связями культуры ноуа и поздней сабастиновки. Не случайно А. Флореску отнес эти две культуры к единому ноуа-сабастиновскому культурному комплексу. Это определение широко принято в румынской литературе. По данным А. Флореску, с гибелью культуры ноуа этот комплекс распадается. Прекращает свое существование и рибештско-красномаяцкая зона, а сабастиновская культура трансформируется в белозерскую.

Третья, самая обширная и, пожалуй, самая загадочная зона сформировалась около XIV в. до н. э. Она охватывает зону лесостепи и частично степи от Приуралья до Правобережной Украины. В ее состав входили два очага — дербеденовский и лобойковский. Судя по концентрации находок, основные производственные центры первого из них располагались в Волго-Камье, а второго — в Среднем и северной части Нижнего Поднепровья. Граница между ними проходила где-то в районе Среднего Подонья. Различия между этими двумя очагами лучше

всего проявляются в наборах кельтов и химизме металла. Хотя в обоих очагах получили распространение одни и те же группы кельтов, лобойковские мастера предпочли двушковые модели, а дербеденовские — одноушковые. Кроме того, в Волго-Камье начали раньше производить кельты-тесла, чем на Украине, где продолжали употреблять плоские тесла. Фиксируются также типологические различия среди ножей — кинжалов, бритв, долот и т. д. Другое существенное различие касается сырьевых источников, которыми пользовались литейщики этих очагов. Как показал спектральный анализ, на производство дербеденовских изделий шел металл исключительно волго-уральского происхождения (Черных 1978а: 115–116). Более сложная картина зафиксирована в лобойковском очаге. Здесь доминировала химико-металлургическая группа Лб, которая, согласно мнению Е. Н. Черных, образовалась из химически перемешанного металла волго-уральского и карпатского происхождения (Черных 1976: 190–195).

В одну зону эти очаги объединяет значительное количество общих типов, которые есть среди сельскохозяйственных орудий, оружия, предметов утвари. В совокупности их, пожалуй, не меньше, чем тех, которые разделяют очаги. Большая их часть восходит к срубно-алакульским прототипам и указывает, что сходство этих очагов имеет генетическую основу. Но имеется и другая группа общих черт, которую невозможно вывести целиком из срубно-алакульского наследия. К их числу следует отнести повсеместное распространение в дербедено-лобойковской зоне кельтов одних и тех же групп, литья «слепой» втулки, каменных литейных форм и сравнительно широкое употребление оловянистых бронз. В совокупности они составляют единый технико-технологический комплекс, внедрение которого превратило литье в ведущий прием производства металлических изделий в дербедено-лобойковской зоне. Первичный источник этих дербедено-лобойковских инноваций следует искать в сейминско-турбинском производстве, а конкретно их нужно связывать с металлопроизводством постсейминского времени лесных районов Волго-Камья и предтаежной зоны Сибири. Отсюда они распространились в Волго-Уралье, а затем проникли в юго-западном направлении вплоть до Правобережной Украины. В пользу такой схемы развития говорят не только типологические и хронологические приоритеты указанного производства, но и ряд других фактов. Имеются в виду распространение на Украину волго-уральского металла, вошедшего составным компонентом в группу Лб, типологическая зависимость лобойковских кельтов от дербеденовских и сходство последних с карасукскими; раннее по сравнению с Украиной появление на Урале такой «сибирской» формы, как кельт-тесло с пещеркой и т. д. Наконец, в этой связи следует отметить находку единичных образцов керамики межовского облика на ряде поселений эпохи поздней бронзы Украины (Ташлык, Александрия, Усово Озеро и др.).

Подводя итог сказанному, мы склоняемся к предположению, что формирование дербедено-лобойковской зоны, как нового явления в восточноевропейской металлообработке, в основном связано с северо-восточным импульсом, последовавшим из района Волго-Камья. К сожалению, остается недостаточно ясным тот культурный фон, на котором разворачивалось дербедено-лобойковское производство. Судя по доступным сейчас данным, лобойковский очаг теснее всего был связан с ранней сабатиновской культурой (Кабаковские хутора, Капулово, Кременчуг и т. д.), хотя ареал его изделий гораздо шире. Что же касается дербеденовского производства, то можно предполагать его принадлежность приказанской или межовской культурам. Но отношения между этими тремя культурами остаются невыясненными. В этой связи следует еще раз напомнить о находках керамики с межовскими чертами на Украине и распространении как здесь, так и в Волго-Уралье, керамики с валиковой орнаментацией.

Завершая на этом обзор металлообрабатывающих зон, можно констатировать, что по крайней мере две из них явились проявлением той общности культур, которая в одном случае базировалась на генетической основе, а в другом — на тесных и всесторонних контактах. Возможно, к этому добавится и третий вариант — единый импульс, который, вероятно, имел место в случае с дербедено-лобойковской зоной.

Чтобы еще раз продемонстрировать зависимость возникновения зон от степени культурного родства, приведем два примера, но несколько иного свойства. Как теперь достаточно хорошо установлено, территориальная близость двух или нескольких очагов и наличие в одном из них рудных запасов не являлось достаточным основанием слияния в одну зону. В этой связи показательны взаимоотношения кардашинского и прикубанского очага. Очевидно, трудно преодолимым препятствием для их тесных контактов стала культурная разнородность населения Северного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа. Но в начале эпохи железа положение заметно изменилось, что последовало за начавшейся культурной интеграцией этих регионов на черноговорской и особенно новочеркасской ступенях. Другой пример также касается кардашинского очага. Судя по спектро-аналитическим данным, основную массу сырья он получал из карпатских источников. Однако это не привело к его слиянию в одну зону с гальштатским металлопроизводством, как это случилось на позднесабатиновском этапе. Очевидно, что здесь решающее значение сыграл тоже фактор культуры. Гальштатское и «белозерское» население оказались совершенно чуждыми друг другу в генетическом отношении.

Подчеркивая особенности формирования и функционирования восточноевропейских очагов и зон, нельзя упускать из виду, что они имеют достаточно много общих черт как на синхронном, так и на диахронном уровнях. Это дало основание Е. Н. Черных объединить их вместе с рядом очагов Казахстана и Западной Сибири в единую евразийскую металлургическую провинцию. По общему характеру производства, набору изделий, химизму металла она заметно отличается от аналогичных образований на Кавказе и в карпато-балканском регионе. На мой взгляд, евразийская провинция явилась одним из порождений волго-уральского очага культурогенеза эпохи поздней бронзы. На всей огромной территории, занятой этой провинцией, заметно присутствие «волго-уральского культурного комплекса». Он проявляется во всем: в керамических и костяных изделиях, в погребальных обрядах и системе хозяйства и, конечно же, в металле. Металлообрабатывающие очаги и зоны, о которых шла речь на предыдущих страницах, в конечном итоге отражают процесс культурогенеза, зародившийся в Волго-Уралье во второй четверти II тыс. до н. э.

III. ДРЕВНЕЕ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Волго-уральский очаг культуuroгенеза эпохи поздней бронзы¹⁴

Начало эпохи поздней бронзы в волго-уральском регионе отмечено появлением таких ярких памятников как Синташта и Аркаим, Утевка и Потапово и т. д. В один ряд с ними следует также поставить могильники сейминско-турбинского типа и абашевскую культуру, хотя, очевидно, они совсем иного происхождения. В этой разнородной, но чрезвычайно насыщенной культурной среде, оставившей нам эти памятники, отчетливо проявились или же впервые оформились те черты, которые стали характерными для эпохи поздней бронзы значительной части северной половины Евразии. К их числу относятся распространение оловянистых бронз, каменных литейных форм, литья «слепой» втулки, а также становление и развитие комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, которое оказалось оптимально приспособленным к условиям европейской степи и лесостепи. Благодаря этой новой хозяйственной системе, удалось колонизировать огромные степные пространства и заселить их так плотно, как это не наблюдалось ни до, ни после эпохи поздней бронзы. Это своего рода феномен эпохи. Наконец, следует иметь в виду, что на основе этой культурной среды сформировался срубно-андроновский блок культур, развитие которого (главным образом по линии дивергенции) наполнило конкретным содержанием всю эпоху поздней бронзы.

Все сказанное позволяет мне рассматривать волго-уральский регион как крупнейший очаг культуuroгенеза, в котором, образно говоря, родилась эпоха поздней бронзы Восточной Европы и Казахстана. Это заключение позволяет, на мой взгляд, правильно расставить типологические и хронологические приоритеты и подойти к выработке целостной концепции эпохи поздней бронзы евразийской степи и лесостепи.

Другое обстоятельство, которое мы должны принимать во внимание при рассмотрении процесса культуuroгенеза в Волго-Уралье, это его чрезвычайно интенсивный характер в начальный период эпохи поздней бронзы. При всей масштабности произошедших изменений продолжительность этого периода может быть определена максимум в 1,5–2 столетия (в пределах XVII–XVI вв. до н. э.). Стремительностью процесса я склонен объяснять появление так называемых синкретических памятников, в которых как бы механически скрещивались черты различных культурных образований, а также признаки отставания типологических изменений в металле от темпов развития других категорий культуры (например, керамики) (при нормальном ходе развития характерно обратное соотношение). Эти и ряд других явлений (например, феномен Сеймы-Турбино) достаточно необычны и не укладываются в традиционные нормы археологической, таксономии.

Следующая черта, характеризующая волго-уральский культуuroгенез, состоит в том, что его главным творцом являлась военная знать, обладавшая властными функциями. Именно с ней следует связывать известную триаду — «княжеские» погребения (Синташта, Потапово и т. д.), укрепленные поселения (Аркаим, Устье и т. д.), дорогие изделия из металла и других материалов (например, Бородинский клад). Судя по этой триаде, мы здесь сталкиваемся с одной из разновидностей так называемых комплексных обществ (вождеств). Как и в любом подобном обществе, знать (в данном случае колесничья аристократия) выступала основным организатором и заказчиком ремесленных производств и в сильной степени, способствовала их развитию. Особенно это касалось металлургии и металлообработки, чему мы находим многочисленные археологические подтверждения в волго-уральских материалах. Благодаря хозяйственным ус-

¹⁴ Опубликовано: Социогенез и культуuroгенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК РАН СССР. СПб, 1991. С. 24–27.

пехам и достижениям ремесленных производств, этой знати удалось создать один из самых мощных для того времени военных потенциалов (боевые колесницы в конной упряжке). Опираясь на него, она стремилась расширить свое влияние, свои международные связи, приобщиться к достижениям и богатству высоких цивилизаций. Отчасти этим объясняются широкое распространение ряда изделий волго-уральского происхождения (особенно оружия), а также элементы «культурного космополитизма», заметные в богатых погребениях и на отдельных предметах (например, часть из них украшена микенским и карпато-микенским орнаментом).

Около середины II тыс. до н. э. ситуация существенно изменилась. «Героическая эпоха» завершилась грандиозной миграцией населения срубной культуры и заселением казахстанских степей «алакульскими» племенами. Вместе с ними повсеместно распространился «волго-уральский культурный комплекс», одним из проявлений которого стала так называемая евразийская металлургическая провинция. С этого времени наступает период относительной стабилизации, в течение которого исчезают все признаки колесничьей аристократии.

Хотя и в дальнейшем Волго-Уралье остается одним из мощных генераторов новых культур (черкаскульская, межовская, хвалынская и т. д.), его вклад в общий прогресс Северной Евразии существенно снижается. Развитие обширной культурной общности, возникшей под его прямым воздействием, все больше идет по линии дивергенции, все большее значение приобретают региональные факторы. К началу эпохи железа она почти полностью распадается и сменяется новой общностью, порожденной уже совсем иным очагом культурогенеза.

Завершая на этом краткую характеристику волго-уральского очага культурогенеза, еще раз подчеркну, что его развитие во времени и пространстве в конечном счете определило содержание и характер того явления, которое мы называем эпохой поздней бронзы значительной части Северной Евразии.

Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики)¹⁵

1. Практически одновременно (в пределах первой трети II тыс. до н. э.) и независимо друг от друга в умеренном поясе Европы возникли два крупных очага культурогенеза: карпато-дунайский и волго-уральский. По уровню развития они заметно опередили многих из своих соседей и стали для них источником целой серии инноваций в технологической, военной, экономической и социальной сферах. По этой причине их влияние было сильным, а его последствия — долговременными: именно, с волго-уральским очагом следует связывать, например, формирование характерных черт эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы и Казахстана (Бочкарёв 1991).

Сравнительный анализ этих очагов выявляет не только вполне естественные различия между очагами культурогенеза, но также и черты сходства. Последние особенно интересны, так как позволяют наметить общие тенденции в культурно-историческом развитии во II тыс. до н. э. на значительной части Европы.

2. Формирование обоих очагов во многом определялось тем экономическим подъемом, который в начале II тыс. до н. э. охватил карпато-дунайский и волго-уральский регионы. Особенно заметен рост металлопроизводства, хорошо обеспеченного местным сырьем (медью, золотом, серебром и т. д.). Вероятно, уральский и карпатский горно-металлургические центры становятся одними из крупнейших в Европе производителей меди, оттеснив на вторые роли балканскую и северокавказскую металлургию. Как показывают типологические данные, карпатские изделия широко распространяются по Юго-Восточной и Средней Европе, достигая на

¹⁵ Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции 21–25 августа 1995 года. Саратов; СПб, 1995. С. 18–29.

севере Скандинавии (Kristiansen 1987). Столь же обширной была зона распространения уральского металла в Восточной Европе (Черных 1970; 1976).

Большая, чем прежде, доступность меди и ее сплавов способствовала расширению ассортимента металлических изделий. Появились новые категории оружия, украшений, деревообрабатывающих инструментов и т. д. Тогда же начался процесс внедрения металлических орудий (серпов, мотыг) в сельское хозяйство.

Кроме меди и бронзы, сравнительно широко стали использоваться другие металлы. Особенно большого, можно сказать — беспрецедентного масштаба, по сравнению с предыдущими и последующими этапами эпохи бронзы, достигла обработка золота (в Карпатах) и серебра (на Урале). Из этих металлов изготавливали не только украшения, но также посуду (чаши, кубки) и даже оружие (наконечники копий, мечи, кинжалы, топоры). Кроме того, золото в значительных количествах, видимо, шло на экспорт, в том числе и в Микенскую Грецию (Bouzek 1966; 1985; Hartman 1970).

Количественный рост объема металлопроизводства сопровождался качественными изменениями. Как на Урале, так и в Карпатах входят в употребление оловянистые бронзы, каменные литейные формы, осваивается литье изделий с «глухой» втулкой. Отсюда эта передовая для своего времени технология постепенно распространилась на другие территории Европы и Казахстана.

3. После большой серии специальных работ, опубликованных в отечественной и зарубежной литературе (см. обзор: Шнирельман 1988) вряд ли можно сомневаться в специализированном, ремесленном характере волго-уральского и карпато-дунайского металлообрабатывающих производств. Имеются веские основания утверждать, что это ремесло уже было достаточно дифференцировано, а мастера имели особый социальный и общественный статус и были связаны с правящей элитой (погребения кузнецов-литейщиков в Нижней Мышле, Утевке-VI, Потаповке и т. д.). Надо полагать, что специализация также затронула другие производства, и особенно те из них, которые обслуживали знать. Об этом можно судить по превосходному (профессиональному) качеству соответствующих изделий и, в ряде случаев, по самому их назначению (боевые колесницы, регалии и т. д.).

4. Сравнительно высокий уровень металлургии и ремесел способствовал превращению этих очагов в крупные центры обмена и торговли. Об этом лучше всего свидетельствуют карты распространения металлических изделий карпато-дунайского и волго-уральского типов (Mozsolits 1967; Hänsel 1968; Kristiansen 1987; Черных 1970). Они указывают на весьма интенсивные и широкие контакты. О дальних и сверхдальних связях можно судить по находкам изделий из редких материалов (ценных пород камня, янтаря, железа, фаянса, морских раковин). Согласно этим данным, волго-уральский очаг поддерживал торгово-обменные отношения со Средней Азией и Сибирью, Северным Причерноморьем и Нижним Подунавьем (Черных, Кузьминых 1989; Аванесова 1991; Виноградов 1995). Некоторые авторы в этот список включают и Микенскую Грецию (Кузьмина 1978).

В силу выгодного географического положения и по ряду иных причин, карпато-дунайский очаг оказался одним из важных центров европейской торговли янтарем, фаянсом, золотом и другими престижными и дорогими товарами. По некоторым оценкам (возможно завышенным) его внешние связи простирались от Ютландии до Пелопоннеса и от Верхней Италии до Поволжья (Hüttel 1978). Особый интерес у исследователей вызывают его возможные контакты с Микенской Грецией (Hachmann 1957; Bouzek 1985; Müller-Karpe 1978; Hänsel 1982; Vader 1991). Правда, прямых данных об этом нет, но имеются довольно многочисленные косвенные свидетельства, интерпретации которых посвящена обширная литература. Вопрос остается открытым. Тем не менее, большинство специалистов признают реальность этих контактов и отводят им огромную роль в развитии культур Юго-Восточной и Центральной Европы.

Наконец, следует отметить, что какого-то рода отношения были установлены между самими этими очагами. На этот счет уже собрано достаточное количество материалов. Среди них самым ярким памятником по-прежнему является Бородинский клад. В его металлических изделиях на редкость гармонично слились карпато-дунайские и волго-уральские элементы.

5. При всей значимости металлургии, ремесел и торговли, основой экономики в том и другом очаге оставалось сельское хозяйство. В целом оно имело комплексный или, говоря иначе, смешанный характер, но соотношение в нем земледелия и скотоводства сильно варьировало в зависимости от экологических условий и традиций. Так, в дунайском бассейне явно преобладал земледельческий уклад: практиковалась прочная оседлость (телли на Венгерской равнине), применяли севообороты (Kovács 1977) и, возможно, искусственное орошение. Согласно палеоботаническим данным, полученным в Южной Словакии, население отоманской и мадьяровской культур выращивало не менее 10 видов зернобобовых культур (Furmánek, Velačik, Vladoar 1991). Предпочтение отдавали эммеру и спельте, а на части территории Румынии, занятой отоманской культурой — мягким сортам пшеницы (Cărciumaru 1983). Возможно, что тогда же начали культивировать рожь (Hajnalova 1975). В стаде превалировал крупный рогатый скот, вслед за которым по численности шли свинья, коза, овца и лошадь (Furmánek, Velačik, Vladoar 1991).

Хуже известно сельскохозяйственное производство в волго-уральском регионе. Все же некоторые его особенности выявляются вполне отчетливо. Судя по всему, оно имело ярко выраженную скотоводческую направленность: в составе стада доминирующее положение занимал мелкий и крупный рогатый скот, почти отсутствовала свинья и сравнительно небольшим процентом представлена лошадь (Смирнов 1975; Косинцев 1983).

Очевидно, эта форма пастушеского (?) хозяйства оказалась очень хорошо приспособленной к условиям северо-евразийской степи. Благодаря ей, волго-уральскому населению удалось освоить огромные пространства открытой (маловодной) степи и заселить их так плотно, как никогда ранее. В конечном итоге, колонизация новых земель явилась одним из самых важных событий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Казахстана. Без нее последующий переход местного населения к кочевому скотоводству вряд ли был бы возможен.

В сельскохозяйственном производстве обоих очагов особое значение приобретает такая отрасль как коневодство. Ее развитие было вызвано тем, что началось интенсивное использование упряжной лошади в хозяйственных и, главное, — военных целях. Конная тяга превратила одноосную повозку в самое мощное оружие II тыс. до н. э. — колесницу. Применение легких боевых колесниц на колесах со спицами в первой трети II тыс. до н. э. достоверно установлено только в двух местах — на территории Древнего Востока (вместе с Эгеидой) и в Восточной Европе (с прилегающими районами Казахстана). Для карпато-дунайского очага прямые доказательства такого рода пока отсутствуют. Зато здесь имеется множество находок принадлежностей конской упряжи, которые также свидетельствуют в пользу широкого применения упряжной лошади в начале II тыс. до н. э.

6. В нашем распоряжении имеются археологические материалы, которые позволяют составить общее представление о социальной организации населения волго-уральского и карпато-дунайского очагов. Как это обычно происходит в археологии, материалы не поддаются однозначной социологической трактовке. Но для этих очагов они столь ярки и многочисленны, что конечный вывод кажется определенным. В данном случае мы имеем дело с вождествами — обществами, достигшими предгосударственного уровня (Бочкарёв 1991; Зданович 1995; Масон 1995).

Все основные признаки этой социальной организации (ремесленная специализация, социальное ранжирование, укрепленные центры, культовые места, монументальные сооружения, концентрация власти в руках военной элиты), как они были сформулированы К. Ренфрю (Renfrew, Bahn 1991), так или иначе прослеживаются в карпато-дунайских и волго-уральских материалах.

В мадяровской культуре (Юго-Западная Словакия) хорошо зафиксирована двухуровневая иерархия поселений (Тошк 1964; Shennan 1986). Верхний уровень составляют городища (Нитрянский градок, Веселе и др.), а нижний — более многочисленные селища. По утверждению Г. Б. Здановича (1995), подобная картина также характерна для синташтинской культуры Южного Зауралья. С точки зрения процессуальной археологии, такого рода поселенческая структура указывает на централизацию политической и экономической власти (Shennan 1986). Этот ответственный вывод в какой-то степени подтверждает анализ укрепленных поселений, которые нередко именуют протогородами или урбанистическими центрами. Многие из них (Аркам, Синташта, Сакрым-Сакла, Барца, Спишский Швртк и т. д.) демонстрируют удивительно сложную и, вместе с тем, регулярную планировку, которая характерна как для фортификационных сооружений, так и для рядовых жилищ. Очевидно, что стихийно она складываться не могла: для ее реализации требовались четкая организация и единое руководство.

Согласно обоснованному мнению ряда исследователей, карпато-дунайские укрепленные поселения типа Спишского Швртка являлись резиденциями правящей элиты, центрами накопления богатства и его редистрибуции. Г. Хюттель даже назвал их дунайскими аналогами дворцов-цитаделей Эгеи и Передней Азии (Hüttel 1982). Конечно, эти определения нельзя автоматически распространять на городища синташтинской культуры, характер которых остается неясным. С другой стороны, в погребальном обряде именно этой культуры отчетливо проявляется социальная стратификация общества.

Принимая во внимание значение колесницы, как универсального символа высокого социального ранга, к элитной страте синташтинского общества следует относить так называемую колесничью аристократию. Могилы ее уже сейчас открыты во многих некрополях, которые обычно состоят из нескольких (до двух десятков) одиночных и коллективных подкурганых погребений, расположенных по кругу. В центре кургана-некрополя помещены одна или две большие могильные ямы (Епимахов 1995). Могилы «колесничих» органично вписаны в структуру некрополя и никакими особыми или дополнительными признаками не выделяются. Опираясь на эти наблюдения, можно предположить, что высоким социальным рангом обладали не только отдельные лица, но и целые группы людей, связанных родственными узами (большая семья, клан, линидж?). Вероятно, такие группы занимали господствующее положение в синташтинском обществе.

Внешне иную картину дают материалы карпато-дунайского региона. На этой территории отсутствуют ярко выраженные погребения знати, но зато здесь, как нигде в Европе, хорошо представлены клады-сокровища (Першинари, Апа, Хайду-Шамшон, Острову-Маре и т. д.). Обычно в состав клада входят золотые утварь, оружие, украшения, а также бронзовые топоры и мечи, украшенные изысканным орнаментом в карпато-микенском стиле (Mozsolics 1967). Сами по себе эти клады говорят о концентрации в руках отдельных лиц или групп людей огромных для того времени богатств. Примечателен также состав кладов: в сущности, они состоят из предметов, которые не имеют утилитарного назначения. Это высоко престижные вещи — культовые предметы и регалии власти. Последнее предположение особенно очевидно в отношении золотого оружия.

Соккрытие этих кладов могло быть вызвано различными причинами. В частности, не исключено, что в землю они попали в качестве эквивалентов инвентаря элитных погребений. К такому выводу подталкивают недавние изыскания немецких и скандинавских археологов (Kristiansen 1990; Hansen 1991): установлена обратная корреляция между кладами металла и богатыми погребениями — появление одного из этих источников влечет за собой исчезновение другого. На мой взгляд, эти наблюдения позволяют удовлетворительно объяснить отсутствие богатых погребений в Карпатах и кладов-сокровищ на Урале. В целом, приведенные материалы, кажется, не оставляют сомнений в том, что в обоих регионах мы имеем дело с вполне оформившимся слоем элиты.

В заключение этого раздела укажу еще на два важных признака вождества, которые прослеживаются в волго-уральских и карпато-дунайских материалах: монументальные сооружения и культовые места. К числу первых следует отнести поселения-крепости типа Аркаима и Спишского Швертка. Поражает грандиозный масштаб их фортификации — глубокие рвы (до 4 и более метров глубины), мощные валы и высокие стены (4–6 м высотой, иногда в два обвода), башни и т. д. При строительстве использовали дерево, глину, землелитные блоки, камень и т. д.

Хуже известны культовые места. Они встречаются гораздо реже и с трудом опознаются. Все же три объекта, которые кажутся вполне достоверными, назвать можно: термальный источник (колодец) в Ганновцах (Словакия), «храм» из Салация (Румыния) и «храм-святилище» в Синташте (Vladar 1978; Bader 1990; Генинг и др. 1992). Напомню, что сакральное значение приписывается также самим городищам синташтинской культуры (Зданович Г., Зданович Д. 1995).

7. Процессы формирования, развития и распада карпато-дунайского и волго-уральского очагов во многих отношениях остаются еще неясными. Но их общий ход восстановить удастся.

В первый из названных очагов входила довольно большая группа культур: фюзешабонь, витенберг, отомань, ватья, мадьяровская, тей и монтеору. Эти культуры имеют много общих черт и вполне возможно, что они родственны друг другу. По принятой в средневропейской археологии периодизации, их расцвет пришелся на конец ранней — начало средней эпохи бронзы (по П. Рейнеке A2/B1), по Б. Хенселю FD III/SD I). Предполагается, что они возникли на местной карпато-балканской основе при влиянии Передней Азии и Эгеи. Обычно их оценивают как самое яркое явление автохтонного бронзового века, как своего рода блестящий итог его эволюционного развития. Некоторые авторы связывают с ними и начало цивилизационного процесса в Средней и Юго-Восточной Европе (Hüttel 1982).

Дальнейшее развитие карпато-дунайского очага было насильственно прервано вторжением с запада и северо-запада носителей курганной культуры. Последние заняли значительную часть Венгерской равнины (до р. Тиссы) и всю Словацкую низменность. В результате этих событий прекратили существование культуры фюзешабонь, ватья, мадьяровская, а отоманская культура заметно сократила свой ареал. На территории современной Румынии автохтонные культуры сохранились, но попали в состояние стагнации. На западной и северо-западной границах этих культур возник целый пояс так называемых буферных культур (пилини, сучья де сус, хайдубагош и т. д.).

Примерно в то же время карпато-дунайский очаг испытал сильное давление с востока. В конечном итоге это привело к гибели культуры монтеору и формированию нового обширного блока культур (ноуа-кослоджени-сабатиновка), который протянулся от Нижнего Поднепровья до Юго-Восточной Трансильвании. На остальной территории Румынии остатки населения культур отомань, витенберг и тей окончательно исчезают в XII в. до н. э. под ударами новой миграционной волны с запада.

По другому сценарию развивались события в Восточной Европе. Первичное ядро волго-уральского очага составил блок из трех культур: покровской, синташтинской и петровской. Несмотря на всю свою внешнюю выразительность, в структурном отношении эти культуры выглядят весьма аморфно. Каждая из них представлена множеством слабо дифференцированных типов, которые обычно состоят из небольшого числа артефактов. Согласно теории, такая структура характерна для начальной стадии культурогенеза (Clark 1968). Действительно, во всех названных культурах более или менее отчетливо прослеживаются их истоки. Они разнородны. Наиболее заметен, причем во всех трех частях блока, абашевский компонент (в «синташте» и «петровке» — в баланбашском варианте, а в «покровске» — в средневолжском). Абашевское наследие очень хорошо проявляется в керамике, металле и некоторых других категориях материала. Но, как правило, оно выступает уже в трансформированном виде. Второй компонент представлен элементами местных культур эпохи средней бронзы: полтавкинской, катакомбной, бабинской, вишневецкой и т. д. Вопреки ожиданиям, он пока улавливается с

большим трудом, предстоит еще выяснить его истинное значение. Особую роль в волго-уральском культурогенезе сыграл еще один фактор — сейминско-турбинский. Его влияние сказалось в социальной и военной сферах и, конечно же, в металлопроизводстве. Кроме того, он, вероятно, явился тем исходным импульсом, который придал процессу культурогенеза взрывной характер. Надо полагать, что продвижение из Сибири сильно вооруженных и хорошо организованных групп сейминско-турбинского населения вызвало дестабилизацию волго-уральской культурной среды. В силу географической близости эти события сильнее всего отразились на абашевской культуре, часть населения которой была вынуждена передвинуться в южном и юго-восточном направлении (Кузьмина О. 1992; Горбунов 1992). Абашевская волна, достигнув доно-волжско-уральской степи и лесостепи, стала основой формирования нового культурного блока (покровск-синташта-петровка). Как уже отмечалось, в него вошел и ряд других компонентов. Помимо этого, на ход культурогенеза также оказали воздействие и внутривблоковые связи и влияния. В этом отношении особенно активной была самая развитая и центральная по местонахождению культура блока — синташтинская. Ее отдельные, изолированные группы даже мигрировали на соседние и более отдаленные территории. Именно этим можно объяснить появление в Поволжье и на Среднем Дону памятников потаповского типа (Васильев, Кузнецов, Семёнова 1994). С другой стороны, покровская и петровская культуры также постепенно расширяли свои ареалы.

В итоге можно заключить, что сутью начальной фазы волго-уральского культурогенеза явилось движение и взаимодействие различных культурных компонентов. Дальнейшее развитие протекало в более спокойном, эволюционном русле: покровская культура развилась в срубную, а синташтинская и петровская — в алакульскую. Эти новые, а точнее говоря поздние этапы предшествующих культур, демонстрируют устойчивые традиции во всех категориях материала. Столь же упорядоченными выглядят и их структуры. Исследователи единодушно отмечают их стабильный характер. Но наряду с этим, у них исчезают все главные признаки вожества (погребения элиты, укрепленные поселения, монументальная архитектура и т. д.). Более того, если судить по данным погребального обряда, в обеих культурах стала преобладать эгалитарная идеология. Остается неясным, чем вызваны отмеченные перемены. Однако, вполне очевиден сам факт деэволюции в социальной сфере.

Около середины II тыс. до н. э. на большей части своих территорий срубная и алакульская культуры прекращают существование: их сменяют другие культурные образования. На этом завершился самый активный и яркий период волго-уральского культурогенеза. Он оказался очень результативным. Если говорить образно, то именно тогда родилась эпоха поздней бронзы южной половины Восточной Европы и Казахстана. Хотя и в дальнейшем Волго-Уралье оставалось одним из мощных генераторов различного рода инноваций и новых культур, его роль в Северной Евразии постепенно снижается. Развитие обширной культурной общности, возникшей под его прямым воздействием, все больше идет по пути дивергенции, все большее значение приобретают региональные факторы. К концу эпохи поздней бронзы (XII–X вв. до н. э.) она фактически распадается.

8. Проведенный обзор позволяет сделать несколько выводов. На мой взгляд, решающую роль в становлении и развитии карпато-дунайского и волго-уральского очагов культурогенеза сыграла элита. Все основные экономические и военные достижения этих очагов, благодаря которым они заняли доминирующее положение на значительной части европейского континента, так или иначе связаны именно с деятельностью элиты. Она имела прямое отношение к подъему металлопроизводства и торговли, строительству крепостей, развитию колесного транспорта и многому другому. Особенно сильное воздействие элита оказала на развитие вооружения. Это естественно, так как главной опорой ее власти была военная сила. Военный характер элиты ярче всего проявился в волго-уральском очаге. Здесь, за сравнительно короткий промежуток времени и, как кажется, почти на пустом месте, удалось создать один из самых мощных для того

времени военных потенциалов. Его ударной силой были легкие боевые колесницы, запряженные лошадьми. Это первое в истории человечества скоростное оружие в то время, в эпоху бронзы, видимо, обладало несокрушимой мощью и давало громадные преимущества. Возможно, именно этим объясняется та быстрота и легкость, с которой влияние волго-уральского очага распространилось на огромную территорию.

Гибель элиты в карпато-дунайском регионе и ее внезапное исчезновение в волго-уральском очаге привели к одинаковым и негативным последствиям: социальной деэволюции, стагнации и даже упадку многих сторон культуры.

Рассмотренные очаги культурогенеза представляют собой лишь частные примеры более широкого круга подобных явлений. Не секрет, что в условиях поздней первобытности достижение тем или иным обществом (культурой) высокого предгосударственного уровня развития, не такое уж редкое событие (Kristiansen 1993). Можно даже утверждать, что в Европе в течение бронзового века это происходило регулярно, и такие общества могли возникать вполне самостоятельно, без прямого влияния цивилизаций Древнего Востока и Эгеи. Пример тому волго-уральский очаг культурогенеза. Но столь же регулярно все оборачивалось вспять. Так случилось в постмайкопское время на Северном Кавказе, в эпоху ранней бронзы на Северных Балканах, в эпоху поздней бронзы на Датском полуострове и т. д. Очевидно, подойти к порогу цивилизации было гораздо легче, чем его перешагнуть. Более того, даже удержаться на уже достигнутом уровне никому не удавалось сколько-нибудь длительное время — следовал неизбежный откат назад.

Эти наблюдения могут привести к выводу о том, что все развитие в европейском бронзовом веке сводится к движению по замкнутому кругу. Однако, это не совсем верно. В действительности, даже при самых страшных катастрофах и радикальных изменениях по меньшей мере один элемент культуры не был подвержен деэволюции. Это — технология, в нашем случае — технология металлопроизводства. Она не только каждый раз сохраняла свое ядро, но постепенно и неуклонно прогрессировала. Это по ее ступеням упорно карабкалась вверх социальная эволюция, пока, в конце концов, после стольких неудач, не вышла на дорогу цивилизации. Мысль об особой роли технологии, как фактора преемственности и прогресса в культуре, в сущности, не столь уж нова. На мой взгляд, она лежит в основе системы трех веков Томсена-Ворсе.

Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы¹⁶

Вопросы периодизации и хронологии восточноевропейских памятников эпохи поздней бронзы относятся к числу важных проблем нашей археологии. За последние два десятилетия в их решении был достигнут значительный прогресс. Однако, вопреки ожиданиям, создать единую хронологическую систему, как это случилось в Центральной или Северной Европе, пока не удалось. Вместо этого мы имеем несколько региональных схем, в которых зафиксированы временная последовательность местных культур или этапы эволюции одной культуры. Как правило, эти схемы плохо согласованы между собой и зачастую противоречат друг другу.

Между тем, очень многие восточноевропейские культуры эпохи поздней бронзы демонстрируют глубокое сходство как на синхронном, так и диахронном уровнях. Благодаря этому, они легко группируются в общности, блоки, горизонты. Причем, ритмы изменений этих крупных подразделений практически совпадают на всем пространстве степи и лесостепи Восточной Европы.

¹⁶ Опубликовано: Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб, 1993. С. 42–43.

Из этих данных можно заключить, что в культурно-историческом отношении эпоха поздней бронзы представляет собой достаточно целостное образование. Это не просто набор культурных секвенций, а своего рода система с иерархической структурой, общей траекторией развития и вполне выраженными пространственно-временными границами,

Было бы неверно полагать, что она сложилась автоматически и мгновенно охватила огромную территорию. В действительности ее формирование шло поэтапно, и она имела совершенно конкретный источник происхождения. Им оказался волго-уральский очаг культурогенеза, который явился мощным генератором целой группы новых культур (Бочкарёв 1991). В нем так же зародились или получили дальнейшее развитие ряд черт (в металлопроизводстве, хозяйстве, военном деле и т. д.), которые стали характерными признаками эпохи поздней бронзы. В разной форме и различными путями (главным образом через миграцию и инфильтрацию населения) эти новации получили широкое территориальное распространение. По этой причине образовалась обширная и во многом родственная среда, состоящая из свиты довольно слабо дифференцированных культур (например, культуры «срубной» общности или ранние культуры общности с валиковой орнаментацией керамики). Однако, по мере затухания волго-уральских импульсов в этой среде усиливался процесс дивергенции, все большее значение приобретают региональные факторы. К концу эпохи поздней бронзы она распадается на серию отчетливо обособленных культур («белозерка», «маклашеевка», «кобяково», «бондариха» и т. д.).

В свете изложенного не будет слишком большим преувеличением утверждать, что эпоха поздней бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы — это по преимуществу история волго-уральского очага культурогенеза. Именно он придал связность тому культурно-историческому процессу, который в XVII–X вв. до н. э. развернулся от Урала до предгорий Карпат и Кавказа. Благодаря целостному характеру этого процесса, мы получили объективные предпосылки для его описания в рамках единой хронологической системы.

К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников¹⁷

Сейминский и Турбинский могильники принадлежат к числу важнейших памятников эпохи бронзы Восточной Европы. Они дали удивительно богатый и разнообразный материал (Бадер 1964; 1970: 80–125), часть которого находит точные соответствия в различных, иногда очень отдаленных культурах. Благодаря этому обстоятельству, в Сейме и Турбине оказались как бы сфокусированными разнообразные культурные и экономические связи обширного региона Евразии. По этой причине им всегда отводилась особо важная роль в хронологии: М. Гимбутас назвала их вместе с Бородинским кладом хронологическим ключом к восточноевропейским древностям эпохи бронзы (Gimbutas 1956). В нашей литературе пишут о сейминско-турбинской эпохе (Косарев 1981: 76 и след.), выделяют сейминский хронологический горизонт (Черных 1970: 94–95) и прочие.

Но связи Сеймы и Турбино оказываются гораздо шире, чем предполагается рамками обычных культурно-экономических контактов и даже теорией диффузии. Сейминско-турбинские типы рассеяны от Нижнего Подунавья до Енисея и Монголии, от Средней России и Приуралья до Северного Причерноморья и Средней Азии. Конечно, не все они одновременны, не все происходят из одного центра. Однако и с этими оговорками столь обширная зона их распространения — явление беспрецедентное для материалов эпохи бронзы. Это своего рода феномен, которому пока не удается найти удовлетворительного объяснения.

¹⁷ Опубликовано: Проблемы археологии Поднепровья. Межвузовский сборник научных трудов. Днепропетровск, 1986. С. 78–111. Редакторские и типографские ошибки исправлены.

Не менее загадочно происхождение Сеймы и Турбино. По утвердившемуся мнению, которое особенно окрепло после открытия Ростовкинского могильника и Самусьского поселения, Сейма и Турбино не имеют истоков в Восточной Европе и своими корнями уходят в сибирские древности. Можно надеяться, что со временем восточнее Урала действительно будет найдена та культурная среда, которая породила феномен Сеймы и Турбино. Можно предполагать, что она должна отличаться удивительно высоким для того времени уровнем развития металлургии и металлообработки. Достаточно сказать, что сейминско-турбинские кельты — древнейшие орудия этого вида в Сибири и Европе, что сейминско-турбинские мастера одними из первых в северной половине Евразии применили литье «слепой» втулки, оловянистые бронзы, каменные литейные формы. Эта серия новых приемов стала технико-технологической основой обработки металла в эпоху поздней бронзы на значительной части Евразии. Теоретически не совсем ясно, как столь развитый и передовой потенциал мог автономно возникнуть в Сибири, в стороне от тогдашних культурных центров. Может быть, все же правы те исследователи, которые считают, что здесь не обошлось без участия древнекитайской цивилизации (Городцов 1915: 187; Сафронов 1970: 34). Несмотря на массу предположений, эти вопросы пока остаются без удовлетворительных ответов.

Среди древностей Восточной Европы Сейминский и Турбинский могильники выглядят довольно изолированно, их не удастся связать ни с одной из культур (Бадер 1964: 130–134; Черных 1970: 83–85). Теоретически допустимо видеть в Сейме и Турбино особое экстракультурное явление, но практически это доказать очень трудно.

Долгие годы не утихает дискуссия по поводу абсолютного возраста Сеймы и Турбино. Такой повышенный интерес к этому вопросу вполне понятен, так как от его решения зависит датировка большой свиты восточноевропейских и сибирских культур. Хотя к настоящему времени многие исследователи пришли к выводу, что эти памятники датируются временем около середины II тыс. до н. э., не все аргументы сторонников короткой и ультракороткой хронологии опровергнуты. Это особенно касается так называемой карасукско-аньянской линии синхронизации. Возможно, окончательную ясность внесет радиоуглерод или какой-либо другой естественнонаучный метод.

Из приведенного обзора достаточно ясно, что Сейма и Турбино представляют собой исключительно крупномасштабное явление в археологии Восточной Европы и Сибири. С ними связаны столь значительные проблемы, что их решение имеет не только важное практическое, но и теоретическое значение. Вместе с тем очевидно, что эти проблемы очень сложны, и, вероятно, понадобится не одно десятилетие, чтобы добиться положительных результатов.

Из обширного круга сейминско-турбинской проблематики мы затронем только вопрос о временном соотношении Сейминского и Турбинского могильников. Как представляется, сейчас есть условия, чтобы получить на него однозначный и аргументированный ответ. Это поможет установить относительную хронологию всей серии памятников сейминско-турбинского типа (Сейма, Турбино, Ростовка, Самусь-IV и т. д.) и в дальнейшем перейти к исследованию более крупных проблем.

Уже первым исследователям Турбинского могильника А. В. Шмидту и И. А. Прокошеву (Schmidt 1926) было ясно, что этот памятник аналогичен Сейме и в целом ему одновременен. Сторонники полной синхронизации этих могильников есть и среди современных археологов (Сафронов 1970: 9–18). По мере продолжения раскопок на Шустовой горе все явственнее вырисовывались не только сходство, но и отличия Турбино от Сеймы. В конце концов, оно было истолковано в хронологическом плане. О. Н. Бадер и Б. Г. Тихонов посчитали, что Турбинский могильник несколько моложе Сейминского (Бадер 1950: 40; Тихонов 1960: 50). Однако впоследствии О. Н. Бадер изменил свою точку зрения, что было связано с открытием стратиграфии I Береговского поселения, в котором абашевский слой залегал ниже раннесрубного. В послед-

них своих работах он датировал Турбинский могильник концом XVI — началом XV в. до н. э., а сейминский — XV в. до н. э. (Бадер 1964: 143–146).

В 1960-е гг. Е. Н. Черных предпринял обширное исследование волго-уральских металлических изделий, которые он разделил на три хронологических горизонта: досейминский, сейминский и предананьинский. Одним из результатов его работы был вывод о более позднем возрасте Турбинского могильника по отношению к Сейминскому (Черных 1970: 94–95). Сейчас мы не будем анализировать аргументы указанных авторов, это будет сделано позже. Констатируем только, что существуют три взаимоисключающие точки зрения по поводу относительного возраста Сеймы и Турбино. Поэтому в поисках истины обратимся к самому материалу.

I. Прежде всего необходимо установить степень реального сходства Сеймы и Турбино, от чего зависят все дальнейшие рассуждения. Вначале укажем, как и многие другие авторы, на самую общую, но, возможно, принципиальную близость могильников. По всей вероятности, они являются некрополями знати, что объясняется обилием дорогих предметов (в том числе из драгоценных материалов), наличием далеких импортов (нефритовые кольца и т. д.). По богатству инвентаря Сейма и Турбино не имеют равных себе среди синхронных погребальных памятников во всем умеренном поясе Европы. Образно говоря, они однотипны в своей уникальности и содержат почти одинаковый набор инвентаря: кельты, тесла, топоры, копья, кинжалы, ножи, браслеты и т. д. Из 17 категорий не совпадают только 5, причем эти последние представляют собой одиночные и достаточно специфические предметы. По единодушному мнению, Сейма и Турбино имеют отчетливо выраженные сибирские элементы, и, может быть, этот сибирский компонент является их самой важной общей чертой. Наконец, вслед за Е. Н. Черных, отметим сходство в структуре химических и металлургических группировок сейминского и турбинского металла. «В том и другом случае зафиксированы компоненты, во-первых, связанные преимущественно с восточными источниками и районами (оловянистые бронзы) и, во-вторых, связанные с местными источниками» (Черных 1970: 117).

Более конкретное и полное представление о сходстве Сейминского и Турбинского могильников дает типологическое сравнение их инвентаря. Из Турбино происходит огромное количество материала (3128 предметов), большинство которого составляют каменные изделия (2788). Только отщепов и кусков кремня насчитывается 1717. Много скребков (585) и ножевидных пластин (260). Правда, как отмечает О. Н. Бадер, не все они уверенно связываются с самим Турбинским могильником (Бадер 1964: 23). По этой причине, а в ряде случаев из-за аморфности или простоты формы, они не участвовали в сравнении. Полно учтены самые важные из каменных изделий — нефритовые кольца, кремневые ножи, вкладыши и стрелы.

В Турбино найдено 340 металлических предметов, которые все классифицированы, за исключением очень невыразительных (шилья, стержни, литник и т. д.) или таких единичных предметов, как, например, подвеска в форме гребешка. Сейминский могильник дал меньше материалов (174) и в основном это металлические предметы (112) (Бадер 1970: 101, табл. 2). Кроме части плохо сохранившихся ножей, аморфных стержней и шильев, все они типологизированы и сопоставлены с турбинскими. Почти также полно привлечен сейминский камень.

Мы воспользовались общепринятой классификацией сейминско-турбинских материалов, изложенной в работах В. А. Городцова, Б. Г. Тихонова, О. Н. Бадера, Е. Н. Черных и других авторов. Были сделаны только небольшие уточнения (табл. 1). В итоге в Турбине выделено более 30 типов, а в Сейме — около 30. Общих типов мы насчитали 19. По этим данным был рассчитан статистический критерий сходства Сейминского и Турбинского могильников, который оказался равным 0,32 (Каменецкий, Маршак, Шер 1975: 48–51). Сравнительно близкий результат (0,44) был получен Е. Н. Черных, который использовал другую математическую формулу и учитывал только металл (табл. 2). С формальной точки зрения обе эти величины (0,32 и 0,44) говорят, что в Сейме и Турбино меньше сходства, чем различий. Более реальное представление о значении

Таблица 1

Классификация сейминско-турбинских материалов

№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Типы														
Турбино	3	7	27	3	2	2			11		1		1	4(5)
Сейма			1		1	17	1	2	3	6		1		

№ п/п	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
Типы																
Турбино	3		9-10		2		1	1	1	1						3
Сейма		2		8	2	1	1	1		1	2	2	1	1	6	

№ п/п	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47
Типы																	
Турбино	2	6	2	6	63	1(2)	2	2(3)	1	+	36	~180	2		3	50	Много
Сейма							1	5		3	6	>15	8	7	+	6-9	

этих показателей может дать их сравнение с критериями сходства других волго-уральских культур. Здесь также можно воспользоваться данными Е. Н. Черных, хотя они действительны только для металлического инвентаря. Из приведенной ниже таблицы 2 видно, что Сейма и Турбино ближе друг к другу, чем к какой-либо из культур Восточной Европы. Вместе с тем их

показатель сходства неожиданно оказался ниже, чем в парах синхронных культур: срубная-андроновская (0,53), андроновская-поздняковская (0,54), баланбашская-абашевская (0,48). В этой связи важно выяснять, в чем конкретно проявляется близость Сеймы и Турбино. Из 19 общих типов 11–12 (кельты, вильчатые копыя, кинжалы, выгнутообушковые ножи, клевцы, нефритовые кольца, кремневые наконечники стрел с усеченным основанием, кремневые ножи) имеют отчетливые сибирские аналоги и, как правило, выглядят изолированно в Восточной Европе.

Таким образом, с типологической точки зрения, Сейму и Турбино в наибольшей степени роднят «сибирские» черты. Этот вывод в общей форме уже был сделан Е. Н. Черных (1970: 177), и мы его подтверждаем. Кроме того, Е. Н. Черных отметил, что в металлургическом отношении оба памятника сильнее всего сближает группа СТ, также уводящая к восточным источникам (Черных 1970: 117).

Другие типы, объединяющие могильники, относятся либо к характерным восточноевропейским формам («срубные» ножи, браслеты, «сейминские» стрелы), либо к предметам неясного происхождения (скобели). Все остальные 30 типов, к анализу которых мы переходим, разнятся Сейму и Турбино.

Таблица 2

Статистический критерий сходства Сейминского и Турбинского могильников и других культур Волго-Уральского региона (по Е. Н. Черных)

№ п/п	Культура	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Срубная	—	0,53	0,26	0,36	0,35	0,24	0,28	0,09
2	Андроновская	0,53	—	0,26	0,54	0,18	0,13	0,24	0,19
3	Приказанская	0,26	0,26	—	0,42	0,17	0,12	0,16	0,09
4	Поздняковская	0,36	0,54	0,42	—	0,23	0,19	0,07	0,08
5	Сейма	0,35	0,18	0,17	0,23	—	0,44	0,14	0,02
6	Турбино	0,24	0,13	0,12	0,19	0,44	—	0,35	0,14
7	Балабашская	0,28	0,24	0,16	0,07	0,14	0,35	—	0,48
8	Абашевская	0,09	0,19	0,09	0,08	0,02	0,14	0,48	—

II. Первым обратил серьезное внимание на отличия в инвентаре Сейминского и Турбинского могильников О. Н. Бадер (1964: 144–145). Они касались как качественной, так и количественной стороны дела. Так, в Турбино найдено 13 наконечников копий с вильчатым стержнем и ни одного — с ромбическим, а в Сейме — 6 с ромбическим и только 3 с вильчатым. Еще больший контраст наблюдается в распределении кельтов. «Поясковые» кельты в Турбино представлены 27 экз., а в Сейме — одним; и, напротив, кельтов, богато украшенных ромбами и треугольниками, в Сейме 18, в Турбино — 1. В Турбино сравнительно много металлических украшений (браслеты, кольца), которых практически нет в Сейме. Список отличий можно продолжить, и он окажется достаточно длинным. Мы последовательно рассмотрим все основные типы, которые отличают эти памятники.

Кельты являются самой многочисленной категорией металлического инвентаря. Им придается особо важное значение в установлении относительной хронологии Сейминского и Турбинского могильников.

В Турбино зарегистрировано 44 кельта, а в Сейме — 25 (сохранился 21). Всего кельтов так называемого сейминско-турбинского облика, которые нами учтены и будут использованы в данной работе, около 130 экз. Большая их часть имеет совершенно одинаковое морфологическое строение: овальную втулку, ниже края которой помещен орнамент (иногда вместе с одним или двумя ушками), клин расширенный книзу так, что лезвие всегда шире края втулки, широкие грани («фаски») отделены от узких (боковых) выступающими ребрами («крыльями»).

Единственное существенное отличие, которое отмечают в этих кельтах, связано с орнаментом. По этому признаку кельты из Сейминского и Турбинского могильников разделяют на два основных типа — «турбинский» с линейным пояском и «сейминский» с ромбами и треугольниками.

Прежде всего, попытаемся установить, насколько достоверна и значима эта классификация. Сейминско-турбинская орнаментация кельтов — сугубо геометрическая, состоящая из отрезков прямых линий. Поэтому в ней сравнительно легко выделить элементы, мотивы и композиции. Под элементом понимается простейшая законченная геометрическая фигура, такая, например, как треугольник или ромб. Каждый элемент имеет обычно по несколько вариантов, которые различаются по заполнению поля фигуры (например, косая или сетчатая штриховка) (табл. 3). К мотивам относятся группировки одного и того же элемента в ритмические ряды (например, горизонтальные ряды треугольников, вертикальные ряды ромбов) (табл. 5). Композиции представляют собой комбинации нескольких различных мотивов (табл. 6). При их выделении также принималось во внимание место расположения орнамента на орудии. Варианты композиций сводятся к вариациям одного или нескольких элементов или зонального расположения мотивов.

Сейминско-турбинская орнаментация состоит из четырех элементов: пояса (прямоугольника), треугольника, ромба и вертикальных параллельных коротких линий («бахромы»). Поясок известен в 13 вариантах (табл. 3), но только два из них — «сейминская» лесенка («городки») и ряды горизонтальных параллельных линий («турбинский» поясок) были широко распространены. Остальные варианты применялись редко. Второй элемент известен в 5 вариантах, из которых два (косо заштрихованные треугольники и так называемые вписанные треугольники) использовались намного чаще других (табл. 3). При этом вписанные треугольники, как правило, помещались на узких сторонах кельта и всегда в сочетании с другими элементами. Из трех вариантов третьего элемента наибольшее распространение получил косо заштрихованный ромб (табл. 3). Четвертый элемент представлен только одним вариантом и ограниченным количеством случаев.

Таблица 3

Варианты элементов орнаментации сейминско-турбинских кельтов

I												II					III			IV	
А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	А	Б	В	Г	Д	А	Б	В	А
35	32	2	6	1	3	1	2	2	1	1	1	1	3	31	6	20	2	25	3	1	5

Несмотря на довольно разнообразный набор элементов, подсчеты показывают, что наибольшей популярностью в сейминско-турбинской орнаментации пользовались «турбинский» поясок (35 случаев), «сейминская» лесенка (32), ромбы (25) и вписанные треугольники (20). В сочетании друг с другом чаще других вступают треугольники, «лесенка», ромб, вписанные треугольники (табл. 4). Нельзя не заметить, что «турбинский» поясок, распространенный шире других элементов (35 случаев), практически не сопрягается с другими элементами. За редчайшим исключением, он выступает изолированно как самостоятельная и единственная композиция. Напротив, «сейминская» лесенка в огромном большинстве случаев сочетается с другими элементами (табл. 4). Она не любит «одиночества» и регулярно образует более или менее сложные композиции. Это наблюдение дает объективное основание для выделения турбинского и сейминского типов. Для характеристики последнего не столь важно наличие ромбов и треугольников, сколько «лесенки». Она является основной композицией и почти автоматически влечет за собой появление других элементов и мотивов.

Сочетание элементов орнаментации сейминско-турбинских кельтов

	■																			
		■																		
			■																	
				■																
					■															
	1					■														
				1			■													
					1			■												
									■											
										■										
											■									
	1	2		1								■								4
	1	22	1	3	1	2	1		2			1	■							34
		4				1						3	■							8
		17	1	1							1	1	16	■						37
		2											1	■						3
		17		4		1	1		2			2	21		4	■				52
		3											1	1		2	■			7
		1											1				■			2
		2									1	1		4				■		8
																		1	■	1
			1										1	1					■	3
						1							1						■	2
	2	71	2	9	1	4	3		4			2	1	45	4	8	2			■

Для разграничения турбинского и сейминского типов кельтов, вероятно, важно и то обстоятельство, что первые всегда безушковые, а все экземпляры с ушками встречаются только среди последних.

Прежде чем перейти к рассмотрению композиций, которым придается такое большое значение в эволюции сейминско-турбинских кельтов, сделаем одно общее замечание. Оно касается асимметрии орнаментов на широких гранях (фасках) кельтов. О. Н. Бадер заметил, что одна из фасок обычно бывает украшена богаче, чем другая (Бадер 1970: 106). К этому необходимо добавить, что эта другая, как бы «затылочная» сторона кельта повторяет орнамент лицевой стороны, но на один мотив меньше. Поясним примерами. Если одна из фасок украшена пояском и треугольниками (или ромбами), то другая — только пояском. Если на одной стороне помещена композиция из пояска и треугольников, от которых спускается ряд ромбов, то на противоположной будет представлено все, кроме гирлянды ромбов.

Возможен и другой вариант. У самых нарядных кельтов лицевая фаска орнаментировалась пояском и тремя вертикальными рядами ромбов, а на затылочной фаске — ромбов только два ряда. Как раз у таких кельтов изредка наблюдается отклонение от общего правила. Оно за-

ключается в том, что затылочная фаска не повторяет орнамента лицевой и показывает новую композицию, часто с новыми элементами. Любопытно, что кельты с самой простой композицией (поясок + треугольники) иногда дают отклонения в противоположную сторону: обе фаски украшались совершенно одинаково. Но в целом отклонений от правила немного.

Асимметрию в орнаменте О. Н. Бадер связывает с двойным назначением самих орудий (Бадер 1970: 106). Он, как и некоторые другие авторы, резонно полагает, что часть этих кельтов служили не только топорами, но и теслами. Действительно, на более поздних кельтах-теслах передняя и задняя стенки орудий часто украшались по-разному. Но в случае с сейминско-турбинскими кельтами можно подозревать и другую причину. Ведь орнамент на рукоятках некоторых сейминско-турбинских кинжалов и более поздних карасукских кинжалах также асимметричен. Возможно, в этом проявляется определенная культурная традиция, а не только функциональная зависимость.

При анализе сейминско-турбинских композиций во внимание, естественно, принималась орнаментация лицевых фасок. Как указывалось, противоположные фаски лишь повторяют, да и то не в полном объеме, орнамент лицевых. Конечно, особо учитывались все случаи отклонения от правила.

В орнаментации сейминско-турбинских кельтов выделено 6 композиций.

К первому типу относятся 4 варианта пояска и 4-й элемент (табл. 6). Это самая простая композиция¹⁸. Она состоит только из одного элемента и одного мотива, которые выступают самостоятельно и являются единственным украшением кельта. Кельтов с I композицией учтено свыше 65 экз. Из них 59 украшены линейным пояском (турбинский тип). Все эти кельты, кроме одного (с сейминской «лесенкой»), безушковые.

Второй тип композиции (6 вариантов) представляет собой сочетание пояска (чаще сейминского) с горизонтальным рядом треугольников. Учтено 12 кельтов, из которых 9 безушковых, 1 — одноушковый и 2 — двуушковых (табл. 6). Начиная с III–VI композиций речь будет идти только о сейминских кельтах, так как, за одним исключением, в них отсутствует линейный поясок.

Таблица 5

Сочетания мотивов орнаментации сейминско-турбинских кельтов

¹⁸ Табл. 5 демонстрирует метод выделения композиции.

Пятый тип композиции зафиксирован на 15 кельтах, из которых 2 безушковых, 2 двуушковых и 11 ложноушковых. Все они, кроме двух, найдены в Сибири. Принимая во внимание сопряженность этой композиции с ложноушковой формой и определенной территорией, мы имеем основания выделить эти 15 кельтов в особый тип и назвать его сейминско-сибирским (термин М. П. Грязнова).

Шестой тип композиции заметно отличается от пятого и по структуре идентичен четвертому. Он также состоит из трех мотивов, но их содержание иное. От пояска спускаются не треугольники, а косо заштрихованные углы, между которыми протянуты вниз (вместо ромбов?) 3 или 4 параллельных вертикальных линий. Несколько выпадает из этой картины только 2-й вариант. Кельтов с шестой орнаментальной композицией найдено 6. Все они, кроме одного, двуушкового экземпляра, — ложноушковые и укороченных пропорций. Все происходят из Сибири. Стойкое совпадение нескольких признаков в этих кельтах, их отличие от собственно сейминско-турбинских и сейминско-сибирских позволяет отнести их к особому типу. Его предвзительно можно назвать ермаковским по местонахождению характерного кельта в с. Ермаковском Шушенского р-на Красноярского края. Ю. С. Гришин видит в этих орудиях непосредственные прототипы кельтов красноярско-ангарского типа (Гришин 1971: 20).

Просматривая композиции слева направо, в порядке их нумерации, легко заметить, что с I по V возрастает степень заполненности орнаментом несущей поверхности орудия. В I композиции орнаментом покрыта лишь узкая полоса, во II — орнаментальная зона несколько расширяется книзу, благодаря присоединению к пояску горизонтального ряда треугольников. В III композиции орнамент достигает почти лезвийной части орудий в виде узкой гирлянды ромбов. IV композиция демонстрирует дальнейшее увеличение орнаментальной зоны. Это достигается за счет синтеза II и III композиций. Регулярно стали украшаться узкие, боковые грани кельта. Максимальное заполнение достигается в V композиции, в которой орнамент фактически покрывает всю лицевую фаску от пояска до лезвия. VI композиция уступает V и по размерам орнаментальной зоны аналогична IV. Во всех шести типах основой композиции является поясок, будучи неизменным компонентом. Его первым наносили на литейную форму, и от него строили орнаментальную зону. С точки зрения восприятия, его можно было бы назвать центром композиции. Однако с усложнением орнамента и расширением ее зоны поясок подвергается определенной трансформации. Это особенно хорошо заметно в самой нарядной и насыщенной V композиции. Появление в ней шахматного узора переключает внимание с пояска на ряды сомкнутых ромбов. Тем самым поясок теряет свое значение как центр композиции. Поэтому неудивительно, что иногда его трактуют как простое продолжение сетки ромбов и треугольников. Конечно, его продолжают употреблять и в традиционной форме. Но делаются попытки вернуть пояску прежнее значение: его поле заполняют с разрядкой, украшают шишечками или вовсе оставляют свободным (чистым) от всяких изображений.

Появление V композиции, которая является вершиной сейминской орнаментации, трудно представить без предшествующего существования I–IV композиций. Это видно не только по набору элементов и мотивов, но и по структуре композиций. I композиция построена из 1 мотива, II — 2, IV — 3, V — 4, 5, а VI снова — 3. II–IV композиции komponуются за счет присоединения к I и последующих новых мотивов, а V демонстрирует как присоединение, так и удвоение-утроение уже известных мотивов. Все это наталкивает на мысль об эволюции сейминско-турбинской орнаментации, которая от I к V композиции развивается по восходящей линии, а от V к VI — по нисходящей. Наивысшего расцвета она достигает в V композиции, в которой, однако, уже заметны черты регресса. Более отчетливо признаки вырождения видны в VI композиции.

Предполагаемая схема эволюции, вытекающая из типологического анализа, может быть подтверждена или опровергнута только реальной хронологией. Кельты сейминско-турбинского облика могут быть разбиты на две большие хронологические группы. В первую входят кельты,

украшенные орнаментом I–IV композиций. Судя по комплексам, их большая часть (но не все) датируется так называемой сейминско-турбинской эпохой, приблизительно XVII–XIV вв. до н. э. Вторая группа включает кельты с орнаментом V–VI композиций.

Почти все кельты второй группы исследователи относят к постсейминскому времени и по целому ряду признаков справедливо их датируют эпохой финальной бронзы. Согласно этой хронологии и с учетом типологических данных, сейминская орнаментация могла эволюционировать только в одном направлении: от I–IV композиций к V–VI, от простой к усложненной. Изменение орнаментальной схемы сопрягается с появлением и развитием ушковых форм. В I, простейшей композиции, все кельты, кроме одного, безушковые. Во II–IV композициях ушковые орудия составляют 1/3 от общего количества экземпляров, а в V — уже 2/3. В VI композиции все кельты с ушками. Со временем меняются и сами ушки. Среди кельтов с III–IV композициями появляются экземпляры, у которых ободок ушек орнаментирован параллельными валиками (Ростовка). Кельты с V композицией иногда имеют ушки с отростками (Самусь-IV) и, что особенно примечательно, — ложные ушки, которые в ряде случаев также орнаментированы. Все кельты с VI композицией, кроме одного, — ложноушковые.

Таким образом, намечаются два параллельных типологических ряда, один из которых связан с развитием орнамента, а другой — ушек. Это развитие имеет, видимо, не всеобщий, а локально-хронологический характер. Все ушковые кельты, за исключением трех (из Вятской губ., Сеймы и из-под Сыктывкара), происходят из Сибири. Напротив, безушковые кельты с сейминской «лесенкой» в Сибири представлены всего 7 экз., а все остальные найдены к западу от Урала.

Примерно так же распределяются композиции. Разница заключается только в том, что кельтов с I–IV композициями в Сибири и Европе приблизительно равное количество. Но V композиция уже решительно преобладает в Сибири, а VI композиция — только сибирская. Из сказанного следует, что усложненная орнаментация (V композиция) и ушковые формы больше свойственны Сибири, где они датируются сравнительно поздним временем.

Изложенная здесь схема касается кельтов сейминского типа (с «лесенкой») и почти не затрагивает кельты турбинского типа (с «линейным» пояском), которые орнаментировались только первыми двумя композициями. У кельтов турбинского типа также отмечаются определенные изменения, о которых будет сказано ниже. Эволюцию орнамента сейминских кельтов следует понимать как тенденцию, а не как жесткую хронологическую систему. Это означает, что простейшие композиции типологически предшествуют более сложным, но в реальности они могут какое-то время сосуществовать. Возможен также возврат поздних кельтов к простейшим композициям, но с новыми элементами, а иногда и на обновленной морфологической основе. Поэтому при датировке конкретных кельтов следует учитывать не только орнамент, но и другие признаки (ушки, пропорции, форму «крыльев» и т. д.), не говоря уже об археологическом контексте.

М. Ф. Косарев предложил типолого-хронологический ряд развития сейминско-турбинских кельтов, который в целом отражает ту же тенденцию в эволюции орнамента, что и наша схема. Но ряд у М. Ф. Косарева построен на других основаниях. Он исходит из корреляции орнамента на кельтах и западносибирской керамики, а также гипотезы о генетической связи западносибирских, ананьинских, карасукских и красноярских кельтов с сейминско-турбинскими. В начале ряда М. Ф. Косарев ставит турбинские кельты (в том числе из Самуси-IV) и сейминские, украшенные «линейным» пояском или «лесенкой».

Далее следуют «классические» сейминские кельты с ромбами и треугольниками. Их наследуют кельты так называемой позднесейминской группы, которые включают, кроме кельтов с нашей V и VI композициями, также карасукские. Завершают ряд кельты раннего железного века (Косарев 1974: 85–90, рис. 2б). Таким образом, согласно М. Ф. Косареву, развитие шло от

турбинских кельтов к сейминским и далее к позднесейминским, карасукским и т. д. В рамках сейминско-турбинской эпохи орнамент эволюционировал от простейших форм к более сложным.

Противоположной точки зрения на ход развития сейминско-турбинских кельтов придерживаются Б. Г. Тихонов и Е. Н. Черных. Б. Г. Тихонов (1960: 40) считает, что турбинские кельты явились продуктом эволюции сейминских. Его мнение разделяет Е. Н. Черных: «начало типологического ряда сейминско-турбинских кельтов в Волго-Уралье следует искать среди орудий, орнаментированных ромбами и треугольниками...» (Черных 1970: 94). В соответствии с этими представлениями оба автора отнесли Турбинский могильник к более молодому возрасту, чем Сейминский. Свою позицию Б. Г. Тихонов обосновал ссылками на якобы общий поздний облик турбинского инвентаря и совместную находку в Омарах кинжала и кельта турбинских типов с серпом эпохи поздней бронзы. Оба аргумента не могут считаться бесспорными. Нет данных, что в Омарах найден замкнутый комплекс. Что касается мнения о позднем облике турбинского инвентаря, то это заблуждение, которое опровергается новыми материалами.

Ту же самую идею Е. Н. Черных попытался доказать с помощью «горизонтальной стратиграфии» Турбинского могильника. Проанализировав размещение типов кельтов на площади могильника, он пришел к выводу, что позднейшими являются неорнаментированные турбинские кельты, поскольку они якобы располагались на периферии могильного поля. В центре, где, по априорному предположению Е. Н. Черных, находилось древнейшее ядро могильника, был найден один кельт сейминского типа, украшенный ромбами и треугольниками. Отсюда и последовало заключение о более древнем возрасте кельтов сейминского типа. Но, как видно на рис. 65 из работы Е. Н. Черных, один из трех неорнаментированных кельтов найден на южном (высоком) конце могильного поля, второй — в центре, и третий — на северном (пологом) склоне могильника (Черных 1970: 90–92). Никакой особой локализации в их размещении нет.

Соответственно нет горизонтальной стратиграфии даже в понимании Е. Н. Черных. Надо сказать, что метод горизонтальной стратиграфии рассчитан на использование более или менее массового материала, а не 3–4-х находок, как в данном случае. С таким мизерным количеством находок вообще трудно прийти к какому-либо выводу. Кроме «стратиграфии» Е. Н. Черных привлекает уже известную нам омарскую коллекцию и верхнемуллинскую находку из двух кельтов, один из которых оказался турбинским, а другой, по заключению В. П. Денисова и Е. Н. Черных, ближе всего напоминает ананьинские кельты Зуевского могильника (V–III вв. до н. э.) (Денисов, Черных 1969). К сожалению, как и в Омарах, в Верхних Муллах не был зафиксирован замкнутый комплекс. Оба кельта были подобраны на поверхности в размыве низкой надпойменной террасы р. Муленки и переданы в Пермский музей школьником.

Таким образом, аргументы Б. Г. Тихонова и Е. Н. Черных нельзя признать бесспорными. К тому же их доводы носят ограниченный характер и не затрагивают всех сторон вопроса. Е. Н. Черных не рассматривал всей совокупности сейминско-турбинских кельтов Сибири и Европы. Ни Б. Г. Тихонов, ни Е. Н. Черных специально не анализировали орнаментацию этих кельтов. Иначе они бы заметили, что согласно их гипотезе в начале ряда следует ставить кельты с самой развитой V композицией. Но в таком случае слишком очевидной становится ошибочность идеи, поскольку большинство таких кельтов датируется эпохой финальной бронзы. Разрывая линию развития сейминских кельтов (между IV и V композициями), они оставляют необъяснимым происхождение кельтов позднесейминской группы. Точка зрения О. Н. Бадера и М. Ф. Косарева представляется более логичной и лучше согласуется с материалом.

Развитие сейминских кельтов в целом шло от орудий с простой орнаментацией к усложненной, от безушковых форм — к ушковым. Если с этой точки зрения сравнить Турбинский и Сейминский могильники, то следует отметить следующее. Из Турбино происходят 3 кельта сейминского типа с I, II и IV композициями орнамента. В Сейме, где найден 21 экз. таких кельтов, они распределяются так: 1 — с I композицией, 6 — со II–III, 14 — с IV и 1 — с V.

Для датировки Сейминского могильника особенно важно присутствие двушкового кельта с V композицией, который прямо примыкает к позднейсейминской группе. Примечательно также, что при незначительном количестве кельтов с упрощенной орнаментацией (I–II композиции) большинство составляют богато украшенные кельты (IV композиция). Обычно обращают внимание на резкое преобладание в Турбино кельтов с линейным пояском и почти их полное отсутствие в Сейме. Это наблюдение было истолковано в хронологическом смысле и сделан вывод о происхождении сейминского кельта от турбинского, что вполне допустимо. Но возможно, что в действительности дело обстояло сложнее.

Турбинские кельты распространены не так широко, как сейминские. Их основная масса происходит только из двух пунктов — Турбино и Самуси-IV (линейные формы). Причем далеко не все самусьские экземпляры можно отождествлять с турбинскими. Многие из них имеют удвоенные «крылья» (табл. 7, 2), и, кажется, два — с ушками (Матющенко 1973: рис. 7, 1, 8, 11–13; рис. 8, 1–3, 6), что является явно поздними признаками. Поздними вариантами представлены также копья. В отличие от классических турбинских наконечников, они имеют стержень не вильчатый, а в виде утроенной жилки (Матющенко 1961: 133–135, рис. 48, 8). Втулка одного из них укреплена рядами параллельных валиков (табл. 7, 9) — черта, свойственная некоторым поздним копьям с ромбическим стержнем (Кривцова-Гракова 1955: рис. 34, 18).

Для сопоставления Самуси с другими памятниками сейминско-турбинского круга особенно важны находки форм, в которых отливались сейминские кельты, орнаментированные V композицией (Матющенко 1961: рис. 48, 2, 4). В целом самусьские материалы важны тем, что показывают, в каком направлении развивались исконно турбинские формы (кельты и копья), что их поздние варианты могли сосуществовать с сейминскими по крайней мере в лесной полосе Западной Сибири. Для нашей темы важно подчеркнуть, что в ряду Турбино — Самусь-IV первый из этих памятников занимает, безусловно, более раннюю позицию.

Копья. В Сейминском и Турбинском могильниках найдено 23 металлических наконечника копий, которые обычно подразделяют на 5 типов (Городцов 1915: 198–199; Тихонов 1960: 23–28; Бадер 1964: 60–65; 1970: 100–108; Черных 1970: 53). К первому относят цельнолитые копья с так называемым вильчатым стержнем пера (11 в Турбино и 3 — в Сейме), а ко второму — с ромбическим (6 — в Сейме). Всего в северной половине Евразии нами учтено 33–34 экз. I типа и около 40 — II типа (в работе фактически использован 31). Кроме основного отличия в строении стержня, они рознятся еще рядом деталей.

Копья обоих типов часто (в 70–80 %) снабжались ушками, которые у наконечников I типа круглые или овальные, а у половины наконечников II типа треугольной или подтреугольной формы. У копий с вильчатым стержнем ушки практически всегда сопряжены с рядами тонких валиков («линейным» пояском). Ушки являются как бы продолжением и завершением пояса (табл. 8). У копий с ромбическим стержнем такой зависимости нет (табл. 8, 9). Только копьё из Байрамгулово в Челябинской обл. имеет такое же сочетание, как у наконечников I типа. Во всех остальных случаях валики либо отделены от ушка и смещены к краю втулки, либо заменены манжетой (утолщением края втулки) или раструбом, которые никогда не встречаются у «вильчатых» копий. Треть наконечников II типа вообще не имеют валиков, хотя и снабжены ушками.

Из других отличий укажем еще на два. У наконечников II типа ребристость стержня часто переходит на втулку, что лишь однажды отмечено у «вильчатых» копий. С другой стороны, только копьё I типа снабжались крюками («баграми»).

Эти отличия не могут считаться случайными, поскольку типы ориентированы на разные культуры и имеют несовпадающие ареалы распространения. Копья с вильчатым стержнем есть как в Сибири, так и в Европе. Причем в Восточной Европе все их находки, кроме бородинской, сосредоточены в северной части Волго-Камья и Приуралья. Но копий с ромбическим стержнем в Сибири нет. Это целиком восточноевропейская форма. Кроме Сейминского и Решенского мо-

Предполагаемое развитие некоторых типов сейминско-турбинских изделий
в эпоху поздней бронзы

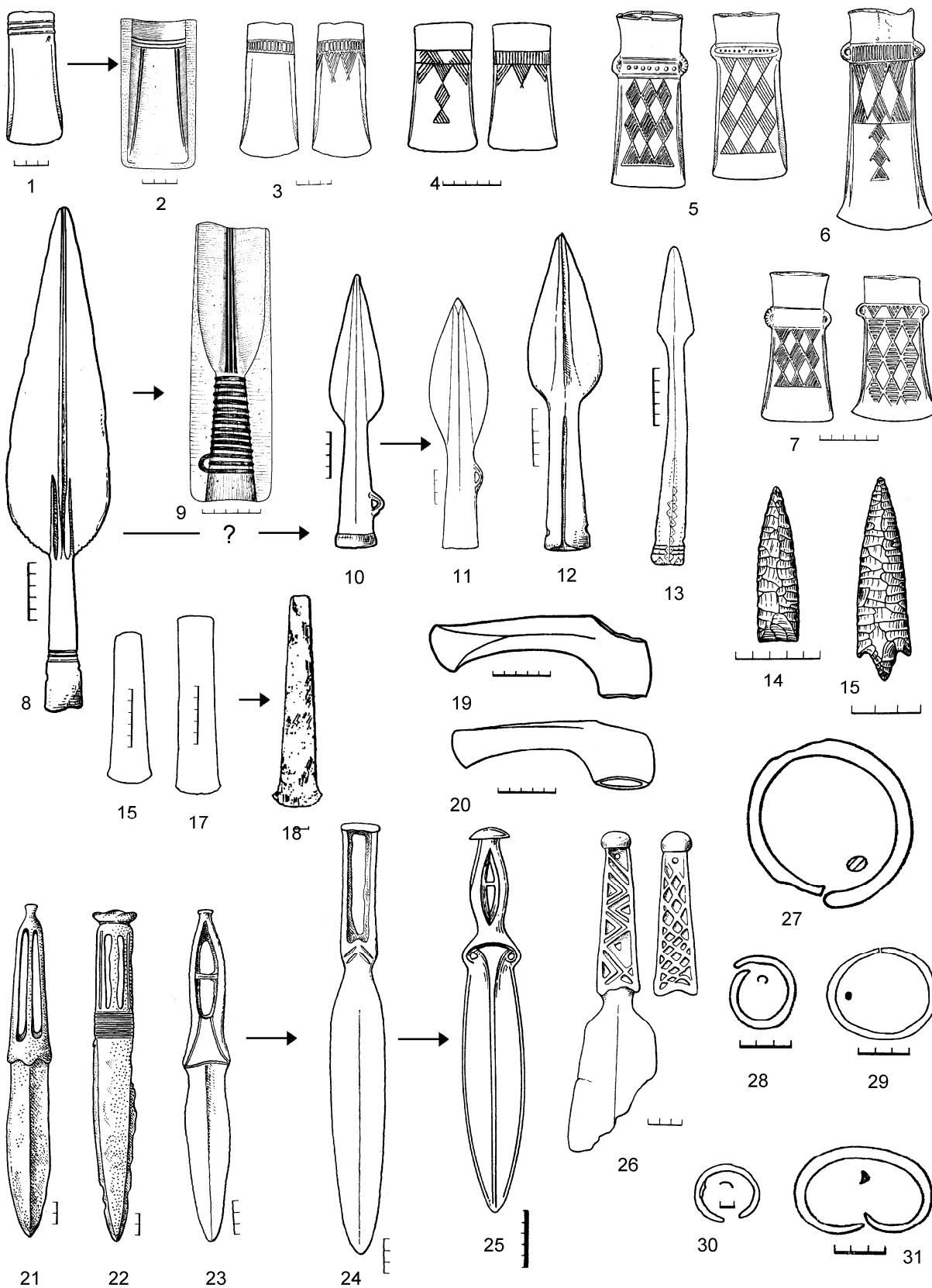

Таблица 8

Сопряженность ряда признаков у наконечников копий I типа

	Ушко	Валики	Без ушка	Без валиков
Ушко	0			
Валики	22	0		
Без ушка		1	0	
Без валиков			6	0

Таблица 9

Сопряженность ряда признаков у наконечников копий II типа

	Ушко	Валики	Манжета	Раструб	Без ушка	Без валиков
Ушко	0					
Валики	5	0				
Манжета	6		0			
Раструб	3			0		
Без ушка		3	2		0	
Без валиков	10				2	0

гильников она известна в ряде местных культур: срубной, андроновской и, вероятно, приказанской. Зона их распространения по сравнению с копьями I типа смещена к югу и юго-западу на территорию, занятую перечисленными культурами. Укажем наиболее важные комплексы с копьями II типа. Помимо Сеймы они найдены в четырех раннесрубных погребениях покровского типа (Покровск, Медяниково, Карамыш), трех памятниках андроновской культуры (Кумак, Коркино-1, Орск), Бородинском кладе и кладе из хут. Мурдычева на Харьковщине. Литейные формы для производства таких копий открыты на срубном поселении у д. Мосоловки Воронежской обл. Судя по этим комплексам, копьё II типа употреблялись в раннесрубное и алакульское время и продолжали еще существовать на предсабаатиновском этапе.

Копья с вильчатым стержнем остались в Восточной Европе изолированной формой, которая не вышла за пределы круга сейминско-турбинских памятников, и не вызвали подражаний в соседних культурах. Иначе обстояло дело в Сибири. Там это один из основных и самый многочисленный тип копий эпохи бронзы. Он представлен значительным количеством экземпляров, в том числе и литейными матрицами: сибирские «вильчатые» копьё известны в нескольких разновидностях. Со временем они трансформировались в самусьский вариант и в копьё с двусторонней вилкой, как, например, экземпляр из-под Омска (Черников 1960: табл. LXII, 5).

Однако при всех своих отличиях копьё с вильчатым и ромбическим стержнем пера стоят друг к другу ближе, чем к какому-либо иному европейскому или сибирскому типу. Они имеют практически одинаковые внешние очертания, одни и те же пропорции и другие общие детали (например, ушки). Это, безусловно, родственные формы. С них началось производство в Восточной Европе цельнолитых копий, которые постепенно вытеснили древние местные формы с кованой втулкой. О. Н. Бадер считал, что копьё с ромбическим стержнем произошли от «вильчатых» копий. Это предположение кажется очень вероятным, по крайней мере, оно удовлетворительно объясняет восточноевропейскую локализацию копий с ромбическим стержнем.

В состав инвентаря Турбинского и Сейминского могильников входят два копьё с коваными втулками. Они весьма заметно отличаются от остальных сейминско-турбинских копий и, несомненно, представляют иную («европейскую») традицию. Турбинский экземпляр (III тип) имеет короткое треугольное перо с ребром и удлиненную сравнительно тонкую втулку. Основание втулки украшено рядами вытянутых треугольников, выполненных в чеканной точечной

технике. Подобные наконечники входят в состав Верхне-Кизильского, Коршуновского, Долгогорского (2 экз.) кладов и некоторых других местонахождений (Сальников 1967: 40–43; Пряхин 1976: 135–137, рис. 24, 5–9). Все они объединяются в один тип короткоперых или верхнекизильских копий (Тихонов 1960: 31–34; Черных 1970: 53) и относятся к абашевской культуре (Сальников 1967: 59–62; Пряхин 1976: 135–137). Для определения культурной принадлежности этих копий особенно важен Верхнекизильский клад, который найден в абашевском сосуде и содержал такие характерные абашевские украшения, как бляшки-розетки. Верхнекизильское копьё украшено в той же манере, что и турбинские, и имеет тот же состав металла (ТК) (Черных 1970: 150, 157).

Кованое копьё из Сеймы (IV тип) относится к разряду длинноперых наконечников, которые считаются характерными для раннесрубной культуры (Черных 1970: 53). Они имеют подтреугольное перо и сравнительно короткую и толстую втулку. Общими очертаниями и пропорциями они ближе к копьям с ромбическим и вильчатым стержнем, чем к верхнекизильским. Всего учтено 6 или 7 таких наконечников. Три из них происходят из зоны распространения срубной культуры, а 3 или 4 найдены за ее пределами. Из комплексных находок отметим раннесрубные погребения из Покровска (кург. 15, погр. 2) и Мазурки, а также Ростовкинский могильник самусьской культуры (Матющенко, Ложникова 1969: 22, табл. 6).

По неполным сведениям, два таких же копьё найдены в Синташтинском могильнике (погр. № 18 и 30). Если это подтвердится, то дату появления длинноперых кованых наконечников придется удревнить, а их частично синхронизировать с Верхнекизильскими копьями. В эпоху поздней бронзы (XIV–X вв. до н. э.) копьё с кованой втулкой выходят из употребления и в южной половине Восточной Европы заменяются цельнолитыми.

Копьё последнего, V типа, происходит из Турбино. У него листовидное перо, круглый литой стержень с ушком и небольшие размеры. Оно напоминает одно из копий Ростовкинского могильника (Матющенко, Ложникова 1969: табл. 13, 2), но в целом его форма очень стандартна и была широко распространена территориально и хронологически.

Тесла. В Турбинском могильнике найдено 5 экз. (сохранилось 4) тесел, в Сейминском — 1. Сейминский экземпляр значительно поврежден, и поэтому трудно судить о его форме, все турбинские находки принадлежат к одному типу тесел с параллельными боковыми гранями и примерно одинаковой шириной «пятки» и лезвия (Тихонов 1960: 66). Такие тесла считаются характерными орудиями уральской абашевской культуры. Их находят на поселениях (Мало-Кизильское), в погребениях (Русско-Тангировский могильник, I Тугаевский курган и др.) и кладах этой культуры (Коршуновский, Верхне-Кизильский) (Пряхин 1976: 133, рис. 33).

В последние годы такие же тесла обнаружены в памятниках петровского типа (протоалакульских) (Зданович 1983: 62, рис. 320). Вне зоны их основного распространения найдено только одно тесло. Оно происходит из погребения 2 кургана 35 Юго-Западной группы у г. Покровска. Е. Н. Черных причислил покровское погребение к срубным. По уточненным данным, горшок из этого комплекса имеет характерные петровские (новокумакские) черты (Агапов и др. 1983: 42, рис. 10, 20–23). Кстати, покровское тесло отлито из металла группы ТК, как и большинство тесел этого типа (Черных 1970: 128).

По данным Е. Н. Черных, группа ТК очень характерна для уральского «абашева» (баланбашская культура) и совершенно не свойственна для собственно срубной металлургии (Черных 1970: 110–114). В раннесрубной культуре и, возможно, в «алакуле» были распространены тесла с зауженной «пяткой» (I группа по Б. Г. Тихонову). Такое тесло, например, было найдено в срубном погребении № 2 кургана 5 у г. Покровска (Энгельса). В предсабатиновское и раннесабатиновское время они развились в удлиненные тесла, у которых лезвийная часть всегда шире пяточной (Черных 1976: 106, табл. 7, 17–18). А. Д. Пряхин строит типологический ряд от тесел с параллельными боковыми гранями до тесел с зауженной пяткой. Первые из них находят в абашевских памятниках, а последние — в синкретических абашевско-срубных и абашевско-

алакульских (Пряхин 1976: 129–132). А. Д. Пряхин заключает: «абашевские топоры-тесла как бы перерастают в тип удлинённых плоских топоров-тесел с расширенным лезвием, распространённых затем в срубно-алакульское время» (Пряхин 1976: 133).

Проушные топоры. В Турбине их найдено 3, а в Сейме — 2. Они относятся к двум различным типам. Турбинские экземпляры принадлежат к топорам камского типа, сейминские — южноуральского (Тихонов 1960: 59–63; Кореневский 1973: 44–51). Топоры камского типа найдены в довольно большом количестве (по Б. Г. Тихонову — 68 экз., а по С. Н. Кореневскому — 51 экз.), поэтому карта их распространения представляет интерес.

Основная их масса локализуется в Казанском Поволжье и Прикамье, то есть, в зоне распространения средневожского и уральского «абашева». Б. Г. Тихонов уже давно высказался в пользу их принадлежности населению абашевской культуры (Збруева, Тихонов 1970: 120–121), что было подтверждено исследованиями С. Н. Кореневского (1973: 46–47) и А. Д. Пряхина (1976: 129–133). Действительно, имеются бесспорные данные для такого вывода. Топоры и формы для их отливки неоднократно находили в абашевских памятниках (Пепкинский курган, Кондрашевское погребение, Малокизильское селище и т. д.).

Топоры южноуральского типа (широковислообушные по терминологии В. А. Городцова) территориально и по комплексным находкам приурочены к раннесрубной и андроновской (алакуль, федорово) культурам (Кореневский 1973: 46–47; Аванесова 1978). Литейные формы для таких топоров происходят из ряда поселений раннесрубной культуры (Борковское, Мосоловское и др.). Отлитые изделия найдены в ряде пунктов с алакульской и федоровской керамикой (Баклановское и Коркинское поселения и др.).

Проушные топоры в позднесрубной культуре заменяются кельтами, а в андроновской они трансформировались в топоры с гребнем на обухе и дожили до конца эпохи бронзы (Аванесова 1978: 26–35). Что касается топоров камского типа, то они, видимо, с концом абашевской культуры также прекращают свое существование. Правда С. Н. Кореневский предположил, что от абашевских топоров произошли срубные и андроновские (Кореневский 1975: 20–21). В связи с открытием своеобразных топоров в петровских памятниках (Синташтинский могильник, Царев курган на Тоболе) точка зрения С. Н. Кореневского нуждается в уточнении и подтверждении.

Сейминский и Турбинский могильники дали прекрасную серию **ножей** и **кинжалов**, часть которых имеет художественно оформленные рукоятки. Наиболее многочисленны бесчеренковые кинжалы турбинского типа. Они есть в обоих могильниках и находят точные аналогии в Сибири (Ростовка, Омский клад). Из Сейминского могильника происходит не менее 8 кинжалов, которые повторяют турбинские клинки, но у которых небольшими уступчиками выделены черенки. О. Н. Бадер справедливо назвал их сейминским вариантом кинжалов турбинского типа. Насколько нам известно, их нет к востоку от Урала, и они, видимо, представляют собой восточноевропейскую модификацию сибирской формы. Значительный интерес представляют 5 кинжалов с металлическими рукоятками из Сейминского могильника. По форме клинка их обычно делят на две группы (Бадер 1964: 111–112; Черных 1970: 64). К первой принадлежат три кинжала с клинками турбинского типа, а ко второй — один, у которого лезвие так называемого срубного типа. У пятого сейминского экземпляра клинок коррозирован, что затрудняет его определение.

По технике исполнения и оформлению рукояток кинжалы довольно индивидуальны. Два или три имеют прилитые или наклепанные рукоятки, изготовленные отдельно от клинков, а два — возможно, цельнолитые. Особое внимание всегда вызывал цельнолитой (?) кинжал со сплошной рукояткой, украшенной головкой лося. Ему, как и другим сейминско-турбинским ножам и кинжалам с зооморфными изображениями, посвящена довольно значительная литература (Городцов 1915: 202–203; Эдинг 1940: 87; Киселёв 1951; Равдоникас 1940: 60; Бадер 1970: 111–112; Членова 1972: 135–139). Высказаны различные мнения относительно их происхождения. Нам кажется, что наиболее вероятна их связь с сибирскими и центрально-азиатскими цен-

трами. В Восточной Европе ни до, ни после сейминско-турбинской эпохи художественные бронзы не имели распространения вплоть до века железа. Небольшая серия литых изделий с зооморфными и антропоморфными изображениями (Сейма, Турбино, Галич, Пермь) (Студзицкая 1969: 227–229) выглядит изолированным и спорадическим явлением среди восточноевропейских древностей эпохи бронзы. Между тем в Сибири, Центральной Азии и далее к юго-востоку существовала длительная и устойчивая традиция производства и употребления таких изделий. В настоящее время еще нельзя указать конкретную область и культуру, с которыми следует связывать сейминско-турбинскую художественную бронзу. Но цепочка находок выгнутообушковых ножей, протянувшаяся от Сеймы, Турбино к Ростовке и к Енисею, указывает на восточное направление (Черных 1970: 99–100).

Три кинжала из Сейминского могильника имеют прорезные рукоятки, прилитые или наклепанные на турбинские (2 экз.) и «срубный» (1 экз.) клинки. Два из них не находят сколько-нибудь полных аналогий за пределами Сеймы, а для третьего (со «срубным» клинком) можно указать весьма точные соответствия в памятниках Восточной Европы.

Наиболее близки ему кинжалы из раннесрубных погребений из Новопавловки (кург. 4, погр. № 1) (Скарбовенко 1981: 15, рис. 4, 1) и Песочного (кург. 7, погр. № 1) (Агапов и др. 1983: рис. 6, 2). Они имеют прорезные медные (?) рукоятки, отлитые отдельно и затем скрепленные со «срубными» клинками. У кинжала из Новопавловки прорезь разделена поперечной планкой, а у экземпляра из Песочного она сплошная. В целом рукоятки у них моделированы несколько лучше, чем у сейминского кинжала. Рукоять почти такой же формы, как сейминская (с продольной перемычкой), у кинжала из курганного погребения близ г. Трубчевска (Падин 1963: 289–291). Но клинок у него более развитого типа, чем у раннесрубных ножей. Он датируется предсабатиновским этапом срубной культуры. На этом этапе уже появляются цельнолитые кинжалы с прорезными рукоятками, а ножи с перекрестьем трансформируются в более развитые типы, у которых лезвийная часть отделена глубокими выемками. В раннесабатиновское время они превращаются в ножи и кинжалы. В типологическом отношении они занимают промежуточное положение между раннесрубными составными кинжалами и сосновомазинскими короткими мечами.

Таким образом, выстраивается типологический ряд, о существовании которого подозревал еще В. А. Городцов (Городцов 1915: 202–203). В начале ряда стоят раннесрубные и сейминские кинжалы, развитие которых через 2–3 звена приводит к коротким мечам сосновомазинского типа (табл. 7, 24–26). Такая последовательность сейчас подтверждается типологическими и хронологическими данными.

Из Сейминского и Турбинского могильников происходит весьма обширная группа ножей, которые в литературе часто объединяют под общей рубрикой «ножи срубного типа». В действительности они очень разнообразны по форме и встречаются в большой свите евразийских культур (срубная, абашевская, андроновская, поздняяковская, приказанская и др.). Для этих ножей предложено несколько классификаций, но ни одна из них пока полностью не удовлетворяет (Тихонов 1960: 74–76; Черных 1970: 63; Пряхин 1976: 140–150).

Суммарно можно заключить, что ножи с перекрестьем и ромбическим расширением окончания черенка (навершием) или без него, появляясь еще в абашевских и петровских памятниках, продолжают встречаться в раннесрубных и алакульских древностях. На предсабатиновском этапе и в федоровской культуре все типы ножей с навершиями выходят из употребления.

Металлические украшения. В инвентаре Сейминского, и особенно Турбинского, могильников есть серия украшений из меди (бронзы) и серебра. Это главным образом браслеты и височные кольца. Из Сеймы происходит 6 медных браслетов из довольно толстой проволоки круглого или овального сечения. Концы у них обрублены или слегка заострены (табл. 7, 27). Такие тяжелые и грубые браслеты известны только в раннесрубной культуре. В Турбинском могильнике зафиксировано 3 типа медных и серебряных браслетов. Все они имеют заострен-

ные концы, но сечение у них разное. Браслеты с плоским желобком и ребром на внешней стороне, а также браслеты с круглым или овальным сечением находят аналогии в «абашеве» и считаются характерными только для этой культуры (табл. 7, 29, 31). Браслеты III типа, округло-желобчатые, кроме абашевских памятников, встречаются также в петровских, раннесрубных и алакульских (табл. 7, 30).

Турбинские серебряные подвески по внешней форме очень напоминают браслеты, но меньшего диаметра. Они имеют притупленные или, чаще, приостренные концы, сечение — круглое или желобчатое. Подвески с желобчатым сечением изготовлены из тонкой медной пластинки, обложенной серебряной фольгой. Турбинские подвески пока не находят точных аналогий, но несомненна их связь с восточноевропейскими культурами эпохи бронзы.

В 62 могиле Турбино найдено 60 трубчатых пронизок со спиральной обмоткой, которые лежали компактно и, видимо, составляли сложное головное украшение (Бадер 1964: 90, рис. 87, А). Подобные головные уборы, состоящие из спиральных пронизей, хорошо известны в абашевской культуре (Ефименко, Третьяков 1961: рис. 12, 14; 13, 14). Но пронизки такой же формы иногда встречаются и в алакульских комплексах.

К числу **прочих изделий** нами отнесены металлические и каменные поделки, которые представлены единичными экземплярами или имеют достаточно специфичные формы.

В турбинском инвентаре есть узкий металлический предмет серповидной формы (Бадер 1964: 85, рис. 81, В). Такие орудия чрезвычайно характерны для абашевских и петровских памятников (Пряхин 1976: 137–140; Зданович 1983: 62, рис. 3). По всей вероятности, они использовались как жатвенные ножи (Аванесова 1979: 14). В раннесрубных и алакульских древностях их практически нет. Там получили распространение серпы более совершенных форм.

В Турбино найден крупный рыболовный крючок с бородкой и без петли. Рыболовные крючки более всего были распространены в абашевской культуре (Пряхин 1976: 15), хотя изредка встречаются в алакульских и раннесрубных комплексах (Агапов и др. 1983: рис. 6, 18; 9, 13). Крючки, подобные турбинскому, найдены в таких абашевских памятниках, как Береговское-II, Мало-Кизильское поселения, Верхне-Кизильский клад. Следовательно, есть основание приписывать турбинскому экземпляру абашевское происхождение.

Как уже отмечалось, в Сейминском, и особенно Турбинском, могильниках много кремневых изделий, часто отличающихся прекрасной техникой исполнения. В этом отношении особенно выделяются кремневые наконечники стрел и вкладыши. В обоих могильниках есть черешковые стрелы с шипами так называемого сейминского типа. Они хорошо известны в абашевских, петровских, раннесрубных и алакульских древностях, но их нет в Сибири. Это типичная восточноевропейская форма, которая попала в Сейму и Турбино благодаря контактам с местным населением.

Из Сеймы известно 7 узких наконечников стрел ланцетовидной формы, изготовленных в технике струйчатой ретуши. В других культурах Восточной Европы и Сибири им нет хороших аналогий. В Турбино найдено много срединных вкладышей, которые в Сейме отсутствуют, но зато имеются в Сибири (Косарев 1974: 61–62, рис. 14, 10), и это еще одна ниточка, которая прочнее связывает Турбино с культурами Зауралья.

III. Если в целом анализировать отличия в типологическом составе изделий Сеймы и Турбино, то среди них можно выделить три группы. К первой относятся изделия, которые не находят точных аналогий в Европе за пределами Сеймы и Турбино (табл. 1, № 1, 2, 4, 11, 25, 27). Для большинства из них (кельты, кинжалы) мы можем предполагать сибирское происхождение. Вторая группа включает предметы, также связанные с восточным субстратом, но модифицированные в силу локально-хронологических причин. К ним относятся кинжалы сейминского варианта турбинского типа, копьё с ромбическим стержнем (№ 10), сейминские кельты с IV и V композициями (табл. 6). Не совсем понятно отсутствие в Сейме срединных вкладышей.

Не исключено, что это следует относить за счет ослабления связи с Сибирью. Наконец, третья, самая многочисленная группа объединяет предметы восточноевропейских типов, которые проникли в Сейму и Турбино благодаря контактам с местными культурами (табл. 1, № 12–16, 21–23, 26, 28, 30, 32–40). При этом оказывается, что Турбино прочнее всего связывается с абашевскими и петровскими памятниками, а Сейма — с раннесрубными и алакульскими памятниками. Этот вывод является принципиально важным, хотя и не абсолютно, новым. Он напрашивался из тех сравнений, которые привлекались Б. Г. Тихоновым, О. Н. Бадером, Е. Н. Черных. Так, согласно расчетам Е. Н. Черных, в типологическом отношении ближе всего к Турбино, кроме Сеймы, стоит уральский абашевский металл (0,35), а к Сейме, кроме Турбино, — срубный (0,35). Еще более отчетливо восточноевропейские связи Сеймы и Турбино выявляются по линии химико-металлургических групп. По составу турбинский металл сильнее всего связан с баланбашским (0,87) и абашевским (0,65), а сейминский — с приказанским (0,91) и срубным (0,70). Критерий химико-металлургического родства самих могильников равен всего 0,40 (табл. 2). По мнению Е. Н. Черных, турбинскую и баланбашскую (уральское «абашево») коллекции сближает, главным образом, группа ТК, а сейминскую и приказанскую, срубную — группа ВК.

Различия в типологической и химико-металлургической ориентации Сеймы и Турбино нельзя объяснить локальными причинами. Оба могильника, и особенно Сейминский, находятся в непосредственной территориальной близости к абашевской культуре и почти на равном удалении от раннесрубной и андроновской. Очевидно, придется признать, что здесь действуют факторы временного характера. Другими словами, Турбино синхронно абашевским и петровским памятникам, а Сейма — раннесрубным и алакульским. Каково же хронологическое соотношение этих двух пар культур? Оно весьма определено, поскольку основано на данных вертикальной стратиграфии. Согласно этим данным абашевская культура предшествовала раннесрубной, а петровская — алакульской (Сальников 1967: 104–106; Пряхин 1971: 186–187; Горбунов 1977: 19; Васильев, Пряхин 1977: 50; Васильев, Кузьмина 1981; Зданович 1983: 48–66). Так же стратиграфически зафиксирована более ранняя позиция «абашева» по отношению к «алакулю» (Пряхин, Горбунов 1976: 198–199; Горбунов 1976). Синхронность абашевской и петровской культур, с одной стороны, и одновременность раннесрубной и алакульской культур — с другой стороны, подтверждены находками керамики и другого характерного инвентаря (Смирнов, Кузьмина 1977: 26–28).

В заключение следует затронуть вопрос о причинах сходства и различия Сеймы и Турбино. Никто не сомневается, что это родственные памятники, хотя на резко отличном фоне местных культур их близость часто преувеличивают. Установлено, что сильнее всего их роднит сибирский компонент, который согласно гипотезе о восточном происхождении Сеймы и Турбино может считаться первичным, субстратным элементом. С этой точки зрения представляет интерес наблюдение о более сильных сибирских связях Турбино, чем Сейма (Бадер 1970: 144; Черных 1970: 90). Оно логично согласуется с принятой здесь хронологией. Те восточные черты, которые сохранились в Сейме, следует относить за счет турбинского наследия и самостоятельных контактов с зауральскими культурами. Не исключено, что часть из них явилась следствием хронологической преемственности или даже частичной синхронности могильников (Бадер 1970: 145; Черных 1970: 94).

Вместе с тем в Сейме отчетливо заметны трансформации первичных, субстратных элементов, что лучше всего демонстрирует сейминский вариант кинжалов турбинского типа, копьё с ромбическим стержнем, кельты сейминского типа V–IV композиции. Эти изменения носили как локальный (кинжалы, копьё), так и более общий характер (кельты), затрагивающий всю зону распространения сейминско-турбинских памятников. В том и другом случае требуется определенный временной промежуток, который и определяет более поздний возраст Сеймы.

Наконец, несколько слов следует сказать о хронологическом месте этих могильников в свите сейминско-турбинских памятников Евразии. Таких памятников известно четыре (Сейма,

Турбино, Самусь-IV, Ростовка). Среди них Турбино выглядит наиболее древним комплексом, а Самусь-IV и Ростовка синхронны и, скорее всего, несколько моложе Сеймы. Впрочем, этот вопрос требует отдельного и детального рассмотрения.

О восточноевропейских связях Сеймы и Турбино было сказано достаточно. Нужно только отметить два обстоятельства. Турбино довольно тесно, но, видимо, непродолжительно связанное с абашевской и петровской культурами, не оказало заметного воздействия на их металлургию и металлообработку. Во всяком случае, мы пока не знаем местных реплик турбинским типам.

Несколько иначе обстояло дело с Сеймой. У нее были не только взаимные контакты с местными культурами, но и прямое воздействие сейминских форм на раннесрубные и алакульские, что лучше всего демонстрируется оружием (кинжалы с наклепанными рукоятками, копья с ромбическим стержнем). В этом также можно видеть проявление хронологического фактора: только постепенно, по истечении определенного времени, совершенные сейминско-турбинские бронзы находят дорогу в местную культурную среду и там внедряются.

Удревнение даты Турбинского могильника по отношению к Сейминскому означает, что их хронология приводится в соответствие со стратиграфической колонкой Волго-Уральских культур. Это также означает, что Турбино и Сейма символизируют два временных периода, а не единый сейминский хронологический горизонт. Смена Турбино Сеймой совпала с исчезновением абашевской и петровской культур и появлением раннесрубной и алакульской.

Орнаментация сейминско-турбинских топоров-кельтов¹⁹

Население, оставившее нам памятники сейминско-турбинского типа, сыграло очень значительную роль в становлении металлопроизводства эпохи поздней бронзы. Вместе с ним в Восточной Европе появляется целая серия новых приемов обработки бронзы. К числу важнейших из них относится техника литья изделий с так называемой слепой втулкой. Пожалуй, наиболее полное и яркое воплощение это изобретение получило в топорах-кельтах, столь многочисленных в сейминско-турбинских комплексах. По принятой у нас хронологии, сейминско-турбинские топоры-кельты считаются древнейшими орудиями такого рода во всей северной Евразии. Уже одно это обстоятельство позволяет предполагать, что именно они явились той естественной основой, из которой развилась обширная серия евразийских кельтов эпохи поздней бронзы. Этот вывод в 1941 г. сделал М. П. Грязнов в отношении сибирских материалов, и его точка зрения получила широкое признание (Грязнов 1941: 254). Также с сейминскими прототипами связывают происхождение волго-уральских кельтов А. В. Збруева и В. Г. Тихонов (Збруева 1952: 211; Тихонов 1960: 37–45). В этих, как и во многих других работах, важное значение придавалось орнаментации сейминско-турбинских кельтов, поскольку именно с ее помощью удавалось проследить эволюцию кельтов. Однако так случилось, что сама эта орнаментация не была достаточно полно и детально описана и проанализирована. В настоящее время, благодаря притоку новых материалов и более совершенной методике исследований, этот пробел в какой-то мере можно восполнить.

Кельты принадлежат к числу самых многочисленных и характерных категорий сейминско-турбинского инвентаря (Черных, Кузьминых 1989: 38). Нами зарегистрировано 127 металлических изделий и около 50 литейных форм для их производства. Это сравнительно большой материал. Но следует иметь в виду, что он происходит с гигантской территории, которая простирается от Минусинской котловины до Финляндии и Эстонии.

¹⁹ Опубликовано: Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память профессора В. И. Равдоникаса. Проблемы археологии. СПб, 1994. Вып. 3. С. 93–102.

В хронологическом отношении этот материал неоднороден. Его большая часть относится к так называемой сейминской эпохе (XVII–XV вв. до н. э.), а меньшая — к постсейминскому времени (XIV–XIII вв. до н. э.). Однако эти хронологические группы кельтов связаны столь ярко выраженной типологической преемственностью, что в известном смысле они могут рассматриваться как одно целое.

К числу характерных особенностей сейминско-турбинских кельтов следует отнести то обстоятельство, что громадное их большинство украшено орнаментом. По стилю — это геометрический орнамент с весьма строго упорядоченной структурой. Благодаря этому в нем сравнительно легко выделяются элементы, мотивы и композиции. В качестве элементов или первичных единиц орнамента принимаются простейшие геометрические фигуры, такие, например, как треугольники или ромбы. Элементы имели двойное употребление: как самостоятельные формы орнамента и как составные части более сложных орнаментальных схем — мотивов и композиций. К мотивам мы относим горизонтальные или вертикальные ряды фигур одного элемента (например, гирлянды ромбов или треугольников). Они не имели самостоятельного значения и использовались только в составе композиций. Последние представляют собой различного рода комбинации элементов и мотивов. Для характеристики композиций, кроме их состава и структуры, важно также учитывать связь орнамента с формой орудия.

Элементы. В орнаментации сейминско-турбинских кельтов удалось выделить четыре основных элемента: I — прямоугольник (поясок); II — треугольник; III — ромб; IV — вертикально свисающие линии (табл. 1). Самым распространенным, и в этом смысле самым стабильным, элементом оказался поясок. Он встречен на всех орнаментированных кельтах. Причем для большинства из них он оказался единственным видом украшения. Место пояска в композиционной структуре определено очень строго: он всегда формировал самую верхнюю зону орнамента. Поясок располагался только в горизонтальном положении и на некотором расстоянии от края втулки. В тех случаях, когда орудие снабжалось ушками, он помещался точно на их уровне.

Остальные элементы не были столь обязательными признаками, сейминско-турбинской орнаментации, как поясок. Все же некоторые из них имели очень широкое распространение. Это, прежде всего, относится к треугольникам (86 случаев) и в меньшей степени — к ромбам (29) (табл. 1, II, III). Вертикально свисающие линии употреблялись еще реже (8) и только на самых поздних кельтах (табл. 1, IV).

I													
А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О
4	3	35+(30)	56	9	2	1	1	6	7	2	1	1	5

II						III				IV	
А	Б	В	Г	Д	Е	А	Б	В	Г	А	Б
4	57	6	3	2	14	2	43	1	3	7	1

Таблица 1. Основные элементы орнамента сейминско-турбинских кельтов:

I — прямоугольник (поясок); II — треугольник; III — ромб; IV — пучок вертикально свисающих линий.

Буквами обозначены варианты элементов, арабскими цифрами — частота встречаемости вариантов

Ни один из этих элементов, по сравнению с пояском, не использовался в качестве самостоятельной формы орнамента. Они группировались в мотивы, что, в свою очередь, совершен-

но не свойственно пояску. Среди них даже имеется такой своеобразный элемент-мотив, как пучок вертикально свисающих линий. В целом отметим, что в составе мотивов эти элементы обрзовывали нижние (вслед за пояском) зоны орнамента.

Каждый из перечисленных элементов представлен несколькими вариантами. Они выделяются в зависимости от того, чем заполнено поле фигуры (например, косая или сетчатая штриховка) и реже деталями, строения самой фигуры (например, равнобедренный или прямоугольный треугольник). Больше всего вариантов имеет первый элемент (14) и меньше всего — четвертый (2) (табл. 1, I; IV). Варианты пояска весьма разнообразны и даже разностильны. Но, как правило, они представлены единичными экземплярами. Среди них заметно преобладают только два варианта — поясок, заполненный 3–4 горизонтальными линиями («турбинский поясок»), и так называемые городки («сейминская лесенка») (табл. 1, I, В, Г). Неравномерно распределены варианты и в других элементах. Среди треугольников и ромбов наибольшее распространение получили косо заштрихованные фигуры (соответственно. 57 и 43 случаев), а в четвертом элементе — пучки из прямых линий (7) (табл. 1, II, Б; III, Г).

Весьма избирательно ведут себя элементы и в тех случаях, когда они сочетаются друг с другом. В этом отношении очень показательны «турбинский» и «сейминский» пояски (табл. 1, I, В, Г). Несмотря на то, что первый из них имел самое широкое распространение, он крайне редко сопрягался с другими элементами (табл. 2). Известно лишь четыре таких случая, что составляет 5 % от общего числа кельтов с «турбинским» пояском. Почти прямо противоположная картина характерна для «сейминской лесенки». В громадном большинстве случаев (свыше 70 %) она сопровождается другими элементами. Чаще всего ими оказывались ромбы и треугольники. «Лесенка» как бы не любит одиночества и регулярно образует сложные композиции (табл. 2).

Эти различия следует признать весьма важными, так как они дают объективную основу для выделения сейминского и турбинского типов кельтов. Особо подчеркнем, что основным признаком первого из них являются не ромбы и треугольники, как принято думать, а «лесенка». Анализ показывает, что именно она была ключевым компонентом орнамента, от которого зависело появление ромбов, треугольников и даже ушек.

Мотивы. Как уже отмечалось, в формировании мотивов принимали участие только два элемента — треугольники и ромбы. Причем из треугольников группировались горизонтальные ряды фигур, а из ромбов — вертикальные (табл. 3, II; IV). Это правило действовало регулярно и лишь у семи кельтов оно было нарушено. Орнамент этих кельтов выделен в особые — III и V — типы мотивов (табл. 3, III; V).

Ряды треугольников обычно составлялись из 2–3 фигур, расположенных вплотную или на некотором расстоянии друг от друга (табл. 3, I). Очень часто (54 %) к ним присоединялась еще пара треугольников (точнее, вложенных углов), которые украшали узкие стороны кельтов. В таких случаях получался удлинённый ряд, вкруговую опоясывающий втулку орудия (табл. 1, I, Б).

В сейминско-турбинской орнаментации преимущественно использовались косо заштрихованные равнобедренные треугольники. Все другие их варианты имели ограниченное распространение. Следует лишь отметить прямоугольные треугольники, которые отличаются относительной многочисленностью и определенным местоположением (табл. 3, I, В). Они всегда располагались на стыке широких и узких сторон кельта и не во всех случаях составляли ряд. Почти все кельты с таким орнаментом найдены в Сибири и датируются поздним временем.

Цепочки ромбов также обычно состоят из 2–3 фигур, которые, однако, всегда соединены в непрерывный ряд (табл. 3, II). Этот ряд чаще всего начинался и заканчивался треугольниками, один из которых прикреплял его к пояску. Что касается другого (нижнего) треугольника, то он, очевидно, появился по правилу зеркальной симметрии. В тех случаях, когда ряд помещался изолированно, он группировался только из ромбов (табл. 3, II, Г).

		I											II					III				
		А	Б	В	Г	Д	З	И	К	Л	М	Н	О	А	Б	В	Г	Д	Е	А	Б	
I	А																					
	Б																					
	В																					
	Г																					
	Д																					
	З																					
	И		1																			
	К																					
	Л																					
	М																					
	Н																					
О																						
II	А		1		1	2									1							
	Б		3	2	2	33	6		4	3	2	1		3	1							
	В					5		1							1							
	Г								1													
	Д					1								1								
	Е				1	8			3	1	1					8						
III	А													1								
	Б		4	2	1	23	6	1	1	1	1			2	2	35				1		
	В								1									1				
	Б					3									1				1			
IV	А				1	5														5		
	Б					1										1						
			9	4	6	83	12	2	10	5	4	1	1	7	3	45	1	1	1	6		

Таблица 2. Сопряженность элементов орнамента сейминско-турбинских кельтов

В декоративном отношении гирлянды ромбов, без всякого сомнения, являются самым выразительным компонентом сейминско-турбинского орнамента. Особенно нарядный вид этот орнамент приобретал тогда, когда фаска кельтов покрывалась 2–3 сомкнутыми рядами ромбов. Чередование темных (заштрихованных) и светлых фигур создавало эффект коврового узора, который также можно рассматривать в качестве самостоятельного мотива (табл. 3, IV).

Итак, анализ орнаментации топоров-кельтов позволил выделить, следующие типы мотивов: I) горизонтальные ряды треугольников; II) одинарные гирлянды ромбов; III) одинарные вертикальные ряды треугольников; IV) двойные-тройные гирлянды ромбов; V) двойные вертикальные ряды треугольников; VI) пучки вертикально свисающих линий.

I			II				III		IV			V	VI	
A	Б	В	A	Б	В	Г	A	Б	A	Б	В	A	A	Б
12	28	14	19	4	1	11	3	1	7	4	1	3	7	1

Таблица 3. Типы мотивов орнамента сейминско-турбинских кельтов.

I — горизонтальные ряды треугольников; II — гирлянды ромбов; III — вертикальные одинарные ряды треугольников; IV — двоянные и строенные гирлянды ромбов; V — двоянные вертикальные ряды треугольников; VI — пучки вертикально свисающих линий. Буквами обозначены варианты типов мотивов, арабскими цифрами — частота встречаемости вариантов

Все эти типы, кроме одного, представлены несколькими вариантами, которые выделяются по набору элементов, входящих в состав того или иного мотива. Больше всего вариантов имеет тип II — 4, а меньше всего — V — 1. Самое широкое распространение получили мотивы первых двух типов (соответственно, 54 и 35 случаев). Только по единичным образцам известны III и особенно V типы.

Композиции. Различного рода комбинации указанных мотивов и вариантов пояска создают все разнообразие композиций сейминско-турбинского орнамента. Прежде чем перейти к анализу этих композиций, необходимо остановиться на таком своеобразном явлении, как асимметрия орнамента (Бадер 1964: 76). Она проявляется в том, что одна из широких сторон кельта бывает украшена богаче, чем другая. Причем эта другая, как бы затылочная, сторона повторяет орнамент лицевой, но на один мотив меньше. Так, если одна из фасок украшена пояском и треугольниками (или ромбами), то другая — только пояском (Бадер 1970: рис. 34–37). Возможен и другой вариант. У самых нарядных кельтов лицевая сторона орнаментировалась пояском и тремя вертикальными рядами ромбов. На затылочной стороне в таком случае помещались два ряда ромбов (Черных, Кузьминых 1989: рис. 78, 2; 79, 1, 6). При анализе сейминско-турбинских композиций во внимание принималась в основном орнаментация лицевых фасок.

Сравнительный анализ различных комбинаций элементов и мотивов позволил выделить шесть устойчивых композиций (табл. 4).

Первая из них состоит только из одного элемента (пояска), который является единственным украшением кельтов (табл. 4, I). Это самая простая и вместе с тем самая распространенная композиция (Черных, Кузьминых 1989: рис. 6–9). Она зафиксирована у 51 металлического изделия и на 30 литейных формах. Из шести вариантов этой композиции преобладает «турбинский поясок». «Сейминская лесенка» учтена в 13 случаях, а остальные варианты представлены единичными экземплярами. Все эти кельты, кроме двух, безушковые.

Второй тип композиции представляет собой, сочетание пояска (чаще всего «сейминской лесенки») с горизонтальными рядами треугольников (I тип мотивов) (табл. 4, II). Эта композиция известна в восьми вариантах, каждый из которых представляет оригинальную комбинацию вариантов пояска и треугольников (Черных, Кузьминых 1989: рис. 12).

Третий тип композиции построен по тому же принципу, что и второй. Но вместо треугольников от пояска спускается вертикальный ряд ромбов (II тип мотивов) (табл. 4, III). Эта композиция известна в четырех вариантах и зарегистрирована на 11 кельтах (Черных, Кузьминых 1989: рис. 13, 14). Среди них преобладают безушковые орудия.

Четвертый тип композиции демонстрирует более сложную орнаментальную схему, чем три уже описанных типа. В него входят восемь вариантов, большинство из которых явилось результатом слияния композиций II–III типов (табл. 4, IV). Кроме того, здесь впервые использо-

	I					II					III			IV					V					VI																			
	А	Б	В	Г	Д	Е	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	А	Б	В	Г	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	А	Б	В				
	1	2	6	1	13	2	1	1	1	8					1	6	1	16	1	1			1	1																			1
																																											
					1																																						
					1																																						

Таблица 4. Типы композиций орнамента сейминско-турбинских кельтов.
 Римскими цифрами обозначены типы композиций, буквами — варианты композиций,
 арабскими цифрами — частота встречаемости вариантов

зованы мотивы III типа (Черных, Кузьминых 1989: рис. 16, 17, 18). Кельты, орнаментированные подобным образом, составляют один из самых многочисленных разрядов орудий (24 экз.) и считаются наиболее характерными образцами сейминского типа кельтов. Большинство из них представлено безушковыми орудиями.

В пятом типе композиции мы видим дальнейшее усложнение структуры орнамента. Это происходит как за счет использования новых мотивов (IV–V типы), так и путем расширения орнаментальной зоны (табл. 4, V). Теперь она покрывает почти всю фаску орудия (Черных, Кузьминых 1989: рис. 20, 78, 2–6). Вероятно, под влиянием этого последнего фактора происходит трансформация пояска. В ряде случаев он теряет свое значение центра композиции и как бы сливается с другими элементами орнамента (Черных, Кузьминых 1989: рис. 79, 4). Эта композиция известна в десяти вариантах, которые различаются в основном по заполнению пояска. Кельтов с таким орнаментом учтено 14 экз., среди которых резко преобладают орудия с ложными ушками. Все они, кроме двух, происходят из Сибири и, как правило, датируются постсейминским временем.

Шестой тип композиции резко отличается от пятого и по своей структуре аналогичен четвертому типу. Эта композиция также состоит из одного элемента (пояска) и двух мотивов, но содержание их иное (табл. 4, VI). Кельтов с таким орнаментом найдено 6 экз. Почти все они с ложными ушками и происходят из Сибири. Датируются они постсейминским временем.

Таковы в кратком изложении основные особенности построения и содержания орнамента сейминско-турбинских кельтов. Нетрудно заметить, что он отличается значительным комбинационным разнообразием и строгим геометризмом. В хронологическом отношении фиксируется эволюция орнамента от упрощенных схем (типы композиции I–III) к более сложным и насыщенным (типы IV–V), заполняющим почти всю фаску орудия. Вместе с этим происходят и морфологические изменения — заметно движение от безушковых форм к ушковым и ложноушковым. Не вызывает сомнений, что эти орнаментальные и морфологические изменения взаимосвязаны и отражают локально-хронологические особенности в развитии кельтов (Бочкарёв 1986: 92–95).

Царевокурганская коллекция металлических изделий эпохи бронзы²⁰

Среди материалов эпохи бронзы, хранящихся в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П. В. Алабина, особое внимание привлекает группа медных и бронзовых изделий, которые были найдены рабочими-строителями в 1938 г. на вершине Царева кургана. Обстоятельства и условия обнаружения этих предметов, их характеристика и общая оценка даны в публикациях А. В. Збруевой и А. П. Смирнова, О. А. Кривцовой-Граковой, К. В. Сальникова, Е. Н. Черных и С. Н. Корневского (Збруева, Смирнов 1939: 193–196; Кривцова-Гракова 1955: 54, 60, 62, 146, 147; Сальников 1967: 43–44; Черных, Корневский 1976: 201–208). Эти работы и сейчас во многом не потеряли своего значения, хотя по прошествии времени ряд их положений требует пересмотра. Ниже мы приведем некоторые дополнительные данные о царевокурганских вещах, а также изложим наше представление о характере находки, о ее типологии, хронологии и культурной принадлежности.

По описи в Самарский музей поступило 17 металлических изделий. В настоящее время на хранении находится 14 из них. Перечислим сохранившиеся предметы и приведем их метрические характеристики.

В коллекцию входят три однотипных серпа. Максимальная длина первого из них — 15,6 см, ширина клинка — 2,5 см, вес — 94 г (рис. 3, 2). Лезвие второго серпа заметно сточено (рис. 3, 1). Длина орудия — 17,6 см, ширина клинка (близ крюка) — 2,7 см, вес — 88 г. Длина третьего орудия — 16 см, ширина клинка — 2,1 см, вес — 67 г (рис. 4, 4).

Два тесла-топора близки друг другу по основным метрическим показателям. Длина одного из них — 15,6 см, ширина лезвия — 4,2 см, ширина обушка — 2,3 см, вес — 179 г (рис. 2, 1). У другого орудия идентичные размеры лезвия и обушка, но оно немного короче и легче — соответственно 14,1 см, 161 г (рис. 2, 2).

Из четырех ножей коллекции в музее сохранилось два. Нож с перекрестьем и перехватом имеет длину 13 см, максимальную ширину клинка — 3,7 см, вес — 48 г (рис. 2, 4). Длина второго ножа с односторонне выделенной рукояткой — 13,3 см, длина клинка — 7,1 см, его максимальная ширина — 2,3 см, вес орудия — 30 г (рис. 2, 3).

Первоначально в коллекцию входило четыре браслета. Сейчас в музее осталось три. Все они относятся к одному типу. Внешний диаметр первого из них — 7,3 см, толщина прутка — 0,7 см, вес — 60 г (рис. 4, 2). Второй браслет имеет несколько больший диаметр (7,5 см), но он легче (50 г) и тоньше — 0,6 см (рис. 4, 3). Третий браслет деформирован и в результате приобрел форму неправильного овала (рис. 4, 1). Диаметр его прутка — 0,7 см, вес — 57 г.

В коллекцию входят еще два предмета, которые, возможно, были переделаны из браслетов. Длина одного из них — 14,3 см, толщина стержня — 0,6 см, вес — 28 г (рис. 2, 5). Другой предмет имеет длину 12,8 см, вес — 19 г (рис. 3, 4).

Последний предмет коллекции — медный топор, весом 647 г. Длина орудия — 14,6 см, ширина лезвия — 3,8 см. Диаметр входного отверстия — 3,7 см на 3,8 см, выходного — 3,2 на 3,3 см (рис. 1).

Царевокурганская коллекция металлических изделий интересна по ряду причин. Так, обращает на себя внимание не вполне обычное место находки. Вещи были выкопаны на вершине 35-метровой сопки, стоящей в устье р. Сок, левого притока Волги. Благодаря своим размерам и выразительному силуэту она стала местной достопримечательностью, что, вероятно, и отразилось в названии. Несомненно, что в древности Царевокурганская сопка также вызывала повышенное внимание. Об этом косвенно свидетельствуют разнообразные и разновременные культурные остатки, обнаруженные на ее вершине.

²⁰ Опубликовано: Царев курган. Каталог археологической коллекции. Древности самарского края. Самара, 2003. С. 60–81 (совместно с П. Ф. Кузнецовым).

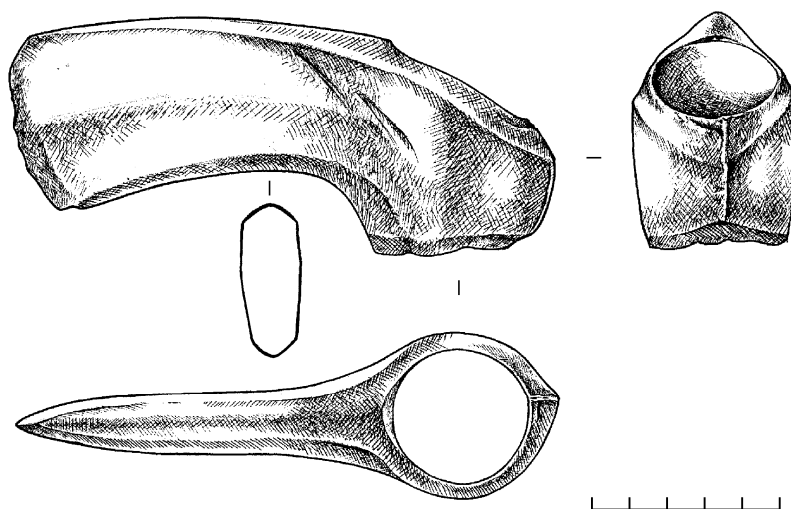

Рис. 1. Царев курган. Бронзовый топор

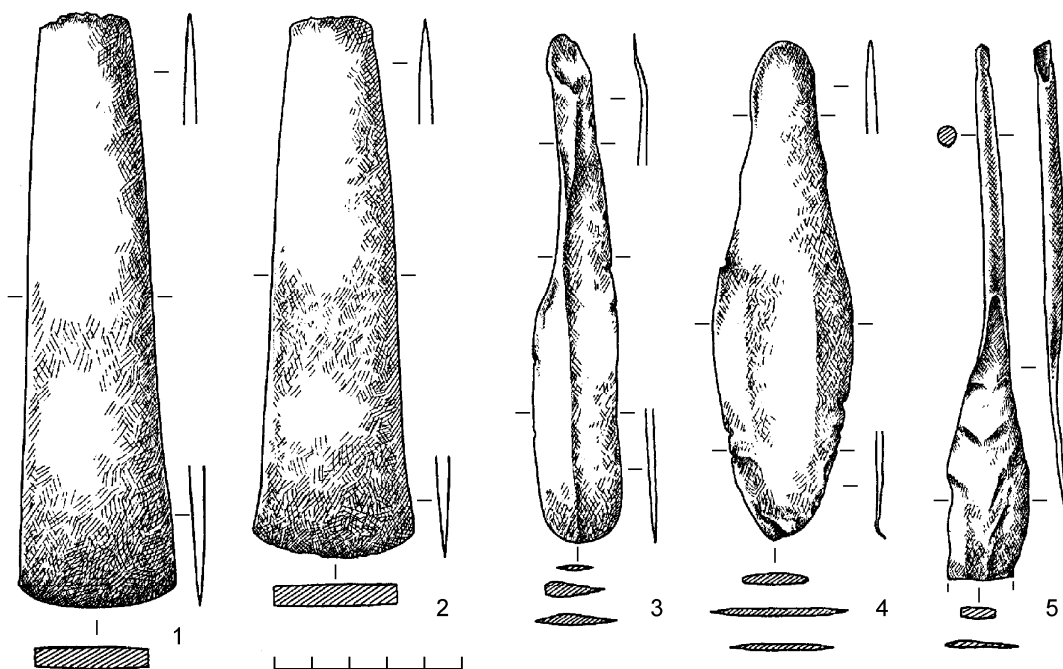

Рис. 2. Царев курган. Бронзовые изделия

Далее следует отметить, что металлическая коллекция представляет собой сравнительно многочисленное собрание вещей — 17 экз. Среди них есть довольно крупные и тяжелые предметы (топор, тесла). В совокупности вес всех металлических изделий превышает полтора килограмма. Не исключено, что первоначально вещей было еще больше. Некоторые из них могли быть расхищены или уничтожены при проведении земляных работ.

В функциональном отношении эта коллекция также весьма представительна. В нее входят изделия 4-х категорий: деревообрабатывающие и сельскохозяйственные орудия (топор, тесла, серпы), утварь (ножи) и украшения (браслеты). Назначение еще двух предметов не вполне ясно (браслеты?). Но особенно большой интерес вызывает типологический состав коллекции. Он отличается своеобразием. Это касается как некоторых отдельных вещей (серпы, один из ножей), так и в целом всей коллекции. Последнее обстоятельство, а так же данные о химизме

металла позволили Е. Н. Черных и С. Н. Корневскому предположить, что «в царвокурганской коллекции мы сталкиваемся со свидетельством местной и довольно своеобразной средневожской металлообработки на рубеже досейминского и сейминского хронологического горизонта (середина 2-го тыс. до н. э.)» (Черных, Корневский 1976: 208).

Судя по этому высказыванию, его авторы усматривают в царвокурганских изделиях некое внутреннее единство, что само по себе может предполагать их принадлежность к единому комплексу. Однако Е. Н. Черных и С. Н. Корневский не рискнули сделать столь определенный вывод. Вместо этого они выдвинули 4 варианта толкования царвокурганской находки. Согласно первым двум, она составлена из вещей одного или двух кладов. Не исключается также возможность того, что в ее состав вошли несколько предметов, связанных со слоем поселения. По третьей версии «вещи относятся к захоронениям с несохранившимися по какой-либо причине костями...» (Черных, Корневский 1976: 202). Наконец, четвертая версия предполагает ритуальное захоронение металлических изделий (например, кенотафы или символические погребения).

Ни одному из этих вариантов Е. Н. Черных и С. Н. Корневский не отдают предпочтение. Их осторожность понятна. Дошедшие до нас сведения об условиях находки скудны и, возможно, не вполне достоверны. Дело в том, что на вершине Царева кургана находилось еще несколько разновременных памятников (поселения, погребения). При функционировании каждого из них культурные остатки предшествующего времени неизбежно подвергались разрушению. Не меньший вред им был причинен при добыче камня и пахоте, следы которой зафиксированы А. В. Збруевой. Каждый из этих факторов и все они вместе могли привести к тому, что металлические вещи были сдвинуты с первоначального места их залегания, разрознены и перемешаны. Возможно, что уже с такой искаженной картиной их расположения столкнулись сами находчики. Как смогли, они ее описали в своих рассказах. Впрочем, учитывая некомпетентность самих находчиков, этим рассказам также нельзя слишком доверять.

Таким образом, доступные сейчас сведения об условиях депонирования царвокурганских изделий едва ли можно считать вполне достоверными. Они носят условный характер и, следовательно, не могут рассматриваться в качестве единственного и основного источника информации.

Большого доверия, на наш взгляд, заслуживает другая группа свидетельств: 1) сам факт обнаружения на ограниченном участке земли сравнительно большого количества металлических изделий; 2) нахождение на вершине сопки нескольких разновременных и разнохарактерных памятников; 3) хронологическое единство большинства вещей коллекции (об этом пишут Е. Н. Черных и С. Н. Корневский, и это положение будет подтверждено ниже).

Комбинируя данные этих двух групп свидетельств и привлекая сравнительные материалы, можно попытаться определить вид памятника, к которому принадлежит царвокурганская находка. Начнем с рассмотрения версий, предложенных Е. Н. Черных и С. Н. Корневским. Прежде всего отметим, что они не равноценны. Слабее других выглядит третья версия, согласно которой вещи происходят из погребений. Отсутствие костяков объясняется тем, что они просто не сохранились, как это случилось в Турбинском и Сейминском могильниках. Однако этот довод не убедителен. На Царевом кургане были природные условия для сохранности человеческих костей, о чем свидетельствуют открытые здесь погребения.

Не вполне согласуются с этой версией также количественный и функциональный состав царвокурганской коллекции. Судя по статистическим выкладкам, находки металлических вещей в покровских и срубных погребениях на территории Среднего Поволжья не такое уж частое явление. Ни в одном из таких погребений пока не встречены тесла, серпы. А долота и топоры представлены единичными экземплярами. Погребения с ножами составляют примерно 2,4 %, а наиболее массовая категория украшений — браслеты не превышает 6 %. Приведенные выше расчеты сделаны на основании сводки А. И. Крамарева на 2003 г. по 2330 погребениям Южного Средневожья (Крамарев 2003; 2004).

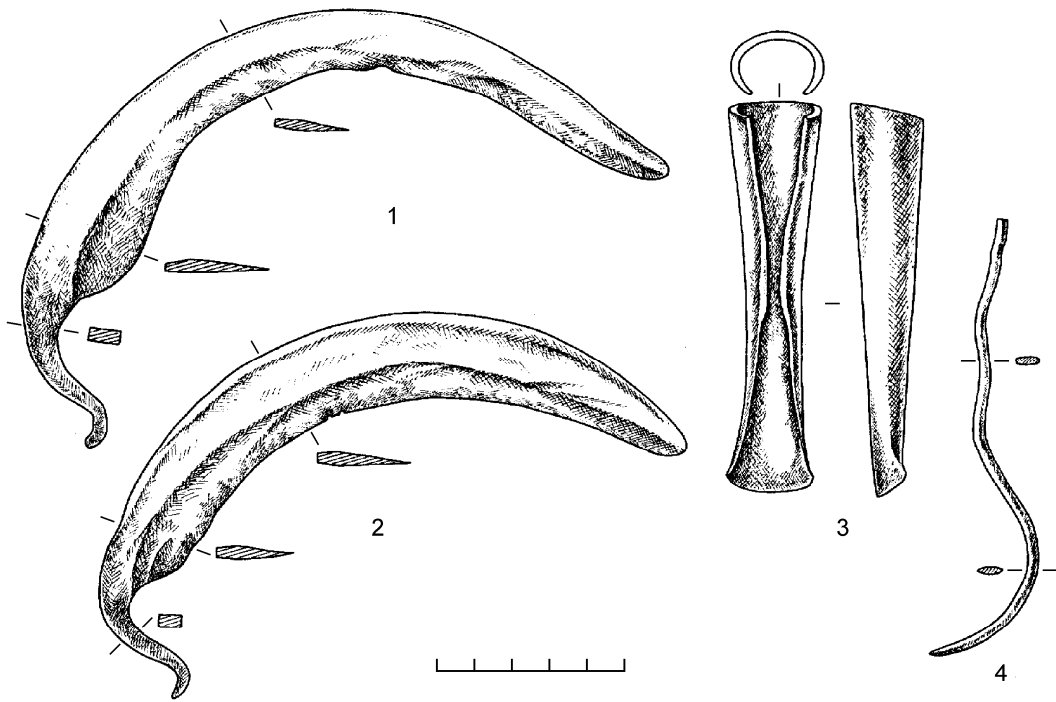

Рис. 3. Царев курган. Бронзовые изделия

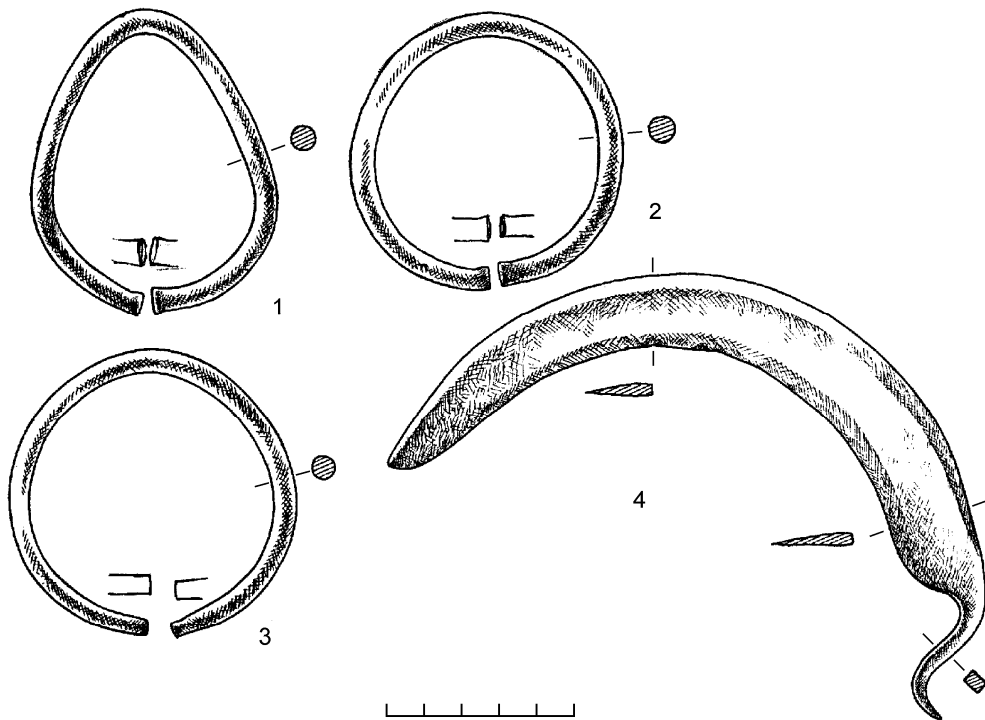

Рис. 4. Царев курган. Бронзовые изделия

Если ориентироваться на эти статистические показатели, то на вершине Царева кургана должен был бы находиться крупный некрополь начальной поры эпохи поздней бронзы. Однако этому противоречат другие данные. Среди них назовем сравнительно небольшие размеры площадки на вершине сопки, единичность скорченных костяков, отсутствие целых или крупных фрагментов сосудов, которые являются почти обязательным атрибутом погребальных комплек-

сов этого времени. С другой стороны, в этом предполагаемом могильнике вдруг оказалось столько же серпов и тесел, как и во многих сотнях погребений эпохи поздней бронзы всего Среднего и Нижнего Поволжья.

Конечно, часть этих противоречий можно снять, предположив, что на Царевом кургане находился некрополь сейминско-турбинского или потаповского типов, для которых характерно обилие металлического инвентаря. Но это повлечет за собой новые проблемы, на этот раз уже типологического и культурно-исторического порядка.

Таким образом, погребальная версия весьма уязвима для критики. Создается впечатление, что она была выдвинута как чисто абстрактное предположение.

Столь же мало убедительной выглядит четвертая версия, особенно в той ее части, в которой речь идет о кенотафах и символических погребениях. На нее распространяются все те критические замечания, которые были приведены выше. Эта версия также предусматривает возможность вотивного захоронения металлических изделий. Учитывая место нахождения царевокурганских вещей, такую возможность нельзя полностью отвергать. Известно, что в древности горы, холмы и просто возвышенности были объектами религиозного поклонения. На некоторых из них устраивались святилища, археологические остатки которых открыты на территории Греции (минойская культура), в Восточной Грузии (эпоха поздней бронзы), в Юго-Западной и Центральной Европе (эпохи средней и поздней бронзы). Как культовые места они опознаются по целому ряду характерных находок: антропоморфные статуэтки и стелы, зооморфные изображения, миниатюрные и специально культовые предметы (в том числе и металлические), кости жертвенных животных, следы кострищ и т. д. Ничего подобного на Царевом кургане не зафиксировано. Поэтому относить его к числу культовых памятников можно лишь предположительно. Не обоснован и тезис о вотивном сокрытии вещей на «священной горе».

Гораздо убедительнее кажется кладовая версия происхождения царевокурганской коллекции. В ее пользу можно привести следующие данные: скопление на ограниченной площади сравнительно большого количества вещей, характерный состав находки, синхронность друг другу большинства вещей коллекции. Рассмотрим эти данные подробнее.

Одним из основных признаков кладов является совместное нахождение вещей в пределах очень небольшого пространства. В нашем случае площадь находки ограничена размерами вершины сопки. По словам находчиков, вещи лежали двумя группами. В одной из них было 3 предмета, а в другой — 8. Еще 5 или 6 вещей были найдены в разных местах на вершине сопки. С методической точки зрения, такое раздельное размещение предметов является препятствием для признания их замкнутым комплексом. Однако в действительности ситуация аналогичная царевокурганской не такое уж редкое явление в кладовых находках. Так, известны случаи, когда клады были разделены на две группы, и каждая из них зарыта в отдельной яме. Расстояние между ямами могло колебаться в пределах 1,5–2–4 м. Такой вариант депонирования был зафиксирован в Ингульском, Боргустанском и Вырбицком кладках (Сымонович 1966: 127; Егоров 1951: 292; Ковачёва 1967: 51–59). Чаше встречается другая ситуация: вещи рассеяны на площади в несколько квадратных метров и нередко находятся прямо на поверхности земли. В таком положении были найдены металлические изделия в Бециловском, Райгородском, Журавлинском, Упорнинском, Нарат-Эшикском и в целом ряде других кладов эпохи поздней бронзы (Черняков 1968; Лесков 1967: 159–160; Архив ИИМК РАН. Д. 169 за 1925 г.; Шарафутдинова 1968: 29; Архив ИА НАНУ. Д. ВУАК № 572 за 1931 г.; Нечитайло 1994: 27–28). Наконец, известны клады, у которых совмещаются групповое и раздельное размещение предметов. К такому относятся клады из Карманово, Ахметовской, Гура Доброджей и т. д. (Обыденнова, Хузин 1982: 30–37; Кузьминых 1981: 62–63; Марковин, Глебов 1979; Aricescu 1965: 21–29).

Очевидно, два последних варианта депонирования возникли непреднамеренно, а в результате разрушения кладов под воздействием природных и антропогенных факторов. Наибольший вред им причиняли вода и различного рода земляные работы.

Хотя формально все перечисленные находки не могут считаться замкнутыми комплексами, в литературе их уверенно относят к категории кладов. К этой же категории также причисляют и многие собрания металлических изделий, условия обнаружения которых вообще остались неизвестными. Их идентификация проводится по ряду других признаков, свойственных кладовым комплексам.

Так существенное значение имеет количество найденных изделий. Чем их больше, тем выше вероятность того, что перед нами, действительно, клад. Напомним, что в царвокурганскую коллекцию входит 17 предметов (вес — более полутора килограммов). По этому показателю ее можно приравнять к восточноевропейскимкладам средних размеров. По мнению Е. Н. Черных и С. Н. Корневского, она могла быть увеличена за счет вещей, связанных с царвокурганским поселением. Это предположение кажется маловероятным. Как показали специальные исследования, среди материалов поселения выделяются две группы керамики — вольско-лбищенского типа (эпоха средней бронзы?) и белогорского (Васильев 1975: 76–83; История... 2000: 65–76; Матвеева 1975: 93–104). Лишь один черепок имеет срубный облик. По времени эти находки в целом не соответствуют царвокурганскому металлу.

Для идентификации находок с неясными и неизвестными условиями депонирования важное значение имеют данные о функциональном составе находок. Это обусловлено тем, что металлические инвентари погребений, кладов и других видов источников отличаются друг от друга как в количественном, так и в функциональном отношении. Мы уже упоминали о том, что серпы очень редко встречаются в могилах. На несколько тысяч погребений конца эпохи средней — начала поздней бронзы Волго-Уральского региона приходится всего 11 находок серпов. Напротив, в кладах они являются регулярной находкой. Из 20 волго-уральских кладов того же времени, что и указанные погребения, серпы найдены в 17 комплексах. В 14 из них они численно доминируют. Наличие в царвокурганской коллекции сразу 3 экз. этих орудий, конечно, сближает ее с кладами в гораздо большей степени, чем с погребениями.

Кроме серпов, эта коллекция и клады имеют еще целый ряд общих компонентов: ножи, тесла, топоры, долота, украшения. В кладах чаще всего встречаются первые три категории изделий и реже всего украшения. В целом, по набору вещей эта коллекция больше всего напоминает Ерыклинский и, особенно, Верхнекизыльский клад (Смолин 1926: 75–76; Bortvin 1928: 122–131; Сальников 1967: 40, рис. 6).

Одним из основных признаков кладов как замкнутых комплексов является хронологическое единство их составов. Конечно, известны клады, в которых встречаются вещи более раннего времени, чем весь комплекс. Но, как правило, они представлены единичными экземплярами и легко опознаются.

Е. Н. Черных и С. Н. Корневскому удалось установить, что все царвокурганские изделия, кроме топора, относятся примерно к одному и тому же промежутку времени (по их терминологии, конец досейминского — начало сейминского хронологических горизонтов). В основе этот вывод нам представляется правильным. Ниже он будет подкреплён дополнительными аргументами. Вместе с тем, необходимо внести некоторые уточнения в прежние представления о хронологии и типологии царвокурганских вещей.

Типолого-хронологический обзор начнем с серпов. Они принадлежат к оригинальному и редкому типу. Кроме 3 экз. с Царева кургана, к нему можно отнести еще один беспаспортный серп из Волгоградского краеведческого музея. Вероятно, его упоминают А. В. Збруева и А. П. Смирнов (Збруева, Смирнов 1939: 194). По их сведениям, он был найден на левобережье Хопра, близ ст. Археновской.

Все четыре серпа — небольших размеров. Они имеют симметрично изогнутую спинку с утолщенным краем, узкий клинок и уступ, отделяющий лезвие от рукояточной части. Эта последняя деталь представляет собой откованный прямоугольный в сечении стержень, загнутый вниз. Его кончик приострен и отведен в сторону почти под прямым углом.

Е. Н. Черных и С. Н. Корневский полагают, что эти орудия ближе всего стоят к серпам срубной культуры, и особенно к тем из них, которые были распространены в лесостепном Поднепровье. По их мнению, они появились в Среднем Поволжье под влиянием срубного металлургического очага.

Конечно, нельзя отрицать, что царевокурганские и «срубные» серпы имеют некоторые общие черты. Как думают Е. Н. Черных и С. Н. Корневский, их особенно сближает наличие крюков. Но эти крюки разной формы. В одном случае они загнуты вниз, а в другом — вверх, и, следовательно, к рукояткам они крепились по-разному. С типологической точки зрения, это столь существенные отличия, что царевокурганские и «срубные» серпы должны быть отнесены к двум отдельным и самостоятельным типам.

По нашим данным царевокурганский тип датируется ранним (покровским) этапом эпохи поздней бронзы Поволжья. Для этого времени характерно значительное разнообразие форм серпов как, в прочем, и некоторых других категорий металлических изделий (например, ножей). Кроме царевокурганского типа, тогда использовались серпы типов Еланское, Ерыклы, Кочетного и Гречихино (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 36–41, 69, 111–118). Все они имеют ряд общих и примечательных черт, которые позволяют их объединить в одну хронологическую группу. Это небольшие орудия, их длина редко превышает 20 см, а ширина клинка — 3 см. Спинка у них симметрично изогнута, ее край утолщен, клинок узкий и почти одинаковой ширины на всем своем протяжении. Между собой они различаются формой рукояточной части. Каждый из этих типов представлен небольшим количеством экземпляров. Несколько таких серпов оказались в хорошо датированных комплексах (Утевка VI, Новолиповка, Ерыклы, Синташта, Каменный Амбар-5 и т. д.), что позволяет установить хронологию перечисленных типов. Как уже говорилось, все они характерны для раннего этапа эпохи поздней бронзы.

Несколько иная история у серпов срубного типа (по нашей классификации — ибракаевский тип) (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 59–86). Не исключено, что их ранние образцы появились еще в покровское время. На это указывают инвентарь и обряд одного из погребений Савельевского могильника на Среднем Дону (Рогудеев 1997: 115–122, рис. 1, 6–12). Но большая их часть, конечно, приходится на второй этап эпохи поздней бронзы, на время расцвета срубной культуры. Они довольно быстро вытеснили из употребления все другие типы серпов и вместе со срубной культурой распространились от Урала до Поднепровья. Тогда же происходит их разделение на три локальных варианта: приуральский, волго-донской и среднеднепровский (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 59–60). Между собой серпы этих вариантов различаются размерами. Самые маленькие из них составляют третий, среднеднепровский вариант. С ними Е. Н. Черных и С. Н. Корневский и сравнивают царевокурганские орудия. Но эта аналогия носит поверхностный характер. На наш взгляд, эти серпы относятся к разным типам и к разным этапам эпохи поздней бронзы. Что касается их малых размеров, то это явление также вызвано несхожими причинами. В одном случае (среднеднепровский вариант) — дефицитом привозного сырья, а в другом (царевокурганский тип) — принятыми в то время нормами производства этой категории изделий.

Два царевокурганских топора-тесла немного отличаются друг от друга по размерам и пропорциям. У первого из них (рис. 2, 1) индекс А = 3,7, индекс Б = 1,8; а у второго (рис. 2, 3) — А = 3,45, Б = 1,9²¹. В литературе этим орудиям приводят широкий круг аналогий среди материалов эпох средней и поздней бронзы южной половины Восточной Европы. Действительно, внешне они напоминают, с одной стороны, тесла привольнинского типа, а с другой — тесла начальной поры эпохи поздней бронзы волго-уральского региона. Разобраться в этой ситуации можно с помощью приведенных выше индексов.

²¹ Индекс А фиксирует отношение длины орудия к ширине лезвия, а индекс Б — отношение ширины лезвия к ширине обушка.

Так выяснилось, что у царевокурганских орудий индекс А выше средних значений аналогичных показателей у орудий привольнинского типа. В целом они не вписываются в тот корреляционный график, который составили С. Н. Братченко и С. М. Санжаров для южнорусских тесел эпох ранней и средней бронзы (Братченко, Санжаров 2001: 55–66, рис. 35). По своим пропорциям они также отличаются от тесел так называемого абашевского типа (Пряхин 1976: 133–135). У последних индекс лишь немного превышает единицу.

Дальнейший анализ показал, что орудия с Царева кургана обнаруживают наибольшее сходство с некоторыми топорами-теслами, которые встречаются в синташтинских, петровских и покровских памятниках. Ближе всего к ним стоит первое тесло из Царева кургана. Это сходство дает основание датировать царевокурганские тесла в основном первым этапом эпохи поздней бронзы и синхронизировать их с серпами.

Желобчатое долото с кованой втулкой (рис. 3, 3) относится к тем разновидностям орудий, которые на протяжении длительного времени не претерпевают значительных морфологических изменений. Во всяком случае, пока такие изменения обнаружить не удастся. По этой причине эти долота приходится рассматривать суммарно, без деления на локально-хронологические группы.

Царевокурганский экземпляр имеет множество типологических параллелей. Подобные орудия хорошо представлены в памятниках эпохи средней бронзы на Северном Кавказе, Нижнем Дону, Нижней Волге и на Южном Урале (Братченко, Санжаров 2001: 66–67). Они также встречаются в комплексах начальной поры эпохи поздней бронзы. Особо отметим находки долот в нескольких погребениях, которые уверенно датируются первым этапом этой эпохи (Утевка VI, Новопавловка, Новопетровка и т. д.). Они указывают на принципиальную возможность синхронизации таких долот с царевокурганскими серпами и теслами.

В царевокурганскую коллекцию входят 4 ножа, и все они разных форм. В типологическом отношении лучше других опознается нож с перекрестьем, перехватом и округло-ромбическим расширением на конце черенка (рис. 1, 4). В поперечном сечении его клинок плоский. Изделия этого типа хорошо представлены в волго-уральских памятниках конца эпохи средней — начала эпохи поздней бронзы (абашевских, сейминско-турбинских, синташтинских, петровских). На втором этапе эпохи поздней бронзы (в срубной и алакульской культурах) у черенков исчезает «навершие», но во всем остальном эти ножи сохраняют прежнюю форму.

Е. Н. Черных и С. Н. Корневский обратили внимание еще на одну особенность царевокурганского экземпляра — ребро, идущее вдоль лезвия клинка. Подобная манера оформления клинков очень широко использовалась сейминско-турбинскими кузнецами-литейщиками (Черных, Кузьминых 1989: 92–95). Вероятно, от них она была заимствована волго-уральскими мастерами и перенесена на ряд изделий исконно местных форм. Ножи с реберчатой окантовкой лезвия встречаются в абашевских (Верхнекизыльский клад), турбинских и покровских (Учхоз и т. д.) материалах. Позднее они выходят из употребления.

Второй нож коллекции имеет трапецевидный черенок, плавно переходящий в покатые плечики, и клинок треугольной формы (Черных, Корневский 1976: рис. 2, 10). В типологическом отношении такие ножи с нечетко выделенной рукояточной частью весьма аморфны. Но царевокурганский экземпляр имеет одну характерную особенность — удлиненный черенок. Этот признак позволяет его отнести к особой группе, в которую входят еще около полутора десятка ножей. Они встречаются в абашевских, турбинских, синташтинских, петровских и Покровских памятниках (История... 2000: 95, рис. 15, 1, 2; 164, рис. 5, 3; Черных, Кузьминых 1989: 101, рис. 58, 12; Генинг и др. 1992: 219, рис. 105, 7; 175, 10; Дегтярёва и др. 2001: рис. 2, 11). Эти памятники определяют возраст царевокурганского экземпляра.

Следующий нож коллекции имеет двулезвийный клинок, отделений от рукоятки уступом только с одной, нижней стороны (рис. 1, 3). Поперечное сечение рукоятки имеет вид перевернутого клина, а сечение клинка — ромбовидное. Отметим еще, что верхняя грань клинка

слегка прогнута, а его конец закруглен и, видимо, обломан. Точные аналогии этому изделию нам не известны. Но по ряду характерных признаков его можно сопоставить с несколькими ножами начальной поры эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона. Ближе всего к нему стоят два ножа из поселения петровской культуры Кулевчи-3 (Дегтярёва и др. 2001: 26, рис. 2, 5, 6). Они также имеют двулезвийный клинок и односторонне выделенную рукоятку. У одного из них сечение рукоятки прямоугольное, а у другого — в виде перевернутого клина. От царевокурганского ножа они отличаются асимметричной формой клинка, более широкой, длинной и менее четко выделенной рукояткой. С некоторыми оговорками в эту же группу ножей можно включить находки из Потаповки, Каменного Амбара-5 и Большекараганского могильника (Васильев и др. 1994: 38–39, рис. 30, 10; Костюков и др. 1995: 164, рис. 23, 3; Боталов и др. 1996: 85, рис. 24, 2). Более широкое распространение получили ножи с такой же формой рукоятки, но однолезвийные. Их уральские и казахстанские находки были собраны и проанализированы Н. А. Аванесовой (1990: 25–26).

Видимо, прототипы подобных ножей возникли еще в абашевской культуре. Их продолжали употреблять в начальную пору эпохи поздней бронзы. Затем, на территории Южного Зауралья, Казахстана и Западной Сибири они трансформировались в настоящие однолезвийные ножи (Аванесова 1990: 27–28; Ткачёв 2002: 61, рис. 20, 1, б).

Последний по счету царевокурганский нож изготовлен по той же конструктивной схеме, что и предыдущий экземпляр: у него двулезвийный клинок ромбического сечения и односторонне вытянутая рукоятка (Черных, Корневский 1976: рис. 2, 9). Эти признаки приводят нас к тем же аналогиям, которые были использованы при анализе третьего ножа коллекции. Следует добавить, что удлиненная рукоятка и асимметричный клинок еще более сближают его с ножами из Куливец и Каменного Амбара. Но, конечно, особое своеобразие ему придает петля на конце рукоятки. Все исследователи сравнивают эту деталь с крюками серпов «срубного» типа, которые получили широкое распространение на втором этапе эпохи поздней бронзы. Однако не исключено, что эти изделия появились еще в покровское время. Об этом уже было сказано выше.

В коллекцию входят несколько браслетов разной степени сохранности. Три из них изготовлены из толстой проволоки — дрота (рис. 1, 12–14). Они относятся к особому типу (Черных, Кузьминых 1989: 32), который может быть назван покровским по находкам в одноименном могильнике. В него входят массивные браслеты (толщина прутка более 0,5 см), круглые или овальные в плане с приостренными или тупыми концами. Этот тип очень характерен для покровских древностей (Малов 1992: 26–28). Кроме них он представлен лишь в Сейминском могильнике. К этому типу также иногда причисляют два браслета из Турбине, что не совсем точно. Особо отметим, что браслеты Покровского типа отсутствуют в абашевских, синташтинских и петровских памятниках. Их также нет в более поздних срубных и алакульских материалах. Таким образом, этот тип можно признать недолговечным и с хорошо выраженной культурной спецификой.

Четвертый царевокурганский браслет согнут из круглой в сечении проволоки (Черных, Корневский 1976: рис. 2, 15). Один его конец сужен, а другой — расплюсчен в прямоугольную пластину. Проволочные браслеты были достаточно широко распространены во времени на территории Волго-Уральского региона. Они встречены в абашевских (Старо-Яболаклинский мог.), турбинских, покровских (Ишеевка и т. д.) и даже срубных (Ченин и т. д.) памятниках. Позже они, кажется, выходят из употребления.

Вероятно, поврежденными браслетами являются еще два предмета. Один из них представляет собой волнообразный изогнутый прут полуовального сечения (рис. 3, 4). Один его конец сужен, а другой — притуплен (обрублен?). По мнению Е. Н. Черных и С. Н. Корневского, это разогнутый браслет. Действительно, в абашевских и более поздних памятниках встречаются браслеты с подобным сечением прутка и приостренными концами. Другой предмет имеет форму прямого круглого стержня, один конец которого слегка сужен, а противоположный рас-

плющен в пластину (рис. 2, 5). Судя по толщине стержня, он мог быть откован из браслета покровского типа.

Одним из самых интересных изделий коллекции является проушной топор (рис. 1). Е. Н. Черных и С. Н. Корневский отнесли его к особому, царвокурганскому типу. Такие топоры немногочисленны. Всего их известно 6 экз., 5 из которых найдены в Поволжье. По всем своим основным признакам они столь близки топорам колонтаевского типа, что могут считаться их волжскими дериватами (Корневский 1976: 29). Н. Корневский отмечает, что специфика царвокурганских топоров выражается в длине лезвия, которая меньше, чем передняя стенка втулки (Корневский 1977: 47). Колонтаевский тип и по аналогии с ним — царвокурганский датируются эпохой средней бронзы (Черных 1966: 62; Корневский 1976: 27–29). Первый из них относят к катакомбной культуре, а второй — к полтавкинской. В настоящее время появилась возможность несколько уточнить эти выводы.

Судя по всему, в раннекатакомбный период указанные выше типы еще не сформировались. В то время использовались орудия так называемого успешского типа и топоры, подобные тем, которые отливались в формах из Пришиба, Лебедей-1 и т. д. (Братченко 2001, ч. 1: 26; Кияшко 2002: 23–24). В связи с этим возникают сомнения относительно принадлежности топоров царвокурганского типа к полтавкинской культуре. Дело в том, что эта культура занимает глубокую хронологическую позицию и датируется раннекатакомбным временем (Кузнецов 1993: 74; 2001: 179; Кияшко 1999: 166–170, табл. 7). Маловероятно, чтобы в ее среде раньше, чем где-либо, возникли такие топоры. Возможно, их появление нужно связывать с недавно выделенной волго-донской культурой, которая в Нижнем Поволжье появляется позже, чем полтавкинская (Кияшко 2002: 211, рис. 128). Следует отметить, что комплексы волго-донской культуры ранее относились ко второму этапу полтавкинской культуры Нижнего Поволжья (Качалова 1983: 8, 9). В этой связи остается дискуссионной культурная идентификация известного погребения из Калиновского могильника, в котором находились формы для литья топоров колонтаевского типа (Шилов 1959: 14–16, рис. 4–6; Качалова 1962б: 24–26).

Недавно были опубликованы три важных находки топоров колонтаевского типа. Они входили в состав инвентаря катакомбных погребений, открытых на Северском Донце (Братченко, Санжаров 2001: 7–10, рис. 5, 1; 19–28, рис. 15, 1; 36–39, рис. 24, 1). Авторы публикации датировали эти памятники позднекатакомбным периодом (Братченко, Санжаров 2001: 91, 105). С этим не согласился А. В. Кияшко. По его данным, эти погребения относятся к более раннему привольнинскому этапу (Кияшко 2002: 28–29). Впрочем, он не отрицает, что орудия колонтаевского типа могли употребляться и на костромском этапе и даже позднее, в начальный период бабинской культуры (Кияшко 2002: 29).

Вопрос о конечной дате существования топоров колонтаевского и царвокурганского типов остается открытым. Хотя в литературе неоднократно высказывалось мнение об их доживании до самого конца эпохи средней бронзы, документального подтверждения этот вывод до сих пор не получил. Поэтому синхронизировать топоры этих типов с абашевскими древностями и, тем более, с волго-уральскими материалами начальной поры эпохи поздней бронзы, можно лишь сугубо предположительно. К этому следует добавить, что, с типологической точки зрения, они выглядят архаичнее узковислообушных (абашевских) и широковислообушных топоров. У них сохранилась еще круглая проушина, короткий широкий и уплощенный клин. В одной из своих работ С. Н. Корневский даже высказался в пользу того, что они могли быть прототипами узковислообушных топоров абашевской культуры (Корневский 1983: 101).

Завершая типолого-хронологический обзор царвокурганских вещей, можно заключить, что все они, кроме топора, синхронизируются в рамках сравнительно небольшого хронологического периода. Конечно, продолжительность существования типов этих вещей различна. Среди них есть долго, средне и коротко живущие типы. К первым относится кованое долото, ко вторым — проволоочный браслет и все ножи, кроме ножа с петлей, к третьим — браслеты из дрота,

тесла, серпы и нож с петлей. Сравнение хронологических диапазонов царевокурганских типов показывает, что они совпадают в пределах первого этапа эпохи поздней бронзы. По всей вероятности, в это время и сформировалась царевокурганская коллекция.

Вне указанных хронологических рамок, видимо, оказывается топор. Е. Н. Черных и С. Н. Корневский также подчеркивают, что он древнее остальных царевокурганских вещей. Но если быть точными, то следует признать, что у нас сейчас нет достоверных данных относительно возраста этого изделия.

Возвращаясь к вопросу об идентификации царевокурганской находки, напомним, что выше были перечислены несколько признаков, косвенно указывающих на ее кладовое происхождение. Сейчас к ним может быть добавлен еще один — хронологическое единство царевокурганских изделий (исключая топор). Таким образом, мы получаем еще один аргумент в пользу того, что эта коллекция является единым и замкнутым комплексом. В свете изложенных данных трудно назвать какую-либо другую причину, кроме кладового депонирования, которая могла привести к скоплению на ограниченном участке земли сравнительно большого количества синхронных изделий, образующих характерный функциональный набор.

Что касается топора, то в коллекцию он мог попасть несколькими путями. Так, в одной группе с двумя ножами он мог оказаться случайно, в результате смещения вещей с первоначального места их залегания. Возможно, он был связан с вольско-лбищенским слоем царевокурганского поселения. Согласно другой версии, топор попал в этот комплекс как древний, вышедший из употребления предмет, который предназначался для переплавки. Подобные случаи известны вкладах металлических изделий эпохи поздней бронзы.

Хронология, географическое положение и такие характерные изделия, как браслеты из дрота и серпы, позволяют связать царевокурганскую находку с памятниками покровского типа. В нашей литературе эти памятники получили неоднозначную оценку и разные наименования. Их относят к доно-волжской абашевской (А. Д. Пряхин и др.), покровско-абашевской (А. Т. Сивков и др.) и покровской (Н. М. Малов, О. В. Кузьмина) культурам. По нашему мнению, они представляют своеобразное культурное образование, с которого начинается эпоха поздней бронзы в доно-волжском регионе. На востоке им одновременны синташтинско-петровские древности, а на севере — сейминские.

Покровская металлообработка изучена недостаточно. Обычно ее рассматривают в контексте абашевского (А. Д. Пряхин) или срубного (Е. Н. Черных) производств. Между тем, ее продукция обладает рядом своеобразных черт. В целом для нее, как и для синташтинско-петровской металлообработки, характерно типологическое разнообразие выпускаемых изделий. В особенности это касается ножей, серпов, украшений. Некоторые из них являются прямым наследием абашевской культуры, другие представляют собой трансформированные абашевские формы, а третьи можно отнести к числу вновь возникших типов. Ряд типов был заимствован из синташтинско-петровского производства и в меньшей степени сейминско-турбинского. Несмотря на разнообразие источников происхождения, покровская металлообработка выглядит как вполне органичное целое.

Типологическая пестрота свойственна и царевокурганской коллекции, что, на наш взгляд, отражает одну из особенностей покровской металлообработки. Несколько иначе оценивают это явление Е. Н. Черных и С. Н. Корневский. По их мнению, оно возникло в результате внешних воздействий, идущих со стороны синхронных волго-уральских очагов металлургии. Получается некое механическое смешение различных форм, заимствованных из разных источников. Но если посмотреть шире, то можно заметить, что типологическое многообразие характерно и для других сторон волго-уральских культур начальной поры эпохи бронзы (для керамики, изделий из кости, рога, погребального обряда и т. д.). Оно вообще является неременной чертой начальной фазы процесса культурогенеза. Далее развитие идет по пути сокращения количества типов и их стандартизации, что можно видеть на примере срубной и алакульской культур.

Итак, у нас есть некоторые основания относить царевкурганскую находку к числу покровских памятников и рассматривать ее в качестве кладового комплекса. Мы сознаем, что эти выводы носят предположительный характер, но кажется, альтернатив им нет.

Волго-Уральский регион в эпоху бронзы²²

Эпоха бронзы вошла в историю Волго-Уральского региона как один из самых значительных и ярких периодов. Она началась в конце IV тыс. до н. э. и завершилась на рубеже II–I тыс. до н. э. Кульминационным моментом ее развития явилось образование в начале II тыс. до н. э. волго-уральского очага культуругенеза. Он характеризуется мощным подъемом экономики и культуры, всплеском социальной и военной активности. В его недрах зародились или получили дальнейшее развитие передовые для того времени технологии обработки металла, новые нормы социальных отношений и новые культуры. По мнению многих исследователей, к тому времени местное население достигло предгосударственного уровня развития и консолидировалось в этническом отношении. Предполагается, что оно составило первичное ядро племенных союзов ариев, которые впоследствии сыграли крупную роль в древней истории Передней и Средней Азии, а также Индостана. Различными путями, включая дальние миграции скотоводческих племен и военные походы, волго-уральские достижения и новшества сравнительно быстро распространились по огромной территории. На востоке и юго-востоке они достигли Южной Сибири и Средней Азии, а на западе и юго-западе — Поднепровья и Северного Кавказа. В результате возникла обширная культурная провинция, в которой преобладали волго-уральские традиции.

В силу различных причин примерно в середине II тыс. до н. э. волго-уральский очаг приходит в упадок. Вслед за этим распадается созданная им культурная провинция. На ее месте возникает несколько самостоятельных культур, которые окончательно исчезают с приходом раннего железного века.

На ход развития бронзового века повлияло множество факторов. К их числу относится природная среда Волго-Уральского региона. В его состав входят Нижнее и Среднее Поволжье, Уральская область. В экологическом отношении эта огромная территория очень разнообразна. Ее пересекает несколько ландшафтных зон: от полупустыни на юге до тундры на севере. Также весьма заметно варьирует рельеф. Обширные равнины и низменности сменяются возвышенностями и горными хребтами. Множество рек, больших и малых, стекает с гор и предгорий. Животный мир и растительность отличались в эпоху бронзы еще девственным богатством и разнообразием. В бескрайних степях паслись табуны диких лошадей и стада сайгаков, реки и озера изобиловали рыбой и водоплавающей птицей. В лесах в большом количестве водились лоси, косули, кабаны, пушные звери. Огромные естественные запасы белковой пищи позволяли местному населению длительное время, особенно на севере, поддерживать свое существование за счет охоты и рыболовства.

Но постепенно в Волго-Уральском регионе все большее распространение получает производящая экономика. Несмотря на ряд локальных отличий, она повсеместно и с самого начала приобрела ярко выраженную скотоводческую направленность. В этом прямо сказалось влияние окружающей среды. Суровый континентальный климат Волго-Уралья не способствовал широкому внедрению земледелия. Зато для развития скотоводства условия здесь были очень благоприятные. Бескрайние травянистые равнины, заливные луга и поймы рек, лесные угодья способны были обеспечить кормами огромное количество домашнего скота. В летние месяцы, а на крайнем юге и все полгода, он выпасался на естественных пастбищах. На зиму запасали сено, ветки и камыш. Для этой цели использовали металлические серпы и косы. На юге преобладало пастушеское скотоводство, а на севере — придомное. Установлено, что при особо благоприят-

²² Опубликовано: История татар. Казань, 2002. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. С. 46–68.

ных условиях скотоводческая форма хозяйства может быстро развиваться и приносить значительную материальную отдачу. Видимо, такая ситуация сложилась в начале II тыс. до н. э., что явилось экономической предпосылкой возникновения волго-уральского очага. Модель скотоводческого хозяйства того времени оказалась очень хорошо приспособленной к условиям маловодной степи. Благодаря ей удалось освоить огромные степные пространства и заселить их так плотно, как никогда ранее. В итоге колонизация глубинных районов степи в первой половине II тыс. до н. э. стала одним из самых важных событий эпохи бронзы Восточной Европы и Казахстана. Вместе с тем следует подчеркнуть, что эта форма хозяйства была весьма чувствительна к изменениям окружающей среды. На протяжении двухтысячелетней истории волго-уральского бронзового века такие изменения случались неоднократно. Они носили циклический характер: засушливый климат сменялся более холодным и влажным и наоборот. Вслед за этим происходили ландшафтные и другие природные трансформации. Все это в большей или меньшей степени сказывалось на экономике. Причем резкое ухудшение или улучшение ситуации зачастую приводило к одним и тем же последствиям: к перемещению значительной массы скотоводов на новые земли. Происходило это сравнительно регулярно и стало характерной чертой волго-уральского бронзового века.

Из всех природных богатств Волго-Уралья наибольшую ценность для людей бронзового века представляли месторождения медной руды. Они весьма многочисленны и тянутся широкой полосой от Среднего Поволжья до Южного Зауралья. Их начали разрабатывать еще на заре бронзового века. Особенно большого размаха добыча меди достигла в первой половине II тыс. до н. э. Тогда волго-уральским металлом снабжалась значительная часть Восточной Европы. Некоторое представление о грандиозном размахе горно-металлургического производства на Урале дают сведения о работе каргалинских рудников в Оренбургской обл. Согласно расчетам Е. Н. Черных, в бронзовом веке в них было добыто от 2 до 5 миллионов тонн руды, из которых было выплавлено от 50–60 до 100–120 тысяч тонн меди (Черных 2000: 15).

Медь и скот являлись главным богатством местного населения. Во многом благодаря этому богатству Волго-Уральскому региону удалось занять лидирующее положение в Восточной Европе. Столь же значительную роль сыграл металл в становлении других очагов культурогенеза эпохи бронзы.

Наряду с экономикой очень важное значение в истории бронзового века имел социальный фактор. Во многом он определял конкретный ход культурно-исторического процесса. За все время своего многовекового существования волго-уральское общество эпохи бронзы так и не вышло за рамки первобытности. В нем сохранялся родоплеменной строй со слабо развитой социальной и имущественной стратификацией. Лишь однажды это общество вплотную подошло к порогу цивилизации. Это случилось в начале II тыс. до н. э., когда на историческую арену вышла колесничья аристократия. До нас дошли ее богатые могилы с остатками колесниц и упряжных лошадей, развалины удивительных крепостей, напоминающих своей планировкой города, следы культовых сооружений и т. д. Предполагается, что этой военной знати удалось создать в Южном Зауралье несколько протогосударственных объединений. Такого рода социально-политические организации в этнографической науке определяются как вождества. Их характерной чертой является концентрация в руках вождей и знати политической, экономической и религиозной власти. За счет мобилизации всех доступных ресурсов правящей элиты (в нашем случае — колесничьей аристократии) удается создать мощный экономический и военный потенциал, сплотить население в этническом и религиозном отношениях, построить монументальные крепости, гробницы, святилища. В конечном итоге благодаря ее деятельности на северо-восточной окраине Европы возникает волго-уральский очаг культурогенеза. Его история была неразрывно связана с судьбой колесничьей аристократии. В этом можно убедиться, просматривая ход дальнейших событий. По мере того, как из археологических памятников исчезают все признаки этой аристократии, Волго-Уральский регион шаг за шагом теряет свое веду-

щее положение в Восточной Европе. Во второй половине II тыс. до н. э. он превращается в одну из заурядных провинций Северной Евразии. Первобытная стихия поглощает ростки цивилизации и волго-уральское общество возвращается к своей традиционной родоплеменной структуре.

Изучение волго-уральского бронзового века показывает, что наиболее крупные изменения происходят в начале II тыс. до н. э. Они затронули культуру, экономику и социальную сферу. Прямо или косвенно все эти изменения связаны с возникновением волго-уральского очага культурогенеза. Это масштабное событие может быть принято за рубеж, отделяющий ранний бронзовый век от позднего. Согласно современным данным, ранний бронзовый век датируется концом IV — рубежом III–II тыс. до н. э. Поздний бронзовый век охватывал все II тыс. до н. э. Каждый из этих периодов делится еще на ряд этапов, хронологические рамки которых в основном определяются временем существования тех или иных археологических культур.

Ранний бронзовый век

Археологические культуры этого периода отчетливо делятся на две территориальные группы: южную (степную) и северную. Граница между ними проходила в лесостепной зоне.

В южную группу входят ямная и полтавкинская культуры. Свои названия они получили от формы погребальных сооружений (яма), либо по месту первого открытия (с. Полтавка). Древнейшей из них является ямная культура, которая, согласно радиоуглеродной хронологии, возникла еще в конце IV тыс. до н. э. Ее памятники открыты в Нижнем и Среднем Поволжье, а также в Южном Приуралье (рис. 1). В целом ареал ямной культуры очень велик. Он простирался от Урала до Прута и Нижнего Дуная. Очевидно, что всю эту огромную территорию население ямной культуры заняло не сразу. Предполагается, что как особая культурная и этническая группа оно сформировалось в волго-уральских степях и уже оттуда распространилось в другие регионы. По мнению некоторых исследователей (М. Гимбутас), эту экспансию можно рассматривать как одну из первых волн расселения индоевропейских народов. Хотя этот вывод остается спорным, все же можно констатировать, что ямная культура демонстрирует один из самых ранних примеров крупномасштабного переселения степных скотоводов в западном направлении. Впоследствии такого рода миграции будут происходить неоднократно и станут постоянным фактором древней и средневековой истории Европы.

С ямной культурой связан ряд других новаций. К их числу относится курганный обряд погребения умерших. Хотя он зародился еще в предшествующую эпоху, его массовое распространение приходится на время ямной культуры. С тех пор строительство курганов стало характерной чертой погребального обряда скотоводческих народов, а сами курганы — яркой приметой степного ландшафта.

Одними из первых в Восточной Европе люди ямной культуры стали широко использовать двух- и четырехколесные повозки, запряженные быками или волами. Остатки таких повозок часто находят в ямных курганах. Они имели сплошные деревянные колеса диаметром около 1 м. Из дерева также изготавливались рама, кузов и все основные конструктивные детали. Между собой они скреплялись с помощью деревянных гвоздей, клея, веревок и ремней. Несмотря на такую, казалось бы, примитивную технику сборки, эти повозки являлись достаточно прочными и надежными сооружениями. По некоторым расчетам, их грузоподъемность доходила до 1,5 т.

Деревянные повозки принадлежали к числу самых сложных и дорогих изделий того времени. Для их производства требовалось высокое мастерство плотников, а также совершенные металлические инструменты. Такие инструменты (топоры, долота, тесла, стамески) уже производились. Особенно часто они встречаются в ямных курганах Среднего Поволжья и Южного Приуралья. Анализ этих находок показал, что они были отлиты или откованы из металла, добытого в каргалинских рудниках близ современного Оренбурга. Эти и ряд других фактов убедили исследователей в том, что ямному населению удалось создать в Южном Приуралье собственный центр металлургии и металлообработки. Это событие имело большое историческое

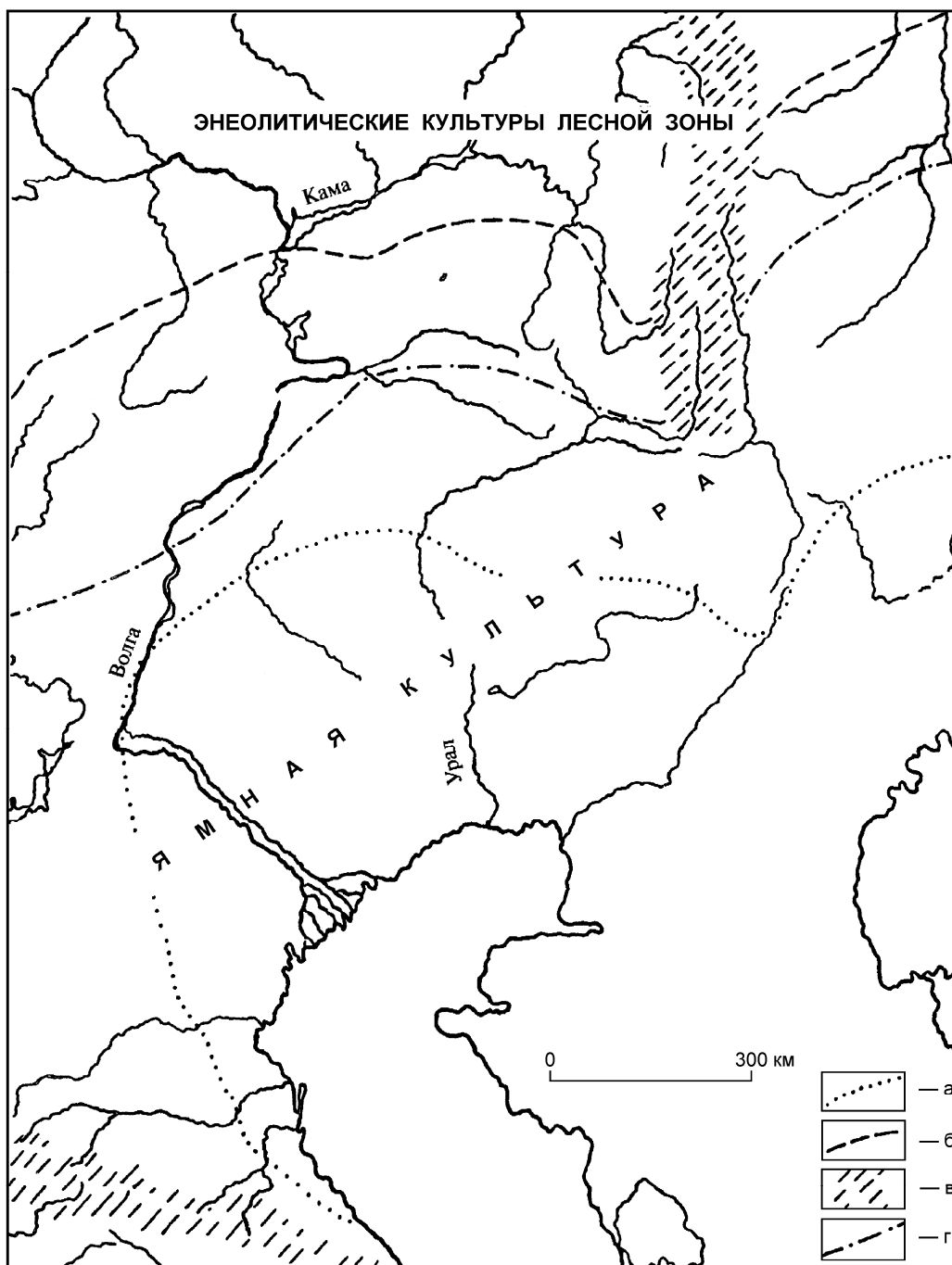

Рис. 1. Культуры начальной поры эпохи ранней бронзы. Условные обозначения для рис. 1,4, 6, 12:
 а — граница полупустыни; б — граница лесостепи; в — горы; г — граница степи

значение, так как оно положило начало самостоятельному развитию металлопроизводства во всем Волго-Уральском регионе.

Археологические материалы дают возможность составить общее представление о хозяйстве, образе жизни и социальном устройстве населения ямной культуры. Основным занятием этого населения было скотоводство. Охота, рыболовство и собирательство имели подсобное значение, а земледелие, во всей видимости, вообще не было развито. Скотоводство имело специализированный характер. В основном разводили овец и в меньшем количестве крупный рогатый скот и лошадей. Полное отсутствие долговременных поселений, а также состав стада

указывают, что эти скотоводы вели подвижный образ жизни. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что они были уже настоящими кочевниками. Подвижный образ жизни во многом определил быт этих людей. Из домашней утвари они имели только то, что было крайне необходимо и что можно было увезти на повозках и на вьючных животных. Припасы хранились в кожаных, деревянных и глиняных емкостях. Археологам лучше всего известны их глиняные горшки, которые отличаются простотой форм и грубой выделкой. То и другое характерно для керамики кочевников. В раннеямное время были распространены горшки яйцевидных очертаний. Они были приспособлены для перевозок и быстрого приготовления горячей пищи на кострах. Благодаря круглому дну их можно было закопать в угли и золу или закрепить над огнем на подставках. Позднее появилась плоскодонная посуда, форма которой предполагает использование очагов более сложной конструкции (рис. 3, 2, 3, 5, 7).

Кроме скотоводства, некоторые группы носителей ямной культуры активно занимались металлургией. Особенно преуспели в этом промысле обитатели Южного Приуралья. Среди них были уже настоящие профессионалы: рудокопы, плавильщики, кузнецы. В пользу ранней специализации людей, занятых в металлообработке, говорит множество фактов и в том числе погребения кузнецов-литейщиков. Одно из таких погребений было открыто в районе каргалинских рудников. Оно особенно интересно тем, что форма для отливки топоров сопровождала погребение подростка 12–13 лет. Конечно, этот молодой человек не был еще полноправным мастером. Очевидно, литейная форма в его могиле указывает на то, что он принадлежал к роду или клану кузнецов-литейщиков. Такие профессиональные кланы были широко распространены в древности. Они вели замкнутый образ жизни и всегда занимали особое место в структуре общества.

Мастера ямной культуры выпускали довольно широкий ассортимент продукции: деревообрабатывающие инструменты, украшения, оружие (рис. 2, 2–5; 3, 1, 6). Многие из этих предметов тогда высоко ценились. Как правило, их находят в самых богатых погребениях. Рядовое население продолжало пользоваться каменными, костяными и деревянными орудиями. Значительная часть продукции шла на обмен, что хорошо иллюстрируют карты распространения металла южно-уральского происхождения. По всей вероятности, торгово-обменные операции приносили очень значительный доход местной элите. В этом отношении показательно, что самые крупные и богатые курганы ямной культуры сосредоточены в Среднем Поволжье и особенно в Южном Приуралье. Общество ямной культуры не было однородным в имущественном и социальном отношении. Оно состояло из рядовых общинников, членов профессиональных кланов и знати. Знать обладала значительной властью и богатством. Подобно скифским владыкам, свой высокий социальный статус она демонстрировала посредством строительства огромных погребальных курганов. Некоторые из них достигали высоты 6–8 и более метров. Под каждым из таких курганов находилось только одно погребение. Такие погребения выделяются большими размерами могильных ям, дорогим и разнообразным инвентарем. В его состав входят изделия из меди, золота и метеоритного железа (рис. 3, 4). Особенно интересен сам факт использования метеоритного железа. Конечно, этот материал был очень дорогим, и удивительно, что изделия из него так часто находят в богатых ямных погребениях. Кроме того, согласно поверьям древних, это железо обладало особой магической силой, так как своим происхождением было связано с Небом.

Предполагается, что эти большие курганы принадлежали племенным вождям и родоплеменной знати. Очевидно, эта группа людей владела большими стадами скота, контролировала добычу меди и ее обмен, надзирала за деятельностью мастеров по обработке металла. Однако их власть и богатство оказались недолговечными. Созданная при их участии социально-экономическая система не получила дальнейшего развития и во второй половине эпохи ранней бронзы распалась.

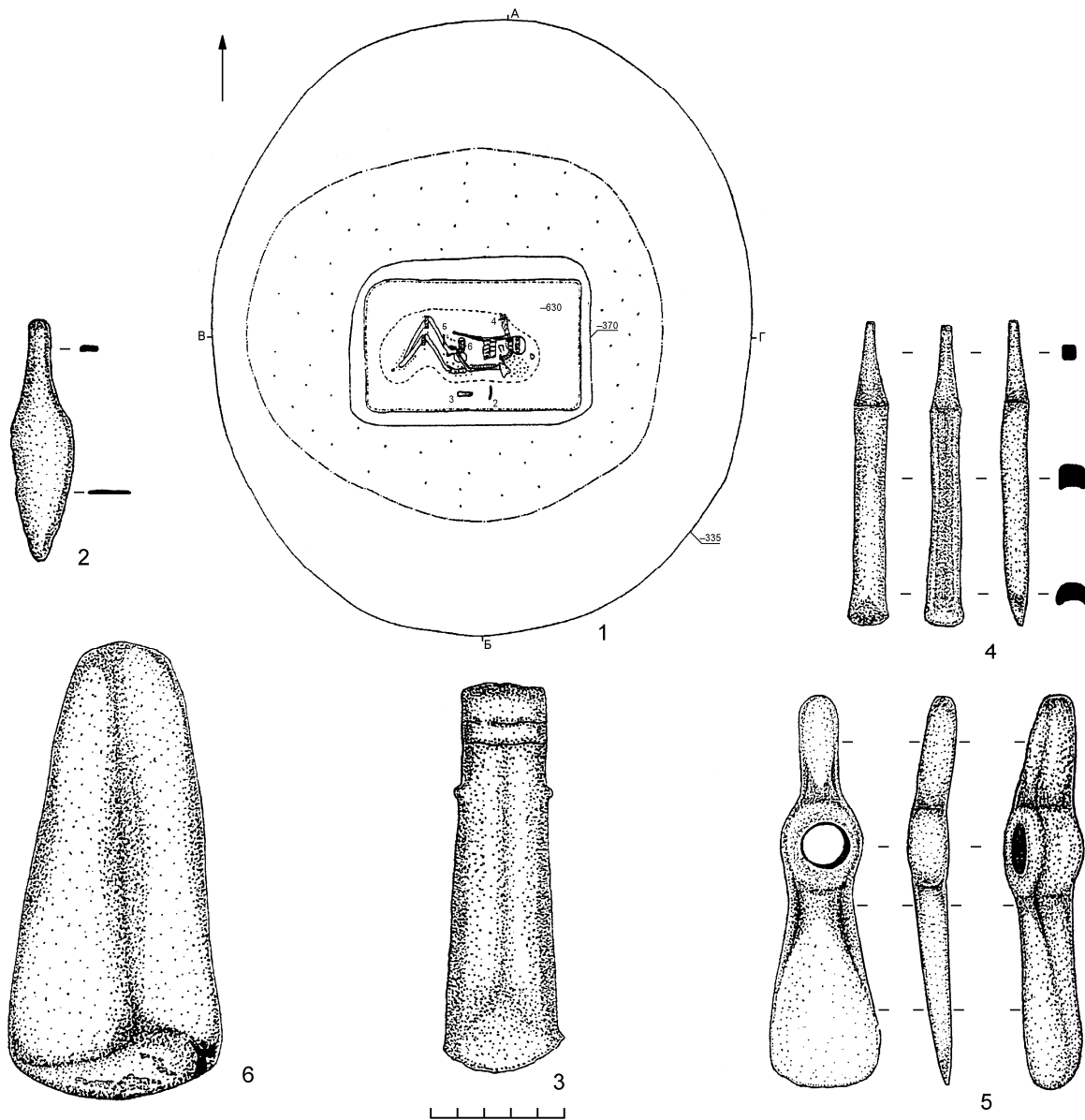

Рис. 2. Погребение ямной культуры близ хутора Барышникова в Оренбуржье:
 1 — план погребения и его инвентарь; 2 — медный нож; 3 — медное тесло;
 4 — медное долото; 5 — медное тесло-долото; 6 — каменный молот

Антропологические исследования костных останков позволили установить, что в расовом отношении люди ямной культуры относились к европеоидному типу. Они имели крепкое телосложение, высокий рост, выразительные и правильные черты лица.

По мнению некоторых исследователей (Е. Е. Кузьмина), население ямной культуры составляло древнейший пласт индо-иранцев, которые позднее, во II тыс. до н. э., создали мощное этническое объединение. Но с археологической точки зрения дальнейшая судьба ямной культуры не вполне ясна. В Поволжье она трансформировалась в полтавкинскую культуру, а в Южном Приуралье продолжала существовать без значительных изменений (рис. 4). Ближе к концу III тыс. до н. э. ее следы теряются. Создается впечатление, что ямная и полтавкинская культуры прекращают свое существование еще до начала эпохи поздней бронзы, и волго-уральские степи на какое-то время приходят в запустение. Впрочем, и без этого очевидно, что на рубеже ранней и поздней бронзы эпицентр основных событий перемещается с юга на север, из степи — в лесостепную и лесную зоны.

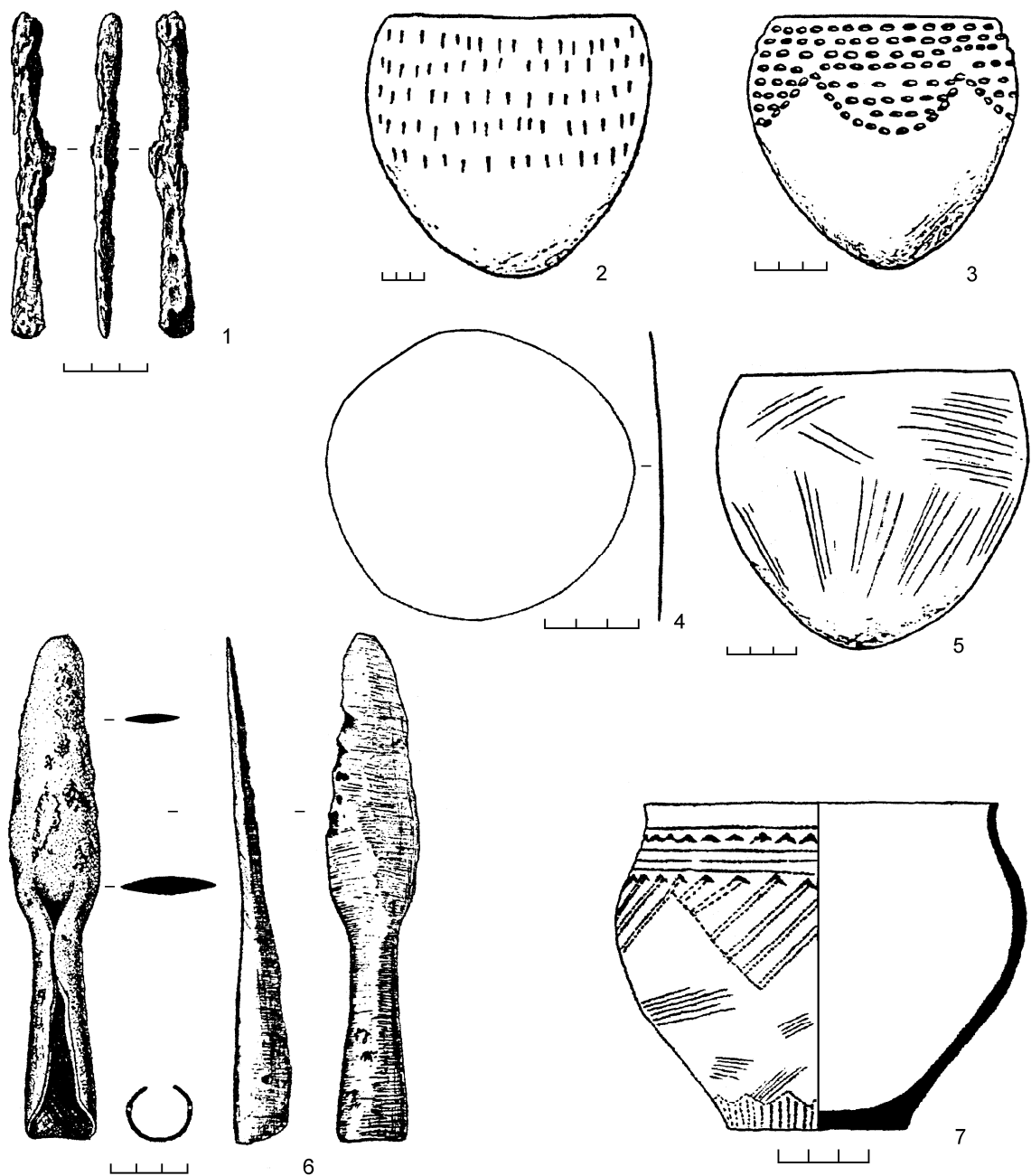

Рис. 3. Некоторые категории инвентаря ямной культуры: 1 — стамеска; 2, 3, 5, 7 — глиняная посуда; 4 — диск из метеоритного железа; 6 — медный наконечник копья

Долгое время в лесостепной и лесной зонах существовал особый культурный мир, слабо связанный с бурно развивающимся и процветающим югом. Местное население продолжало заниматься охотой и рыболовством. Оно практически не знало земледелия, скотоводства и металлургию. Ситуация резко изменилась с появлением в Верхнем и Среднем Поволжье фатьяновской культуры (первый ее могильник был открыт у д. Фатьяново Ярославской обл.). По всем своим основным признакам эта культура столь близка средневропейским и северо-европейским культурам боевых топоров, что нет сомнений в ее миграционном происхождении. Согласно одной из точек зрения, миграцию фатьяновской культуры следует связывать с расселением ранних индоевропейских народов. Этот вывод трудно подтвердить достоверными фактами. Можно лишь отметить, что в эпоху ранней бронзы в степной зоне фиксируется движение населения с востока на запад, а в лесной — в противоположном направлении, и оба эти потока при-

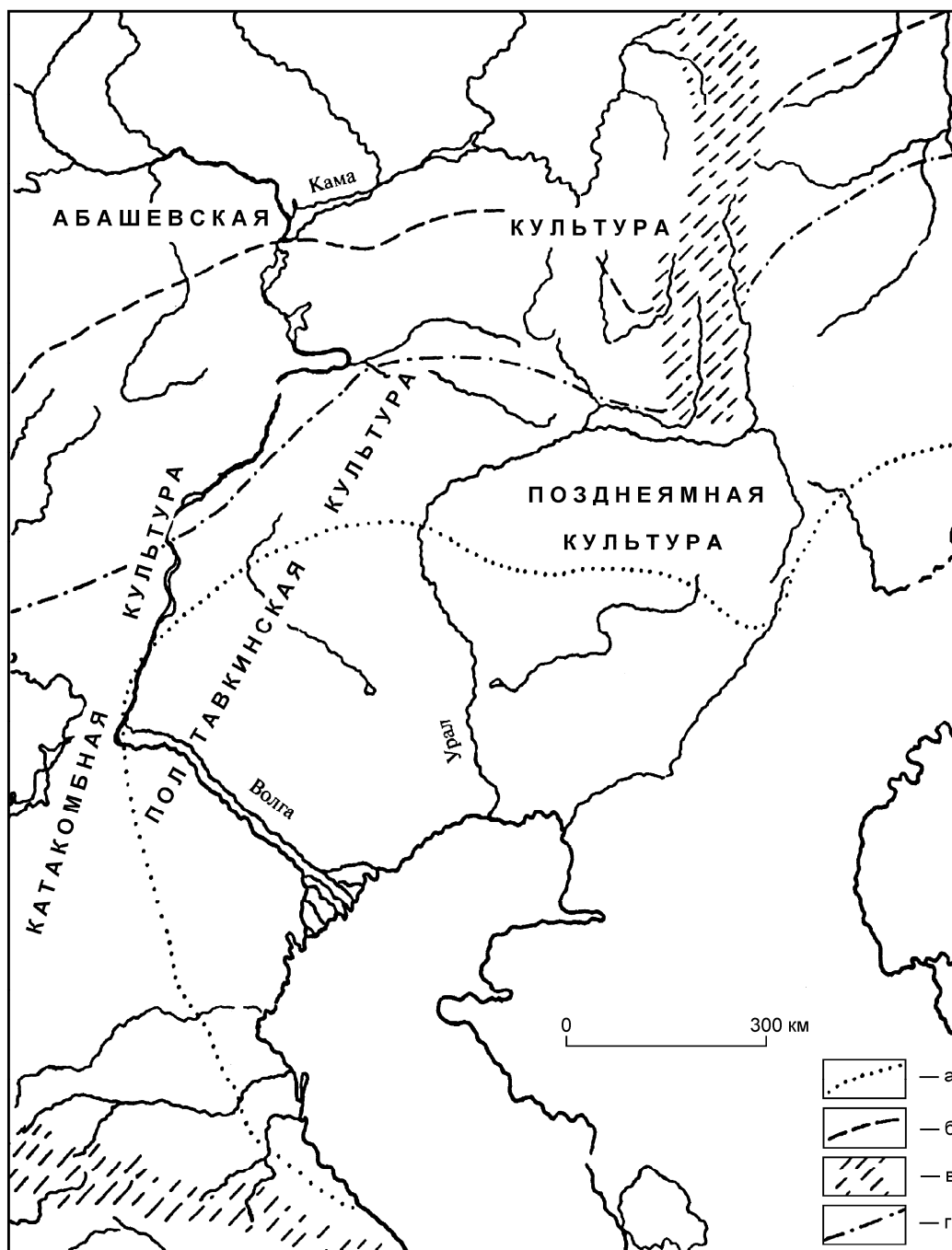

Рис. 4. Культуры конца эпохи ранней бронзы

писываются индоевропейцам. Однако, несомненно, что фатьяновские племена по культуре были чужды местному волжскому населению и, вполне вероятно, принадлежали к другому этносу.

Носители фатьяновской культуры были хорошо знакомы с производящим хозяйством и металлургией. Им были известны все основные виды домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади. Главным их занятием было придомное скотоводство. Кроме того, они довольно интенсивно занимались металлургией и одними из первых начали разработку месторождений меди в Среднем Поволжье. Производство металлических изделий находилось в руках профессиональных мастеров, о чем свидетельствуют погребения кузнецов-литейщиков. В основном делали предметы вооружения (топоры, наконечники копий) и украшения. В социальном плане общество фатьяновской культуры было дифференцировано сравнительно слабо.

Нет никаких достоверных данных о хорошо выраженной и обособившейся элите. Зато имеются сведения о четкой половозрастной градации населения. Эта градация хорошо проявляется в погребальном обряде такого крупного грунтового могильника, как балановский (Чувашия). В этом некрополе все мужские костяки были уложены на правый бок, а женские — на левый. В зависимости от половой принадлежности распределялись многие категории инвентаря. Так, только в мужских могилах встречались каменные боевые топоры, металлическое оружие, ожерелья и амулеты из просверленных клыков животных, некоторые типы керамики. Женские погребения отличались другим набором инвентаря. В детских могилах преобладали небольшие и миниатюрные изделия, глиняные копии топоров, игрушки. К этому следует добавить, что самый богатый инвентарь был сосредоточен в самых глубоких могилах, принадлежащих мужчинам и пожилым женщинам.

Население, которое хоронило своих умерших в балановском могильнике, относилось к европеоидному средиземноморскому типу. По внешнему облику оно заметно отличалось от коренных обитателей Среднего Поволжья. Предполагается, что в этническом отношении носители фатьяновской культуры были протобалтами.

В Среднем Поволжье во второй половине эпохи ранней бронзы фатьяновскую культуру сменила абашевская. Свое название она получила по одноименному могильнику в Чувашии (рис. 4) Эта культура разделяется на две территориальные группы: средневожскую и южноуральскую. Первая из них известна по погребальным памятникам и единичным находкам металлических предметов, а вторая — по более широкому кругу источников. На этом их различия не заканчиваются. Далее они проявляются в формах и наборах глиняных сосудов, элементах погребального обряда и т. д. Поэтому можно говорить о двух локальных вариантах одной культуры.

Своеобразие абашевской культуры лучше всего проявляется в керамических изделиях. Они представлены плоскодонной и круглодонной посудой. Последняя выглядит очень архаично и напоминает горшки ранней ямной культуры. Их также сближает примесь толченой раковины в глине, колоколовидная форма венчиков горшков и т. д. Но орнаментальный стиль абашевской керамики резко отличается от степных образцов. Для него типичны сложные композиции из разнообразных геометрических элементов (треугольников, ромбов, меандров, зигзагов и т. д.), которые очень плотно скомпонованы и тщательно выполнены.

Другой характерной категорией абашевских изделий являются нарядные женские уборы. Они состоят из кожаных шапочек, налобных повязок и нагрудников. Все они расшиты мелкими медными украшениями (бляшками, трубочками-пронизками, бусами и т. д.), которые уложены в форме различных узоров. Обычно эти уборы сопровождаются другими украшениями: серебряными подвесками и браслетами, медными перстнями и кольцами. Некоторые из типов медных украшений являются оригинальными и встречаются только в абашевской культуре (рис. 5, 3).

Основными памятниками абашевской культуры являются поселения и могильники. Правда, поселения в настоящее время открыты и изучены только в южноуральской группе. Особенно часто они встречаются на р. Белой в Башкирии. Обычно поселение располагается на речных мысах. Некоторые из них имеют следы укреплений. Судя по данным раскопок, абашевские поселки были небольшими. Они состояли из нескольких наземных домов, расположенных в ряд или кучно. Жилища были однокамерными и многокамерными. Некоторые из них достигали значительных размеров (длиной 38 м и шириной 14 м). В слоях поселений находят многочисленные следы повседневной деятельности людей. Преобладают обломки керамики и кухонные отбросы (расколотые кости животных). Довольно часто также встречаются отходы металлургического и металлообрабатывающего производства: кусочки медной руды, шлаки, обломки литейных форм, тиглей и т. д.

В абашевской культуре был широко распространен курганный обряд погребения умерших. Курганы сооружались из земли, а в Южном Приуралье при их строительстве использовался камень. Они имели небольшие размеры, обычно располагались группами и в ряде случаев составля-

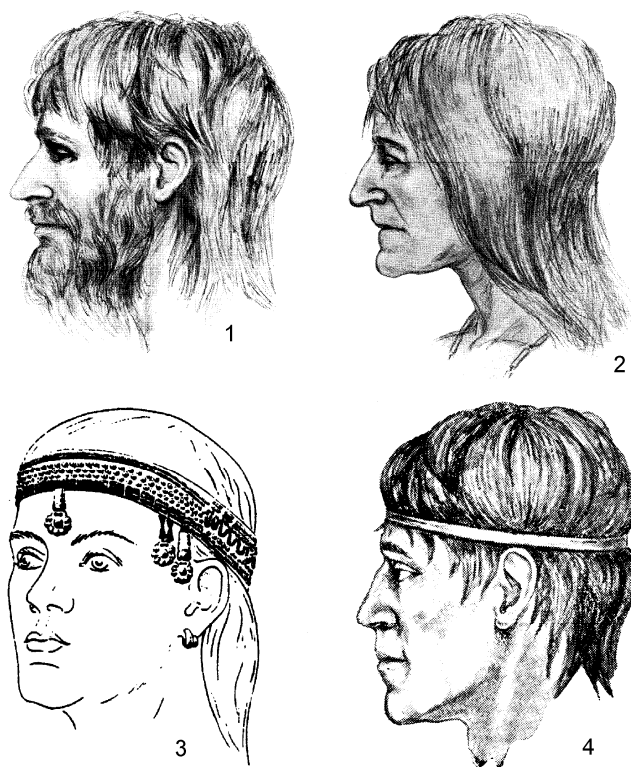

Рис. 5. Люди бронзового века Волго-Уральского региона:
1–2 — фатьяновская культура; 3–4 — абашевская культура

ли значительные по размерам могильники. Под одной насыпью находились 1–4 погребения. Покойников хоронили в прямоугольных или овальных ямах, стенки которых обкладывали деревом или камнем. Сверху ямы перекрывались деревянным накатником или каменными плитами. Трупы укладывали скорченно на спине, то есть в той же позе, что и в погребениях ранней ямной культуры. Сопровождающий инвентарь обычно состоял из глиняных сосудов с заупокойной пищей и питьем, металлических украшений костюма и очень редко из других предметов.

Среди абашевских погребений резко выделяется Пепкинский курган в Марийской республике. Под его насыпью высотой 1,43 м оказалось 3 погребения, одно из которых поражает своими размерами и содержимым. Оно представляет собой траншею длиной 10,2 м, шириной 1,6 м и глубиной 0,65–0,70 м. На ее дне находились останки 27 костяков (рис. 7: 1). При них было найдено 20 глиняных горшков, 25 костяных поделок (застежек и наверший) и несколько мелких изделий из меди. Своим неординарным инвентарем выделяется только один костяк, при котором находился набор кузнечно-литейных инструментов (рис. 7).

Особенно большой интерес вызывает состояние костяков этого погребения. Все они принадлежали мужчинам, погибшим насильственной и страшной смертью. Вот что пишут по этому поводу исследователи Пепкинского кургана: «Почти на каждом костяке из коллективной ямы имеются следы смертельной травмы. Так, в верхних частях туловищ преимущественно в районе грудной клетки тринадцати костяков торчали однотипные кремневые наконечники стрел... воткнувшиеся в большинстве случаев со спины. Причем черешки всех наконечников стрел обломаны, очевидно, при попытке их вытащить из тела за древко... Почти у всех костяков были отчленены головы — у 11 костяков черепа вообще отсутствуют... Почти все сохранившиеся черепа имеют следы тяжелых травм. Как показал анализ их в Центральном институте криминалистики, четыре черепа имеют выраженные следы удара по ним бронзовым топором с острым лезвием» (Халиков, Лебединская, Герасимова 1966: 17). Дополнительные антропологиче-

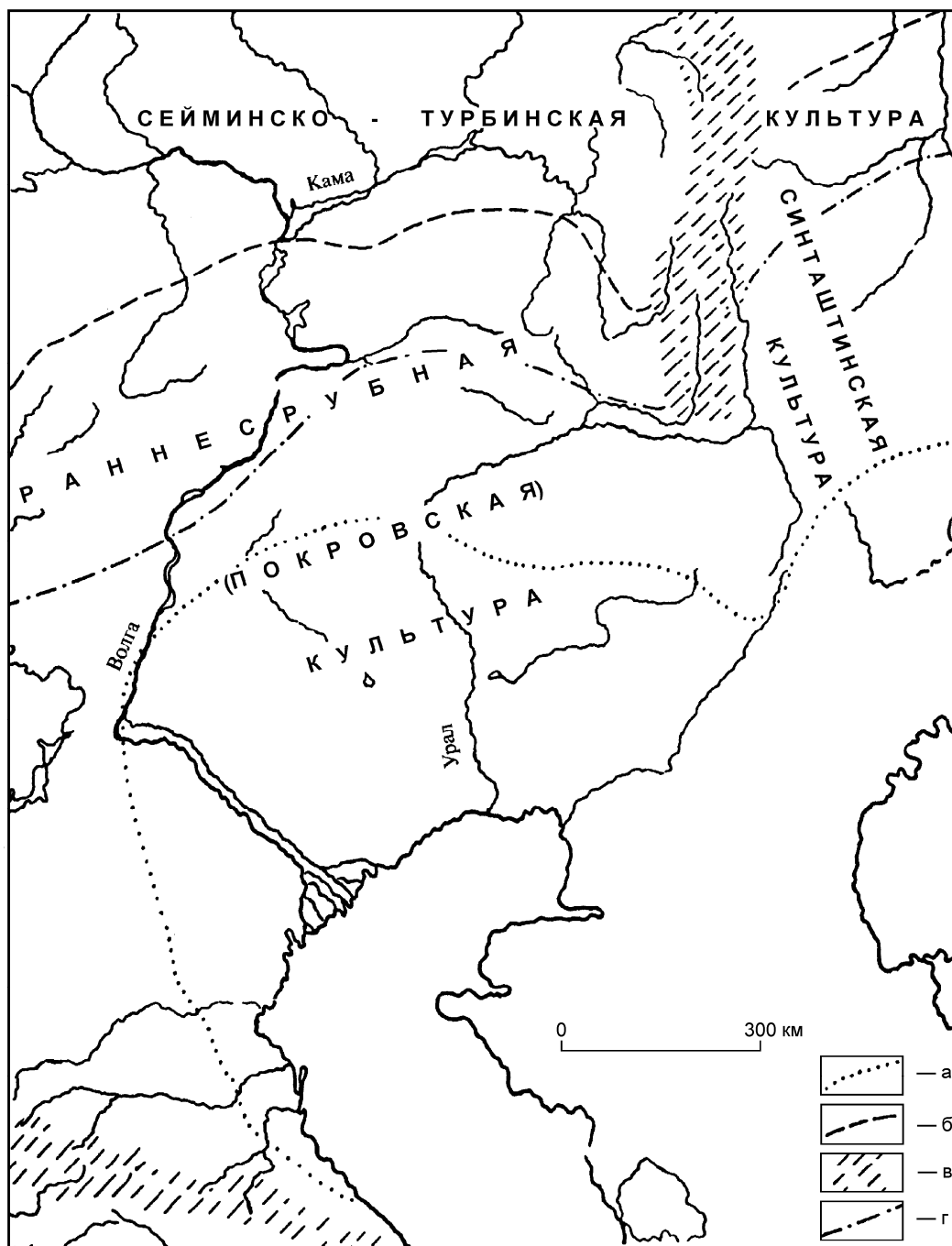

Рис. 6. Культуры начальной поры эпохи поздней бронзы

ческие исследования показали, что на некоторых черепах сохранились следы надразов, скорее всего оставленные при снятии скальпов (Медникова, Лебединская 1999: 214–215).

Автор раскопок (А. Х. Халиков) справедливо предполагал, что Пепкинский курган является общей могилой абашевских воинов. По всей вероятности, они попали в засаду или были взяты в плен и перебиты, при этом враги надругались над их телами. Соплеменникам удалось вернуть трупы и похоронить по своему обряду. Этот необычный памятник довольно зримо передает один из трагических эпизодов в жизни абашевского населения, варварские нравы того времени. Судя по общей ситуации, на рубеже III–II тыс. до н. э. это население попало в трудное положение и вынуждено было отбиваться от врагов, которые двигались с северо-востока.

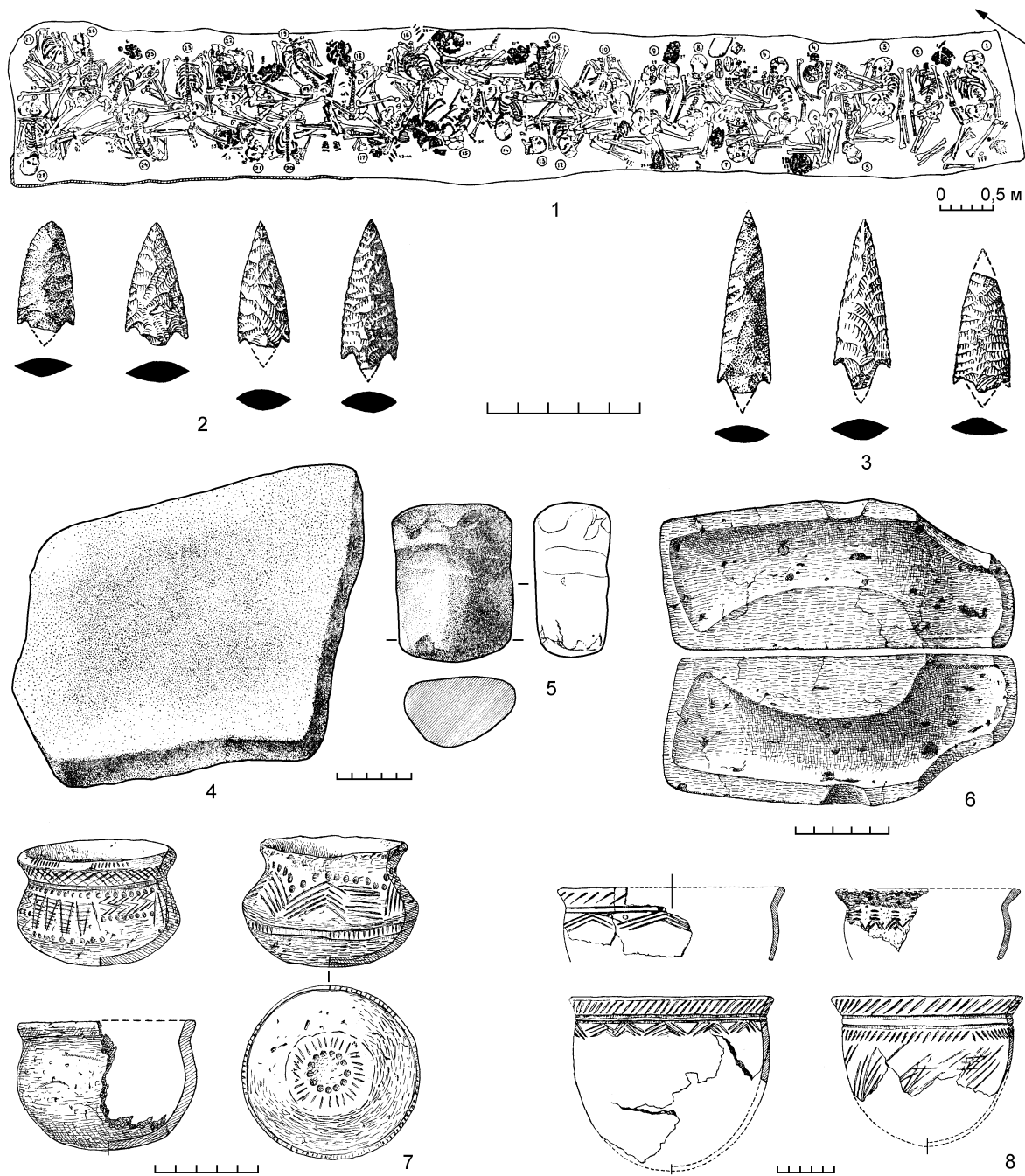

Рис. 7. Инвентарь из погребения в Пепкинском кургане (Республика Марий Эл). 1 — «Братская могила» Пепкинского кургана; 2, 3 — кремневые наконечники стрел; 4, 5 — каменные наковальня и кузнечный молоток; 6 — две глиняные формы для литья бронзовых топоров; 7, 8 — глиняная посуда

Материалы могильников, и особенно поселений, позволяют выявить общее направление хозяйственной деятельности абашевского населения. Как и большинство обитателей Волго-Уральского региона того времени, оно в основном занималось скотоводством. Эта отрасль хозяйства лучше всего изучена по данным приуральских поселений. Опираясь на них, можно заключить, что абашевское животноводство по типу было придомным. В стаде преобладал крупный рогатый скот. Гораздо меньше разводили овец, свиней и совсем мало — лошадей. Имеется основание говорить о мясомолочном направлении в использовании крупного рогатого скота и мясошерстном — мелкого рогатого скота. Никаких прямых данных о занятиях земледелием

нет, хотя многие авторы о нем пишут. В этой связи чаще всего ссылаются на довольно многочисленные находки металлических серпов. Но сами по себе эти орудия не говорят о наличии земледелия. Их могли использовать для заготовки кормов.

Очень важной отраслью экономики было металлопроизводство, в развитии которого абашевское население, пожалуй, добилось наибольших успехов. Ему удалось создать собственный очаг металлургии и металлообработки. Абашевские мастера сумели улучшить технологию производства и существенно расширить ассортимент продукции. Кроме чистой меди, они начали использовать более качественные сплавы и более совершенные приемы изготовления некоторых важных предметов вооружения. Одним из первых в Восточной Европе им удалось наладить производство серпов и серповидных орудий, некоторых новых видов украшений. Причем эти и многие другие изделия начали изготавливаться в больших количествах, что сделало их доступными для широкого круга потребителей. В целом абашевское металлопроизводство в конце эпохи ранней бронзы было одним из самых крупных и развитых в Восточной Европе.

Несмотря на значительные хозяйственные достижения, абашевское общество не сумело вырваться из тисков первобытности. Нет никаких достоверных данных, что в нем уже выделилась сильная и самостоятельная элита. Конечно, это не означает, что оно было однородно по своему социальному составу. Находки дорогого оружия, клады металлических изделий, погребения литейщиков и некоторые другие факты указывают, что в нем существовало несколько общественных и социальных рангов.

Абашевской культуре было суждено сыграть выдающуюся роль в процессе культурогенеза Волго-Уралья и значительной части Восточной Европы. Она явилась одним из самых важных компонентов в сложении большой свиты культур эпохи поздней бронзы.

Поздний бронзовый век

Для периода позднего бронзового века разделение волго-уральских культур по ландшафтному принципу в значительной мере теряет свой смысл. Население степи, лесостепи и южной части лесов теперь было втянуто в единый поток событий, периодически перемещалось и сильно смешивалось. Начало этому процессу было положено в лесной зоне, когда там появилось сейминско-турбинское население. Оно оставило нам несколько могильников (Сейминский, Турбинский и др.) и большую серию единичных находок металлических изделий. Эти памятники протянулись полосой вдоль южной кромки лесов и тайги на несколько тысяч километров — от Алтая до устья Оки. Как острой и длинной иглой, они прошли огромную толщу северо-евразийских культур эпох энеолита и бронзы. Их ареал распространения столь необычен, что не находит каких-либо близких аналогий в материалах эпохи бронзы. Поэтому многие археологи не решаются сгруппировать сейминско-турбинские древности в отдельную культуру. Между тем они весьма самобытны и легко опознаются среди сибирских и восточноевропейских материалов. В основном они представлены высококачественными бронзами и каменными изделиями. К числу первых относятся топоры-кельты, наконечники копий, кинжалы, ножи, клевцы (рис. 8). Многие из них украшены нарядным геометрическим орнаментом. Следует еще раз подчеркнуть, что по технике исполнения эти изделия можно отнести к числу лучших образцов литья эпохи бронзы. Особенно великолепны сейминско-турбинские кинжалы. Один из них происходит из Ростовкинского могильника близ г. Омска. Навершие его рукоятки украшено скульптурной группой, состоящей из лыжника, который уцепился за повод лошади (рис. 9, 2). «Человеческая фигурка, видимо, мужская, отличается широким лицом с четко выраженными глазами, носом, ушами и подбородком. Выступающие скулы, раскосые глаза, уплощенное лицо явно характеризуют, как считает В. И. Матюшенко, антропологически монголоидный тип... Правая рука сжимает вожжу, прикрепленную к ремню на морде лошади... Мужчина стоит на коротких лыжах с загнутыми вверх носами... У лошади массивная голова и стоящая дыбом грива» (Черных, Кузьминых 1989: 120–121). Эта скульптура принадлежит к числу выдающихся

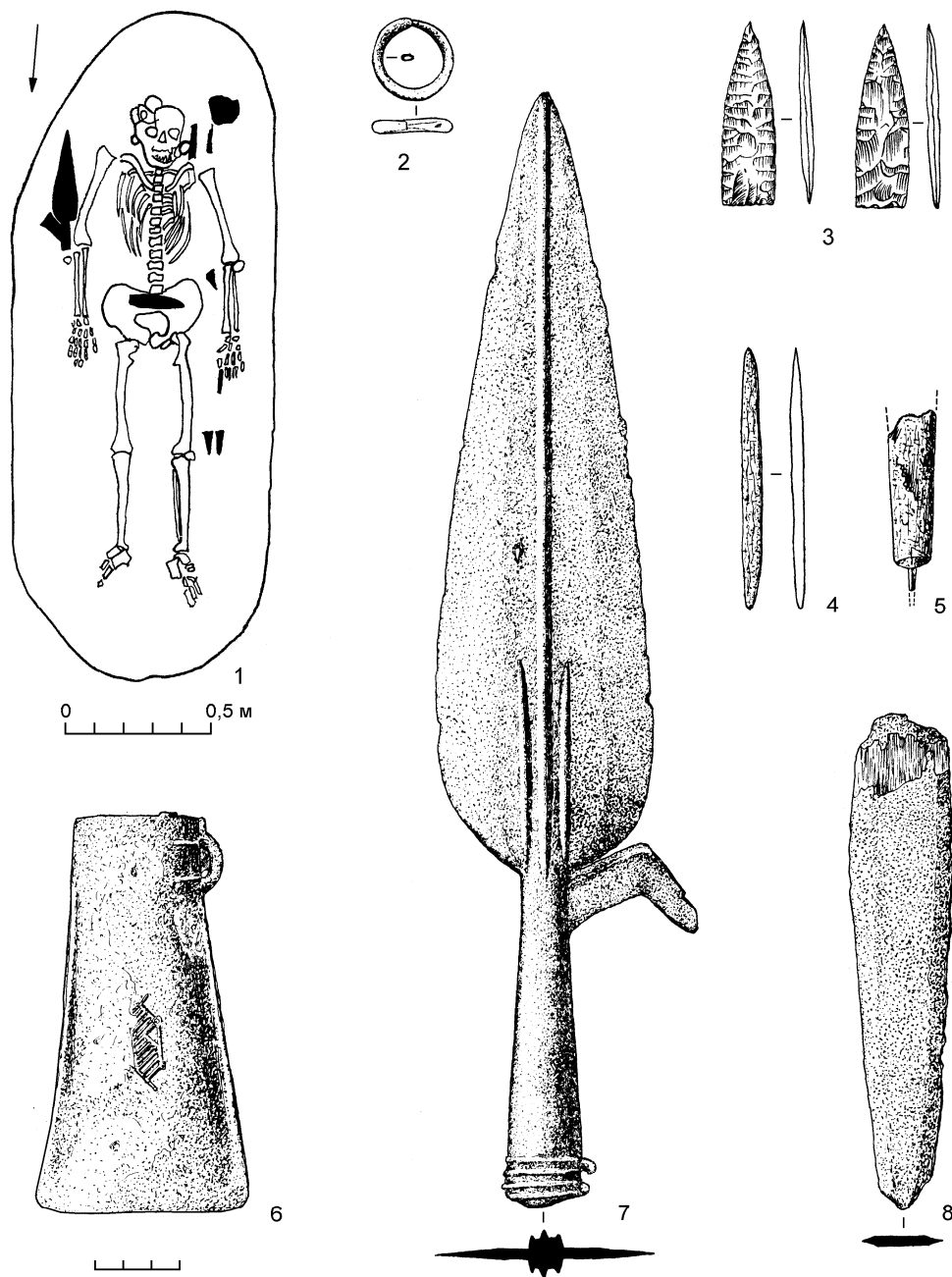

Рис. 8. Ростовкинский могильник под г. Омском.

- 1 — план и инвентарь погребения № 34; 2 — золотая серьга; 3 — кремневые наконечники стрел;
 4 — костяное острие; 5 — бронзовое шило с костяной рукоятью; 6 — бронзовый топор-кельт;
 7 — наконечник копья из бронзы; 8 — бронзовый кинжал

произведений искусства бронзового века Северной Евразии. В ней все интересно: высокая техника литья, реалистичная и своеобразная манера исполнения, монголоидные черты лица лыжника, сами лыжи и, наконец, порода лошади. Потаенный смысл этой скульптуры еще не разгадан.

Другой замечательный кинжал происходит из Сейминского могильника на Оке. По типу он аналогичен ростовкинскому, но оформлен несколько иначе. У него решетчатая прорезная рукоять, увенчанная скульптурами двух лошадей, идущих друг за другом (рис. 9, 1). Впереди идет кобыла, на голове которой хорошо заметна узда, сзади — жеребец. Они выполнены в той же самой манере, что и лошадь на ростовкинском кинжале. Обе эти скульптурные группы демон-

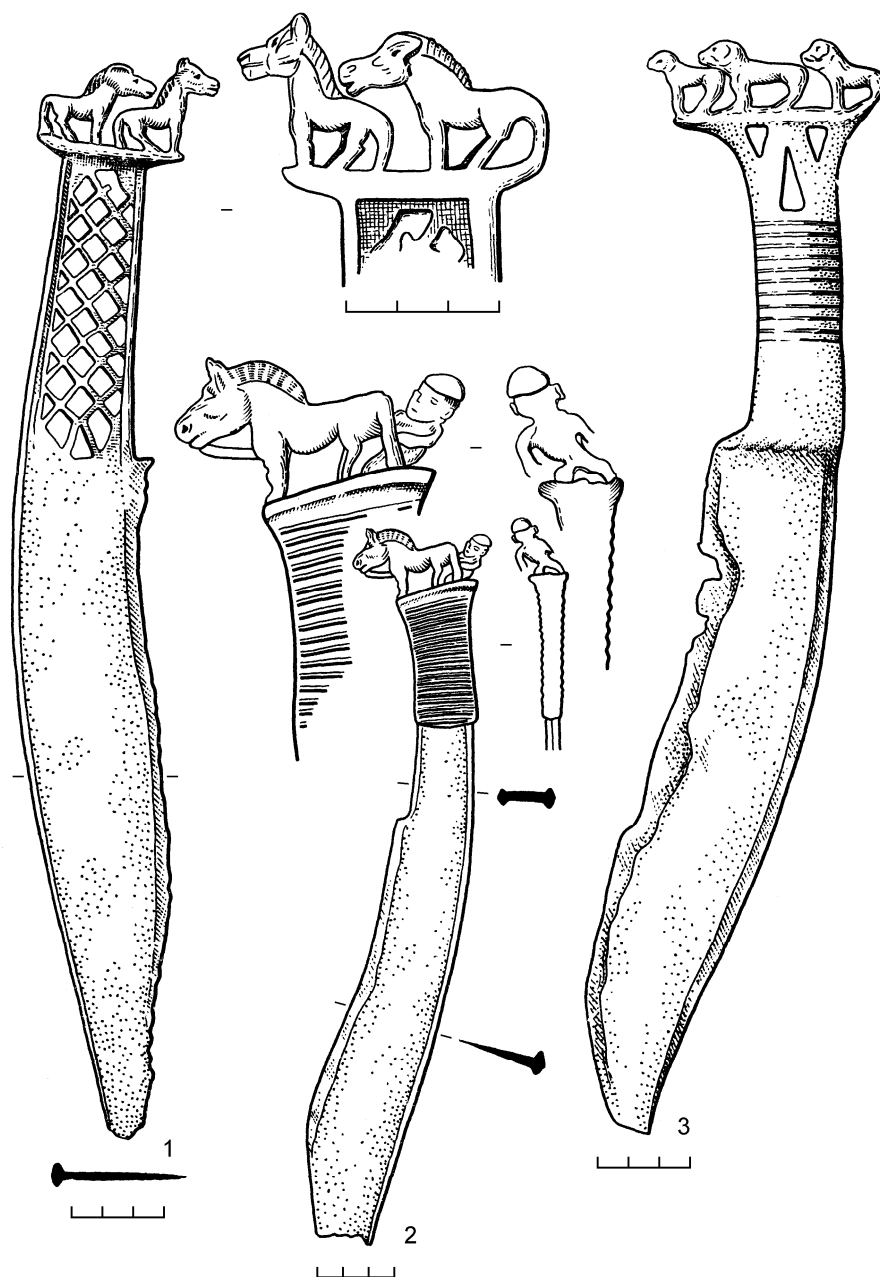

Рис. 9. Сейминско-турбинские ножи:

1 — Сейминский могильник; 2 — Ростовкинский могильник; 3 — Турбинский могильник

стрируют особый художественный стиль, названный сейминско-турбинским. Некоторые исследователи считают его дальней предтечей знаменитого скифо-сибирского звериного стиля эпохи раннего железа.

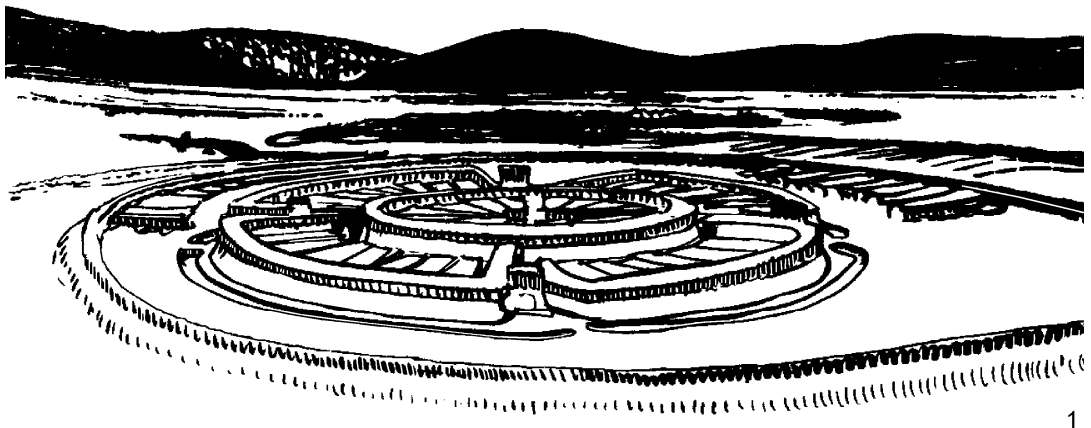
Удивительно, что столь высокоразвитые и прекрасные бронзы сочетаются в сейминско-турбинских могильниках с массой кремневых изделий: наконечники стрел, вкладыши для ножей и т. д. Большинство из них отличается чрезвычайно высоким уровнем техники, свойственной позднему каменному веку.

К настоящему времени открыто несколько сейминско-турбинских могильников. Из них наибольшую известность получили Турбинский (г. Пермь), Ростовкинский (близ г. Омска), Сейминский и Решенский (оба в устье Оки). Наиболее полные сведения имеются о Ростовкинском могильнике. В нем открыто 38 грунтовых погребений и несколько скоплений вещей вбли-

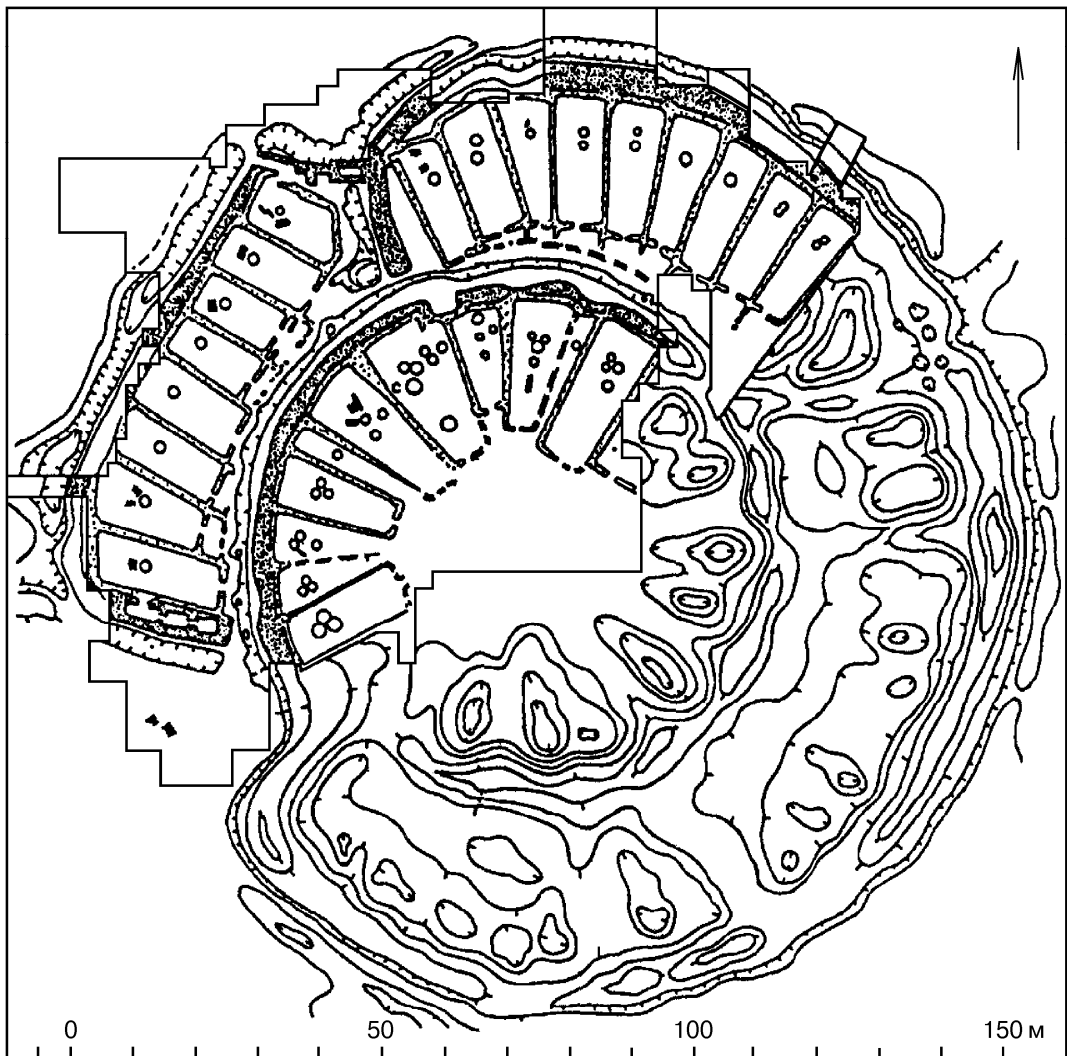
зи могил. В могильнике обнаружено два погребения кузнецов-литейщиков. Большинство остальных погребений, видимо, относятся к разряду воинских. Приведем описание одного из них. В нем находился костяк мужчины 25–30 лет. Возле его правого плеча был положен бронзовый кельт — топор и бронзовый наконечник копья. На тазовых костях погребенного лежал бронзовый кинжал в деревянных ножнах, а ближе к коленям — колчан с кремневыми наконечниками стрел. У черепа были обнаружены две золотые серьги (рис. 8, 2). Инвентарь этого погребения как нельзя лучше демонстрирует набор вооружения сейминско-турбинского воина. Для дальнего боя предназначались лук и стрелы, а для ближнего — копье, топор и кинжал. К этому следует еще добавить, что сейминско-турбинские воины были защищены кожаными и костяными латами, а также, вероятно, щитами. По мощи своего вооружения эти воины не имели себе равных в Сибири и Восточной Европе конца эпохи ранней бронзы.

Группы этих хорошо вооруженных людей пришли в Восточную Европу из-за Урала. Их вторжение имело огромные культурно-исторические последствия, видимо, гораздо большие, чем миграция фатьяновской культуры. Оно нарушило сложившееся равновесие и вызвало цепную реакцию культурных трансформаций. Первая из значительных культур, которая попала под их удар, была абашевская. Возможно, что в числе жертв этих пришельцев оказались те 27 мужчин, которые похоронены в Пепкинском кургане. Но погибли не все. Значительная часть абашевского населения спаслась, но вынуждена была покинуть Среднее Поволжье и Южное Приуралье. Оно рассеялось по Восточноевропейской равнине. Археологически это событие фиксируется отдельными группами абашевских памятников, которые встречаются на Верхнем и Среднем Дону, на территории Самарской и Брянской областей, в Южном Зауралье. Эта абашевская волна переселенцев стала основой для формирования новых культур эпохи поздней бронзы: *покровской (раннесрубной)*, *синташтинской* и *петровской* (рис. 6). Эти культуры составили единый блок, который явился первичным ядром волго-уральского очага культурогенеза. Его возникновение можно рассматривать как ответ на сейминско-турбинскую угрозу. Вполне закономерно, что основными творцами этих новых культур стали представители военной знати, колесничьей аристократии.

Центральным звеном упомянутого блока как в географическом, так и в культурно-историческом смысле стала синташтинская культура Южного Зауралья. Она занимала сравнительно небольшую территорию (400 x 200 км) у восточных склонов Уральских гор. Представлена эта культура многочисленными и исключительно яркими памятниками. По одному из них она и получила свое название. Всеобщий интерес археологов, историков и лингвистов вызвали необычные синташтинские городища, которые часто называют протогородами или урбанистическими центрами. На территории Челябинской обл. их открыто около двадцати. Каждому такому укрепленному центру соответствовали освоенные площади — земельные округа, радиусы которых составляли 20–30 км (Зданович 1999: 92). Кроме городищ, на территории таких округов находились могильники, святилища и обычные селища-деревни. Лучше других изучено городище Аркаим на юге Челябинской обл. (рис. 10). Оно имеет очень четкую концентрическо-радиальную структуру застройки. С внешней стороны поселение окружено круглым рвом глубиной 1,5–2 м и круглой оборонительной стеной диаметром 143–145 м. В основании толщина этой стены равна 3–5 м. Она сложена из заливного грунта, дерева и сырцовых блоков. Высота грунтовой части стены в древности была не менее 3–3,5 м. На некотором расстоянии от внешней стены была возведена еще одна, внутренняя стена, — диаметром 85 м. Она окружала так называемую цитадель, в центре которой находилась свободная от застройки округлая площадка 25 на 27 м. Промежуток между внутренней и внешней стеной заполнен радиально расположенными наземными жилищами. Такие же жилища располагались внутри цитадели между центральной площадкой и внутренней стеной. Всего на этом городище было около 67 жилищ. Все они имеют очень стандартный вид. Это большие дома прямоугольной формы. Внутренняя их площадь разделена перегородками на несколько комнат-отсеков. Построены они из дерева и землебитных блоков.

1

2

Рис. 10. План (2) и реконструкция (1) внешнего вида поселения Аркаим (по Г. Б. Здановичу)

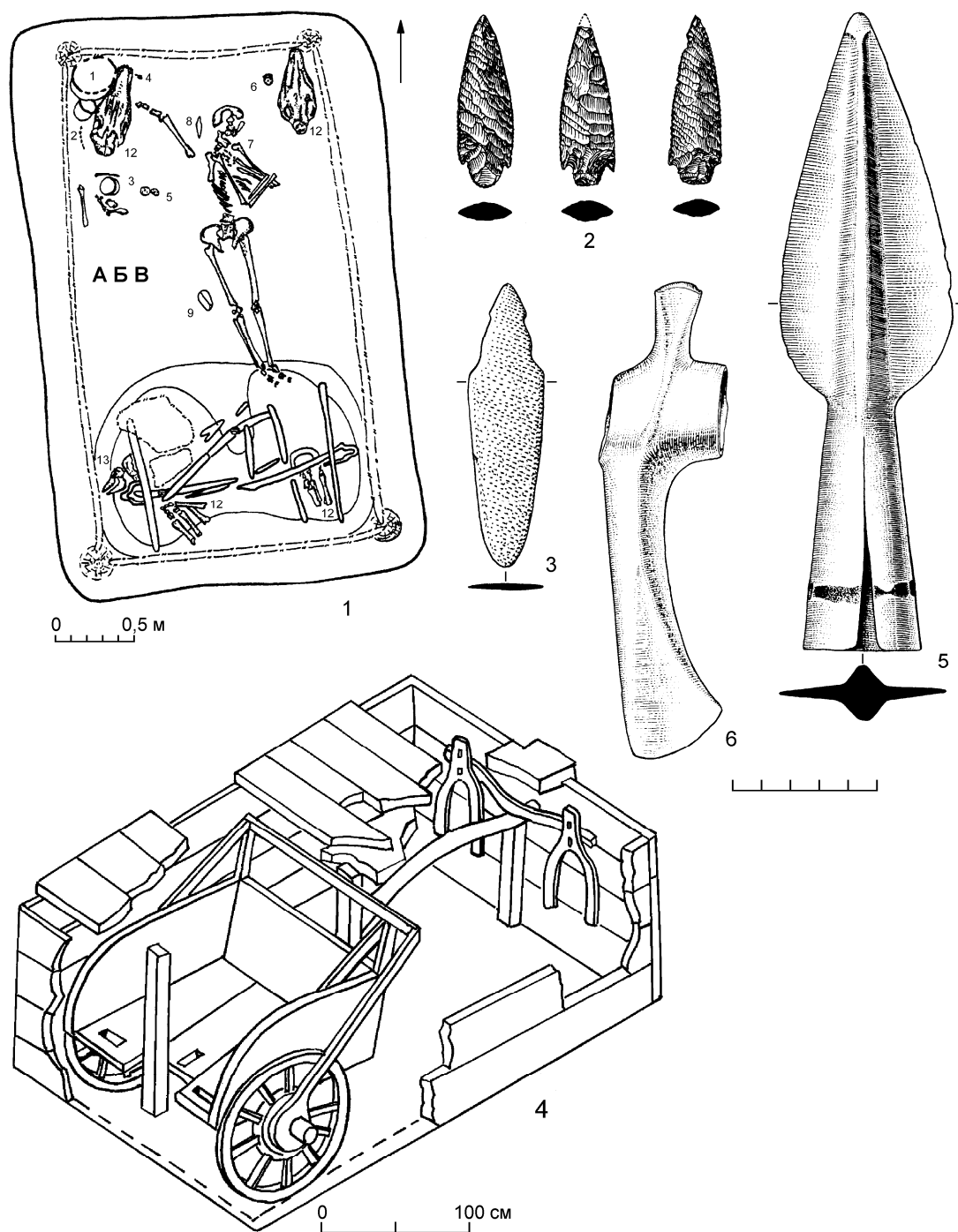

Рис. 11. Погребения воинов-колесничьих синташтинской культуры:

1 — план погребения (А — костяк мужчины, Б — остатки деревянной колесницы; В — черепа лошадей); 2–5 — инвентарь из погребений колесничьих (2 — кремневые наконечники стрел; 3–5 — бронзовые нож, топор, наконечник копья); 6 — реконструкция внешнего вида колесницы

Аркаимская крепость имела 4 входа, которые располагались, примерно, по сторонам света. Главный из них был ориентирован на запад. Три из четырех входов имели сложную конструкцию. Они представляли собой узкие извилистые лабиринты, устроенные между стенами домов. Зафиксированы также остатки надвратных башен.

Аркаим имеет очень правильную и регулярную структуру застройки. По планировке он очень напоминает военный лагерь. Это неудивительно, так как Аркаим являлся прежде всего

военной крепостью. Но по расчетам специалистов, в поселениях аркаимского типа одновременно могло обитать от 2,5 до 4 тыс. человек. Это явно превышало потребности обороны. Вместе с тем при такой высокой концентрации людей на ограниченном, тесно застроенном пространстве вряд ли было возможно вести нормально хозяйственную деятельность. Поэтому справедливо полагают, что такие поселения были крепостями-убежищами. В случае военной опасности в них укрывались жители окрестных деревень. Было также высказано предположение, что Аркаим является сакральным центром (Г. Б. Зданович). Возможно, этим объясняется его необычная концентрическая структура.

Вблизи укрепленных поселений располагались некрополи. Иногда, как в Синташте, их могло быть несколько. Примечательно, что в большинстве случаев они отделены от поселений какой-нибудь водной преградой. Вода разделяла мир живых и мертвых. Известны как грунтовые, так и курганные захоронения. Правда, некоторые исследователи предполагают, что небольшие курганные насыпи возникли естественным путем, в результате разрушения надмогильных конструкций в пределах погребальной площадки. В центре подкурганых площадок обычно располагались 1–3 самых крупных могилы, а вокруг них — могилы меньших размеров. В подавляющем большинстве случаев трупы укладывались в слабо скорченном положении на левом боку. Они сопровождалась очень обильными и разнообразными жертвоприношениями животных. В большинстве случаев туши животных или их части укладывались на перекрытия могил. На дне могил чаще расстилали шкуры. Среди жертвенных животных преобладал крупный и мелкий рогатый скот, а также лошади и собаки. Погребения, особенно мужские, снабжались многочисленным и разнообразным инвентарем: глиняными сосудами, изделиями из металла (наконечники копий, топоры, тесла, долота, серпы, разнообразные украшения и т. д.), камня (кремневые наконечники стрел, булавы, кузнечный инструмент и т. д.), кости и рога (детали конской узды, лука, различные навершия и т. д.). Кроме того, в могилы также помещали большое количество украшений из металла, пасты, кости и других материалов. Но самыми дорогими изделиями в составе синташтинского погребального инвентаря были, конечно, колесницы. Они изготовлялись из дерева, других органических материалов. Металл в их конструкции не использовался. Каждая такая колесница имела два колеса с 8–12 спицами. Диаметр колес в среднем равнялся 90 см. Расстояние между ними несколько превышало 1 м. Кузов колесницы, на котором могли поместиться 1–2 человека (возница и стрелок из лука), имел прямоугольные или округлые очертания. С задней стороны он был открыт. В такие легкие колесницы обычно запрягали двух лошадей (рис. 11). Судя по древневосточным письменным источникам, конные колесницы, подобные синташтинским, являлись самым грозным оружием II тыс. до н. э. Они стоили очень дорого и в потусторонний мир сопровождали самых знатных и богатых людей.

В своей основе хозяйство синташтинской культуры было скотоводческим. Оно имело отгонно-придомный характер с мясомолочной направленностью. В основном разводили крупный рогатый скот и в меньшем количестве — коз, овец, лошадей и свиней. В коневодстве было два направления: мясное и хозяйственное. Второе направление являлось приметой нового времени. Его развитие, несомненно, было связано с использованием боевых колесниц.

Другой базовой отраслью синташтинской экономики являлось металлопроизводство. До нас дошли многочисленные и разнообразные данные о горно-металлургической деятельности местного населения. Из них вытекает, что Южное Зауралье являлось одним из крупнейших центров по производству металла. Синташтинские мастерские, в которых работали профессиональные кузнецы и литейщики, производили множество разнообразных изделий. Среди них были предметы вооружения (наконечники копий, боевые топоры, кинжалы и т. д.), деревообрабатывающие инструменты (тесла, долота, стамески), украшения, утварь (ножи, шилья и т. д.), сельскохозяйственные орудия (серпы). Многие из них выпускались большими сериями и удовлетворяли потребности довольно широкого круга потребителей. В значительной мере синташтинское металлопроизводство продолжало традиции абашевской культуры. Вместе с тем в нем

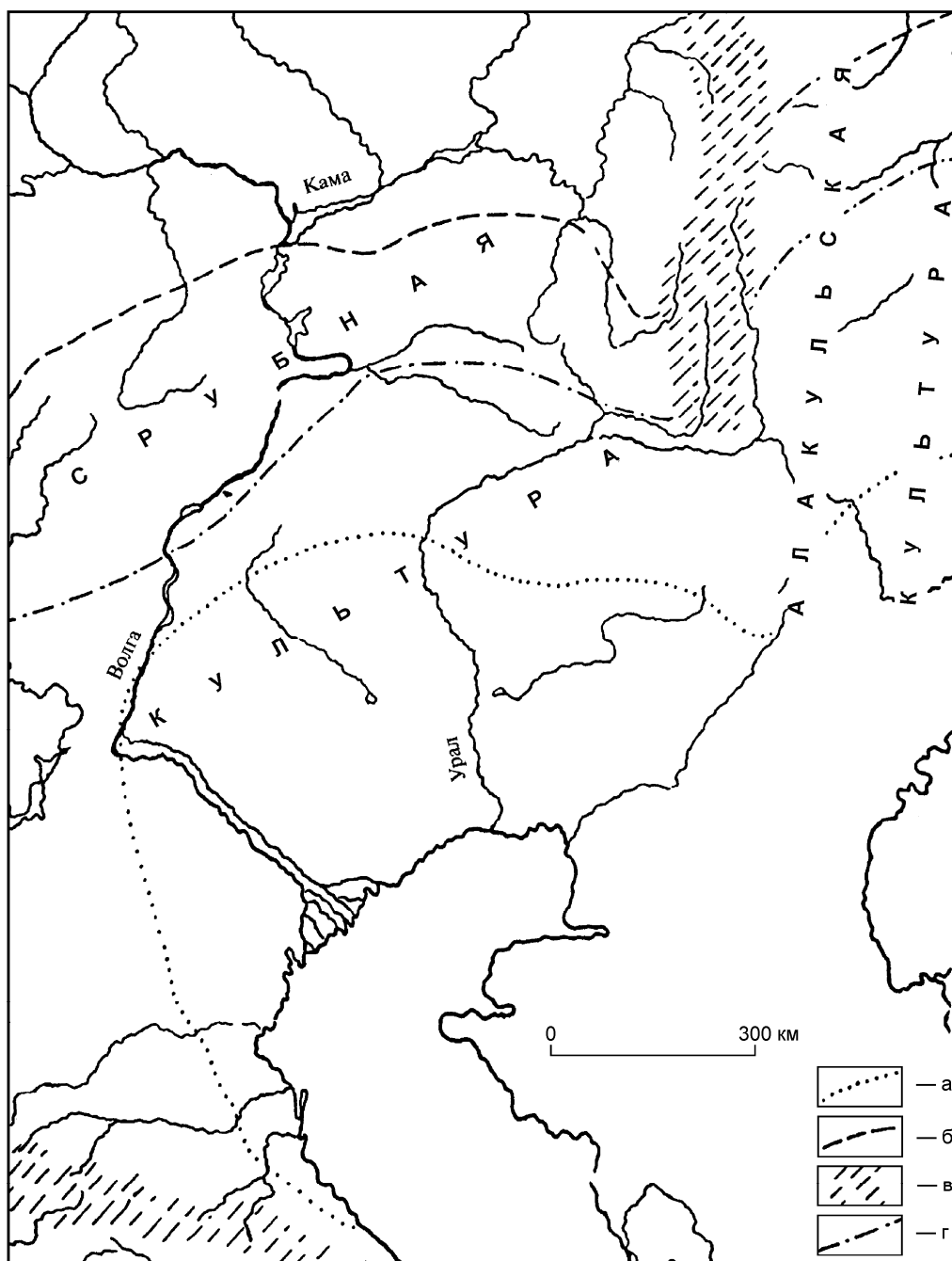

Рис. 12. Культуры средней поры эпохи поздней бронзы

отчетливо проявились тенденции новой эпохи. Синташтинские мастера, хотя и в небольших объемах, начали использовать оловянные бронзы, каменные литейные формы, литье изделий со слепой втулкой. Эти приемы позволили значительно улучшить качество изделий и расширить их производство. Новая технология не была местным изобретением. Ее принесли с собой сейминско-турбинские мастера, у которых она была заимствована синташтинскими литейщиками. Впоследствии вместе с другими волго-уральскими новшествами она получила широкое распространение в Восточной Европе и на территории Казахстана.

Имеются довольно многочисленные и разнообразные данные, которые позволяют составить общее представление о социальном устройстве синташтинского общества. Разумеется, эти материалы, как это часто случается в археологии, не поддаются детальной и однозначной ин-

терпретации. Но в данном случае они столь красноречивы, что конечный вывод кажется предопределенным. Он сводится к тому, что синташтинское общество было на пороге перехода к цивилизации. В этой связи прежде всего следует отметить его неоднородный характер. Судя по погребальным памятникам, в нем довольно четко была выражена половозрастная структура населения. Могилы мужчин, женщин и детей отличаются наборами инвентаря, размерами и ориентировками ям, составом жертвенных животных и т. д. (А. В. Епимахов). Эта структура была частью более сложной семейно-родовой организации, которая также нашла отражение в погребальных памятниках. В этой связи следует обратить внимание на планировку могил в синташтинских курганах. В большинстве из них четко выделена центральная часть, где располагались 1–3 самые крупные богатые могилы. Вокруг них группировались остальные, иногда весьма многочисленные погребения. Как в центральных, так и в периферийных ямах находились одиночные, парные и коллективные погребения мужчин, женщин и детей. В сущности, каждый такой курган являлся отдельным кладбищем, в котором было похоронено несколько десятков человек. Несомненно, что такие курганы были некрополями обособленных коллективов людей, связанных семейно-родственными узами. С другой стороны, они составляли целые могильники, которые принадлежали более многочисленным сообществам людей. Напомним, что такие могильники обычно находились вблизи укрепленных городищ.

В синташтинских курганах-кладбищах хорошо просматриваются признаки социально-имущественного неравенства. Как уже упоминалось, центральные могилы выделяются своими размерами и богатым инвентарем. Часто с ними связан так называемый колесничий комплекс. Согласно историческим, лингвистическим и археологическим данным, колесница и ее атрибуты являлись универсальным символом очень высокого социального положения. Повсюду колесничий входили в число высших страт общества и составляли привилегированное правящее меньшинство. В синташтинской культуре погребения колесничих встречены всего в 14 % от всех изученных к настоящему времени могил (А. В. Епимахов).

Другие важные сведения о социальной организации синташтинского общества дают поселенческие памятники. По информации Г. Б. Здановича, в синташтинской культуре выявляется двухуровневая иерархия поселений. Верхний уровень составляли укрепленные центры, а нижний — мелкие селища (Зданович 1999: 42). Такого рода структуры указывают на весьма сильную централизацию экономической и политической власти. В пользу этого говорит и сам характер городищ аркаимского типа. Очевидно, что столь сложные грандиозные сооружения не могли складываться стихийно. Каждое из них возводилось в сравнительно короткий промежуток времени по единому плану и под руководством одного лидера, сосредоточившего в своих руках значительные ресурсы и власть.

Суммируя эти и другие данные, можно заключить, что синташтинское общество являлось сложным и многоуровневым образованием. По типу своей организации оно больше всего напоминает вождество. Все основные признаки вождеств (социальное ранжирование, ремесленная специализация, укрепленные центры, монументальные сооружения, культовые места и т. д.) так или иначе прослеживаются в синташтинских материалах. Можно предположить, что в Южном Зауралье было несколько вождеств, каждое из которых контролировало округу радиусом в несколько десятков километров. Они были сильно милитаризованы (оружие встречается практически в каждом мужском синташтинском погребении) и, видимо, постоянно враждовали друг с другом (крепости были в каждом из них). Их правящий слой составляла колесничья аристократия, в которую входили главы и некоторые члены семейно-родовых групп.

Западными соседями синташтинского населения были племена покровской (раннесрубной) культуры, а восточными — петровской. Обе эти культуры стали широко известны археологам после раскопок могильников у г. Покровска близ Саратова и у с. Петровка в Северо-Западном Казахстане. Покровская культура занимала степь и лесостепь между Уралом и Доном, а петровская — территорию Северо-Западного Казахстана. По своему происхождению,

образу жизни населения и общему уровню развития они были близки «синташте», но уступали ей в социальном плане. В них также главенствующая роль принадлежала колесничьей аристократии, которая, однако, не была столь богата и влиятельна. Сохранились ее курганные погребения с остатками колесниц, упряжных лошадей, конской узды и оружия. Петровская знать возводила небольшие укрепленные поселения, которые не идут ни в какое сравнение с крепостями аркаимского типа. В покровской культуре не было и этого.

Население обеих культур вело оседлый образ жизни и в основном занималось пастушеским скотоводством. Оно селилось в небольших деревнях, разбросанных вдоль берегов рек. Здесь же рядом находились курганные и грунтовые могильники. Сравнительно высоко была развита металлургия. Петровские мастера одни из первых начали разработку богатейших месторождений меди на территории Казахстана. Они также имели доступ к источникам олова, которое тогда очень ценилось. Продукция кузнечно-литейных мастерских была значительна и разнообразна. Она удовлетворяла потребности знати и части рядового населения. Большое значение придавалось производству металлического оружия, так как население покровской и петровской культур было сильно милитаризовано. В этой связи нужно подчеркнуть, что военная знать жила войной и грабежами и стремилась всячески расширить свои владения. Петровское население дошло до Центрального Казахстана, а отдельные его группы проникли в Среднюю Азию.

Дальнейшие судьбы синташтинской, петровской и покровской культур сложились по-разному. Последняя из них трансформировалась в срубную культуру, а петровская — в алакульскую (рис. 12). Еще до этих событий, по не совсем ясным причинам, исчезла синташтинская культура. Возможно, что ее население погибло в междоусобной борьбе или же в неудачных войнах с соседями. Не исключено также, что оно во главе со своей аристократией ушло в Среднюю Азию, а затем и дальше на юг. В конечном итоге Южное Зауралье оказалось занятым петровской культурой.

Срубная и алакульская культуры названы археологами по форме погребального сооружения (срубы) и по месту открытия первого могильника — оз. Алакуль в Челябинской обл. Обе они заняли огромную территорию — от Иртыша до Днепра. Граница между ними проходила по Уралу. Их население придерживалось оседлого образа жизни и занималось пастушеским скотоводством, металлургией и металлообработкой. Обитало оно в небольших степных деревушках, состоящих из нескольких жилищ в форме землянок и полуземлянок. Эти жилища чаще всего были разделены на несколько отсеков, в одном из которых держали скот. Отапливались они небольшими очагами. Для выхода дыма в крыше устраивалось отверстие. Через него также в землянку попадал свет. Своих умерших обитатели этих деревень хоронили в курганах или в грунтовых могильниках. Погребальный обряд и инвентарь были очень скромны.

С археологической точки зрения эти культуры демонстрируют устойчивые традиции во всех основных категориях материала. Прочные каноны и стереотипы были выработаны в керамическом и металлообрабатывающем производствах, в погребальном обряде, структуре поселений, в социальной сфере и т. д. Но вместе с этой стабильностью и единообразием в них исчезают все признаки колесничьей аристократии и развитой социальной и имущественной стратификации. Судя по погребальному обряду, в обществе возобладала идеология равенства. Все это вместе взятое может быть расценено как возврат к старой племенной структуре. Это означало консервацию древних традиций, застой и даже некоторый регресс в ряде сфер культуры и экономики.

В третьей четверти II тыс. до н. э. пространство Волго-Уральского региона занимают памятники черкаскульской культуры. На территории Татарстана проведены широкие раскопки Такталачукского могильника.

Дальнейший ход истории волго-уральского бронзового века в конце II тыс. до н. э. может быть охарактеризован как процесс смены одних скотоводческих культур другими. Между собой эти культуры похожи и мало выразительны с точки зрения материальных проявлений.

Ни в экономике, ни в социальной сфере они не превосходят срубную и алакульскую культуры. Накануне раннего железного века в Волго-Уральских степях резко сокращается число поселений, могильников, единичных находок. Создается впечатление, что местное население переживало глубокий кризис. Возможно, он был связан с переходом к кочевому скотоводству. В X–IX вв. до н. э. волго-уральские культуры эпохи бронзы прекращают свое существование. На смену им приходят новые кочевнические культуры раннего железного века.

Изложенная здесь история бронзового века суха и безлика. Она передает лишь самые общие культурно-исторические процессы, которые протекали в то время. Но такова природа археологических источников. Они не могут говорить языком письменных документов. Но к счастью, сохранились легенды и мифы, религиозные трактаты и гимны, некоторые исторические свидетельства цивилизованных народов Древнего Востока. В них так или иначе отразились те бурные события II тыс. до н. э., которые происходили в Великой Степи.

Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы²³

Изобретение цельнолитого втульчатого топора-кельта Г. Чайлд отнес к числу важнейших достижений бронзового века. По его мнению, кельты стали первыми, по-настоящему широко доступными деревообрабатывающими орудиями. Они получили массовое распространение во многих культурах эпохи поздней бронзы. Благодаря этому началась интенсивная расчистка лесов под поля и пастбища, что имело революционное последствие для экономики и экологии лесной зоны Северной Евразии. Г. Чайлд предполагал, что кельты возникли на Урале, оттуда они распространились в восточном направлении и достигли территории современного Китая. Северная и Центральная Европа не подверглись прямому уральскому влиянию, но туда с Востока проникла идея кельта. Там она нашла благоприятную среду для своего дальнейшего развития, и многие европейские кельты приобрели черты местных пальштабов (Childe 1954: 11–25).

Конечно, не все эти выводы Г. Чайлда сегодня могут быть приняты. Некоторые из них кажутся слишком прямолинейными и преувеличенными. Современные исследования показали, что экономика бронзового века была сложным явлением и зависела от взаимодействия множества различных факторов. Появление новой разновидности топоров само по себе не могло оказать кардинального влияния на ход ее развития. Столь же спорным выглядит тезис об уральской прародине кельтов. Вместе с тем следует признать, что Г. Чайлду удалось по-новому сформулировать традиционную для европейской археологии проблему происхождения кельтов. Он понял, что для ее решения первостепенное значение имеют восточные материалы. Эта мысль оказалась правильной. Нынешний уровень наших знаний позволяет уверенно утверждать, что древнейшие образцы кельтов Евразии появились на территории Южной Сибири и Восточной Европы. Они происходят из сейминско-турбинских памятников.

Хронология этих памятников была предметом длительной дискуссии в нашей литературе. Постепенно выяснилось, что в волго-уральском регионе они синхронизируются с позднеабашевской культурой и рядом культур начальной поры эпохи поздней бронзы («Синташтой», «Петровкой», «Потаповкой» и «Покровском»). Согласно данным радиоуглеродных анализов (22 калиброванные даты), которые были получены в последнее десятилетие, время указанных культур определяется в диапазоне 2200/2100–1800/1700 гг. до н. э. (Трифонов 1997: 94–97). Эти датировки значительно расходятся с традиционной хронологией сейминско-турбинских памятников (XVI–XV вв. до н. э.), которая была установлена с помощью карпато-балканских аналогий некоторым волго-уральским изделиям (дисковидные псалии, Бородинский клад и т. д.).

²³ Опубликовано: Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб, 2002. Кн. I. С. 113–118.

Однако в свете новых радиоуглеродных и дендрохронологических исследований центрально-европейских памятников возраст этих аналогий также должен быть удревлен (Sherratt A. & S. 1991; Randsborg 1991: 94–105; Boroffka 1998: 105). Особо следует сказать о хронологической позиции микенских шахтовых гробниц (круг А), в одной из которых были найдены дисковидные псалии. А. Фурумарк отнес эти погребения к I позднеэлладскому периоду (LN1), то есть к XVI в. до н. э. Многими отечественными археологами эта дата воспринималась как важнейшая точка опоры в определении абсолютного возраста сейминско-турбинских памятников и других волго-уральских культур. Но судя по новым хронологическим исследованиям эгейских памятников, I позднеэлладский период, видимо, придется переместить в XVII в. до н. э. (Manning 1996: 17–32). К этому нужно добавить, что с типологической точки зрения микенские псалии относятся к поздним разновидностям изделий такого рода, распространенным в Восточной Европе.

Таким образом, все доступные сейчас источники с большой долей вероятности указывают на то, что сейминско-турбинские памятники следует датировать в пределах первой трети II тыс. до н. э. Это означает, что в Южной Сибири и в Северо-Восточной Европе кельты появились по меньшей мере на 3–4 столетия раньше, чем в остальных частях Евразии.

Памятники сейминско-турбинского типа разбросаны на огромной территории. Все же хорошо заметно, что их основная масса концентрируется вдоль южной кромки лесов и тянется полосой от Алтая до устья Оки. Возможно, эта цепочка находок передает в общих чертах пути движения сейминско-турбинского населения. По мнению некоторых исследователей, культура этого населения сформировалась на Алтае и оттуда распространилась на другие территории. Предполагается, что небольшие, но хорошо вооруженные и мобильные группы этого населения мигрировали на запад, и часть из них, преодолев тысячи километров, проникла в лесное Приуралье и Среднее Поволжье (Черных, Кузьминых 1989: 251–253, 269–277). Их приход в Восточную Европу имел огромные последствия. Он повлек за собой цепную реакцию культурных трансформаций, что в конечном итоге привело к возникновению волго-уральского очага культурогенеза (Бочкарёв 1995б: 18–29). Этот очаг на протяжении нескольких столетий определял ход культурно-исторического развития на значительной части Восточной Европы и Казахстана.

Ведущая роль сейминско-турбинских мигрантов в начальной фазе волго-уральского культурогенеза объясняется рядом причин. Одна из них заключается в том, что пришельцы значительно превосходили местное население в металлопроизводстве. Они были знакомы с самыми передовыми для того времени приемами обработки металлов. Сейминско-турбинские мастера широко использовали оловянные бронзы, каменные литейные формы и литье изделий со слепой втулкой (кельты, цельнолитые наконечники копий и т. д.). Впоследствии эти приемы получили широкое распространение и легли в основу металлообработки эпохи поздней бронзы Восточной Европы.

Местные волго-уральские кузнецы и литейщики медленно и по частям осваивали новую (сейминско-турбинскую) технологию. На раннем этапе эпохи поздней бронзы оловянные бронзы были еще редки и почти все они шли на изготовление украшений. Причем количество их находок уменьшается по направлению с востока на запад. Они хорошо известны в петровских памятниках, гораздо хуже — в синташтинских и совсем отсутствуют в покровских (Агапов, Кузьминых 1994: 169). Примерно такая же тенденция видна в распределении находок каменных форм. Что касается литья изделий со слепой втулкой, то этот прием использовался только для производства одного типа наконечников копий.

На следующем этапе в срубной и алакульской культурах сфера применения новой технологии несколько расширяется. Оловянные бронзы начали употреблять в производстве оружия и орудий (Агапов, Кузьминых 1994: 169), а каменные литейные формы распространились в Приуралье и в ряде районов Поволжья. Некоторый прогресс также заметен в литейном деле. Теперь все разновидности втульчатых наконечников копий и стрел изготавливались только в литье.

Из примечательных новшеств этого времени следует отметить появление цельнолитых тесел со сквозной втулкой (ильдеряковский тип). Прототипами этих орудий были кованные втульчатые тесла абашевской и синташтинской культур, а дериватами — кельты-тесла с «пещеркой». Этот типологический ряд тесел был известен Г. Чайлду, который его истолковал как свидетельство уральского происхождения кельтов (Childe 1954: 15–19, fig. 3–5). Но отождествлять топоры-кельты и кельты-тесла неправомерно. Это разные категории орудий и, как выясняется, разного происхождения. Первые из них возникли раньше и совсем в иной культурной среде, чем кельты-тесла.

В целом можно констатировать, что на первых двух этапах эпохи поздней бронзы новая технология находилась еще на стадии становления. Ковка оставалась важным формообразующим приемом, а литье изделий со слепой втулкой ограничивалось двумя видами оружия. Несмотря на ощутимое сейминско-турбинское влияние, кельты не были восприняты местным населением. Оно продолжало пользоваться проушными топорами и плоскими топорами-теслами традиционных форм. Зона распространения оловянных бронз и каменных литейных форм в основном охватывала восточные территории. Во многих районах Поволжья, и особенно Подонья, продолжали пользоваться традиционными материалами.

Окончательный переход к новой технологии произошел позднее. Тогда же начался процесс массового распространения кельтов в степных и лесостепных культурах Восточной Европы. Этот перелом был связан с крупными изменениями культурно-исторической ситуации на значительной части Северной Евразии.

Около середины II тыс. до н. э. во многих степных и лесостепных регионах Восточной Европы, Южной Сибири и Казахстана произошла смена культур или их значительная трансформация. Основным генератором этих изменений был волго-уральский очаг культурогенеза. На его территории сформировалась целая свита новых культур (черкаскульская, федоровская, приказанская, сусканская и др.), которые оказали сильное влияние на дальнейший ход событий во многих соседних регионах. Кроме того, часть населения этих культур или его небольшие группы мигрировали в юго-восточном, восточном и юго-западном направлениях. В ряде случаев они продвинулись на очень значительное расстояние. Свидетельством инфильтрации населения в юго-западном направлении являются довольно многочисленные находки андроновской (черкаскульско-федоровской) керамики в Подонье, на Левобережной Украине и в Поднепровье (Березанская, Гершкович 1983: 100–110; Кузьмина 1987: 48–69; Гершкович 1998: 61–92). Вместе с переселенцами на юго-запад проникли многие характерные элементы волго-уральских культур. В их числе также оказались топоры-кельты и кельты-тесла.

К этому времени сейминско-турбинские кельты уже вышли из употребления. Их сменили кельты других разновидностей, которые можно объединить в четыре территориально-типологические группы: самусьско-кижировскую (Зауралье и Западная Сибирь), минусинскую (условное название «карасукские поясковые»), дербеденовскую (Южное Приуралье и Среднее Поволжье) и лобойковскую (Левобережная Украина и Поднепровье).

По общему мнению исследователей, орудия первой группы возникли в результате прямого развития классических сейминско-турбинских кельтов. Поэтому их часто называют позднесеиминскими. Гораздо сложнее проследить генезис минусинских и дербеденовских кельтов, так как они имеют ряд оригинальных черт. Но, по данным М. П. Грязнова (1941: 248–251, табл. I), Б. Г. Тихонова (1960: 44–45) и ряда других авторов, прототипами этих кельтов также являлись сейминско-турбинские топоры. Что касается орудий лобойковской группы, то их можно рассматривать в качестве локальной разновидности дербеденовских кельтов.

В целом, еще раз следует подчеркнуть, что появление этих новых групп кельтов было сопряжено с существенными изменениями культурно-исторической ситуации на значительной части Северо-Восточной Евразии.

Для нашей темы первостепенный интерес представляют дербеденовские и особенно лобойковские кельты. Они являются первыми образцами топоров-кельтов, которые получили распространение в степной и лесостепной зонах Восточной Европы. Их появление повсюду сопровождалось освоением новой технологии литья, а также распространением новых культурных стереотипов (например, валиковой керамики). Параллельно с этим шел процесс вытеснения из употребления проушных топоров, плоских топоров-тесел, глиняных литейных форм и т. д.

На юго-западе Восточной Европы лобойковские кельты заняли почти всю Левобережную Украину, Среднее и Нижнее Поднепровье. Кроме того, они проникли в Северо-Западное Причерноморье, а также на территорию Молдавии, Восточной Румынии и Северной Болгарии (Рэдени, Дэлени, Киперчены, Галич и т. д.).

Среди этих территориальных серий находок необходимо выделить карпато-балканскую. Несмотря на свою малочисленность (10 экз.), она важна в двух отношениях. Во-первых, в ней представлены древнейшие кельты карпато-балканского региона, и, во-вторых, эти орудия имеют восточное происхождение. По принятой здесь хронологии они датируются в пределах XV–XIV вв. до н. э. В этот период основной категорией рубящих орудий на указанной территории оставались проушные топоры. Массовое производство кельтов на Карпатах и на Северных Балканах началось позднее, в XIII в. до н. э. Аналогичная картина наблюдается в Центральной и Северной Европе с той только разницей, что место проушных топоров занимали пальштабы различных типов. В пределах этих регионов также выделена небольшая группа древнейших кельтов, которые относят к XIV в. до н. э. (BC, по П. Рейнеке; конец периода 2, по О. Монтелиусу). Эти находки неоднократно были предметом специального рассмотрения в европейской литературе. Изучив их, С. Мюллер и О. Монтелиус пришли к выводу, что древнейшие кельты Европы произошли от местных пальштабов. Впоследствии эта точка зрения стала традиционной. Но еще в конце 20-х гг. XX в. Р. Харрисон ее решительно отверг. Он нашел существенные пробелы в типологическом ряду пальштаб — кельт и убедительно показал, что по технологическим причинам в принципе невозможно эволюционное развитие пальштаба в кельт. Позицию Р. Харрисона активно поддержал Г. Чайлд. Позднее к аналогичному выводу пришел Э. Анер после детального анализа ранних скандинавских кельтов. По его мнению, они возникли под воздействием внешнего импульса, идущего из Центральной Европы (Aner 1961: 216–219).

Как уже говорилось, в Центральной Европе, точнее на ее восточных окраинах, известно несколько находок ранних кельтов. С полной уверенностью можно датировать только три из них: две с территории Словакии (клады Древенек и Ожданы) и одну из Венгрии (комплекс литейных форм из Шолдвакерта). Все они относятся к периоду BC (по П. Рейнеке), то есть к XIV в. до н. э. Эти и некоторые другие материалы были подробно рассмотрены в работе Б. Ванзека. В результате их изучения он пришел к выводу, что центрально-европейские кельты имеют автохтонное происхождение. Их первичный центр находился в Среднем Подунавье, откуда они затем распространились на юго-восток и север Европы. По мнению Б. Ванзека, кельты развились из «венгерских» проушных топоров с диском на обухе (Wanzek 1989: 136–148). Последнее предположение Б. Ванзека кажется еще менее вероятным, чем гипотеза С. Мюллера и О. Монтелиуса. На его несостоятельность указал С. Хансен. В свою очередь С. Хансен выдвинул собственную версию генезиса центрально-европейских кельтов. Согласно его данным, их прототипами были местные цельнолитые долота эпохи ранней и средней бронзы (Hansen 1994: 177–185). С. Хансен не привел каких-либо специальных аргументов в пользу своей точки зрения. Он ограничился общим замечанием, что способ литья слепой втулки был изобретен в Центральной Европе еще в начале II тыс. до н. э.

Проведенный историографический обзор показывает, что, несмотря на отсутствие убедительных аргументов, большинство современных западных исследователей продолжают поддерживать автохтонную гипотезу генезиса центрально-европейских кельтов. Если эту гипотезу принять, то с неизбежностью напрашивается вывод о полицентрическом характере происхож-

дения кельтов. Один из таких центров находился в Южной Сибири и Северо-Восточной Европе, а второй, надо полагать, — в Центральной Европе.

Но хронологические, картографические и отчасти типологические данные не подтверждают конвергентную версию происхождения кельтов. Поэтапное картирование находок кельтов наглядно демонстрирует последовательное расширение их ареала с востока на запад. В первой половине II тыс. до н. э. они занимали северо-восточную территорию Европы, а в XV–XIV вв. до н. э. — почти всю южную половину Восточной Европы, вплоть до Карпат и Балкан. В XIII в. до н. э. началось массовое производство этих орудий в карпато-балканском регионе, а век спустя — в Среднем Подунавье и в восточных районах Центральной Европы. В Западной Европе кельты получают широкое распространение только с X в. до н. э.

Процесс «продвижения» кельтов в западном направлении вряд ли можно оценивать как пример классической диффузии. Он имел дискретный и взрывной характер, так как почти всегда связан с крупными культурно-историческими изменениями. Так было в случаях с сейминско-турбинской миграцией и с распространением кельтов лобойковской группы. В карпато-балканском регионе этот процесс был связан с образованием культурного блока «сабашиновка-ноуа-кослоджени». По единодушному мнению румынских археологов, этот блок возник в результате восточного импульса. Число аналогичных примеров можно еще увеличить, двигаясь в западном направлении.

В заключение следует сказать, что, по всей вероятности, топоры-кельты принадлежат к тем немногим элементам культуры эпохи бронзы, которые связывали между собой различные и порой очень отдаленные регионы Северной Евразии.

О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири²⁴

В эпоху поздней бронзы на Алтае, в Южной Сибири и в Восточной Европе появились наконечники копий, на втулках которых было отлито по одному или два ушка (рис. 1–3). В исконном или чаще трансформированном виде такого рода изделия просуществовали почти все II тыс. до н. э. В некоторых регионах они дожили до эпохи раннего железа. Кроме Северо-Восточной Евразии ушковые наконечники были также распространены на Британских островах, на территории Китая, Кореи и Японии (Greenwell, Brewis 1909: 448–450; Takayasu Higuchi 1986: 14–20). Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях ушки всегда рассматривались в качестве важного типологического элемента: учитывалось их количество, форма, размеры, местонахождение на изделии и т. д. При этом, однако, почти не затрагивался вопрос об их функциональном назначении. Нам удалось разыскать лишь несколько коротких высказываний по этому поводу. Одно из них принадлежит английским исследователям В. Гринвеллу и В. Брюису. Эти авторы пришли к выводу, что к ушкам британских копий привязывались ремни, с помощью которых наконечники крепились к древкам (Greenwell, Brewis 1911: 448). Рассмотрев восточноевропейские материалы, аналогичное заключение сделал Б. Г. Тихонов. Он в частности писал следующее: «Наконечники копий этой подгруппы повторяют форму вильчатых копий; нижний край втулки часто отлит с утолщающимся ободком и снабжен ушком для привязывания к древку» (Тихонов 1960: 27). Иначе определила назначение ушек на одном из бородинских копий О. А. Кривцова-Гракова (1949: 9). Она предполагала, что к нему могли привязываться кисти или какие-нибудь иные подобные им украшения.

Никаких аргументов в пользу своей точки зрения Б. Г. Тихонов не привел. Не сделала этого и О. А. Кривцова-Гракова. В отличие от них В. Гринвелл и В. Брюис обосновали свою по-

²⁴ Опубликовано: Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб, 2004. С. 385–408.

зицию. Они заметили, что в тех случаях, когда наконечники снабжались ушками, у них отсутствовали отверстия для гвоздей (штифтов) и наоборот. Из этого наблюдения был сделан следующий вывод: поскольку штифты использовались для крепления наконечников к древкам, то при их отсутствии ушки выполняли такую же функцию (Greenwell, Brewis 1911: 448). Предполагалось, что к ушкам привязывались ремни, нижние концы которых закреплялись на древках.

С логической точки зрения, вывод В. Гринвелла и В. Брюиса кажется вполне правильным. Однако его автоматически нельзя переносить на материалы Северо-Восточной Евразии. Дело в том, что эти материалы, в отличие от британских, не предоставляют убедительных данных об инверсии ушек и штифтов. Разумеется, среди наконечников из Восточной Европы и Южной Сибири можно найти много экземпляров, снабженных только ушками или только отверстиями для штифтов. Вместе с тем известна целая серия изделий, у которых два этих элемента оказались совмещенными (рис. 1, 1–10). Особенно это характерно для наконечников турбинского типа. Как правило, они имеют одно или два ушка. Отверстия для штифтов всегда располагаются ниже ушек, на некотором расстоянии от края втулки. Они имеют круглую форму, а диаметр их не превышает 0,5 см. Назначение этих отверстий известно: через них и древко пропускались деревянные или металлические штифты, концы которых слегка выходили за пределы втулок и тем самым удерживали наконечники на древках (рис. 4, 1). Этот способ крепления втульчатых орудий отличается простотой и надежностью. Судя по всему, он не требовал какой-либо дополнительной оснастки. Поэтому появление на одних и тех же изделиях штифтов и ушек, видимо, объясняется тем, что они предназначались для различных целей. Штифтовый способ крепления стал широко известен в Восточной Европе с начала эпохи средней бронзы, то есть задолго до появления ушек. В то время и позднее наконечники копий, дротиков и других втульчатых орудий (долот, крюков и т. д.) отковывались из медных или бронзовых заготовок (Дегтярёва, Попова, Кизина, Астрединов 1998: 86). В III–II тыс. до н. э. эта технология была широко распространена в Передней Азии, в Восточном Средиземноморье и на Кавказе. Вероятно, с юга она проникла на территорию Восточной Европы. Хотя эта технология была сравнительно трудоемкой и сложной, она имела ряд существенных недостатков. Один из них заключался в том, что с помощьюковки и кузнечной сварки трудно было получить достаточно прочную втулку. Дело в том, что такая втулка сворачивалась из довольно тонкого и не слишком упругого металлического листа. При сильном ударе или при длительном употреблении она могла разомкнуться по линии соединения продольных краев листа. Чтобы избежать этой поломки, в древности использовали несколько приспособлений. Их следует коротко охарактеризовать, так как в литературе они иногда принимаются за средство крепления наконечника к древку.

К числу таких приспособлений относятся кованые или литые кольца, которые одевались на нижние части втулок. Они сжимали втулки и не давали возможности им разомкнуться. В странах Древнего Востока использовались как литые, так и кованые кольца, а в Микенской Греции — литые (Avila 1983: 8, Taff. 2, 10–14; 13, 78–80). Отверстия для штифтов пробивались выше или ниже колец. Иногда они размещались на самом кольце. На Кавказе кольца-обоймы известны на двух бронзовых наконечниках копий триалетской культуры (Picchelauri 1997: 54, Taff. 70, 1194–1195). Правда, они сделаны из драгоценных металлов и поэтому могли иметь чисто декоративное значение. Среди восточноевропейских материалов удалось найти лишь один случай использования кольца. Речь идет о кованом крюке, найденном на Ивановском поселении в Оренбуржье (Моргунова, Порохова 1989: 169, рис. 58). Верхняя часть его втулки стянута петлей, согнутой из толстого металлического дрота (рис. 4, 5).

На Кавказе и в Восточной Европе вместо колец использовали металлические скрепы и ремни. Они вставлялись в специальные прорезы, которые часто принимают за отверстия для штифтов. С помощью скобы была стянута втулка наконечника копья из так называемого Былымского клада, найденного в Кабардино-Балкарии (Козенкова 1995: 37, табл. V, 10). Выше металлической скобы расположены два симметричных отверстия для штифта (рис. 4, 6). Примечательно,

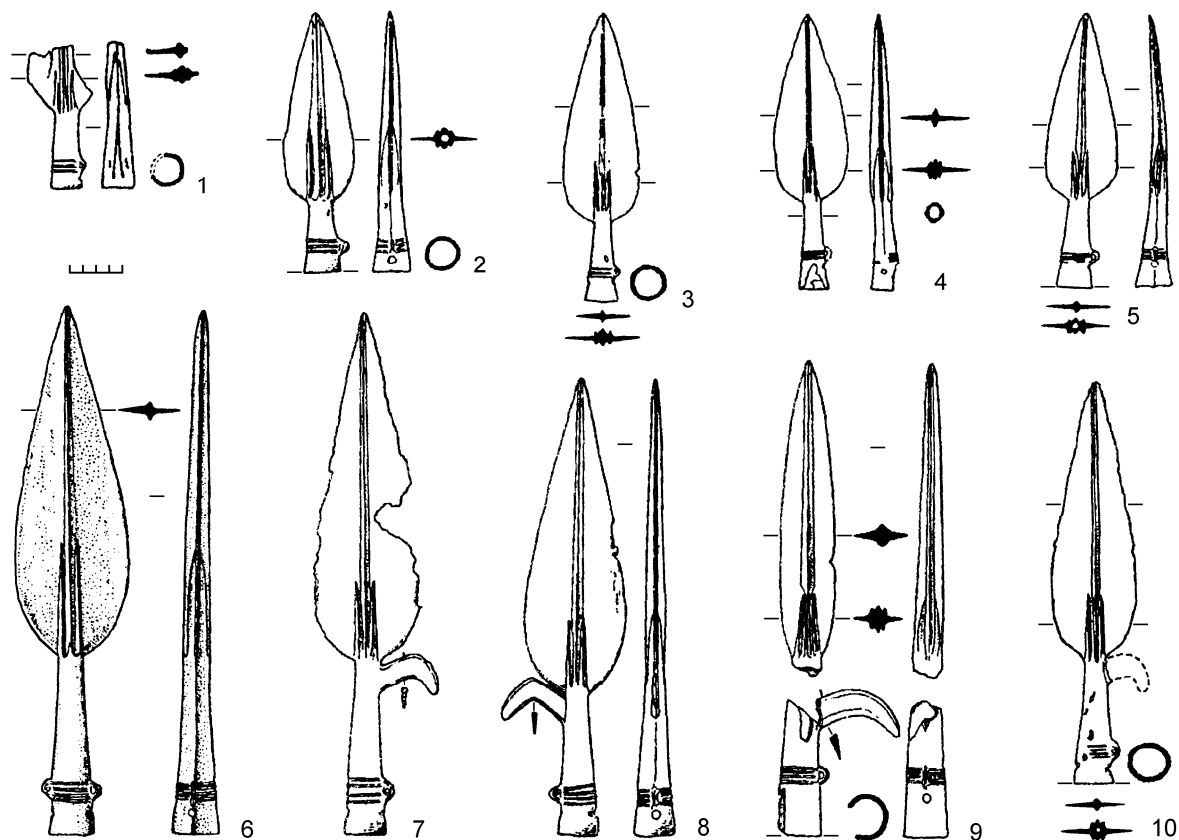

Рис. 1. Наконечники копий турбинского типа:
 1, 2 — Решное; 3, 4 — Турбино 1; 5 — Западная Сибирь; 6–8, 10 — Ростовка;
 9 — р. Чарыш (по Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых)

что они ориентированы строго по диаметру втулки. В отличие от них, прорезы для скобы смещены ближе к несомкнутым краям втулки. Былымский наконечник хорошо демонстрирует разделение функций штифтов и скоб. Впрочем, не исключено, что металлические штифты могли также использоваться для скрепления втулок. В пользу этого предположения свидетельствует устройство кованого крюка из Мосоловского поселения в Среднем Подонье (Пряхин 1993: 50, рис. 25, 2). В верхней части втулки этого крюка пробито два почти симметрично расположенных отверстия, в которые был вставлен металлический штырь. Его концы выведены наружу и загнуты навстречу друг другу. Надо полагать, что такая форма штифта препятствовала расхождению краев втулки крюка (рис. 4, 2).

Кроме металлических скоб, для этих же целей использовались завязки из ремней и, возможно, других органических материалов. Хотя эти материалы плохо сохраняются в археологических памятниках, все же известны два достоверных случая их использования. Один из них зафиксирован воронежскими археологами. При исследовании богатого воинского погребения в Кондрашкинском кургане был найден медный наконечник копья с разомкнутой втулкой (рис. 4, 8). Описывая эту находку, авторы публикации, в частности, отмечают: «У нижнего края втулки, напротив друг друга проделаны небольшие подпрямоугольные отверстия, через которые был пропущен кожаный ремень. Следы от ремня фиксировались с внешней стороны втулки» (Пряхин и др. 1989: 6, рис. 4, 1). Назначение этого ремня не вызывает сомнений — он стягивал края втулки. После того, как он истлел в земле, эти края разошлись и в таком виде наконечник дошел до наших дней. Интересен он еще двумя деталями: местонахождением отверстий и их формой. Также, как прорезы для скобы у былымского экземпляра, они немного смещены от ли-

нии диаметра втулки. Это указывает, что их не использовали для штифта или штифтовой завязки. Обращает на себя внимание их прямоугольные очертания. Видимо, такая форма прорезей обусловлена самими свойствами такого материала, как кожа. Из нее было удобно вырезать ремни прямоугольного или квадратного сечения.

Другой наконечник с остатками кожи был найден в погребении эпохи средней бронзы в Саратовском Поволжье (Ляхов 1996: 78, рис. 2). Он примечателен тем, что его втулка была обмотана кожаным ремешком. Кроме того, в верхней и нижней частях втулки были пробиты две пары прямоугольных отверстий (рис. 4, 7). Автор публикации, отметив эти особенности наконечника, не определил их назначение. Это попытались сделать С. Н. Братченко и С. М. Санжаров. По их мнению, ремешок использовался как дополнительное средство крепления наконечника к древку (Братченко, Санжаров 2001: 81). Но материалы, приведенные выше, подсказывают другое решение этого вопроса. По всей вероятности, ремешок использовался для того, чтобы стянуть и закрепить в сомкнутом положении продольные края втулки. В пользу этого говорит то обстоятельство, что остатки ремешка прослеживаются по всей длине втулки. Его концы, видимо, крепились в прямоугольных отверстиях, пробитых в нижней и верхней частях втулки.

Можно выделить еще ряд наконечников, для скрепления втулок которых использовались завязки из каких-то мягких материалов. Правда, они опознаются по некоторым косвенным признакам, так как сами завязки, по понятным причинам, не сохранились. Как нам кажется, такого рода признаки хорошо выражены у двух наконечников из Покровского (кург. 15, погр. 2) и Балановского (могила 15) могильников. У первого их них в нижней части втулки проделаны два сравнительно больших отверстия округлой формы (рис. 4, 4). По мнению О. А. Кривцовой-Граковой (1955: 63; рис. 14, 8) они предназначались для штифта. С этим, однако, трудно согласиться. Дело в том, что эти отверстия сдвинуты от линии диаметра втулки и расположены вблизи ее несомкнутых краев. Если через них пропустить штифт, то он пройдет через сегмент древка, минуя его центральную часть. От такого крепления толку не будет. Но подобное расположение отверстий необходимо для того, чтобы стянуть и связать разомкнутые края втулки. Здесь следует напомнить, что аналогичным образом размещены прорези для скобы и ремня у былымского и кондрашкинского наконечников.

Видимо, схожую конструкцию имел балановский наконечник из одноименного могильника в Чувашии (Бадер 1963: 177–178, рис. 115, 1). Можно предполагать, что его втулка была стянута кожаным ремешком квадратного сечения (рис. 4, 3). В пользу этого свидетельствует местоположение отверстий на втулке, их размеры и форма. Интересно отметить, что края отверстий были утолщены и притуплены. Вероятно, это было сделано для того, чтобы предотвратить перетирание ремешка.

Эти же признаки позволяют включить в рассматриваемую серию большую группу наконечников из Закавказья (около 40 экз.). Краткие сведения о них приводит К. Пицхелаури (Picchelauri 1997: 54, 57–59, Taff. 71, 1209–1211, 1216, 1227; 79, 1426–1430, 1432, 1435; 80, 1453, 1454, 1457, 1460, 1463, 1 466–1468; 81, 1469, 1471, 1472, 1478, 1479; 82, 1506, 1509, 1510, 1515, 1517–1519, 1521, 1525, 1532; 83, 1540, 1548, 1549, 1555, 1558). По местной периодизации они датируются эпохами средней и поздней бронзы. Все эти наконечники снабжены круглыми или реже прямоугольными отверстиями, которые располагаются вблизи продольных краев втулок. Особо следует выделить наконечники с двумя парами отверстий (Picchelauri 1997: 58, Taff. 81, 1466, 1467, 1469, 1548). В этом отношении они напоминают саратовский экземпляр. Очевидно, две завязки должны были гарантировать более прочное и надежное скрепление втулки.

Проведенный обзор не исчерпывает всех доступных сейчас материалов. Но на наш взгляд, он и так достаточно хорошо показывает, что многие кованые наконечники копий и дротиков были снабжены специальными приспособлениями для стягивания втулок. Эти приспособления не имели прямого отношения к средствам крепления древков. Вместе с тем, выяснилось, что, за редким исключением, такие наконечники не имели штифтовых отверстий. К этому следует добавить, что нет их также и у многих цельнолитых наконечниках эпохи поздней бронзы Восточной Европы (Klocko 1995: Abb. 7, 3, 4; 10, 1; 11, 3, 5, 6; 14, 2; 15, 4; 18, 3; 19, 2; 20, 3).

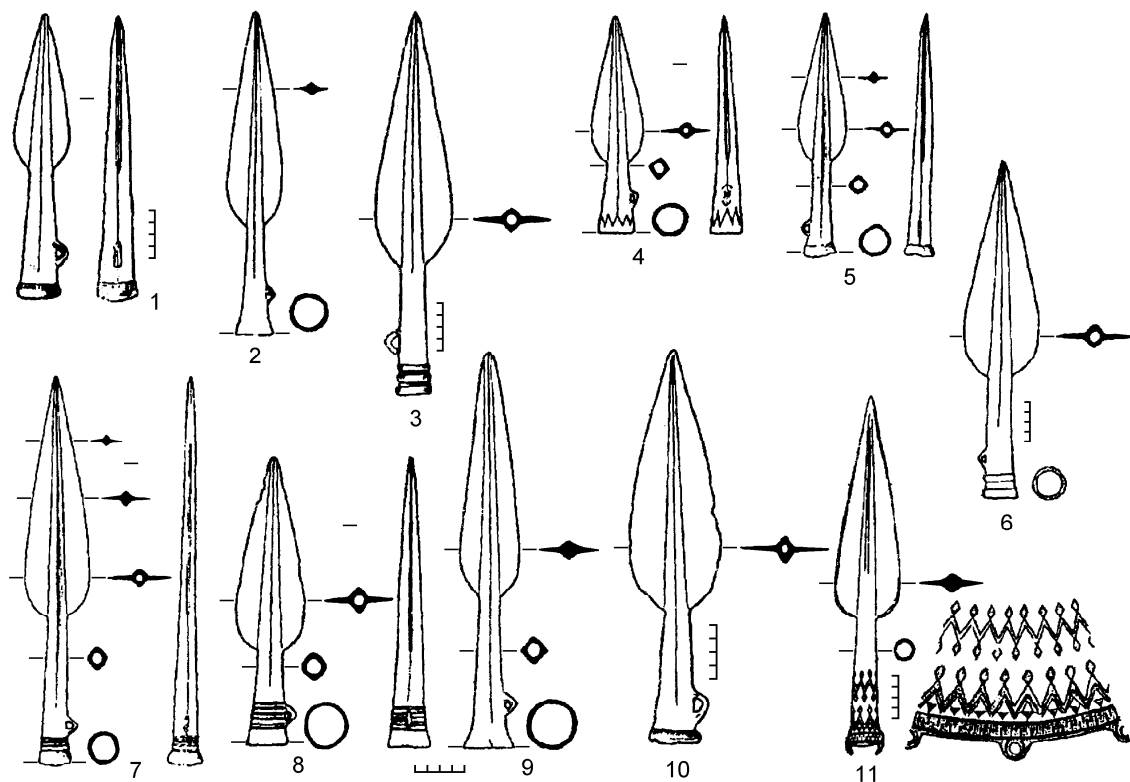

Рис. 2. Наконечники копий сейминского типа: 1 — Курск; 2 — Засечное; 3 — Симбирская губ.; 4 — Карамыш; 5, 7 — Сейма; 6 — Каргулино; 8 — Решное; 9 — Каменск-Уральский; 10 — Подгремячинская; 11 — Бородинский клад (по Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых)

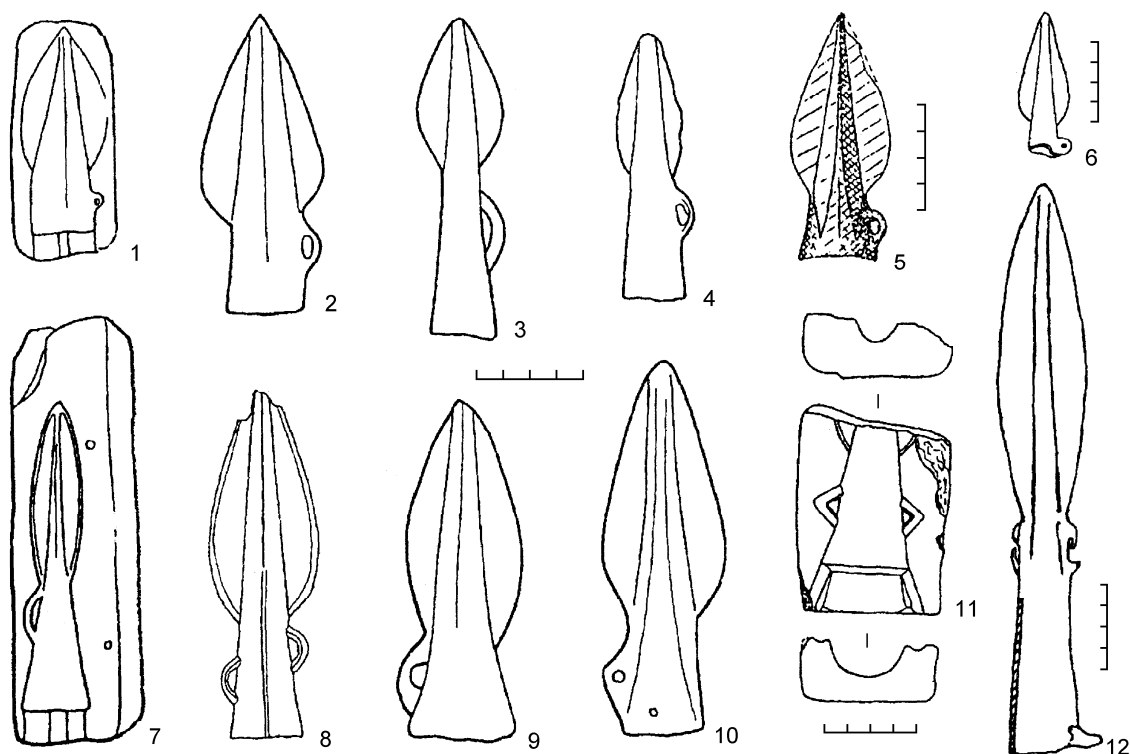

Рис. 3. Наконечники копий с ушками эпохи поздней бронзы в Восточной Европе
1 — Старая Мать; 2 — Красный Яр; 3 — Каменная Балка; 4 — собрание ГЭ; 5 — Ульяновск;
6 — Тетюшский уезд; 7 — Малые Копены; 8 — Яндашево; 9 — Бочкарёвка; 10 — Кассиво;
11 — Подборновское пос.; 12 — Большой Толкай (5 — по Г. М. Бурову; 6 — по Е. Н. Черных;
8, 11 — по С. В. Кузьминых; 9 — по В. А. Иванову, М. Ф. Обыденному; 12 — по П. Ф. Кузнецову)

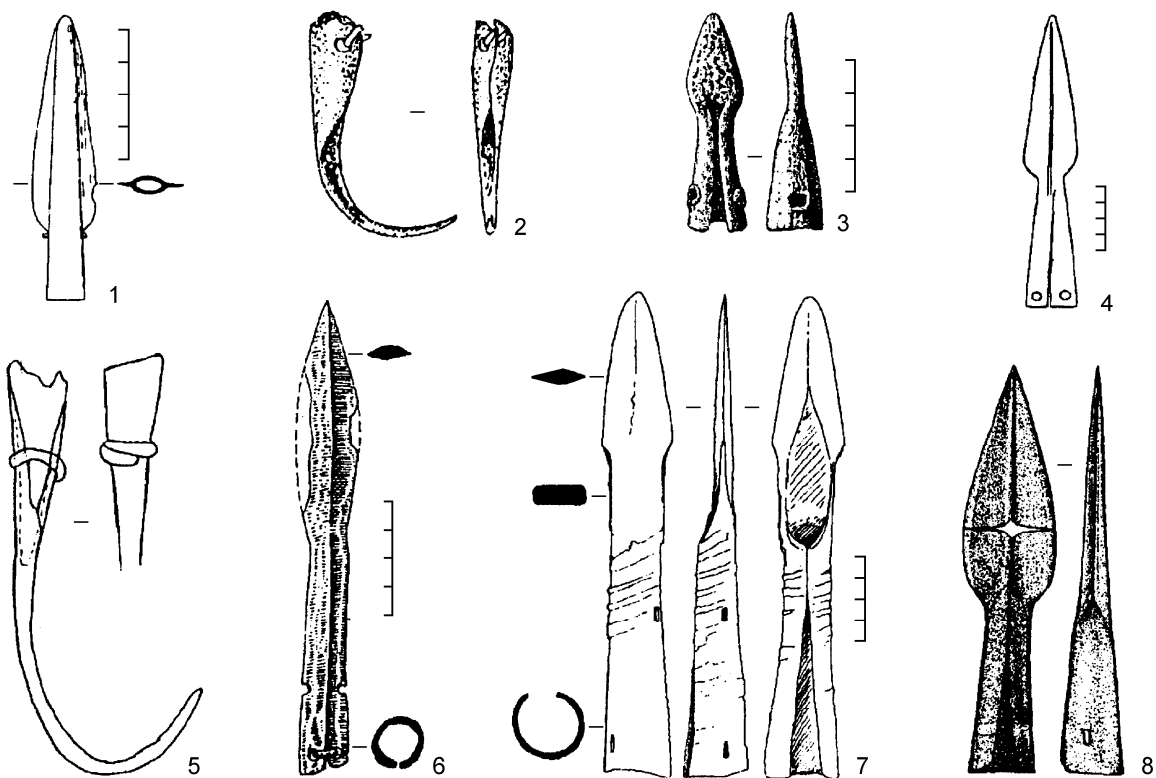

Рис. 4. Наконечники копий и крюки эпохи бронзы: 1 — Сколье дель Тонно, Италия; 2 — Мосоловское пос.; 3 — Балановский мог.; 4 — Покровский мог; 5 — Ивановское пос.; 6 — Былымский клад; 7 — Сторожовка; 8 — Кондрашкинский кург. (1 — по Г. Мюллеру-Карпе; 2, 8 — по А. Д. Пряхину; 3 — по О. Н. Бадеру; 4 — по О. А. Кривцовой-Граковой; 5 — по Н. Л. Моргуновой, О. И. Пороховой; 6 — по В. И. Козенковой; 7 — по С. В. Ляхову)

Очевидно, все эти изделия крепились к древкам не с помощью штифтов, а каким-то иным способом. Из этого следует, что отсутствие штифтовых отверстий у наконечников с ушками еще не означает, что ушки заменяли штифты. С другой стороны, совмещение этих элементов на одних и тех же изделиях говорит в пользу того, что они предназначались для различных целей.

Данные, приведенные выше, вызывают скептическое отношение к точке зрения, согласно которой ушки использовались для крепления древков. Возникшие сомнения побуждают искать решения этого вопроса в другом направлении. С этой целью обратимся к рассмотрению древнейших образцов ушковых наконечников Северо-Восточной Евразии.

Такие наконечники известны в сейминско-турбинских памятниках, основная масса которых протянулась полосой вдоль южной кромке лесов от Алтая до устья Оки. Согласно новым данным, они появились в Восточной Европе в начале II тыс. до н. э., а в Сибири, вероятно, и несколько раньше (Бочкарёв 2002б: 115). Эти памятники представлены рядом могильников и большой серией единичных находок. В них содержится богатый и яркий материал, в котором доминирующее положение занимают металлические предметы вооружения — кинжалы, боевые топоры-кельты, наконечники копий и т. д. (Черных, Кузьминых 1989: 37–125).

Сейминско-турбинские наконечники принято подразделять на два основных типа. К первому из них относятся изделия с вильчатым стержнем пера (турбинский тип), а ко второму — с ромбическим (сейминский тип) (рис. 1–2). Каждый из этих типов стал родоначальником нескольких разновидностей наконечников, которые получили распространение уже во второй половине II тыс. до н. э. Прежде чем приступить к рассмотрению этих наконечников, необходимо хотя бы коротко затронуть вопрос об их функциях.

В оружейведческой литературе обычно выделяют не менее пяти категорий древкового оружия: стрелы, копья, дротики, пики и т. д. (Farot 2000: 40–48). В древности наибольшее распространение получили первые три категории. Во всяком случае, их называют чаще всего при описании вооружения различных евразийских культур эпохи бронзы. Между тем, в археологии еще не разработаны надежные критерии их идентификации. Чаще всего в качестве разграничительных признаков используются данные о длине наконечников. Самые крупные из них причисляют к копьям, а самые маленькие — к стрелам. Дротикам отводят серединную позицию (Кирпичников 1966: 23). В принципе, эта градация имеет объективные основания. Проблема, однако, заключается в том, что пока не удается определить метрические показатели этих подразделений. В особенности это касается наконечников копий и дротиков.

Изучение материалов эпохи поздней бронзы Восточной Европы показало, что наконечники стрел легко выделяются благодаря своим небольшим размерам. Вместе с тем выяснилось, что для идентификации наконечников копий и дротиков требуется корреляция нескольких признаков. К их числу относятся данные о морфологических особенностях изделий (тип наконечника), диаметре его втулки (по нижнему срезу) и длине. Некоторые разъяснения необходимо сделать в отношении второго признака, так как в литературе его значение должным образом еще не оценено. Из исторических и этнографических источников известно, что копья и дротики различаются между собой по нескольким показателям. В частности, они имеют разную длину и толщину древков. Последний параметр определяет диаметр втулки наконечника. У наконечников копий он должен быть заметно больше, чем у дротиков и, конечно, стрел. Анализ конкретного материала, особенно стрел, подтверждает это положение.

Корреляция указанных признаков позволила выделить среди цельнолитых наконечников эпохи поздней бронзы Восточной Европы три достаточно компактных группы (рис. 5). В первую из них, в основном, вошли наконечники турбинского и сейминского типов, во вторую — их поздние дериваты (рис. 3) и в третью — наконечники красноаяцкого типа (рис. 6).

С большой долей вероятности изделия первой группы могут быть причислены к наконечникам копий. Они отличаются крупными размерами их длина колеблется в пределах 20–40 см), классическими пропорциями и формой, а также большим диаметром втулки (3 и более см). Почти прямо противоположные характеристики имеют наконечники красноаяцкого типа (группа 3).

В подавляющем большинстве случаев это небольшие изделия длиной 12–18 см и с малым диаметром втулки — 1,4–2 см. Особо следует отметить форму их пера. Оно имеет ромбическую головку, от которой резко сужается книзу и далее идет параллельно краям втулки почти до самого ее устья (рис. 6, 1–10). Нижняя узкая часть пера не затачивалась и, видимо, выполняла функцию стабилизатора. Эти морфологические особенности, а также размеры указывают на то, что большинство изделий красноаяцкого типа могли использоваться в качестве наконечников дротиков. Исключение составляет только несколько крупных экземпляров с большим диаметром втулки. Они, видимо, использовались как наконечники копий или специальных наконечников. Один из них снабжен у основания пера двумя коваными кольцами, напоминающими валюты-перекрестья кинжалов сосновомазинского и красноаяцкого типов.

Интересен состав второй группы. По преимуществу в нее вошли длинноперые наконечники, многие из которых снабжены ушками. Большинство из них датируется началом второй половины II тыс. до н. э. Обращают на себя внимание размеры этих изделий. Их длина варьирует в пределах 7–18 см, а диаметр втулки — 2–3 см. Согласно первому из этих показателей они равны или, как правило, меньше красноаяцкого типа, а согласно второму — занимает промежуточную позицию между изделиями первой и третьей группами. Если придерживаться принятых здесь критериев, то их нельзя относить ни к дротикам, ни к копьям. По всей вероятности, они представляют особую разновидность изделий, интерпретация которых будет дана ниже.

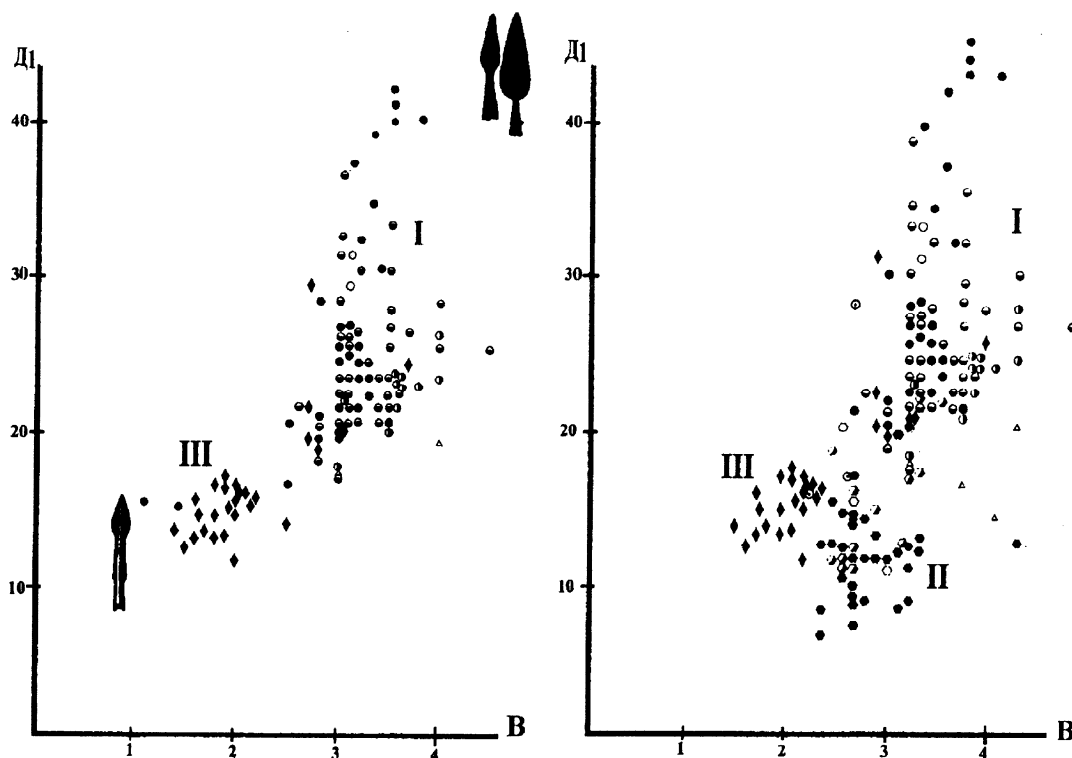

Рис. 5. Восточноевропейские копья эпохи поздней бронзы. Корреляция длины и диаметра втулок наконечников. Д1 — длина наконечников; В — диаметр их втулок (размеры в см)

Итак, проведенный анализ позволил выделить несколько категорий древкового оружия. Каждая из них опознается по достаточно определенным типологическим и, что особенно важно, параметрическим критериям. Выяснилось, что в течение эпохи поздней бронзы наборы этого оружия менялись. Так, настоящие дротики (красномяцкий тип) появились сравнительно поздно (около XIII в. до н. э.) и просуществовали короткий промежуток времени. Кстати, они никогда не имели ушек. В раннюю пору эпохи поздней бронзы использовались стрелы и копья. Классическими образцами копий этого времени могут считаться наконечники турбинского и сейминского типов, к рассмотрению которых мы сейчас возвращаемся.

Изделия первого из указанных типов известны в количестве 41–42 экз. Заметно больше наконечников второго типа — 60 экз. Как уже говорилось, основное различие между этими типами обусловлено особенностями строения стержня пера. У турбинских наконечников стержень имеет вид трехзубой вилки с очень удлиненным средним зубом, а у сейминских — он представляет собой конусовидный штырь ромбического или округло-ромбического сечения (рис. 1–2).

Кроме того, каждый из этих типов имеет еще ряд мелких особенностей, на которые редко обращают внимание. Но их следует охарактеризовать, так как они важны для нашей темы. Одним из таких отличительных признаков являются пропорции наконечников. Эти пропорции, или индексы, выделяются по очень простой формуле: $D_2/D_1 \times 100$, где Д1 — длина наконечника, а Д2 — длина его пера. Сравнение индексов наконечников трех типов — покровского, сейминского и турбинского — дало следующие результаты (рис. 7). Оказалось, что в турбинском типе преобладают длинноперые наконечники (индексы: 65–70–75), а в сейминском — изделия средних пропорций (индексы: 55–60–65). Также примечательно, что среди турбинских наконечников полностью отсутствуют экземпляры с самыми низкими индексами (50–55), а среди сейминских — с предельно большими (70–75). Что касается наконечников покровского типа, то они, в основном, представлены короткоперыми изделиями (индексы: 50–55–60). В этом отношении они близки более древним наконечникам абашевской культуры.

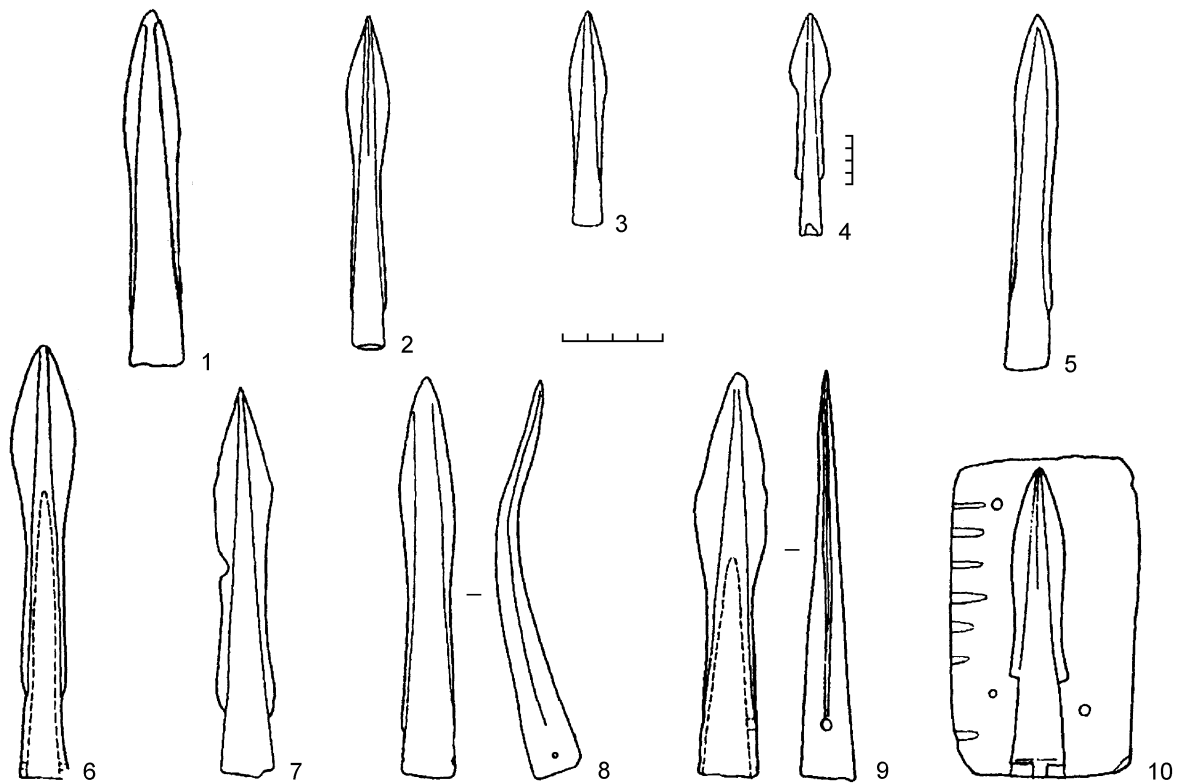

Рис. 6. Наконечники красномяцкого типа:

1 — Романково; 2 — Херсонские Кучугуры; 3 — Киевская и Подольская губ.; 4 — Красная; 5 — Мигея; 6 — Игрень; 7 — Кальмиус; 8 — Селище; 9 — Лозово; 10 — Красный Маяк

Типы	Индексы				
	51–55	56–60	61–65	66–70	71–75
Покровский	50 %	37,5 %	12,5 %		
Сейминский	4,5 %	20,5 %	47,7 %	27,3 %	
Турбинский		3,7 %	22,2 %	55,6 %	18,5 %

Рис. 7. Процентные соотношения индексов у трех типов восточноевропейских наконечников копий эпохи поздней бронзы

Другие отличия связаны с устройством втулки изделия. У большинства наконечников сейминского типа (66,6 %) ребро со стержня переходит на выступающую часть втулки. Иногда оно опускается почти до самого его устья (рис. 2, 1–10). Между тем, у турбинских наконечников ребро никогда не выходит за пределы стержня пера.

Следует отметить еще одну характерную черту изделий сейминского типа. Края втулок многих из них снабжены манжетами, раструбами или 2–3 сравнительно массивными валиками (рис. 2, 1–5, 6, 7, 9–11). Чаще всего встречаются валики и особенно манжеты. У некоторых экземпляров верхний край манжеты имеет зубчатую кромку. В этом отношении они близки кованому наконечнику верхнекизильского типа из Турбинского могильника (Бадер 1964: 63, рис. 40). Он также снабжен манжетой с зубчатым краем. Но она выполнена в техникековки и представляет собой отворот (обшлаг) нижней части втулки. Этот экземпляр относится к числу древнейших образцов наконечников с манжетами. Что касается наконечников турбинского типа, то приустьевая часть их втулок оформлена предельно просто. Она представляет собой гладкую трубку, которая постепенно расширяется и утолщается книзу.

Перечисленные отличия двух основных сейминско-турбинских типов наконечников имеют вполне рациональное объяснение. Судя по всему, они вызваны локально-хронологическими причинами. Картографирование показало, что находки турбинского типа хорошо и примерно в равных количествах представлены как в Южной Сибири (включая Алтай), так и в Восточной Европе (Черных, Кузьминых 1989: рис. 38). Правда, к западу от Урала их ареал сравнительно узок и не выходит за пределы лесной зоны (единственное исключение — Бородино). Кроме того, во всех достоверных случаях они всегда приурочены к сейминско-турбинским памятникам и, соответственно, не встречаются в инокультурных комплексах. Поэтому в Восточной Европе эти наконечники исчезают вместе с сейминско-турбинскими древностями. Иначе сложилась их судьба в Южной Сибири. Там они получили прямое продолжение и развитие (рис. 8, 3–5, 7–9).

По-другому обстоит дело с наконечниками сейминского типа. Они практически отсутствуют в Сибири. Все их находки, за исключением четырех (три на территории Казахстана и один в Омской обл.) сосредоточены в Восточной Европе (Черных, Кузьминых 1989: рис. 41). Причем, они встречаются во всех основных ландшафтных зонах (в лесной полосе, степи и лесостепи). В соответствии с этим наконечники с ромбическим стержнем пера оказались связанными не только с памятниками сейминско-турбинского типа, но и с целой свитой волго-уральских культур начальной поры эпохи поздней бронзы. В некоторых из этих культур было налажено их производство. К сказанному следует добавить, что они явились прототипами для нескольких разновидностей восточноевропейских наконечников более позднего времени.

Географическая обособленность и разнородность культурной среды лишь отчасти объясняют своеобразие этих типов. Здесь имеет значение также хронологический фактор. Есть основание предполагать, что наконечники сейминского типа возникли несколько позднее турбинских и на основе последних. Эта идея была впервые высказана О. Н. Бадером. Он также пришел к выводу, что Турбинский могильник в целом старше Сейминского (Бадер 1964: 142–151). В специальной работе мы попытались развить эти положения О. Н. Бадера и привести некоторые дополнительные аргументы в их пользу (Бочкарёв 1986: 78–109). В частности, в ней утверждалось, что Турбинский могильник синхронизируется с абашевской культурой, а Сейминский — с постабашевской свитой волго-уральских культур. Ростовкинский могильник и поселение Самусь-4 предположительно относились к более позднему времени, чем Сейма (Бочкарёв 1986: 108). Сейчас, в свете новых данных, в эту схему необходимо внести некоторые уточнения и поправки. В основном, они касаются хронологической позиции Сеймы и Ростовки, а также их временному соотношению с волго-уральскими культурами начальной поры эпохи поздней бронзы. Прежде всего отметим, что эти новые данные подтверждают более поздний возраст Сеймы и Ростовки по сравнению с Турбинским могильником. Во-вторых, придется признать, что они являются одновременными памятниками и вместе с тем старше, чем Самусь-4. Доступные сейчас материалы позволяют синхронизировать Сейму и Ростовку с синташтинской и отчасти петровской культурами в Южном Зауралье и с памятниками покровского типа в Поволжье и в Среднем Подонье. Эта уточненная хронологическая схема излагается здесь предельно кратко, в тезисной форме. Но некоторые аргументы в ее пользу можно найти в работах других авторов (Кузьмина О. 1995: 27–51).

Если признать хронологический приоритет Турбинского могильника, то тогда то же самое придется сделать в отношении наконечников копий одноименного типа. Дело в том, что в этом могильнике очень хорошо представлены наконечники с вильчатым стержнем пера (11 экз.) и совсем отсутствуют наконечники с ромбическим стержнем пера. Последние появляются в памятниках, которые согласно нашей схеме относятся к более позднему времени, чем Турбине.

Принимая во внимание эту хронологию, а также большое сходство турбинского и сейминского типов, можно поставить вопрос об их генетической преемственности. Ранее это уже было сделано О. Н. Бадером. Он же подчеркивал, что в морфологическом отношении эти нако-

нечники стоят друг к другу гораздо ближе, чем к каким-либо другим изделиям подобного рода. Что касается их различий, которые мы так усиленно подчеркивали на предыдущих страницах, то они имеют особую структуру.

Сравнительный анализ показывает, что турбинский тип представляет собой более целостное образование, чем сейминский. Он состоит из меньшего числа признаков, а частоты их встречаемости выше. В результате эти признаки более устойчиво коррелируют друг с другом, а сам тип легче опознается. Одним словом, в нем просматривается более строгое следование единой норме. Напротив, у наконечников сейминского типа разброс признаков гораздо шире, их больше и они реже сопрягаются друг с другом. Нередко они теряют те связи, которые для турбинского типа являются обязательными (например, связь ушка с орнаментом). Кроме того, у этих наконечников появляются новые элементы, которые в одних случаях являются результатом влияния местной волго-уральской металлообработки (например, укороченное перо, зубчатая манжета), а в других — техническими усовершенствованиями (появление ромбического стержня, более глубокая втулка, укрепление ее края валиками).

Чтобы правильно оценить эти различия, необходимо их соотнести с чертами сходства, которые связывают наконечники турбинского и сейминского типов. Как уже говорилось, это сходство столь значительно, что различия указанных типов выглядят как расхождения исходной формы (турбинский тип) и ее деривата (сейминский тип).

Таким образом, хронологические и типологические данные позволяют видеть в турбинском типе первичное звено развития, а в сейминском — вторичное. Конечно, эта последовательность имеет абсолютное значение только с точки зрения генезиса типов. В реальности они какое-то время сосуществовали, о чем свидетельствуют материалы некоторых могильников (Сейма, Решное). В соответствии с выводом о первичности турбинского типа, древнейшие образцы ушковых наконечников, очевидно, нужно искать в составе этого типа. Чтобы их выявить, необходимо продолжить сравнительный анализ наконечников копий, а также привлечь другие категории металлических изделий, снабженных ушками.

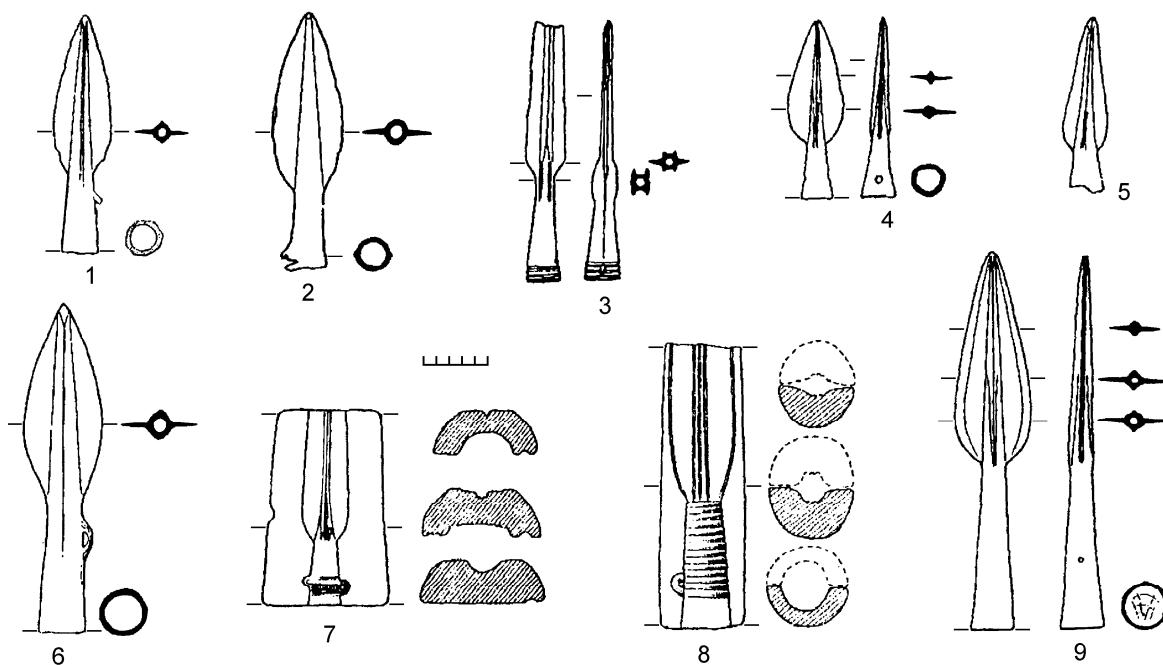

Рис. 8. Образцы копий эпохи поздней бронзы в Северной Евразии:

- 1 — Заосиново-4; 2 — Турбине; 3 — Тюриково; 4 — Золедеево; 5 — Изых; 6 — Яльчики;
7 — Иртыш; Самусь-4; 9 — Осинкинский мох (по Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых)

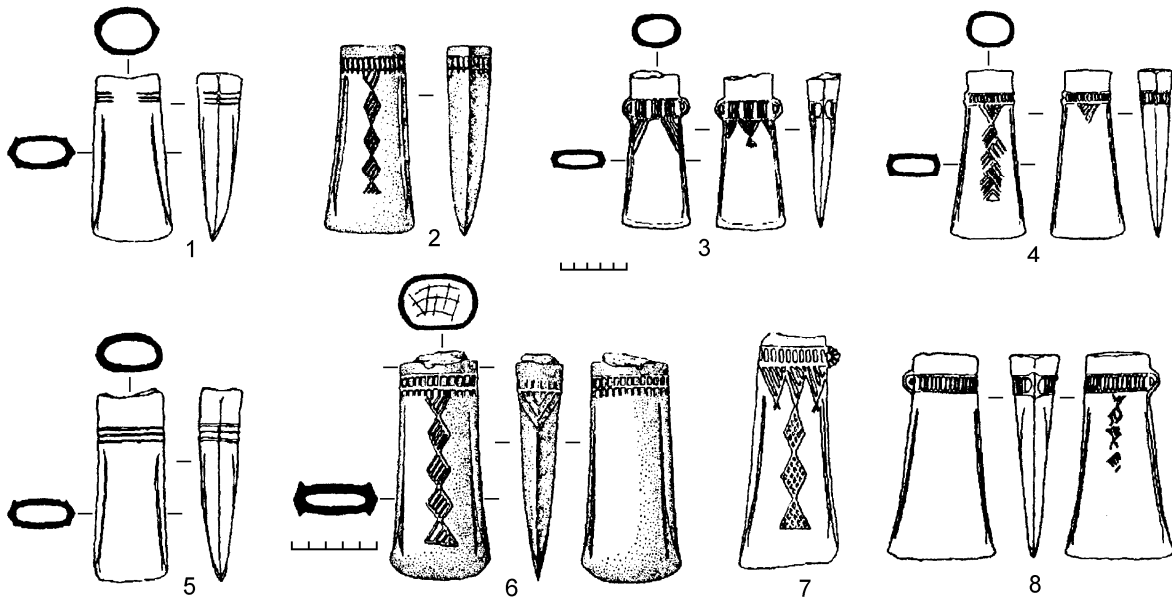

Рис. 9. Топоры-кельты эпохи поздней бронзы в Северной Евразии:
 1, 5 — Турбино-1; 2, 6 — Сейма; 3 — Смоленское; 4 — Колбинский хребет; 7 — Зарни-Яг;
 8 — Ростовка (по Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых)

Судя по статистическим данным, ушковые наконечники доминируют как в турбинском, так и в сейминском типах. В первом из них они составляют 72,5 %, а во втором — 79,6 %. Заметно выше их доля в сибирской коллекции наконечников с вильчатым стержнем — 90,4 %. По форме ушек, их размерам и местоположению на втулке особых различий между этими типами нет. Существенные отличия обнаруживаются в другом отношении. Оказалось, что у наконечников с вильчатым стержнем ушки всегда сопрягаются с орнаментальным пояском (Бадер 1963: 63; Бочкарёв 1986: 97; Черных, Кузьминых 1989: 65), а в сейминском типе такое сочетание отмечено только у 15,3 % наконечников.

В связи с этими данными необходимо коротко охарактеризовать сам орнаментальный пояс. Прежде всего, следует отметить, что он относится к числу самых распространенных мотивов сейминско-турбинской орнаментации. Им украшались наконечники копий и особенно часто топоры-кельты. Он представляет собой узкую горизонтальную полосу, заполненную продольными валиками (линейный, или турбинский пояс), вертикальными валиками (сейминская лесенка) или же выпуклым зигзагом (рис. 9).

Хорошо заметна избирательность в распределении первых двух разновидностей пояса. Так, у наконечников копий, украшенных пояском, в 98 % случаев встречается его первая разновидность. По каким-то причинам эти изделия никогда не украшались сейминской лесенкой. Это кажется особенно странным, если учесть, что в декоре кельтов того времени она получила очень широкое распространение. Лесенка зафиксирована лишь у двух сибирских наконечников, которые, однако, датируются уже постсейминским временем (рис. 8, 7).

Несколько иную картину дают кельты. В их орнаменте встречаются все три варианта пояса, но резко преобладает линейный пояс (34 %) и особенно лесенка (62,6 %). К этому нужно добавить, что кельты, украшенные линейным пояском, никогда не имеют ушек, а их орнаментальные композиции отличаются простотой. Эти орудия выделены в отдельный, турбинский тип (рис. 9, 1, 5). Кельты с лесенкой объединены в другой тип, названный сейминским (рис. 9, 2–4, 6–8). В большинстве своем они характеризуются усложненной орнаментальной композицией, а также появлением у ряда экземпляров одного или двух ушек.

Приведенные материалы показывают, что распределение двух основных вариантов пояска не было хаотичным и случайным. Напротив, каждый из них оказался прикрепленным к определенному типу изделий и с ним был связан ряд характерных особенностей этого типа. По этой причине вряд ли будет правильно рассматривать этот поясок в качестве ординарного декоративного мотива. По всей вероятности он имел какую-то особую семантическую нагрузку.

Можно привести еще один довод в пользу того, что поясок играл особую роль в оформлении некоторых категорий сейминско-турбинского оружия. Как уже говорилось, изучение соотношения ушек и пояска у наконечников с вильчатым стержнем показало, что первый из этих элементов всегда сопрягается со вторым. Но обратная связь между ними не является обязательным правилом. Об этом свидетельствуют находки безушковых наконечников турбинского типа, украшенных пояском (Черных, Кузьминых 1989: рис. 26, 3; 35, 1–2). В принципе, аналогичная картина наблюдается у сейминско-турбинских кельтов. В огромном большинстве случаев поясок у этих орудий не сопровождается ушками, но ушкам практически всегда сопутствует поясок (Черных, Кузьминых 1989: рис. 17, 4; 18, 3–5; 19; 20, 1, 3; 23, 1–2 — рис. 9, 3, 4, 7, 8).

Опираясь на приведенные данные, можно заключить, что наличие пояска является важны, или даже непременным условием появления ушек у наконечников с вильчатым стержнем и у сейминско-турбинских кельтов. В целом же, следует констатировать, что в своих исконных формах ушки были тесно связаны с пояском и в значительной степени зависели от него.

Но с течением времени орнамент претерпевает существенные изменения. Меняются также ушки. Иными становятся соотношения этих двух элементов в убранстве наконечников копий и кельтов. О том, как происходили эти процессы, позволяют судить материалы второй половины II тыс. до н. э. из Восточной Европы и Южной Сибири.

Их краткий обзор целесообразно начать с наконечников сейминского типа. Абсолютное большинство этих изделий (85 %) уже не украшались пояском, хотя очень многие из них продолжали снабжаться ушками. В последующий период у поздних дериватов этих наконечников поясковый орнамент полностью исчезает, но ушки встречаются довольно часто (рис. 3, 1–11). Еще позднее исчезают и сами ушки, правда, не окончательно. Они переходят в прорези на переконечников (рис. 14, 1–4, 6). Такой ход их трансформации может показаться неожиданным. Но он подтверждается анализом восточноевропейских наконечников, а также независимыми материалами с Британских островов и территории Китая. Эти материалы в очень ясной форме демонстрируют все звенья эволюции ушковых наконечников в прорезные.

Отсутствие полноценных источников не позволяет составить ясное представление о ходе развития наконечников копий и дротиков на территории Южной Сибири. Известно лишь, что здесь, на основе наконечников турбинского типа возникает несколько новых разновидностей этих изделий. Некоторые из них имеют ушки и поясковый орнамент, а у других они отсутствуют (рис. 8, 3–5, 7–9). К этому следует добавить, что в Южную Сибирь в небольшом количестве проникают прорезные наконечники копий и дротиков.

Несравненно более многочисленные и разнообразные материалы по интересующей нас теме предоставляют топоры-кельты. Следует только иметь в виду, что процессы их эволюции и трансформации отличались сложностью и локальным своеобразием.

На территории Восточной Европы сейминско-турбинские кельты сменяются орудиями дербеденовской и лобойковской групп (рис. 10, 1–6). Первая из них занимает районы Приуралья и Среднего Поволжья, а вторая — Левобережной Украины и Среднего Поднепровья. С типологической точки зрения, лобойковскую группу можно рассматривать в качестве локального варианта дербеденовской (Бочкарёв 2002б: 117). Кельты обеих групп снабжались ушками (дербеденовские — одним, а лобойковские — двумя), а также поясковым орнаментом. Поясок является обязательным признаком дербеденовских кельтов и сравнительно часто встречается у лобойковских. Он представлен как традиционными вариантами (сейминско-турбинскими), так и новыми — косой лесенкой, многорядным зигзагом, вложенными углами и т. д. По числу ва-

риантов лобойковско-дербеденовский поясok значительно превосходит сейминско-турбинский. Но в самом этом факте можно усматривать признаки упадка пояскового орнамента. Дело в том, что его разнообразие достигалось, в основном, за счет отступления от старых канонов, свойственных сейминско-турбинским образцам. В нем заметно смешение нескольких разнородных мотивов, некоторая беспорядочность в использовании различных вариантов пояска. Кроме того, у многих лобойковских кельтов ушки и поясok уже не соответствуют друг другу, как по местоположению, так и по размерам. Наблюдается также замещение пояска другими орнаментальными мотивами. Иногда он вообще исчезает или перемещается в другие части композиции.

Начиная с позднесабатиновского времени (около XIII в. до н. э.), поясковый орнамент практически выходит из употребления. Но ушки на кельтах сохраняются до конца эпохи бронзы. Правда, их форма постепенно меняется (с округлой на овальную), а сами они, как правило, увеличиваются в размерах. Поздние восточноевропейские кельты иногда украшались орнаментом, у которого незаметна уже какая-либо связь с ушками.

Приблизительно в то же самое время, что и в Восточной Европе, в Западной Сибири и на Алтае также появляются две новые группы кельтов — самусьская и кижировская (Черных, Кузьминых 1989: 146–157, рис. 75–79; 80, 1–6). По мнению многих исследователей, эти группы возникли в результате прямого развития сейминско-турбинских кельтов.

Самусьские кельты пока нам известны только по находкам литейных форм, многие из которых сохранились в обломках. Судя по этим материалам, они представляли собой безушковые орудия, в основном украшенные линейным пояском (рис. 11, 1). Их генетическая связь с кельтами турбинского типа вообще не вызывает сомнения.

Столь же уверенно можно говорить о том, что кижировские кельты восходят к сейминским прототипам. Их коллекция состоит, в основном, из металлических изделий (рис. 11, 2–4). Практически все эти изделия имеют поясковый орнамент, который представлен множеством вариантов. В этом отношении они напоминают лобойковско-дербеденовские кельты.

Кижировские кельты отличаются двумя характерными чертами: ложными (несквозными) ушками и очень богатым, насыщенным орнаментом, который иногда называют ковровым. Во многих случаях орнамент заполняет почти всю поверхность широких (боковых) граней кельта. Расширение зоны орнамента, усложнение его структуры снижает роль пояска как центра композиции. Он как бы растворяется среди других элементов орнамента.

Анализ материала показал, что в большинстве случаев ложные ушки сопрягаются с ковровым орнаментом. Однако, обратная зависимость между этими элементами не носит столь регулярный характер. Исходя из этого, можно предположить, что деградация ушек у кижировских кельтов была связана с распространением коврового орнамента. В подтверждение этой гипотезы можно сослаться на кельты сейминского типа, у которых также отмечена зависимость ушек от определенного вида орнамента. У этих орудий она выразилась в том, что само появление петель-ушек было вызвано стремлением усилить орнаментальное убранство изделий и придать ему какое-то дополнительное значение. Конечно, важны были не сами ушки как таковые, а, надо полагать, подвески, которые к ним крепились. Иначе обстояло дело у кижировских кельтов. В процессе их формирования сейминский орнамент достиг такой насыщенности и выразительности, что ушки (подвески) становятся излишними. Они теряют свое практическое значение и превращаются в рудимент. Их воспроизводят по инерции, вообще свойственной типологическому развитию.

Несколько иное соотношение ушек и орнамента наблюдается у так называемых карасукских кельтов, которые в эпоху поздней бронзы были распространены в Минусинской котловине (рис. 11, 3, 4, 7, 8). По данным М. П. Грязнова, они развились из кельтов сейминского типа, в состав которых он также включил кижировские орудия (Грязнов 1941: 251–254, табл. I–III). Все эти кельты снабжены двумя ушками, которые расположены ниже края втулки и всегда примыкает к пояску. Эти признаки их, действительно, сближают с некоторыми сейминскими кельтами.

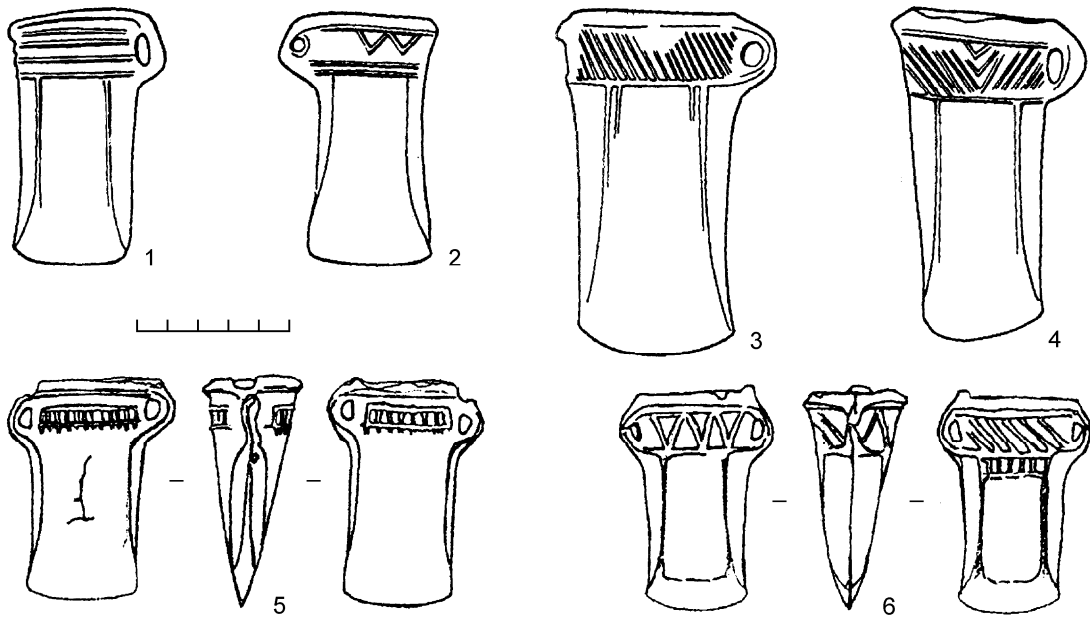

Рис. 10. Топоры-кельты дербеденовского и лобойковского типа:

1 — музей Татарии; 2 — г. Уральск; 3 — Оренбургская губ. (?); 4 — Дербеденовский клад;
 5 — Нижнехортицкий клад (1 — по Б. Г. Тихонову; 5–6 — по З. Х. Попондопуло)

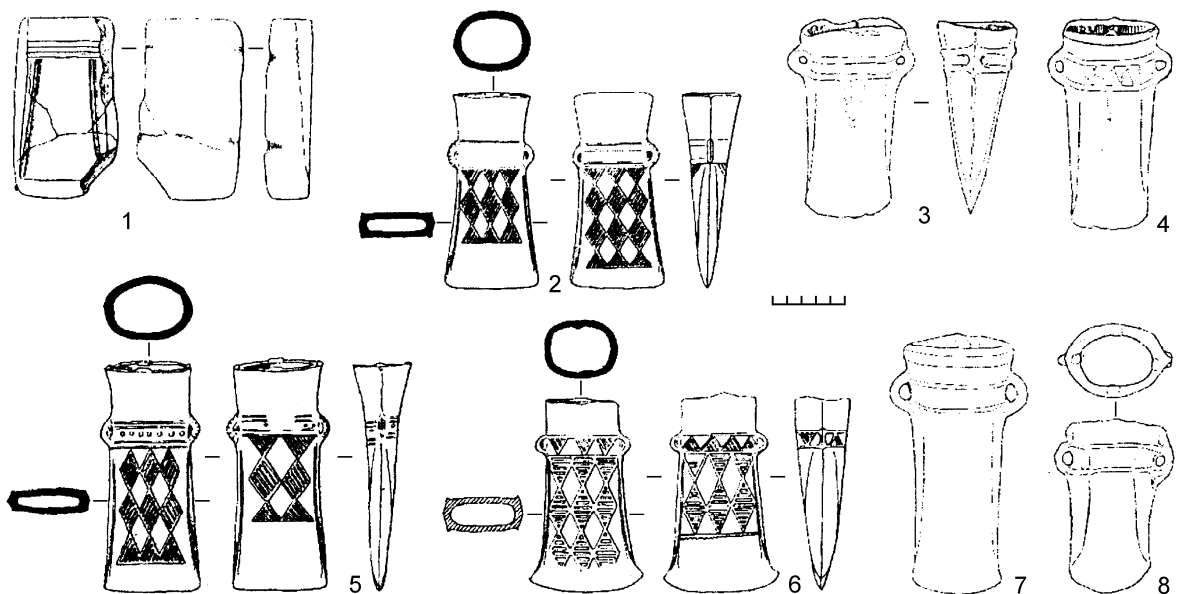

Рис. 11. Топоры-кельты эпохи поздней бронзы в Северной Евразии:

1 — Самусь-IV; 2 — Косиха; 3 — Белоярское; 4 — Лугавское; 5 — Кижирово; 6 — Войновка-Гилевая;
 7 — Коя; 8 — Тазмин улус (1–4 — по Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых; 5–8 — по М. П. Грязнову)

Но во всем остальном они достаточно оригинальны. В частности, их поясok мало похож на сейминско-турбинские образцы. В половине случаев он представляет собой ничем не заполненную горизонтальную полосу, выделенную тонкими валиками. У остальных кельтов в пространстве пояска размещаются простые криволинейные узоры (однорядный зигзаг, вложенные углы и т. д.). В целом, орнаментальное убранство этих кельтов значительно уступает наряду сейминских и тем более кижировских орудий. Используя некоторые восточноевропейские ана-

логии, обедненность орнамента «карасукских» кельтов можно объяснить возросшей ролью ушек (подвесок) в оформлении этих орудий.

Завершая обзор, подведем некоторые итоги. Прежде всего, отметим, что у сейминско-турбинских наконечников копий и кельтов достаточно хорошо выражена зависимость ушек от орнамента. Можно даже утверждать, что само их возникновение было стимулировано потребностью усилить орнаментальное убранство кельтов. Вероятно, орнамент и подвески, которые крепились к ушкам, имели какое-то важное символическое значение. Позднее, примерно с середины II тыс. до н. э., ушки превратились в самостоятельный и самодостаточный элемент убранства. Это приводит к постепенному затуханию и деструкции орнамента, особенно его поясковой разновидности. Ушки (подвески) как бы его заменяют и вытесняют. Но есть пример, который демонстрирует противоположный ход событий. Речь идет о кельтах кижировской группы. Избыточный характер их орнаментации вызвал отмирание ушек. И последнее замечание. Взаимосвязанное изменение орнамента и ушек позволяет предположить, что они имели очень близкое, или даже идентичное назначение.

Эти выводы, если, конечно, их признать правильными, до минимума сводят вероятность того, что ушки, действительно, использовались для крепления изделий к древкам и рукояткам. Относительно копий такая возможность была уже отвергнута с помощью других аргументов. Дополнительные доводы также можно привести для топоров-кельтов. Напомним, что в нашей литературе ушки этих орудий обычно рассматриваются как сугубо утилитарное приспособление. Полагают, что через них пропускались завязки, которые и удерживали топориче (Грязнов 1941: 252; Тихонов 1960: 42). Многим исследователям такой способ их применения кажется единственно возможным. Однако в действительности он не подкреплен каким-либо достоверным археологическим материалом. Между тем, такой материал сейчас известен. Имеются в виду находки из могильников культуры диян, которая в IV в. до н. э. — I в. н. э. была распространена на территории южно-китайской провинции Юньнань (Отчет... 1959; Итс 1976: 9; Деопик 1979: 62–67). В этих находках хорошо представлены бронзовые одноушковые кельты, у некоторых из которых сохранились крупные фрагменты деревянных топорич (рис. 12, 3, 4).

Оказалось, что у каждого такого кельта коленчатая рукоять была повернута в противоположную от ушка сторону. Интересен кельт с цельнолитой металлической рукояткой, которая вообще не требовала закрепления (рис. 12, 1). Но он также был снабжен ушком, расположенным на противоположной стороне от рукоятки.

Эти материалы были проанализированы немецким археологом Д. Шпеннеманом, который справедливо заключил, что ушки диянских кельтов не предназначались для крепления топорич. В этой связи он также рассмотрел европейские находки кельтов и пальштабов, у которых сохранились фрагменты рукояток. По его мнению, они не дают достоверной информации о назначении ушек этих орудий (Spennemann 1985: 129–135).

Конечно, эти данные китайских источников нельзя механически переносить на материалы других территорий и другого времени. Их следует рассматривать как своего рода этнографические параллели. В таком качестве они помогают понять, что конструктивные особенности многих восточноевропейских и сибирских кельтов противоречат традиционным представлениям о функциональном назначении ушек.

Такое несоответствие обнаруживается у двуушковых кельтов, которые были широко распространены в Северо-Восточной Евразии. Так вполне очевидно, что одно из ушек этих орудий занимало ту же позицию по отношению к рукояти, что и у кельтов культуры диян.

Иными словами, очень мало вероятно, что его использовали для крепления топорича.

О непригодности ушек для этой цели свидетельствует ряд других признаков кельтов Восточной Европы и Сибири. К их числу относятся следующие детали: расположение ушек ниже края втулки, малый диаметр их отверстий, наличие двух, а то и трех ушек у кельтов-тесел и т. д. Некоторые из этих признаков также характерны для диянских кельтов.

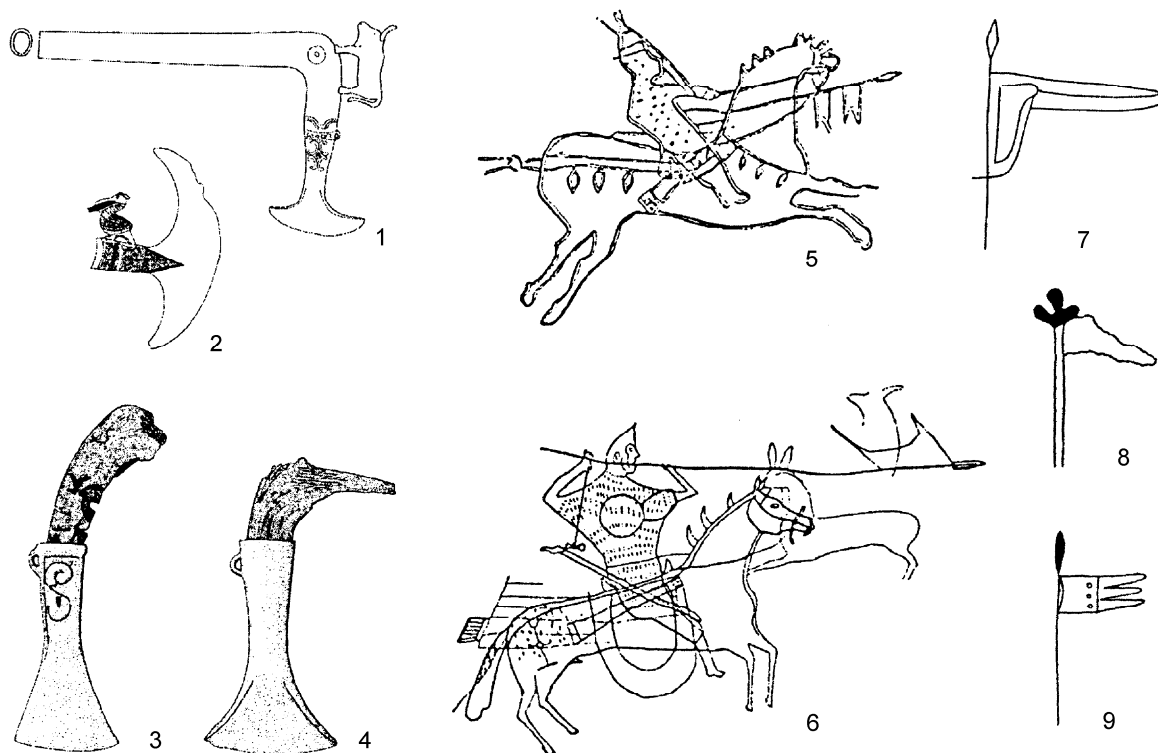

Рис. 12. Материалы эпохи поздней бронзы и средневековья из различных мест Северной Евразии: 1–4 — мог. Шичжайшань, Китай; 5, 6 — Сулекская писаница, Хакассия; 7 — Погорельщинский клад; 8 — болгарская рукопись XIV в.; 9 — ковер из Байе (1–4 — по Д. Шпеннеманну; 5–6 — по В. А. Могильникову; 7–9 — по И. Г. Добровольскому И. В. Дубову, Ю. К. Кузьменко)

В целом, кажется достаточно очевидным, что традиционное мнение, согласно которому ушки кельтов и копий использовались для крепления рукоятей и древков, не выдерживает критики. Судя по всему, они предназначались для другой цели. Однако определить ее достаточно сложно, так как прямые данные на этот счет практически отсутствуют. Имеются только косвенные свидетельства, некоторые из которых уже были рассмотрены. Теперь предстоит проанализировать остальные.

Обратимся вновь к исконным формам ушковых наконечников копий — изделиям турбинского типа. Как уже говорилось, их ушки всегда сопровождалась поясковым орнаментом. Кроме того, по местоположению и размерам они достаточно точно соответствуют друг другу. По этому поводу О. Н. Бадер заметил, что «ушко во всех случаях как бы обнимает пояска» (Бадер 1964: 63). Эта же черта характерна для кельтов сейминского типа. В целом, создается стойкое впечатление, что ушки являются своеобразным продолжением и завершением пояска. Поэтому не случайно, что некоторые из них также орнаментировались. Большой интерес вызывает наконечник копья турбинского типа, найденного южнее города Омска (Черных, Кузьминых 1989: рис. 31, 1). К его орнаментальному пояску примыкает скульптурное изображение хищника кошачьей породы (рис. 13, 5). С функциональной точки зрения, эта фигурка не поддается однозначному толкованию. По одной версии, она представляет собой зооморфное ушко. В пользу этого говорит ее связь с пояском и сквозное отверстие между лапами зверя. Через него можно было пропустить шнурок или узкий ремешок. Зооморфные ушки совсем не характерны для сейминско-турбинских бронз. Омский экземпляр является исключением. Но они известны среди материалов более позднего времени. Их можно встретить на некоторых тагарских кельтах (Грязнов 1941: табл. VI, 3, 7–9), на клевцах раннего железного века Восточной Европы и

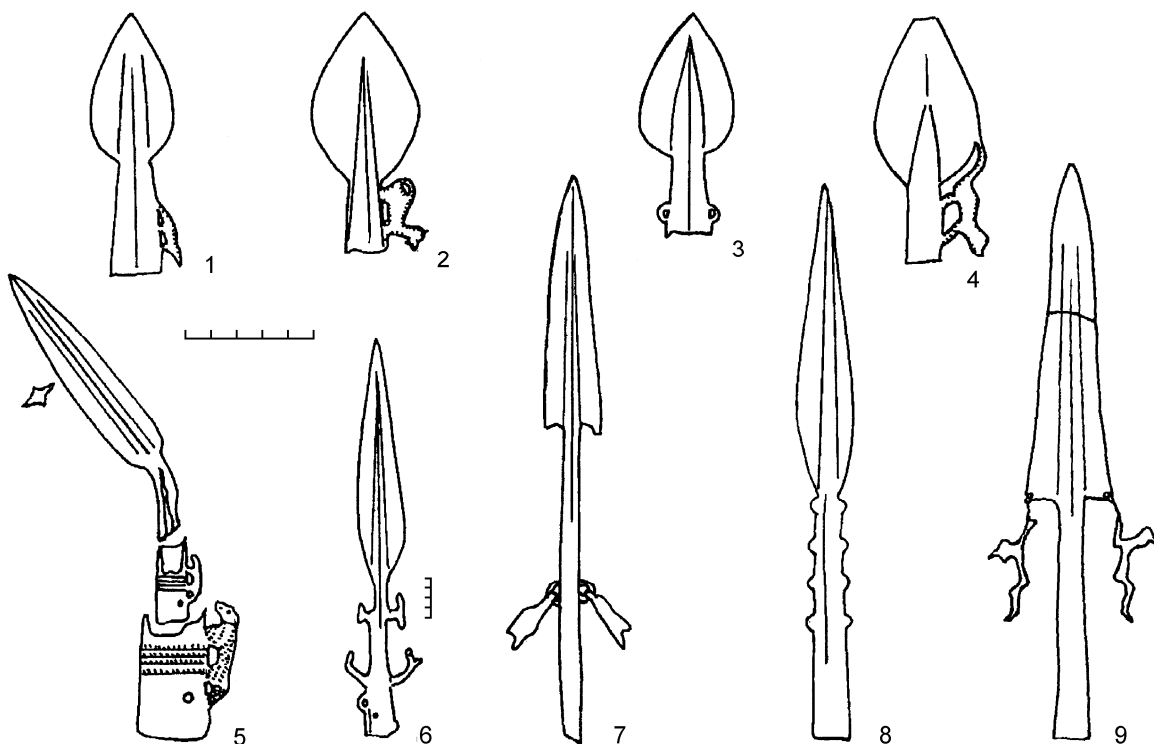

Рис. 13. Варианты использования ушек у копий: 1–4, 7–9 — мог. Шичжайшань, Китай; 5 — Омск; 6 — Джатыгар (1–4, 7–9 — по Отчету... 1959 г.; 5, 6 — по Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых)

Сибири (Членова 1967: табл. 7, 11, 15; Кузьминых 1986: табл. LVI, 1, 5, 7–12) и особенно часто — на кельтах и наконечниках копий культуры диян (рис. 13, 3, 4). Надо полагать, зооморфное обрамление предназначалось не для самих ушек как таковых. В любом случае они оставались вспомогательными приспособлениями. Это обрамление задумывалось как часть комплекса, в состав которого еще входила подвеска.

По другой версии фигурку омского наконечника можно рассматривать как слитное нерасчлененное воспроизведение ушка вместе с зооморфной подвеской. Такого рода отливки изредка встречаются на клевцах раннего железного века, копьях и кельтах культуры диян (рис. 13, 1, 2). На местах, где обычно у этих изделий помещались ушки, отлиты скульптурки животных, лишенных каких-либо приспособлений для крепления завязок.

Возможно, аналогичным образом следовало бы трактовать две пары литых фигурок на втулке наконечника копья сейминского типа из Северного Казахстана (рис. 13, 6), (Черных, Кузьминых 1989: рис. 44, 6). Они также не имеют сквозных отверстий, а их ярусное расположение напоминает горизонтальные ряды ушек на одном из наконечников культуры диян (рис. 13, 8). Кроме протом животных, североказахстанский наконечник был еще снабжен ушком. Сочетание этих двух элементов также встречается в материалах других культур, но весьма редко.

Рассмотренные варианты интерпретации омской находки не противоречат друг другу. Они исходят из одной и той же предпосылки, согласно которой ушки наконечников копий использовались для крепления различного рода подвесок. Вывод о таком их предназначении был уже изложен и отчасти обоснован на предыдущих страницах. Сейчас в его пользу могут быть приведены некоторые дополнительные аргументы. Для начала отметим, что с его помощью удается удовлетворительно объяснить некоторые, казалось бы, странные особенности целого ряда наконечников. Имеются в виду асимметричная позиция ушек относительно друг друга (рис. 3, 8, 11), их размещение в верхней части втулки (рис. 3, 7, 12), иногда под самым пером,

малый диаметр их отверстий и т. д. Эти особенности явно противоречат традиционным представлениям о функции ушек. Но они вполне соответствуют потребностям оснастить копьё подвесными изделиями символического назначения.

Как уже не раз заявлялось, подвески закреплялись на ушках. Но сведения о сам их этих изделиях крайне скудны. Вероятно, это связано с тем, что они изготавливались из мягких, органических материалов, которые не сохраняются до наших дней. Все же некоторые данные о них имеются, правда, в памятниках другого времени. Так, у одного из наконечников культуры диян к ушкам были подвешены два бронзовых колокольчика с железными язычками (рис. 13:7). Подобные колокольчики, также закрепленные на ушках, встречаются на скифских навершиях (Артамонов 1966: рис. 58, 61; Переводчикова 1980: 41). Возможно, это сходство не случайно. По мнению некоторых исследователей, ряд характерных элементов культуры диян возникли в результате влияний, идущих из евразийских степей (Деопик 1979: 62–67). Кроме того, нельзя исключить возможность, что диянский наконечник также использовался в качестве навершия.

Привлекают внимание и несколько зооморфных наверший раннего железного века из Хакасско-Минусинской котловины. Они интересны тем, что через их ушки были продеты цепочки, состоящие из двух–трех бронзовых колец. По мнению В. Л. Егорова, «за прилитые к навершию кольца привязывались развевающиеся на ветру полоски материи или кисти из конских хвостов» (Егоров 1967: 252) Этот вывод он делает по аналогии с древнеперсидскими штандартами и скифскими военными значками, которые снабжались подобными атрибутами. Попутно он замечает, что к ушкам наконечников копий эпохи поздней бронзы «прикреплялись кисти из конских волос, служивших каким-то отличительным воинским знаком или имевших охранное значение» (Егоров 1967: 252).

Из контекста работы В. Л. Егорова можно понять, что ушковые наконечники копий он склонен рассматривать в качестве одной из разновидностей штандартов. В самой работе это положение не обосновывается. Но оно кажется вполне вероятным, учитывая историческую перспективу развития наконечников копий, оснащенных подвесными значками и эмблемами. Для эпохи раннего средневековья достаточно надежно установлено, что они были одним из источников возникновения боевых стягов и штандартов (Алярд 1911; Рабинович 1972: 176; Дмитриев 2002: 47 и сл.). У многих из этих регалий долгое время, а кое-где вплоть до наших дней сохранялись копьевидные навершия древков. М. Г. Рабинович, анализируя древнерусские материалы, отметил, что «древком стяга могли служить и обыкновенное копьё — «стружие»... Позднейшие навершия знамен в виде прорезного копьеца являются развитием этой формы» (Рабинович 1972: 176). Стяги и знамена, древки которых увенчаны копьевидными наконечниками, зафиксированы на рисунках Радзивиловской летописи, граффити восточных монет из Скандинавии и Восточной Европы и на некоторых других западноевропейских памятниках (рис. 12, 7, 9). Примечательно, что в качестве наверший древков так же использовались христианские кресты и трезубцы — родовые знаки Рюриковичей (рис. 12, 8).

Не в меньшей степени описанное явление характерно для Центральной Азии (Дмитриев 2002: 53–63, рис. 5; Esin 1972: 14–33). В качестве примера сошлемся на знаменитую Сулекскую писаницу из Хакассии (Степи Евразии... 1981: 42, рис. 21, 4–5). На ней, кроме прочих изображений, есть две фигуры всадников с копьями наперевес. Одно из копий снабжено двумя флажками, а другое — одним (рис. 12, 5, 8).

Эти данные, полученные из достоверных исторических источников, позволяют по новому оценить функциональное назначение ушковых наконечников копий эпохи поздней бронзы Северо-Восточной Евразии. Конечно, сами по себе они принадлежали к числу очень дорогого и престижного оружия. Но дело не только в этом. Благодаря подвесным регалиям они приобретали особый статус и важное символическое значение. Вероятно, этим обусловлен ряд их признаков, которые кажутся необычными для рядовых наконечников копий. Так, некоторые из них были отлиты из серебра, украшены золотой инкрустацией и орнаментом (рис. 2, 11), снабжены

фигурками животных (рис. 13, 5) Наконечник из Северного Казахстана с двумя парами скульптурок птиц и протомами лошадей (?) выглядит как настоящий штандарт (рис. 13, 6). К этому следует добавить, что часть из этих наконечников отличается преувеличенно большими размерами (длина свыше 40 см) или, напротив, очень малыми (длина менее 10 см).

Конечно, трудно сказать, как выглядели значки, эмблемы и вымпелы, которые крепились к ушкам наконечников копий. Можно предполагать, что они по преимуществу изготовлялись из мягких материалов (кожи, войлока, ткани), способных развиваться на ветру. В этой связи интересно отметить, что на ушке одного из наконечников сейминского типа из Засеченского могильника сохранился небольшой фрагмент ткани (Челяпов 1992: 7).

Очевидно, что этим подвескам придавалась строго определенная форма. Судя по некоторым историческим и этнографическим аналогиям это могли быть ленточки, флажки, бунчуки или какие-то зооморфные изображения в духе сейминско-турбинского звериного стиля.

О конкретной семантике таких копий-наверший можно лишь догадываться. Спектр возможных решений здесь весьма велик. Сейчас, однако, важно зафиксировать сам факт их существования. Если его удастся подтвердить другими данными, то мы получим еще один дополнительный источник об уровне развития общества эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Южной Сибири.

В заключении рассмотрим еще два небольших сюжета, которые уже были затронуты. Напомним, что благодаря корреляции нескольких признаков среди восточноевропейских наконечников эпохи поздней бронзы удалось выделить три группы изделий. Представители первой из них были идентифицированы как наконечники копий, а третьей — как дротиков. В функциональном отношении остались неопределенными изделия второй группы (рис. 3, 1–10).

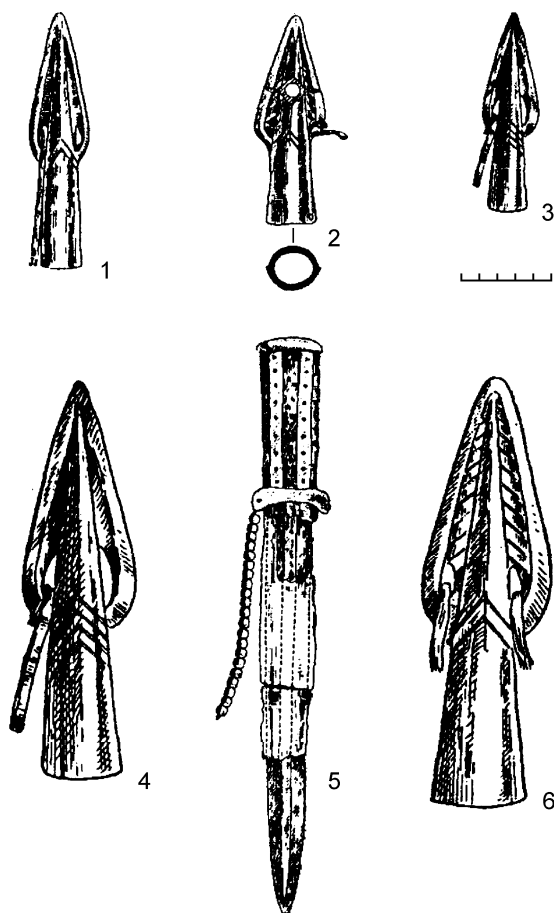

Рис. 14. Наконечники копий и кинжал ананьинской культуры:
1–6 — Старший Ахмыловский могильник (по В. С. Патрушеву, А. Х. Халикову)

По длине они равны или по большей части меньше наконечников дротиков, а по диаметру втулки — их превосходят. Если следовать этим показателям, их можно было бы интерпретировать как изделия со сдвоенными функциями. Такая разновидность древкового оружия известна по историческим данным. Но возможно и другое решение. Не исключено, что их использовали в качестве наверший, штандартов или, так называемых, командирских копий. В пользу этого говорит наличие у многих из них одного или двух ушек, овальная форма втулки у некоторых из них, малая длина наконечников (менее 10 см) и т. д.

И последнее. Выше было высказано предположение, что ушковые наконечники со временем трансформировались в наконечники с прорезями на пере. В Среднем Поволжье в ананьевской культуре прорезные наконечники оставались в употреблении и в эпоху раннего железа. У некоторых из них в прорезях сохранились остатки кожаных ремней (Патрушев, Халиков 1982: табл. 24, 20; 35, 32, 66; 50, 16 — соответственно в настоящей статье рис. 14, 1–4, 6). По мнению А. Х. Халикова, с помощью этих ремней наконечники крепились к древкам (Халиков 1977: 185). Очевидно, это не так. С помощью ремней к прорезям крепились подвески. О том, как это могло выглядеть, демонстрирует один из наконечников все той же культуры диян (рис. 13, 9).

Знаменская находка²⁵

Одним из препятствий на пути успешного изучения металлопроизводства эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона является незначительное количество кладов металлических изделий. Особенно редко встречаются клады, которые относятся к самому концу этой эпохи.

В связи со сказанным, определенный интерес вызывает находка двуушкового кельта и копьевидного долота, сделанная в 1876 году в с. Знаменском (имении графа А. С. Уварова), Вольского уезда Саратовской губ. Оба эти предмета были обнаружены вместе при проведении канавы глубиной два аршина (около 1,42 м). Эти сведения сообщаются в каталоге уваровской коллекции древностей, куда поступили кельт и долото из с. Знаменского (Каталог... 1887: 32. №№ 88, 89). Там же приводятся некоторые данные о размерах указанных предметов.

Знаменская находка не была опубликована, и упоминание о ней в литературе встречается крайне редко (Tallgren 1916: 34). Неизвестно также нынешнее место ее хранения. Но в 1964 г. при просмотре рукописного архива В. А. Городцова в ГИМе (д. № 89) я наткнулся на рисунки знаменских вещей, которые здесь мною и воспроизводятся (рис. 1, 1–2). Хотя они выполнены в натуральную величину, они не очень хорошего качества и, возможно, не вполне точны. Рукою В. А. Городцова помечено, что оба предмета найдены вместе в с. Знаменском Вольского уезда Саратовской губ. Кроме того, здесь же приведены данные об их размерах и указаны номера по каталогу собрания древностей А. С. Уварова.

Таковы доступные мне материалы о знаменской находке. В целом они дают о ней достаточно полное представление и позволяют вынести суждение относительно типологии и хронологии, входящих в нее металлических предметов. Но вначале приведу описание этих предметов.

Кельт имеет трапециевидную фаску и два ушка, которые располагаются непосредственно под валиком, опоясывающим край втулки (рис. 1, 1). Ниже, на уровне отверстий ушек, отлит еще один горизонтальный валик, но более узкий. К лезвию орудие заметно расширяется. Судя по форме фаски, оно имеет шестигранное поперечное сечение. По В. А. Городцову длина кельта составляет 12 см (по каталогу 2,5 вершка — 11 см), а ширина лезвия — 5 см.

Как уже сообщалось, вместе с кельтом было найдено цельнолитое втульчатое долото (рис. 1, 2). Край его втулки укреплен широким выпуклым валиком. Книзу орудие сильно сужается и завершается копьевидным острием. Сбоку оно имеет вид втульчатой стамески. Согласно данным В. А. Городцова, его длина составляет 14 см, а по каталогу — 3 и 1/8 вершка (около 13,75 см).

²⁵ Опубликовано: Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 245–252.

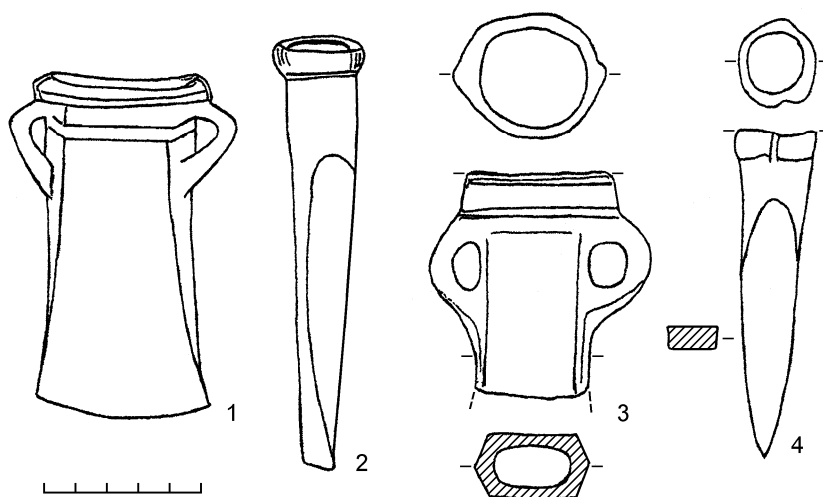

Рис. 1. 1, 2 — с. Знаменское (рис. В. А. Городцова); 3, 4 — Нижняя Павловка (рис. О. В. Кузьминой)

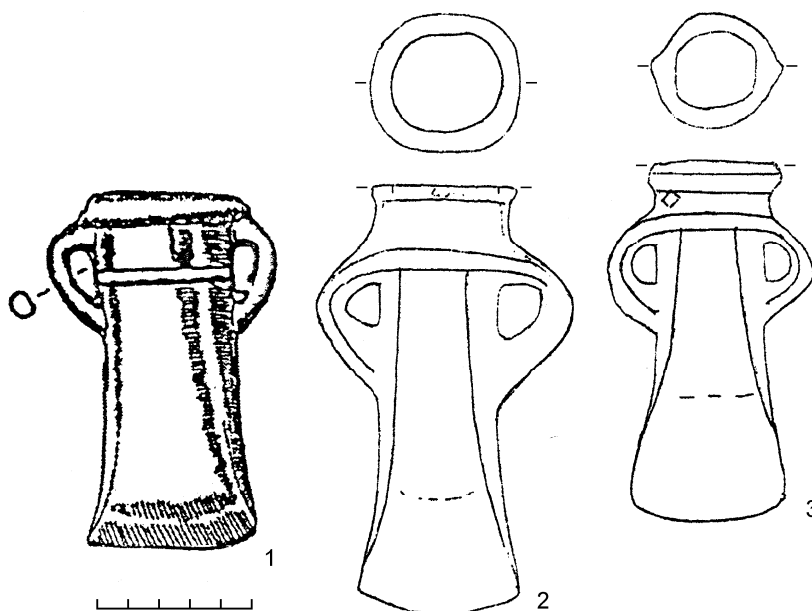

Рис. 2. 1 — 2-й Мурзихинский мог., погр. 183 (по А. А. Чижевскому);
2 — Засечное; 3 — Оренбургский музей № 551 (2, 3 — рис. О. В. Кузьминой)

Оба эти изделия имеют много аналогий в материалах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. В особенности это касается кельта. Он принадлежит к широко распространенному типу кельтов с трапециевидной фаской и двумя ушками, расположенными ниже края втулки (Воѣкарев, Leskov 1980: 55; Leskov 1981: 16). Е. Н. Черных отнес такие орудия в основном к разряду К-50 и, частично, к К-48 и К-52 (Черных 1976: 81–83).

Ареал распространения кельтов этого типа очень большой. Он простирается от Урала до Поднепровья и северо-западного Кавказа. По степени концентрации находок выделяются три территориальные группы в этом ареале. Первая из них располагается в Нижнем Поднепровье, а некоторые ее находки заходят в Среднее Поднепровье и на Левобережную Украину. Эта группа представлена четырьмя металлическими изделиями и двумя литейными формами: Балаклея, Киевская и Подольская губ., Б. Знаменка (рис. 4, 1), Дремайловка (рис. 4, 3), Бондариха, Старая Игрень (Ханенко, Ханенко 1899: 15, табл. X, 24; Воѣкарев, Leskov 1980: 38, Taff. 13, 115a; 33–34, Taff. 14, 142).

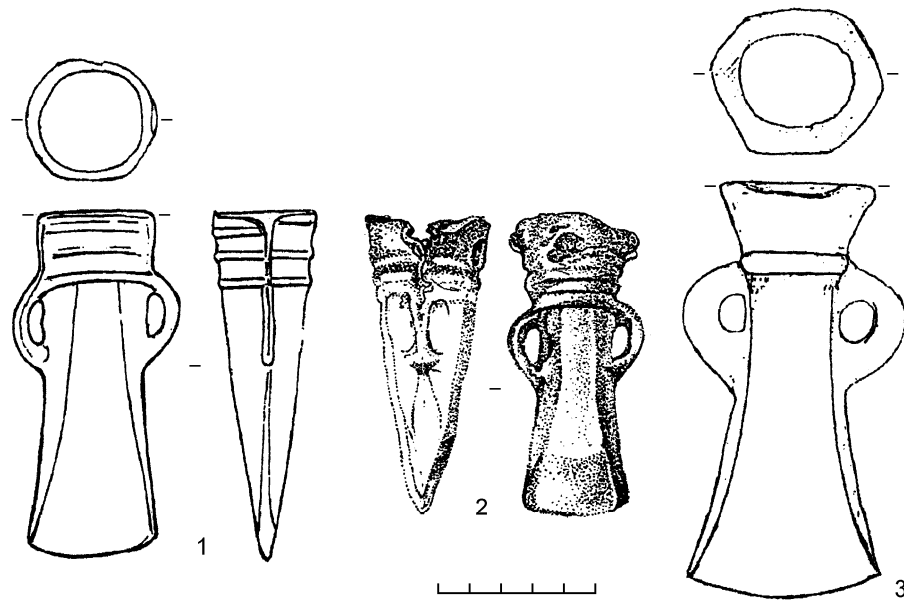

Рис. 3. 1, 2 — Нечерезий; 3 — у Чегемского моста (Северная Осетия)

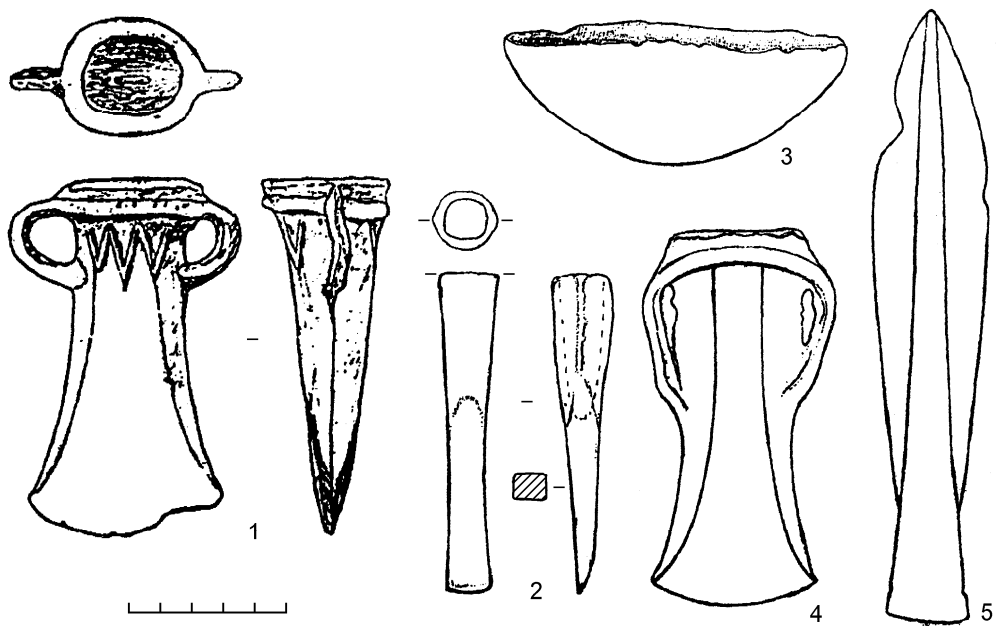

Рис. 4. 1 — Большая Знаменка (по Г. Н. Тошеву); 2-5 — Дремайловка
(3, 5 — рис. О. А. Гривцовой-Граковой)

Вторая группа охватывает обширный Волго-Уральский регион. Отсюда происходят 6 кельтов интересующего нас типа: Нижняя Павловка (рис. 1, 3), Южное Приуралье (рис. 2, 3), Пермь, 2-й Мурзихинский мог. (рис. 2, 1), Знаменское (рис. 1, 1), Засечное (рис. 2, 2) (Сальников 1965: 160, рис. 1, 3-5; Aspelin 1885: fig. 139; Чижевский 2002: 31-32, рис. 1, 13; Полесских 1956: 43, рис. 16, 1). К этой же группе можно отнести одиночную находку кельта из Старой Калитвы в Воронежской обл. (Пряхин, Синюк, Матвеев 1981: 283, рис. 3, 2). Третья группа занимает территорию северо-западного Кавказа и часть сопредельных областей. Она самая многочисленная. В ее состав входят кельты из Бекешевской, Чишхо, Пхагугапе, Тауйхабля, Нечерезий (3 экз.; рис. 3, 1, 2), Тишковского карьера, Темной Щели, Урупа, Русского, района г. Крымска,

Тебердинского района Карачаево-Черкессии, Чегемского моста (рис. 3, 3), окрестностей городов Пятигорска и Железноводска, Тхмори (Иессен 1951: 86–87, рис. 11, 4; 12; 21, 5; Тов 2004: 302–303, рис. 1–4, 6–8; Пелих, Фоменко 2005: 67–68, рис. 1, 2; 2, 1; Гамбашидзе 1963: табл. 9, 1). Вероятно, в эту же группу можно также включить беспаспортный кельт из Ростовского областного музея (Шарафутдинова 1971: 45–46, рис. 16, 2).

Итак, всего на территории Восточной Европы сейчас найдено более 30 экз. кельтов с трапециевидной фаской и двумя ушками, опущенными ниже края втулки. Хотя формы для их отливки пока известны только на Украине, нет сомнений в том, что они также изготавливались в Волго-Уральском регионе и на северо-западном Кавказе. В пользу этого говорит присутствие локальных черт у некоторых местных кельтов. Так, только в третьей, кавказской, группе встречается орудия, у которых верхняя, выступающая над ушками часть втулки имеет воронковидную форму. Эта особенность отмечена у кельтов из Пхагугапе, Тауйхабля, Чешхо, Нечерезий и т. д. (рис. 3, 2, 3). С другой стороны, украинские экземпляры выделяются своими небольшими размерами и высоко расположенными ушками. Обычно ушки у них отлиты непосредственно под валиком, идущим по краю втулки. Есть свои особенности также у кельтов волго-уральской группы. В целом можно утверждать, что литье кельтов этого типа было налажено, по меньшей мере, в трех крупных регионах Восточной Европы. Вполне также вероятно, что раньше всего эти орудия начали изготавливать в Северном Причерноморье, а затем их производство распространилось в восточном направлении (Черных 1976: 83).

Датировка кельтов этого типа устанавливается сравнительно просто, так как некоторые из них оказались в составе полноценных комплексов. В этой связи особенно интересны материалы из Северного Причерноморья, для которых разработана более или менее детальная хронология. Согласно одной из схем, металлопроизводство эпохи поздней бронзы указанного региона в своем развитии прошло пять этапов. Эти этапы соответствуют пяти металлообрабатывающим очагам, которые последовательно сменяли друг друга. Это срубный, лобойковско-голоуровский, краснояцкий, кардашинско-новоалександровский и завадовский очаги (Voškarev, Leskov 1980: 68–89; Дергачёв, Бочкарёв 2002: 8–16, рис. 1; Бочкарёв 2006: 53–65). Для нашей темы особенно интересны два последних очага. Оба они принадлежали белозерской культуре, но кардашинско-новоалександровский очаг во времени предшествовал завадовскому. Последний завершает эпоху поздней бронзы в Северном Причерноморье. В совокупности оба эти очага, как и белозерская культура, датируются в пределах XII–X вв. до н. э.

Напомню, что на территории Украины комплексные находки кельтов, интересующего нас типа, представлены дремайловским кладом (рис. 4, 4) и литейными формами из Старой Игрени и Бондарихи. Все три комплекса датируются временем белозерской и бондарихинской культур, то есть XII–X вв. до н. э. (Voškarev, Leskov 1980: 68–69). Но первый из них следует связывать с кардашинско-новоалександровским очагом, а два остальных — с завадовским. Это означает, что дремайловский клад датируется несколько более ранним временем, чем староигренская и бондарихинская формы. В связи с этим отмечу, что кельт из Дремайловки немного отличаются от других кельтов указанного типа. Среди украинских находок он выделяется своими крупными размерами, а среди других двуушковых кельтов с трапециевидной фаской — необычно длинными ушками. Они занимают почти половину длины орудия. Такими же ушками снабжен и один из кельтов бекешевского клада, который, согласно новейшим данным, также следует относить к началу белозерского этапа (Иессен 1951: 86, рис. 21, 5; Бочкарёв, Пелих 2008: 65). Но на Кавказе так же, как и на Украине, известны и более поздние кельты этого типа. Их нужно относить к концу белозерского этапа. В качестве примера сошлюсь на кельт из тхморского клада в Западной Грузии (Гамбашидзе 1963: табл. 9, 1). Он имеет крупные ушки овальной формы, которые занимают только треть длины орудия.

В Волго-Уральском регионе известны три комплексные находки, в состав которых входили кельты с трапециевидной фаской и двумя ушками, опущенными ниже края втулки. Кроме

знаменского комплекса, это нижнепавловский клад (рис. 1, 3, 4) и погр. № 183 из 2-го Мурзихинского могильника (рис. 2, 1) в Татарии (Чижевский 2000: 31–32, рис. 1, 3). В хронологическом отношении особенно важно мурзихинское погребение, которое относится к маклашеевской культуре. Эта культура может быть датирована XII–X вв. до н. э. и синхронизирована с белозерской культурой Северного Причерноморья. В маклашеевских памятниках встречаются такие характерные белозерские изделия, как стержневидные псалии усатовского и белогрудовского типов, ножи широчанского типа и т. д. (Халиков 1980: табл. 15, 17, 19; 53, 5, 7, 11). В этот же ряд аналогий может быть поставлен и кельт из мурзихинского погр. № 183.

Подводя итог рассмотрению знаменского кельта, следует еще раз подчеркнуть, что он принадлежит к одному из восточноевропейских типов, широко распространенному на заключительном этапе эпохи поздней бронзы. Как и для других кельтов этого времени, для него характерны крупные ушки, размещение их ниже края втулки, расширенная лезвийная часть, и в ряде случаев — округлая втулка. Орудия этого типа отливались на территории Украины, Северо-Западного Кавказа и Волго-Уралья. Их использовало население белозерской, бондарихинской и маклашеевской культур. В сравнительно больших количествах они также отливались в прикубанском очаге металлопроизводства.

Цельнолитое втульчатое долото из с. Знаменского так же, как и кельт из этой находки, имеет большое число аналогий. Но почти все они находятся за пределами Восточной Европы. Такие копьевидные долота были широко распространены в эпоху поздней бронзы в южной Сибири, Казахстане и Средней Азии. Не исключено, что знаменский экземпляр имеет также восточное происхождение. На это может указывать такая его черта, как широкий и выпуклый валик, окаймляющий край втулки. Интересно, что свой рисунок этого орудия В. А. Городцов снабдил такой надписью: «Тип совершенно совпадает с сибирским».

Судя по комплексным находкам, открытым к востоку от Урала (клады из Шамши, Садового, Ростовки, Турксиба и т. д.; поселения Мыржик, Дальверзин, Берикгуль, Белый Яр-5 и т. д.; погребения Измайлово и т. д.), цельнолитые копьевидные долота существовали сравнительно длительное время. Они появились в культурах с валиковой керамикой и вышли из употребления в раннем железном веке.

Что касается Восточной Европы, то здесь цельнолитые копьевидные долота встречаются редко. С территории Волго-Уралья, кроме знаменского экземпляра, мне известно только три их находки: ст. Арчадинская (Новочеркасский музей), Апалиха (Хвалынский музей) и Нижняя Павловка (рис. 1, 4). Конечно, наибольший интерес вызывает нижнепавловский и знаменский комплексы. В состав каждого из них входят два изделия — копьевидное долото и кельт. Но особенно интересно то обстоятельство, что эти комплексы совершенно идентичны в типологическом отношении. Они содержат одни и те же типы металлических изделий и, с точки зрения археологической периодизации, являются одновременными. Если ориентироваться на хронологию кельтов, то их нужно отнести к заключительному этапу эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона. Доступные сейчас данные о времени существования цельнолитых копьевидных долот предложенной датировке этих комплексов не противоречат.

Завершая работу, подведем ее некоторые итоги. Обстоятельства и условия обнаружения знаменской находки, типологический состав входящих в нее вещей позволяют ее отнести к категории кладов. Ее полной аналогией является нижнепавловский клад из Оренбуржья. Эти комплексы составляют единый и самый поздний кладовый горизонт эпохи бронзы Волго-Уралья. По времени он соответствует заключительному этапу маклашеевской культуры и завадовской группе комплексов Северного Причерноморья. На Востоке его можно синхронизовать с ирменскими древностями, а на Кавказе — с раннекубанскими памятниками.

Пространственный анализ памятников археологии Нижнего Поволжья (по материалам погребений энеолита — раннего железа)²⁶

Благодаря крупномасштабным исследованиям курганных могильников на юге Восточной Европы, существенно обогатились наши знания о степных культурах времен энеолита — раннего железа. Получены также новые данные о самих этих могильниках, их планировке, территории распространения, временной структуре и т. д. Предварительный анализ этих данных показывает, что со сменой археологических эпох, периодов и культур зачастую происходит заметная передислокация погребальных памятников. Может также меняться их качественный и количественный состав и некоторые другие параметры. Чтобы проверить и уточнить эти предположения, нами проведен пространственно-временной анализ курганных погребений энеолита — раннего железа, раскопанных за последние 30 лет на территории Волгоградской области.

Выбор этого материала мотивирован несколькими причинами. Во-первых, он достаточно представлен. Нами учтено 90 курганных групп, содержащих 2698 погребений различных эпох. Как правило, этот материал изучен на достаточно высоком полевом уровне и хорошо документирован. Сведения о нем получены из публикаций и, главным образом, из научных отчетов, хранящихся в архивах ИА РАН, ИИМК РАН и Волгоградского областного музея.

Во-вторых, этот материал сравнительно равномерно распределен по всей территории Волгоградской области (около 114 тыс. км²). Это обстоятельство особенно важно, так как в состав Волгоградской области входят районы с различными биоклиматическими параметрами: Доно-Донецкая равнина, Приволжская возвышенность, Ергенинская возвышенность, Прикаспийская низменность и т. д. Очевидно, что наличие столь разнообразных экологических ниш открывает дополнительные возможности для изучения связей археологических объектов с природным окружением. Это явилось той третьей причиной, по которой мы остановили свой выбор на территории Волгоградской области.

Собранный нами материал был обработан по определенной программе. Вначале он был разбит на 5 культурно-хронологических групп в соответствии с той классификацией, которая принята в современной археологической науке. Более подробно эти группы будут описаны ниже.

На втором этапе работы проверялась связь этих групп с тремя (А, В и С) биоклиматическими (ландшафтными) зонами Волгоградской области. Полученные результаты представлены в графической форме.

Далее, в пределах каждой из этих трех зон установлена зависимость расположения могильников различных эпох от гидрографической сети.

В заключительной части работы были синтезированы полученные результаты и рассмотрена возможность корреляции пространственного распределения памятников с динамикой биоклиматических изменений за последние 5000 лет. При этом широко использовались данные палеоклиматологии и палеопочвоведения, собранные нами по различным изданиям.

Как уже говорилось, нами было обработано более 2698 погребений из 90 курганных могильников. Могильники располагаются на краях надпойменных террас или вдоль края коренного берега, а в открытой степи — у понижений, соров, отмечающих существовавшие в древности озера. Могильники обычно состоят из 4–6, реже — из 10–20 курганов. Наиболее крупные

²⁶ Опубликовано: Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 58–66 (совместно с М. Б. Рысиным).

В работе использованы данные из научных отчетов и публикаций Н. Я. Мерперта, В. П. Шилова, В. И. Мамонтова, Е. П. Мыськова, А. С. Скрипкина, А. Н. Дьяченко, И. В. Сергацкова, А. В. Лукашова, А. М. Комарова и др. Авторы выражают благодарность заведующей археологическими фондами Волгоградского краеведческого музея Н. В. Хабаровой за возможность ознакомления с коллекциями музея и с научными отчетами.

могильники насчитывают несколько десятков насыпей. Курганы обычно имеют диаметр до 10 м и высоту менее 1 м. Немногие насыпи достигают размеров 30–40 м и в высоту 2–3 м. Наиболее крупные могильники расположены на левых берегах Дона, Волги и Ахтубы и левобережных притоках Дона. В кургане обычно совершено от одного до семи погребений. В самых крупных курганах обнаружено от 10 до 30 погребений.

Этот материал разбит нами на 5 культурно-хронологических групп, каждая из которых соответствует определенной археологической культуре. В дальнейшем имеется возможность более дробного членения материала по хронологическому признаку. В перспективе это касается материала сарматской культуры.

К первой группе отнесены погребения энеолитической эпохи, которые, по всей вероятности, принадлежат к так называемой хвалынской и репинской культурам. Они очень немногочисленны и составляют всего 14 погребальных комплексов, что составляет около 0,5 % от общего количества учтенного материала (поэтому в графических таблицах данные по энеолитической группе погребений нами не учитываются). Погребения энеолитического времени являются древнейшими в нижневолжских курганных могильниках. Над ними были возведены первые курганные насыпи, в которые впоследствии «впущены» погребения всех последующих эпох. Такие курганы открыты на берегах Волги, Дона, Ахтубы и по берегу левобережного притока Дона — р. Аксай. Как правило, в этих курганах встречается одно, реже — два энеолитических погребения.

Несколько лучше представлена вторая группа погребений. В нее включено 183 комплекса, что составляет 6,5 % от общего числа учтенных погребений. Все эти комплексы по археологической номенклатуре относятся к ямной культуре, которая датируется эпохой ранней бронзы. Курганы с ямными погребениями известны по обоим берегам Волги, Дона, Ахтубы и их притоков — Медведицы, Лиски, Аксая, Мышковы. Во многих случаях такие курганы составляют небольшие могильники (по 2–3 насыпи). Известны также одиночные «ямные» курганы. Число погребений ямной культуры в одном кургане редко превышает 2–3, но обычно ограничивается одним. Только в наиболее крупных насыпях число ямных могил достигает 4–6 (могильник у хут. Вертячий на правом берегу Дона — 6 погребений; Водянский могильник на р. Аксай — 4 погребения; Первомайский могильник на р. Мышкова — 4 погребения). К числу самых значительных «ямных» могильников относятся Бережновский могильник на берегу Волги (33 погребения) и Первомайский на р. Мышкова (22 погребения).

Еще более значительна третья группа, куда вошли погребения катакомбной и полтавкинской культур, которые относятся к эпохе средней бронзы. Всего нами учтено 469 таких погребений, что составляет 17 % от всего массива наших данных. Катакомбные и полтавкинские курганы открыты во всех районах Волгоградской области. Особенно часто они встречаются в Волго-Донском междуречье. В количественном отношении преобладают захоронения катакомбной культуры. Обычно в одном кургане их встречается от 2–3 до 5. В крупных курганах их число может доходить до 10 (например, могильник Вертячий на Дону, Химкомбинат на Волге). Как полтавкинские, так и катакомбные курганы зачастую группируются в могильники. К числу наиболее значительных могильников относятся Бережновский на Волге и Орешкин на р. Тишанке — до 47 погребений, Первомайский на р. Мышкова — 83 погребения и Артановский на р. Тишанка — 22 погребения. Катакомбные погребения могут быть как основными в кургане, так и впускными. Иногда фиксируются так называемые семейные кладбища. Они представляют собой курган, насыпанный над одним катакомбным погребением с несколькими впускными погребениями той же культуры.

В четвертую группу включено 963 погребения эпохи поздней бронзы (32 % от общего числа учтенных погребений). Они в основном представлены комплексами срубной культуры (на всех этапах ее развития) и очень незначительным числом погребений так называемой культуры многоваликовой керамики (КМК). Материалы КМК встречены только в правобережных

районах Нижнего Поволжья и Подонья и синхронны раннему (покровскому) этапу срубной культуры. В силу малочисленности, пока нет смысла выделять их в отдельную группу.

Срубные курганы зачастую образуют более или менее значительные могильники. Часть из них расположена в тех же местах, что и могильники эпохи средней бронзы. Вместе с тем, они появляются и в тех районах, которые ранее не были освоены. К числу таких районов относится, например, Прикаспийская низменность. В отличие от предшествующего периода, срубные могильники, по-видимому, являются родовыми кладбищами. В каждом «срубном» кургане содержится обычно 3–4 погребения, реже 6–8 и более могил, которые могут группироваться в ряды.

Наибольшее число могил зафиксировано в следующих пунктах: Красновский могильник — 19 погребений; Голубинский могильник на р. Дон — 14 погребений. Наиболее крупные могильники следующие: Политотдельский на Волге — 70 погребений; Бережновка на Волге — 123 погребения; Первомайский на р. Мышкова — 97 погребений; Шляховский на Дону — 46 погребений; Ветютнев на р. Арчеда — 39 погребений; Ильевский на р. Карповка — 34 погребения; Подгорный на Медведице и Иловатка на Волге — по 28 погребений; Артановский на Тишанке и Калиновский на Волге — по 22 погребения.

В пятую группу входит наибольшее число погребений — 1215, что составляет 44 % от всего учтенного нами материала. В громадном большинстве случаев эти погребения относятся к сарматской культуре, которая датируется эпохой раннего железа (VII в. до н. э. — IV в. н. э.). Сарматские памятники концентрируются на левых берегах Волги и Дона, на берегах Ахтубы и Прицимлянском плато. Часть памятников расположена на Приволжской возвышенности, в Прикаспийской низменности, в долине Медведицы и Арчеды.

В кургане обычно насчитывается от 2-х до 4-х сарматских погребений. Наиболее крупные курганы обнаружены в составе следующих могильников: Волжском на Ахтубе — 12 погребений; Политотдельском на Волге — 11 погребений; Колобовке 1 на Ахтубе — 9 погребений; Быкове на Волге — 9 погребений; Первомайском на Мышкове — 8 погребений. Наиболее крупные могильники: Бережновка на Волге — 315 погребений; Калиновка на Волге — 159 погребений; Первомайский на Мышкове — 137 погребений; Политотдельское на Волге — 74 погребения; Волжский на Ахтубе — 26 погребений. Впервые в сарматское время появляются могильники, состоящие из одиночных сарматских погребений, перекрытых курганной насыпью. Наиболее крупный могильник содержит 17 сарматских могил в 15 курганах — Жутовский на Аксае.

Охарактеризованные нами курганы различных эпох дают важные стратиграфические данные. Так, в насыпи энеолитического времени оказались впущены погребения всех последующих эпох, начиная с ямной культуры.

В ямные курганы впущены погребения всех последующих стадий. В четырех случаях впущены срубные и могилы более поздних стадий (левый берег Волги, р. Бердия, р. Аксай). В двух ямных могильниках — впускные сарматские и кочевнические могилы (Ахтуба, правый берег Волги).

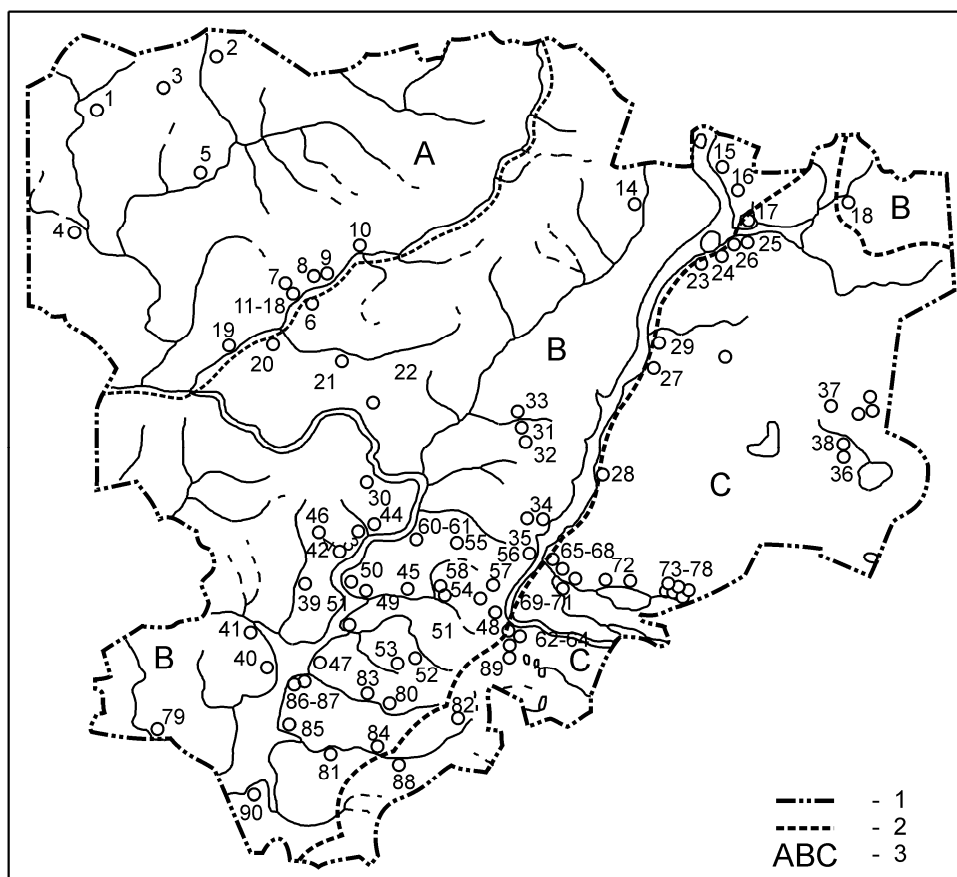
В катакомбные могильники также впущены погребения всех стадий. В одном случае впущены сарматские и кочевнические погребения (р. Медведица).

В срубные могильники впущены сарматские и кочевнические погребения. В двух случаях в срубные могильники впущены средневековые кочевники (Ахтуба, Эльтон). Зафиксированы четыре отдельных срубных могильника без впускных погребений последующих стадий (р. Осиновка, р. Ольшанка, р. Кардаил, р. Медведица).

В сарматские могильники впущены погребения средневековых кочевников. Зафиксированы два отдельных сарматских могильника (р. Соленая Куба, р. Ерик).

Дальнейшее рассмотрение материалов всех 5 пространственно-временных групп было приурочено к ландшафтным зонам, которые выделены на территории Волгоградской области. Согласно данным современной науки, в пределах Волгоградской области выделены три ландшафтно-климатические зоны. К зоне А относятся северо-западные районы Волгоградской обл.

до р. Медведицы. Для нее характерны умеренно-засушливые степи на черноземных почвах. Зона В занимает центральную часть области (между Медведицей и Волгой), захватывая бассейн Дона. Небольшой анклав этой зоны расположен в Заволжье, на крайнем северо-востоке Волгоградской области. В этой зоне распространены сухие степи на каштановых почвах. Зона С в основном приурочена к Заволжскому региону (западная граница — р. Волга) и юго-восточной части Волгоградской обл. (см. карту № 1). Для нее характерны полупустыни на светло-каштановых почвах.

Карта 1. Курганные могильники на территории Волгоградской области:

- 1 — учхоз; 2 — Верхний Кардаил; 3 — Новониколаевский; 4 — Артановский; 5 — Березовский; 6 — Глинище; 7 — Глушица; 8 — Сидоры; 9 — Орешкин; 10 — Сенной; 11 — Карьер; 12 — Труд-1; 13 — Подгорный; 14 — Барановка; 15 — Белокаменка; 16 — Идоватка; 17 — Потемкин; 18 — Кановский; 19 — Глазуновский; 20 — Трясиновский; 21 — Шляховский; 22 — Ветютнев; 23 — Политотдельское; 24 — Бережновка; 25 — Молчанов; 26 — Ямки; 27 — Калиновка; 28 — Новоникольский; 29 — Быково; 30 — Хмелевой; 31 — Петропавловский; 32 — Малая Ивановка; 33 — Усть-Погожий; 34 — Челюскин; 35 — Пичуга 1; 36 — Эльтон; 37 — Громки; 38 — Красная деревня; 39 — Остров; 40 — Нижний Чир; 41 — Чир I, II; 42 — Голубинский; 43 — Голубинский II; 44 — Малый Набатов; 45 — Мариновка; 46 — Осиновка; 47 — Первомайский; 48 — Ежовка; 49 — Ильевский; 50 — Калачевский; 51 — Щельган; 52 — Степанов; 53 — Крепь I, II; 54 — Орошаемый; 55 — Бородин; 56 — Виновка; 57 — Царицынский; 58 — Россоска; 59 — Новый Рогачик; 60 — Вертячий; 61 — Вертячий II; 62 — Бекетовка; 63 — Сарепта; 64 — Химкомбинат; 65 — Волжский; 66 — Волжский II; 67 — Волжский III; 68 — Средне-Погромный; 69 — Осадная Балка; 70 — Заплавное; 71 — Кияковка; 72 — Ленинск 1; 73 — Царевский; 74 — Солодовка; 75 — Царевский II; 76 — Колобовка; 77 — Журов курган; 78 — Зубовка; 79 — Лозной 1; 80 — Ивановка; 81 — Водянский; 82 — Абганерово; 83 — Громославка; 84 — Антонов; 85 — Ромашкин; 86 — Верхний Рубежный; 87 — Шебалине; 88 — Жутовский; 89 — Дубовой; 90 — Нагавский.
- 1 — границы Волгоградской обл.; 2 — границы ландшафтных зон; 3 — ландшафтные зоны

С точки зрения жизнеобеспечения наиболее благоприятной представляется зона А, где можно было заниматься разнообразной хозяйственной деятельностью. А зона С относится к числу экстремальных, где хозяйственная деятельность могла развиваться в очень специфических и специализированных формах. Зона В может рассматриваться как промежуточная между двумя указанными.

Для каждой из этих трех зон были составлены гистограммы (рис. 1), в которых отражены процентные соотношения 4-х культурно-хронологических групп (ямной, катакомбно-полтав-кинской, срубной и сарматской). Уже беглый взгляд на эти гистограммы показывает существенные различия между зонами. Так, например, хорошо заметно возрастание числа сарматских погребений от зоны А к зоне С при одновременном падении количества срубных и катакомбно-полтавкинских погребений. Более детальный анализ позволяет нарисовать следующую картину. Во всех трех зонах количество ямных погребений очень незначительно и, возможно, поэтому не дает заметить существенной разницы между ними по зональному признаку. Все же обращает на себя внимание, что в самой неблагоприятной зоне С они представлены в том же количестве (по 3 %), что и в зоне А. Больше всего их в средней зоне В (9 %). Возможно, эта зона была самой благоприятной для населения ямной культуры.

Погребения катакомбно-полтав-кинской и срубной групп лучше всего представлены в зоне А (соответственно 43 % и 42 %). В совокупности они составляют 85 % от всех погребальных комплексов, открытых в этой зоне. В зоне В наблюдается резкое падение материалов III группы (катакомбно-полтав-кинской). Их количество уменьшается более чем в два раза. При этом количество срубных погребений остается почти неизменным (38 %). Наконец, в третьей зоне (С) наблюдается дальнейшее падение количества как катакомбно-полтав-кинских, так и срубных памятников (соответственно 13 % и 32 %). Но между собой они сохранили примерно то же соотношение, что и в предыдущей зоне.

Количество сарматских погребений неуклонно возрастает от зоны к зоне. В зоне А их — 12 %, В — 34 % и С — 52 %. Иными словами, здесь наблюдается картина прямо противоположная тому, что мы видели в распространении памятников III и IV групп.

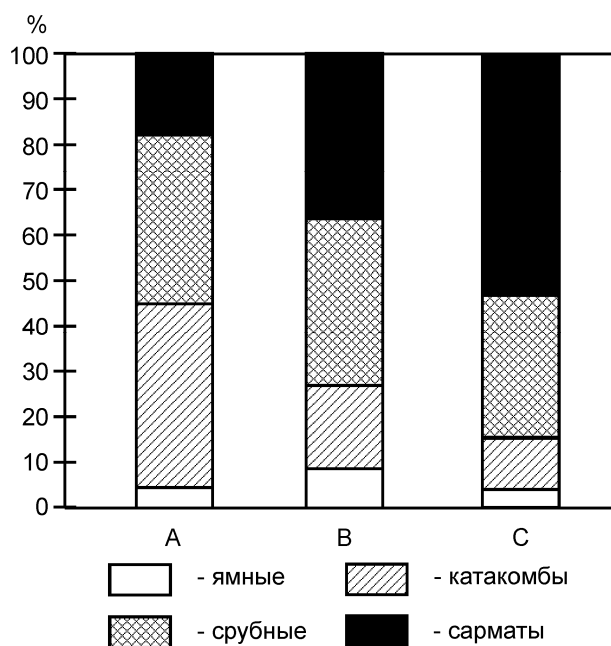

Рис. 1. Соотношение количества погребений по биоклиматическим зонам

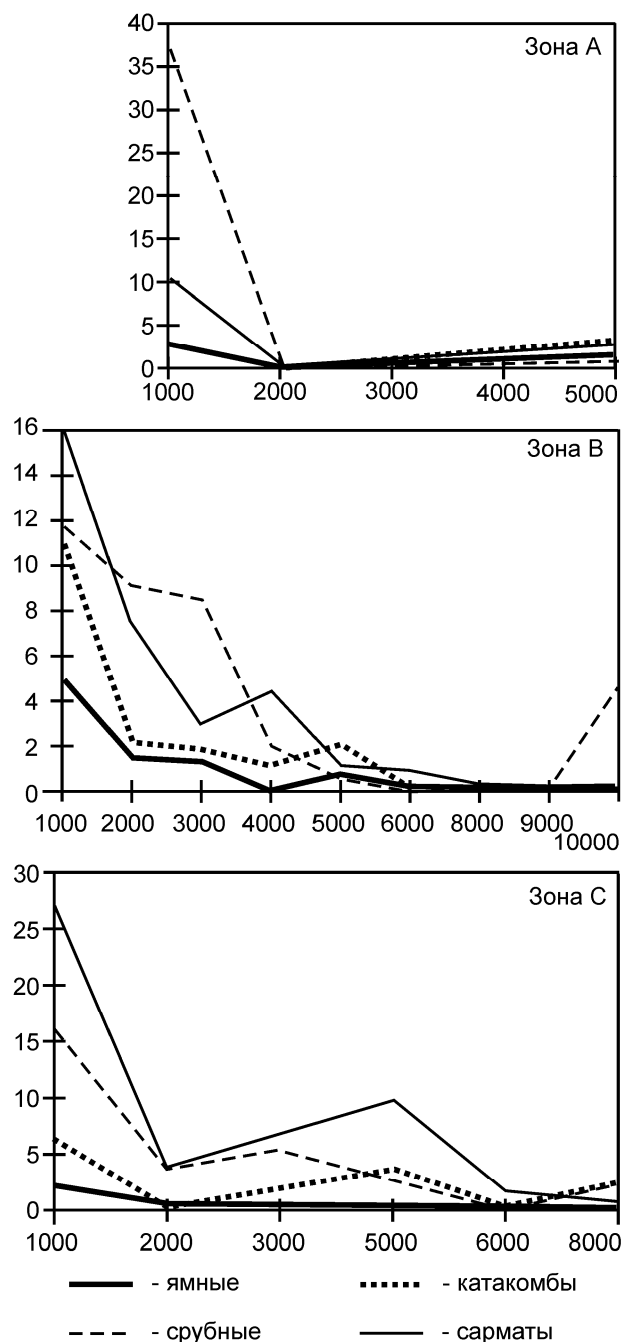

Рис. 2. Распределение погребений по биоклиматическим зонам А, В, С

Резюмируя, можно сказать, что зона А оказалась наиболее благоприятной для распространения памятников катакомбно-полтавкинских и срубных (85 % от всего массива материала), зона В — для памятников срубной и сарматской культур (в совокупности 72 %), а зона С — для сарматских памятников (52 %).

Кроме наблюдений за распределением погребальных памятников культурно-хронологических групп по трем зонам, представляет также интерес выявление зависимости этого размещения от гидрографической сети. Опыт такой работы уже имеется (Отрошенко, Болтрик 1982).

На серии графиков и гистограмм можно проследить такую зависимость для всех трех зон. В зоне А максимальное количество памятников всех четырех культурно-хронологических групп приурочено к речным долинам (до 1000 м; рис. 2А). На расстоянии 2000 м от воды про-

исходит резкое падение показателей всех групп. Это своего рода мертвая зона. Далее, на расстоянии от 2000 до 5000 м незначительное, но неуклонное возрастание количества памятников наблюдается только у сарматов. Незначительно увеличивается число катакомбно-полтавкинских и срубных памятников. Ямных памятников растет на расстоянии 4000 м, а затем их количество снижается.

В зоне В (рис. 2В), на отметке 1000 и 2000 м, наблюдается сходная картина с зоной А. Правда, здесь нет такого резкого падения показателей и нет, следовательно, мертвой зоны.

Следует также отметить, что наибольший уровень падения сарматских памятников приходится на отметку 3000 м. Чем больше удаление от речных долин, тем ощутимее уменьшение числа всех групп памятников. Примечательны только подъемы кривых на отметках от 9000 до 10000 м для сарматских и, особенно, срубных памятников.

В самой неблагоприятной зоне С (рис. 2С) на отметке от 1000 до 2000 м наблюдается картина, сходная с предыдущей зоной. Следует только отметить резкое падение количества катакомбных памятников на отметке 2000 м и их возрастание на отметке 5000 м, а новое падение — на отметке 6000 м. Кривые для остальных культурно-хронологических групп показывают сложные изгибы, но количество этих памятников падает к отметке 8000 м. Примечателен только подъем количества памятников срубного времени к отметке 8000 м и замедление падения числа сарматских памятников.

Приведенные здесь материалы, как нам кажется, свидетельствуют о зависимости расположения памятников всех групп во всех трех зонах от гидрографической сети. Больше всего памятников сосредоточено в речных долинах. Чем дальше от речных долин, тем больше падает их количество. Лучше всего в открытой маловодной степи представлены погребальные памятники срубной и сарматской культур.

Следующим шагом в нашей работе явилась проверка гипотезы, согласно которой пространственное размещение погребальных памятников различных эпох зависит от динамики биоклиматических условий.

Установлено (в результате комплексных исследований с применением методов геоморфологии, палинологии, палеопедологии, лимнологии, гляциологии и др.), что изменения биоклиматических условий в голоцене зависели от ряда факторов и образовывали сложную зонально-региональную картину. Среди этих факторов, влиявших на динамику и характер палеоклимата, в первую очередь можно выделить следующие: положение региона по широте с севера на юг; положение его в системе почвенно-климатических фаций или областей; дренированность территории.

Для выбранного региона характерен степной тип динамики изменения климатических условий (Иванов, Васильев 1995), относящийся к восточноевропейской климатической области с преобладанием атлантических воздушных масс и их взаимодействием с сибирско-азиатским антициклоном (Иванов 1992). Нижнее Поволжье в основном относится к возвышенным дренированным равнинам, за исключением большей части Прикаспийской низменности, включающей два дренированных района — Приволжскую песчаную гряду и Эльтонскую возвышенную равнину. В анализируемую эпоху (последние 5000 лет) реконструирована следующая динамика климата. Вторая половина атлантического периода голоцена (6000–4500 л. н.) характеризуется климатическим оптимумом, выразившемся в значительном смягчении континентальности климата, понижении летней температуры, увеличении годового количества осадков на 100–150 мм по отношению к современному уровню, увеличилась облесенность территории (в частности, площадь пойменных лесов и лесов на севере возвышенности Ергени и на Арчединских песках). На вторую половину атлантического периода приходится время существования населения энеолитических культур. К сожалению, у нас слишком мало количественных данных о погребениях этого времени, и, следовательно, мы не можем сделать достоверных выводов об их пространственном размещении.

Суббореальный период характеризуется резкими изменениями климата. После 2500 г. до н. э. происходила ярко выраженная аридизация и усиление континентальности климата. К этому времени относят период ямной культуры. Для этой культуры мы также имеем недостаточно данных. Все же обращает на себя внимание наличие ямных памятников в самой неблагоприятной зоне С. Наиболее резкая аридизация отмечена для периода 2200–1700 гг. до н. э. На это время приходится памятники катакомбно-полтавкинского типа. Количество атмосферных осадков было в это время на 50 мм меньше современного. Сократилась площадь долинных лесов, в два–четыре раза уменьшилась скорость прироста торфа на болотах, произошло смещение растительных зон в степи на величину подзоны к северу (Иванов 1992). Аридизация в Нижнем Поволжье совпадает с регрессивной стадией Каспийского моря (Варущенко и др. 1987).

Как видно на гистограммах (рис. 1), больше всего ямных и катакомбных памятников расположено в самой благоприятной зоне А, а менее всего — в полупустынной зоне С. В свете биоклиматических данных это размещение выглядит понятным и объяснимым.

Между 1500 и 800 гг. до н. э. отмечается довольно продолжительная фаза уменьшения континентальности и увеличения влажности климата. Летняя температура была на 2° ниже современной, осадков выпадало на 100 мм больше, чем в настоящее время. В Нижнем Поволжье существовали благоприятные условия для жизни и ведения хозяйства в степной зоне. Расширилась площадь лесов (Кременецкий 1997). На это время приходится распространение памятников срубной культуры. Они, в общем-то, хорошо представлены во всех трех зонах. Показательно, что их сравнительно много (32 %) в самой засушливой и полупустынной в настоящее время зоне С. Вероятно, во второй половине II тыс. до н. э. здесь были более благоприятные условия, что и объясняет достаточно высокий уровень заселения этой территории срубными племенами.

В субатлантическом периоде в целом климатические условия были близки к современным. В то же время фиксируется неравномерность динамики по регионам и чередование аридов и пювиалов. Так, кратковременное улучшение экологических условий отмечено во II–IV вв. н. э. (сарматское время) и в IX–XIII вв. н. э. (период средневековых кочевников и Золотой орды). В XIV–XVIII вв. н. э. фиксируется похолодание, соответствующее Малому ледниковому периоду в северном полушарии.

Как уже отмечалось, наибольшее количество сарматских памятников приходится на зону В и особенно — С. Очевидно, что тяготение этих памятников к засушливой степи и к полупустыне связано с особенностью хозяйства (кочевое скотоводство) сарматского населения.

Итак, мы можем заключить, что размещение памятников той или иной культуры обнаруживает зависимость от палеоклиматических изменений. Общества с комплексным скотоводческим хозяйством (срубная культура) по мере улучшения климата освоили новые, до того пустующие, районы (зоны В и особенно С). Кочевники (сарматы), напротив, несмотря на все изменения, предпочитали сухие степи и полупустыни. Прделанный анализ позволяет сделать ряд ответственных выводов:

Наблюдается достаточно отчетливая зависимость размещения памятников различных эпох от биоклиматических изменений, ландшафтных зон и гидрологической сети. Эта зависимость проявляется в разной степени в различном количественном выражении.

Для всех эпох характерно тяготение погребальных памятников к речным долинам. В открытую маловодную степь отчетливо выходят лишь памятники срубной и сарматской культур. Вероятно, это связано с особенностью их хозяйственных систем и с биоклиматическими изменениями.

В наиболее благоприятной зоне А преобладают памятники катакомбно-полтавкинской и срубной групп. В экстремальной зоне С преобладают сарматские памятники.

Более подробная хронологическая градация памятников позволит более точно и дифференцированно представить картину пространственного размещения археологических памятников в пределах Нижнего Поволжья.

К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье²⁷

1. В степях Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья местная металлообработка возникла в эпоху средней бронзы. Тогда же появились «погребения литейщиков», свидетельствующие о специализации литейного дела. По всей вероятности, оба процесса протекали одновременно и, следовательно, металлообработка с момента своего возникновения приняла специализированный характер. Однако, основная масса металлического инвентаря продолжала поступать с Кавказа.

2. Иная ситуация сложилась в эпоху поздней бронзы. Дальнейшая специализация в металлообработке привела к созданию литейных мастерских. Соответственно ввоз готовой продукции был заменен ввозом «сырья».

Эти новые моменты лучше всего прослеживаются на материалах эпохи поздней бронзы из Северо-Западного Причерноморья.

3. В эпоху поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье существовал довольно крупный очаг металлообработки. Он мог возникнуть и нормально функционировать только при следующих условиях: а) импорта сырья; б) ввоза материала для литейных форм; в) наличия топлива; г) существования прочной традиции обработки металлов у местного населения.

4. В силу естественных причин местная металлообработка оказалась отделенной: от сырьевой базы. Это потребовало организации доставки сырья. Система и характер снабжения отчасти реконструируется по, так называемым «импортным»кладам, которые по своему содержанию и условиям нахождения должны быть причислены к группе «торговых»кладов. Как правило, они состоят из лома, слитков и целых вещей, имеющих следы употребления. С точки зрения современных исследователей эти вещи вполне пригодны к дальнейшему использованию. Важно установить, как к ним относились древние «покупатели». Очевидно, критерием употребляемости импортных вещей является то, насколько часто они появляются среди единичных случайных находок. При помощи этого критерия устанавливается, что, например, серпы трансильванского типа и кельты старшего трансильванского типа, столь многочисленные в кладах, почти не употреблялись местным населением. Это позволяет относить подобные предметы к категории сырья и вслед за этим подавляющее большинство импортных кладов считать кладами сырья. Таким образом, импортировалось главным образом сырье в виде лома, слитков и целых изделий: ввоз полуфабрикатов не играл сколько-нибудь существенной роли.

5. По типам вещей, входящих в состав кладов, устанавливается три возможных источника сырья: а) румыно-молдавский; б) румыно-болгарский; в) прикубанский. В сабашиновское время наиболее активны были первые два источника. С исчезновением культуры ноу ввоз с запада сильно сократился, но зато были налажены связи с Северным Кавказом. Оба потока сырья встречаются в Нижнем Поднепровье, где, очевидно, местная металлообработка получила наибольшее развитие. Во всяком случае, отсюда происходит большинство кладов и литейных мастерских. Если в районе Нижнего Поднепровья действительно находились конечные пункты доставки, то средние расстояния, на которые транспортировалось сырье равно 400–600 км для сабашиновского времени и 1000–1200 км для белозерского. Четыре пятых этих путей приходилось на степь, то есть на территорию занятую племенами сабашиновской культуры или родственных ей культур. Поскольку связи осуществлялись в широтном направлении, то транспортировка сырья скорее всего производилась сухопутным путем и, следовательно, не исключены сезонные колебания в снабжении. Но как бы там ни было, многочисленность импортных кла-

²⁷ Домашние промыслы и ремесло. Тезисы расширенного заседания Сектора Средней Азии и Кавказа 8–11 июня 1970 г. Л., 1970. С. 7–10.

дов, их определенное географическое размещение говорят в пользу существования налаженной системы доставки сырья.

6. В Северо-Западном Причерноморье в эпоху поздней бронзы применялись только каменные литейные формы. Причем древние мастера очень экономно расходовали сланец: для нанесения негатива использовалась каждая свободная плоскость бруска, после выхода из строя одного негатива вырезался новый и так до полного износа плитки. Создается впечатление, что тальковый сланец, так же как и металл, был дефицитен. Это и понятно, поскольку в степи он был привозным материалом, который (по данным геологов М. И. Ожеговой и В. Ф. Петрунь) добывался в Криворожье. Отсюда в виде брусков он вывозился на юг и юго-запад, — в Среднее Поднепровье и в Приазовье. Таким образом, для нормального ведения дела древние литейщики были вынуждены развивать как внешний, так и внутренний обмен.

7. Проще обстояло дело с топливом. Но и в этом отношении не все районы Северо-Западного Причерноморья находились в одинаковых условиях. Так греки словом «Гилея» (Полесье) отметили только одно место в причерноморской степи — нынешние Алешковские Кучугуры. Только на фоне безлесной степи этот сравнительно небольшой лесной массив мог казаться достопримечательностью. Неудивительно, что именно здесь, как нигде в другом месте, многочисленны следы древнего литья (4 мастерские, больше десятка отдельных находок матриц, много тиглей, льячек и т. д.).

8. Возникновение металлообрабатывающего очага в Северо-Западном Причерноморье совпало с коренной сменой культур. Пришедшие сюда с востока племена срубной культуры обладали развитой традицией обработки металлов. Им были известны важнейшие достижения эпохи поздней бронзы: сплав меди с оловом и литье закрытой втулки. Они выработали собственные типы кельтов, копий, ножей, серпов, коротких мечей и т. д. Традиция изготовления и пользования металлическими орудиями, оружием и другими изделиями оказалась столь стойкой, что даже при отсутствии собственной рудной базы потомки носителей срубной культуры сумели создать в Северо-Западном Причерноморье собственный очаг металлообработки. Устойчивость их традиций пожалуй лучше всего проявляется в оружии, которое на протяжении 4-5 столетий сохраняет ярко выраженный восточный облик.

9. Все вышеизложенное подводит к заключению, что литейное дело было специализированным занятием, о чем говорит сам факт наличия крупных мастерских. Возникает вопрос: какие коллективы людей обслуживали те полтора десятка мастерских, которые нам известны. Приведем данные только для двух из них (красномяцкая — сабастиновский этап и завадовский — белозерский этап). Степень специализации мастерской определяется по трем критериям: а) по количеству выпускаемой продукции; б) по ассортименту этой продукции; в) по стабильности работы мастерской. Приблизительным расчетом, учитывающим термостойкость талькового сланца и среднее количество вещей отлитых в одной каменной форме, по данным археологии, устанавливается, что пара матриц выдерживала около 10 отливок. Отсюда следует, что потенциально Красномяцкая мастерская могла выпустить около 330 изделий, а Завадовская — 240. В сумме это больше того количества древних бронз, которое нам известно для конца II — начала I тыс. до н. э. во всем Северном Причерноморье. Очень показательны и данные по ассортименту изделий: Красномяцкая мастерская выпускала практически все типы вещей сабастиновского этапа, а Завадовская — большинство типов белозерского этапа.

Судя по пропорциональной замене испорченных форм новыми, обе мастерские были постоянно действующими, хотя продолжительность их существования и не поддается пока точному учету. Все же срок в 30 лет (продолжительность жизни одного поколения) кажется завышенным, учитывая состояние литейных форм.

Единовременно Красномяцкая и Завадовская мастерские могли выпустить соответственно 240 и 120 изделий и $\frac{2}{3}$ потенциального ассортимента. Цифры достаточно красноречивые, чтобы наметить минимальный круг потребителей мастерских. С другой стороны, почти полное

совпадение карт распространения литейных форм и местных готовых изделий показывает, что из данного очага металлообработки ничего не вывозилось. Таким образом, намечаются пределы реализации готовой продукции мастерской типа Красномаяцкой: она обслуживала коллектив больше, чем группа семей, но не больше того, который проживал на территории очага.

10. Как это не парадоксально, но отсутствие естественных предпосылок для развития металлообработки возможно стимулировало специализацию литейного дела в Северо-Западном Причерноморье. Насколько далеко зашла эта специализация — сказать трудно. Тем не менее общий вывод, что изучаемое явление лучше всего выражается понятием первобытное ремесло, кажется наиболее вероятным.

Новые абсолютные даты для бронзового века Европы²⁸

Определение абсолютного возраста памятников эпохи бронзы остается актуальной задачей в европейской археологии. Для ее решения используются как традиционные типологические средства, так и в возрастающем масштабе методы естественных наук. При такого рода исследованиях, какими бы методами они не проводились, в центре внимания неизбежно оказывается хронологическая система П. Рейнеке, которая в известном смысле имеет общеевропейское значение. В ней надежно определена дробная периодизация среднеевропейских культур и выявление их внешних связей.

Углубленное изучение этих связей, проведенное еще в 50 годы, показало, что по меньшей мере три среднеевропейских периода (ВА2, ВD и НаВ3) имеют типологические соответствия в эгейском мире. Благодаря этому удалось синхронизировать периоды ВА2 и ПЭI (XVI в. до н. э.), ВD и ПЭIII (XIII в. до н. э.), НаВ3 и поздний геометрический (VIII в. до н. э.) периоды (Nachman 1957; Müller-Karpe 1959).

Эти выводы получили широкое признание и легли в основу абсолютной хронологии бронзового века Средней, Северной и отчасти Восточной Европы. Но постепенно выяснилось, что с ними не вполне согласуются даты по С14. В особенности это касается калиброванного радиоуглерода, который значительно удревняет возраст памятников эпохи бронзы.

Одним из первых, кто обратил серьезное внимание на это противоречие был К. Ренфрю (Renfrew 1968), лидер «новой археологии» в Англии. Он безоговорочно признал правоту радиоуглеродных дат и отверг синхронизацию периодов ВА2 и ПЭI. Действительно, согласно калиброванному С14 культуры периода ВА2 относятся к несколько более раннему времени чем период ПЭI и, следовательно, не могли испытать на себе микенского влияния. В связи с этим К. Ренфрю вообще усомнился в достоверности типологических сопоставлений европейских и эгейских древностей и высказал идею об автономном развитии бронзового века Европы. Тем самым радиоуглеродная хронология получала опору в некоей культурно-исторической концепции.

Работа К. Ренфрю имела сильный резонанс и стимулировала раскол в среде европейских археологов. Они разделились на сторонников и противников радиоуглеродного метода, что в конечном итоге для тех и других обернулось скептическим или же безразличным отношением к вопросам абсолютной хронологии.

Это был тупик. Но выход из него все же нашелся. Его указала дендрохронология, которой в последние 10–15 лет удалось значительно удлинить свою шкалу абсолютных дат. Это дало возможность объективно и с небывалой доселе точностью продатировать серию материалов эпохи бронзы из свайных поселений Швейцарии, Юго-Западной Германии, а также из курганных погребений Дании (Randsborg 1991) и Восточной Германии (Krause et al 1989). Судя по полученным данным, начало эпохи бронзы (ВА1) в Средней Европе следует относить к XXI в. до

²⁸ Опубликовано: Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб, 1992. С. 21–23.

н. э., а ее конец (НаВ3) — к IX в. до н. э. Периоды ВС, VD и НаА2, как и предполагала традиционная хронология, заняли соответственно XIV, XIII и XI вв. до н. э. Что касается периода ВА2, то согласно дендродатам, он охватывал весь XVII в. до н. э. Но не исключено, что его продолжительность была большей (2–2,5 века). На это косвенно указывают датировки богатых унетических погребений из Лейбингена (1942 ± 10 до н. э.) и Хельмсдорфа (1825 ± 10 до н. э.), которые относят к самому концу ВА1 или даже началу ВА2.

Эти новые датировки вызвали огромный интерес у европейских археологов. Их оживленно комментируют и сопоставляют как с «археологическими», так и радиоуглеродными датами. Некоторые авторы с удовлетворением отмечают, что в ряде случаев традиционная хронология была точнее С14. Однако все же следует признать, что устойчивая тенденция калиброванного радиоуглерода к удревнению оказалась в принципе верной в отношении ранних этапов эпохи бронзы. Сейчас уже очевидно, что археология была склонна их чрезмерно омолаживать.

В этой связи нужно обратить особое внимание на дендродаты периода ВА2 (XVII в. до н. э.), так как они вновь поднимают принципиальный вопрос о временном соотношении европейских и эгейских древностей. Как уже отмечалось, этот период традиционно синхронизируют с ПЭ1 и его абсолютную дату (XVI в. до н. э.) определяют по эгейской хронологии А. Фуурмарка. Но в настоящее время в эту хронологию вносятся существенные поправки. Они вызваны новыми полевыми исследованиями, которые убедили ряд специалистов в необходимости удревнения СЭШ и ПЭ1 периодов до XVIII и XVII вв. до н. э. соответственно (Betancourt 1987; Manning 1988). Последняя из этих дат получила подтверждение в анализах вулканического пепла с о. Тера (поселение Акротири, слой периода ПЭ1) и Гренландии. Согласно этим анализам, катастрофическое извержение вулкана на о. Тера, приведшее к гибели поселения Акротири, произошло в 1645 г. до н. э. Если эти выводы окажутся верными, то они подтвердят возможность синхронизации ВА2 и ПЭ1.

Изложенные материалы очень важны для хронологии эпохи поздней бронзы Восточной Европы. Как уже давно установлено, основные этапы этой хронологии (сейминский горизонт, поздняя сабастиновка, черногоровская ступень), прямо или косвенно связаны с развитием культур в Средней Европе и Карпато-Балканском регионе. По этой причине в их абсолютные датировки также придется внести коррективы.

Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы²⁹

Клады, наряду с поселенческими и погребальными памятниками, относятся к числу основных археологических источников. Они содержат важную и зачастую уникальную информацию о процессах производства, накопления и перераспределения металлических изделий. Исследователи единодушно признают большую научную значимость этого вида источников, его пригодность для решения многих конкретных задач. Однако они сильно расходятся в оценке самого феномена кладов. Это связано с тем, что остаются неясными те причины, которые приводили к накоплению большого количества металла и последующего его вывода из обращения в форме кладов. В поисках решения этой проблемы в европейской археологии сформировалось три основных направления.

Одно из них, которое можно назвать экономическим, возникло еще в конце XIX века. Его основателями считаются француз Е. Шантр (работы 1875–1876 гг.) и англичанин Дж. Эванс (1881 г.). Они, а также их многочисленные последователи, рассматривали клады по преимуществу как явление экономическое. По их мнению, металл и изделия из него были значительной ценностью и играли существенную роль в хозяйстве бронзового века. По этой причине металл

²⁹ Опубликовано: Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб, 2002. С. 46–54.

повсеместно собирали и накапливали. Но в моменты реальной опасности или для лучшей сохранности его вынуждены были прятать в земле или в каких-то других потаенных местах. Владельцами кладов могли быть выходцы из различных слоев населения бронзового века.

В рамках экономического направления была разработана классификация кладов. С ее помощью материал был подразделен на несколько классов или типов. Один из них представляют клады-сокровища (Wilke 1925: 362). В их состав входят предметы из драгоценных или полудрагоценных материалов, высококачественные изделия из меди и бронзы, а также дорогие импорты. В качестве примера таких комплексов могут быть названы «клад Приама» из Трои и не менее знаменитый Бородинский клад. Предполагается, что такого рода сокровища принадлежали знати бронзового века.

К следующему типу отнесены клады, в составе которых преобладают лом и слитки металла. Иногда в них также встречаются кузнечно-литейные инструменты (Fox 1923: 44–45; Childe 1930: 45). Такие комплексы были интерпретированы как клады литейщиков. Особенно широкое распространение они получили в эпоху поздней бронзы. Некоторые из них в это время достигали гигантских размеров (например, трансильванские клады Уио-ара де Сус, Гуштерица-2, Банд). Один такой клад может содержать несколько тысяч предметов, а его вес превышать 1000 кг (вес клада Гуштерица-2 равен 1200 кг). В хронологическом и культурном отношении составы таких кладов бывают разнородными. В них входят изделия разного возраста и происхождения. Вероятно, они собирались в течение значительного промежутка времени и могут быть отнесены к категории кладов длительного накопления.

В литературе довольно широко распространено мнение, что какая-то часть литейных кладов принадлежала странствующим мастерам. В поисках заказов они передвигались из одного региона в другой, ремонтируя по пути сломанные изделия и обменивая готовую продукцию на лом. В чужеродной среде их деятельность была сопряжена со значительным риском. В случае опасности они прятали свои запасы металла (часто, где придется), а сами спасались бегством, либо погибали.

В особый тип выделены так называемые торговые клады. В противоположностькладам литейщиков, в них преобладают новые изделия или полуфабрикаты. Причем каждая категория вещей (топоры, копья, серпы и т. д.) часто представлена более или менее значительными сериями (Smith 1904: 38; Childe 1930: 44). Иногда такие комплексы носят специализированный характер («чистые» клады), то есть состоят только из одной категории изделий (например, мечей). Кроме металла, в них также могут встречаться другие товары, которые в то время пользовались спросом (янтарь, стекло, раковины и т. д.). Г. Чайлд предполагал, что в ряде случаев владельцами таких кладов были странствующие торговцы (Childe 1930: 44). Этим торговцев, как и странствующих кузнецов-литейщиков, он рассматривал как основных агентов диффузии.

В четвертый тип были включены клады, которые получили название домашних или персональных (Smith 1904: 38; Childe 1930: 43–44). Это небольшие собрания изделий разного назначения (орудия, украшения, утварь и т. д.), которые уже были в употреблении и пригодны для дальнейшего использования. Каждая категория вещей представлена единичными экземплярами. Состав этих комплексов указывает, что они могли принадлежать рядовым семьям или отдельным членам общин.

Таковы в кратком изложении основные положения и некоторые разработки экономического направления. На протяжении почти всего прошлого века оно занимало ведущее положение в европейской археологии бронзового века. Конечно, были исследователи, которые относились к нему скептически. Они указывали, что предложенная классификация и интерпретация кладов весьма условно. Поэтому при анализе конкретных материалов бывает трудно получить однозначные результаты. Так, например, комплексы лома при определенных условиях могут быть истолкованы как «литейные», «торговые» клады, или даже как клады-сокровища (Sprockhoff 1956: 4–5).

В 1980–1990 гг. поток критики значительно усилился. Тогда под сомнение были поставлены теоретические основы всего направления. После работ К. Полани, М. Сайенса и других антропологов были постепенно осознано, что реальная экономика первобытного общества очень сильно отличалась от тех модернистских моделей, которые были приняты в европейской науке. Оказалось, что в этой экономике преобладали категории престижа, этики и морали той эпохи, а также различного рода религиозные культы. Выяснилось, что этнография практически не знает фактов, которые бы подтверждали широкое распространение в племенных обществах детрибализированных групп странствующих кузнецов и торговцев (Rowlands 1971: 210). Как правило, производство металла и его обмен находились в руках знати. Огромное значение имел институт дарообмена между представителями региональных элит.

Под влиянием новых идей были пересмотрены и некоторые другие ключевые положения экономического направления. Немецкий археолог Б. Хензель решительно отверг тезис, согласно которому насилие или угроза насилия являлись основными причинами депонирования кладов в бронзовом веке. Ему кажется невероятным, что такое огромное количество металла было выведено из обращения в результате разбойных нападений. По его наблюдениям, основная масса кладов эпохи бронзы приходится на периоды стабильного развития, а во времена смуты и крупных потрясений их количество резко сокращается. В конечном итоге он приходит к выводу, что отложение кладов в основном было связано с религиозной деятельностью людей бронзового века (Hänsel 1977: 11 ff.).

Идея вотивного происхождения кладов была высказана очень давно, еще в 1866 г. Ее впервые отчетливо сформулировал и обосновал знаменитый датский археолог И. Ворсе. Он обратил внимание на то, что в Северной Европе многие клады были обнаружены на дне озер, рек и в болотах. Иногда их сопровождали кости домашних животных. Условия, в которых они находились, ясно указывали, что металлические вещи были намеренно брошены в воду без всякой надежды их вернуть. Поэтому И. Ворсе интерпретировал их как посвященные жертвы. Эти жертвы он связывал с различными водными культурами, которые были широко распространены у многих народов, и в том числе у древних германцев.

Выводы И. Ворсе получили поддержку у многих скандинавских и немецких археологов. Их также приняли сторонники экономического направления и включили вотивные комплексы в общую классификацию кладов. Правда, такие комплексы они считали характерными в основном для Северной Европы. В остальных европейских регионах огромное большинство кладов было найдено в обычных (сухих) условиях, и, казалось бы, не было никаких оснований утверждать их вотивное происхождение.

Но в ходе дальнейших исследований круг вотивных кладов удалось все же значительно расширить как в количественном, так и в территориальном отношении. Это стало возможным после новаторских работ Г. Хундта и Э. Анера. Анализ распространения находок кладов и погребений 4 периода (XI — начало IX в. до н. э.) в Мекленбурге (Северная Германия) привел Г. Хундта к неожиданному результату. Выяснилось, что в тех местностях, где известны погребения с металлическим инвентарем, отсутствуют клады и наоборот. Это говорит о том, что два этих явления были взаимозаменяемы и, следовательно, имели одинаковое или близкое назначение. Инверсионная связь мекленбургских кладов с погребениями позволяет их также считать культовыми памятниками. Г. Хундт назвал эти клады «сокровищами мертвых». По его мнению, существовало две разновидности одного и того же обряда: в одних случаях металл сопровождал своего владельца в могиле, а в других — он захоранивался отдельно в кладе (Hundt 1955: 95 ff.).

Почти такая же структура размещения кладов и погребений эпохи бронзы, как в Мекленбурге, была обнаружена Э. Анером на территории Дании и Шлезвиг-Гольштейна. Это побудило Э. Анера согласиться в целом с той интерпретацией кладов, которую дал Г. Хундт. Но он сделал одно важное добавление. Э. Анер полагал, что клады могли депонироваться самими владельцами в надежде воспользоваться своим богатством после смерти. Поэтому он назвал

клады «самоснабжением на тот свет». В подтверждение своей догадки Э. Анер сослался на данные древнеисландского эпоса (Aner 1956: 31–42).

Работы Г. Хундта и Э. Анера открывали хорошую перспективу для дальнейшего развития вотивной концепции. Однако в 1950–1960-е гг. они не привлекли должного внимания в европейской литературе. К ним обратились гораздо позднее. Но к этому времени возникло еще одно исследовательское направление, которое предложило совсем иное решение проблемы кладов.

Оно возникло в рамках процессуальной (новой) археологии, которая в 1960–1970-е гг. получила необыкновенную популярность в англоязычных странах. Представители этого направления (Р. Брэдли, К. Кристиансен, Ж. Леви, К. Рандсборг, М. Роулэндс, Р. Тэйлор и др.) рассматривали клады как одно из проявлений сложной социокультурной системы. По их мнению, металл в бронзовом веке являлся универсальной ценностью и прямо или косвенно был связан с основными сферами жизнедеятельности общества. По этой причине он олицетворял богатство, власть, сакральную мощь и т. д.

Реальную и символическую ценность металла широко использовала знать, чтобы продемонстрировать свой высокий социальный статус, закрепить и повысить его. Эта цель достигалась различными средствами и (не в последнюю очередь) с помощью погребального обряда, других культовых и общественных действий. Щедро жертвуя богам накопленные сокровища (клады) и снабжая своих покойников богатым металлическим инвентарем, она закрепляла и повышала свой социальный и общественный престиж. Таким образом, по форме и содержанию погребения и клады были культовыми явлениями, а по сути — социальными. Как показал К. Кристиансен на датских материалах, на протяжении бронзового века эти две формы депонирования металла попеременно сменяли друг друга: в одни периоды предпочтение отдавалось могилам, а в другие — кладам. Эта периодичность была обусловлена состоянием общества и социально-экономическим положением знати в нем в то или иное время (Kristiansen 1990: 29–30). К этому следует добавить, что, по мнению К. Кристиансена, Ж. Леви и некоторых других исследователей, общество бронзового века на территории Дании достигло предгосударственного уровня развития (вождества). Во главе его стояла хорошо организованная элита, которая контролировала обмен и производство металлов. После себя она оставила монументальные курганы с богатыми захоронениями и множество кладов.

Сторонники процессуального направления занимались не только общими проблемами. Их также интересовали некоторые конкретные вопросы и, в частности, — классификация кладов. Используя датские материалы, Ж. Леви предложила несколько критериев, с помощью которых можно было бы четко отделить профанные (экономические) клады от религиозных (вотивных). К последним она отнесла комплексы, которые были найдены в увлажненных местах (реках, озерах, болотах, мокрых низинах), а также в рощах и курганах. Обычно такие комплексы состоят из целых предметов вооружения, украшений и культовых поделок, которые иногда были уложены в определенном порядке: рядами, по кругу и т. д. Их могли сопровождать кости животных, керамика, серпы. Профанные клады имеют почти противоположные характеристики (Levi 1982: 17–44). Классификация Ж. Леви вызвала критику со стороны К. Вилрота и С. Хансена. К. Вилрот отметил, что предложенные критерии не вполне адекватны материалу. С их помощью невозможно разделить северные клады на две однородные группы. Многие клады приобретут смешанные характеристики (Willroth 1985: 382–383). В целом, процессуальная концепция происхождения кладов не получила широкого признания в европейской литературе. Но следует отметить, что она раздвинула исследовательские горизонты и заставила обратиться к тем аспектам проблемы, которые раньше не замечались или просто игнорировались.

В 80–90-е годы прошлого столетия клады по-прежнему находились в центре внимания многих европейских археологов. За эти два десятилетия было опубликовано много интересных работ, среди которых нужно особо выделить статьи К. Вилрота, Б. Хензеля, Т. Сорочану и две монографии С. Хансена. Судя по этим работам и коротким высказываниям многих авторов,

число сторонников вотивной концепции значительно возросло. Это не удивительно, так как находились все новые и новые факты, которые ее подтверждали.

Некоторые из этих фактов обнаружил К. Вилрот, который провел тщательный анализ материалов эпохи ранней бронзы (1–3 периоды О. Монтелиуса) из Южной Скандинавии (Датские острова и Южная часть Швеции). Он установил, что большинство кладов этого времени были найдены в увлажненных местах, а синхронные погребения обычно устраивались на высоких и сухих землях (Willroth 1985: 363). Далее, он сопоставил ассортимент оружия и соотношения его отдельных категорий (боевых топоров, мечей, кинжалов, копий и алебард) в кладах и петроглифах. В обоих источниках эти показатели практически совпали. Например, боевые топоры в кладах составили 67,9 %, а в петроглифах — 66,7 %, мечи и кинжалы — 15,9 % и 15,8 %, копья — 15,4 % и 15,3 % и т. д. (Willroth 1985: 386). Еще интереснее оказалось географическое распределение кладов и петроглифов с оружием. Территориально они исключают друг друга: там, где находят клады, отсутствуют петроглифы, и наоборот. К этому следует добавить, что наскальные изображения известны по всей Южной Скандинавии, но петроглифы с оружием локализуются в определенных местах и всегда вне зоны кладов. Прямые и обратные связи между петроглифами и оружейными кладами позволяют заключить, что последние также имели культовое значение. Вот что пишет К. Вилрот по этому поводу: «В определенных регионах в эпоху ранней бронзы избранные изделия реально жертвовались, а в других жертвовались в качестве петроглифов» (Willroth 1985: 369).

Таким образом, К. Вилроту удалось подтвердить общий вывод Г. Хундта и Э. Анера о вотивном характере части северных кладов. Однако он с ними разошелся в вопросе о конкретной функции таких комплексов. По мнению К. Вилрота, они не могли быть «сокровищами мертвых» или «запасами на тот свет». Против трактовки Г. Хундта и Э. Анера свидетельствует связь кладов с петроглифами и отчетливые различия в составах инвентаря кладов и погребений.

Позиции вотивного направления заметно окрепли после выхода в свет двух крупных работ С. Хансена (Hansen 1991; 1994). В них подробно рассмотрены вопросы депонирования металла в эпоху поздней бронзы в районе устья р. Майн (Западная Германия) и на обширном пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы (от р. Роны до Карпат). В своих исследованиях С. Хансен опирался на несколько принципиальных положений. Он полагал, что депонирование металла в эпоху бронзы не было случайным процессом. Оно регулировалось определенными нормами, которые изменялись в зависимости от характера источников, а также во времени и в пространстве. Несмотря на внешние различия, эти нормы по своему внутреннему содержанию были очень близки или идентичны. Поэтому они могли дополнять или заменять друг друга. В их основе лежали общие религиозные представления, связанные с культурами жертвоприношений (Hansen 1994: 371 ff.).

Руководствуясь этими теоретическими установками С. Хансен попытался обосновать вотивное происхождение кладов Центральной и Юго-Восточной Европы, огромное большинство которых традиционно относили к числу профанных комплексов. Его главным аргументом были данные о территориальном размежевании находок кладов и богатых погребений с металлом. Составив подробные карты, С. Хансен установил, что основная масса кладов концентрируется в Юго-Восточной Европе, а погребения — в Центральной (Hansen 1994: 368 ff.). Правда, картина географического размещения этих двух видов источников выглядит не столь простой и ясной, как в Северной Европе. В некоторых центрально-европейских регионах карты распространения кладов и погребений практически совпадают. Но дополнительный анализ показал, что в данных случаях принцип инверсии также соблюдался. Однако действовал он иначе и, в основном проявлялся на уровне отдельных категорий оружия и украшений. Так, например, мечи или копья в одном и том же регионе могут встречаться либо в кладах, либо в погребениях. Известен еще один вариант депонирования металлических изделий, который получил широкое распространение на границе Западной и Центральной Европы (особенно в Бургундии). В этих районах

оружие и украшения сравнительно редко встречаются в кладах и погребениях, но зато они очень хорошо представлены в водных источниках (Hansen 1994: 408 ff.).

С. Хансен приводит еще несколько доводов в пользу votивного характера кладов. В частности, он доказывает, что эти комплексы формировались по строго выверенным схемам. Эти схемы представлены определенными типами кладов и варьируют от региона к региону. Последнее обстоятельство позволяет выделить несколько кладовых провинций, которые, по мнению С. Хансена, отражают локальные традиции депонирования металла и стоящие за ними религиозные и социальные представления (Hansen 1994: 370).

Вслед за К. Вилротом, клады металлических изделий С. Хансен рассматривает в качестве посвященных жертв. Они приносились в дар богам как отдельными людьми, так и группами людей. Поводов и причин для таких жертвоприношений было множество и в том числе — сугубо индивидуальных. Основными жертвователями являлись представители знати. Об этом свидетельствуют прямые и обратные связи между кладами и богатыми погребениями, а также сам объем металла, собранного в кладах. Поэтому сам феномен кладов С. Хансен оценивает как социально-религиозное явление.

Таковы основные концепции европейских кладов эпохи бронзы. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки, и ни одну из них нельзя полностью принять или отвергнуть. Сам факт сосуществования нескольких конкурирующих гипотез говорит о том, что единый подход к решению проблемы кладов пока не найден. Возможно, это вызвано тем, что была не одна, а множество различных причин возникновения кладов (экономических, социальных, религиозных и т. д.). На это обстоятельство неоднократно указывали многие видные археологи (Э. Шпрокхоф, А. фон Брун, Г. Мюллер-Карпе и др.). Но эти же авторы подчеркивали, что процесс депонирования кладов подчинялся какой-то общей закономерности. Отчасти она проявлялась в цикличном характере самого этого феномена. На протяжении бронзового века число кладов периодически то резко возрастало, то столь же стремительно падало. Сторонники votивной и процессуальной концепции рассматривают это явление как результат замены одной формы депонирования другой. Но они оставляют без ясного ответа вопрос: почему это происходило? Очевидно, что здесь требуется более глубокое и полное объяснение. Столь же необходимо увязать в единое целое частные и общие тенденции, которые прослеживаются в депонировании кладов и других металлоносных источников.

Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы³⁰

Во второй половине II тыс. до н. э. на юге Украины в северопонтийских степях возникло крупное металлообрабатывающее производство. Из меди и бронзы здесь изготавливали большой набор украшений (браслеты, кольца, подвески, серьги, булавки и т. д.), разнообразное оружие (боевые топоры, мечи, кинжалы, наконечники стрел, копий, дротиков и т. д.), универсальные и специализированные орудия труда (рабочие топоры, пилы, тесла, долота, серпы, косы и т. д.), всевозможную утварь (ножи, шилья, иглы, посуду и т. д.). Судя по этому ассортименту и большому количеству находок, металлические изделия уже в то время получили весьма широкое распространение. Видимо, они проникли во все основные отрасли хозяйства и быта местного населения. В этом отношении особенно показательно обилие находок ножей и серпов. Очевидно, металлопроизводство было ориентировано на самые широкие круги потребителей. Его заказчиками выступали как представители знати, так и рядовые земледельцы и скотоводы. Естественно, что возросший спрос стимулировал развитие производства. Оно расширяется не только в количественном, но и в территориальном отношении. В эту эпоху кузнечно-литейные

³⁰ Опубликовано: Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. СПб, 2006. С. 54–65.

мастерские появляются в самых отдаленных уголках степи и на многих поселениях. В свою очередь это вело к территориальной дифференциации металлообработки, к возникновению целого ряда локальных производств, которые в специальной литературе обычно называют очагами. Друг от друга эти очаги в основном отличаются типологическими особенностями выпускаемых изделий. Продукция каждого из них представлена достаточно оригинальным набором типов изделий. Но практически во всех этих очагах в производстве металлического инвентаря использовалась одна и та же технология. Ее можно назвать новой, так как до начала II тыс. до н. э. она фактически не была известна в степях Восточной Европы. В основе этой технологии лежали три важных достижения: 1) широкое использование оловянных бронз (вместо мышьяковых); 2) внедрение долговременных каменных форм (вместо глиняных); 3) освоение литья изделий со слепой втулкой (вместо изделий с ковальной втулкой). Эти технологические приемы тесно связаны между собой и отчасти взаимно обусловлены. Конечным результатом их комплексного применения стало широчайшее распространение литья как основного способа изготовления металлических изделий. Таким образом, эта новая технология как нельзя лучше отвечала стремлению наладить серийный, а в ряде случаев и массовый выпуск продукции.

В целом, металлопроизводство северопонтийских степей можно охарактеризовать как одно из крупнейших на территории Восточной Европы в период XV–X вв. до н. э. Для огромного региона оно являлось важным экономическим и культурным фактором развития. Благодаря его деятельности местное население было обеспечено добротным инвентарем и эффективным оружием. В недрах этого производства раньше, чем где-либо в Восточной Европе, началось производство железа. Все это вместе взятое способствовало тому, что северопонтийские степи превратились в одну из самых развитых провинций эпохи поздней бронзы Восточной Европы. Вероятно, благодаря своему экономическому и военному потенциалу степное население порой оказывало мощное воздействие как на древние народы Кавказа, так и Карпато-Балкан. Вместе с тем, оно могло выступать и в качестве связывающего звена этих двух богатейших областей древнего мира. Еще более значительной была роль степи в развитии северных (лесных и особенно лесостепных) регионов Восточной Европы. В этой связи будет достаточно сказать, что в бронзовом веке она была для Севера одним из самых важных источников инноваций и особенно в сфере металлопроизводства.

С исторической точки зрения не менее интересным и знаменательным представляется сам факт появления столь крупного металлообрабатывающего производства в восточноевропейских степях. Дело в том, что на этой огромной территории отсутствуют сколько-нибудь значительные запасы меди. (Небольшие донецкие месторождения, видимо, имели ограниченное и чисто локальное значение). Поэтому для организации здесь собственного производства необходим был импорт сырья и в значительных количествах. Как показывает ряд данных, в том числе и естественнонаучных, медь, действительно, ввозилась в северопонтийские степи. Она доставлялась сюда из волго-уральских, кавказских, балканских и карпатских месторождений (Черных 1976). Все они находились за сотни, а то и за тысячи километров от берегов Черного моря.

Источники снабжения не были постоянными. С течением времени они менялись. Это было обусловлено не столько экономическими, сколько этнокультурными причинами. Во всяком случае, такой фактор, как территориальная близость, не всегда играл решающую роль. В начальный период этой эпохи медь, в основном, поступала из волго-уральских, донецких и, возможно, северокавказских месторождений. Позднее северопонтийская металлообработка переключилась на карпато-балканский импорт. Но в конце второго тысячелетия до нашей эры медь волго-уральского происхождения вновь приобрела важное значение (Черных 1976). По всей вероятности, тогда же возобновились поставки сырья из северокавказских месторождений.

Судя по доступным сейчас данным, полная переориентация на новые источники снабжения сырьем являлась следствием крупных культурно-исторических изменений как в самой степи, так и в горно-металлургических областях. Такого рода события мы обычно фиксируем как

процесс смены археологических культур. Как правило, он носил характер цепной реакции и охватывал большую, а иногда и очень большую территорию. Смена культур означала и смену очагов металлопроизводства. Хотя каждый такой очаг обладал известной автономией и мог обслуживать население нескольких культур, прочнее всего он был связан только с одной из них, так называемой материнской культурой (Бочкарёв 1995а). От нее, в основном, и зависели его внешние связи и, в конечном итоге, его судьба.

Совершенно очевидно, что для нормального функционирования этих очагов подвоз сырья должен был быть своевременным и в нужных объемах. Для этого требовалась хорошо отлаженная система как внешних (межэтнических), так и внутренних связей. Она, несомненно, была. Но как она действовала, остается неизвестным. Неясно также, что побуждало или заставляло население горно-металлургических областей вывозить сырье в северопонтийские степи. Но приходится признать, что кузнецам, литейщикам и другим выходцам из степи удалось наладить результативные и очень интенсивные контакты с народами Поволжья, Урала, Карпат, Балкан и Кавказа. Отчасти благодаря этим связям в степи, будто в фокусе, сошлись несколько культурных традиций. Само собой разумеется, что в этом спектре большое место занимало и степное наследие. Это переплетение и скрещивание различных традиций придало северопонтийским культурам и особенно их металлообрабатывающему производству неповторимое своеобразие.

Все сказанное позволяет рассматривать металлопроизводство северопонтийских степей не только как значительное, но и оригинальное культурно-историческое явление. В древнейшей истории немного найдется примеров, чтобы в безрудной зоне возникли и длительное время функционировали столь крупные центры по обработке меди и бронзы.

Как в свое время установил А. А. Иессен, локально-хронологические особенности производства изделий из меди и бронзы полнее всего отражают такие понятия, как очаги металлургии и металлообработки. Родственные очаги могут объединяться в зоны, а эти последние — в провинции (Черных 1976; 1978б). С другой стороны, практически каждый очаг состоял из нескольких локальных вариантов и производственных центров. На территории Украины А. А. Иессен выделил северопричерноморский очаг металлообработки, который, по его мнению, работал на привозном сырье (Иессен 1947). Позднее А. М. Лескову (1967) удалось показать, что этот очаг развивался весьма динамично. Его материалы он разделил на четыре хронологические группы. Древнейшей группой оказалась кабаковская. За ней следовала красномаяцкая группа, которую сменила новоалександровская. Завершала эпоху поздней бронзы завадовская группа.

Следующий шаг вперед сделал Е. Н. Черных (1976). Он собрал большой материал, который был классифицирован, картографирован и спектрально проанализирован. Изучив сопряженность типов изделий в комплексах, Е. Н. Черных выделил три металлообрабатывающих очага и так называемое раннесрубное производство. Древнейшим и самым крупным очагом он посчитал ингуло-красномаяцкий (XIII–XII вв. до н. э.). Его территория простиралась от Нижнего Поднепровья до восточных отрогов Карпат. Ранняя фаза этого очага была синхронна раннесрубному производству, а поздняя — завадово-лобойковскому очагу, которые занимали Левобережную Украину. В конце эпохи поздней бронзы ингуло-красномаяцкий очаг был сменен кардашинским (XI–IX–VIII вв. до н. э.). Одновременно с ним на Левобережной Украине существовало поздняя группа завадово-лобойковского очага. Такова в общих чертах схема Е. Н. Черных. Согласно ей, на каждом этапе развития параллельно функционировали два очага. Один из них занимал часть территории Правобережной Украины и даже Прикарпатье, а другой — Левобережную Украину. Граница между ними неизменно проходила по Днепру. По мнению Е. Н. Черных, все эти очаги работали на привозном сырье, которое в основном поступало из карпато-балканских месторождений. Само возникновение северопонтийской металлообработки он также связывал с западным импульсом.

Схема Е. Н. Черных приобрела широкую известность. Она привлекала исследователей широтой охвата материала, целостной картиной развития северопонтийского металлопроизводства на протяжении всей эпохи поздней бронзы. Кроме того, в ней получили обоснование некоторые принципиальные положения, которые в работах А. А. Иессена были лишь продекларированы. Речь идет об очаговом характере северопонтийской металлообработки и о ее сильной зависимости от импорта сырья. Однако постепенно вскрылись и крупные недостатки этой схемы. Часть исследователей не согласилась с некоторыми из ее ключевых положений и отвергла их. Прежде всего, это касалось очагов и их хронологии. Так, вскоре выяснилось, что завадолобойковский очаг является целиком искусственным образованием. Он сконструирован за счет объединения двух разновременных и независимых групп материала — лобойковской (кабаковской, по А. М. Лескову) и завадской. В действительности они принадлежат к двум самостоятельным металлообрабатывающим очагам: лобойковско-головуровскому и завадскому (Voškarev, Leskov 1980). Первый из них функционировал в начальную пору эпохи поздней бронзы (XV–XIV вв. до н. э.), а второй — в самом ее конце. Во времени их разделил ингуло-красномаяцкий очаг, состав которого также требует значительных уточнений. В него, кроме красномаяцкой группы А. М. Лескова, Е. Н. Черных ошибочно включил множество импортных кладов и комплексы с территории румынской Молдовы и Молдавии. Между тем было доказано, что эти комплексы образуют самостоятельную локально-хронологическую группу и представляют отдельный ришештский очаг (Дергачёв 1975; Petrescu-Dimbovita 1977; Dergacev 2002; Бочкарёв 1995б). Большинство импортных кладов из Северного Причерноморья также относятся к этой группе и этому очагу. Хотя в прежнее представление об ингуло-красномаяцком очаге необходимо внести существенные коррективы, его традиционное название следует сохранить. Нужно убрать лишь термин ингульский. По данным Е. Н. Черных, на смену красномаяцкому очагу пришел кардашинский. По составу он практически идентичен новоалександровской группе А. М. Лескова, но его возраст неоправданно омоложен по сравнению с этой группой. Е. Н. Черных его датировал самым концом эпохи поздней бронзы, тогда как его следует размещать позже красномаяцкого очага, но раньше завадского. Что касается раннесрубного производства, то его можно считать одним из вариантов обширного срубного очага. Оно появилось на территории Левобережной Украины еще на первом этапе местной эпохи поздней бронзы (XVII–XVI вв. до н. э.).

Внесенные исправления и дополнения, конечно, очень изменили схему Е. Н. Черных. В сущности была создана новая модель. Согласно ей в северопонтийском регионе в эпоху поздней бронзы функционировало пять очагов: срубный, лобойковско-головуровский, красномаяцкий, кардашинско-новоалександровский и завадский. Они последовательно сменяли друг друга в том порядке, как были перечислены. Не всегда их ареалы совпадали. Так, срубный очаг занимал почти всю левобережную Украину, Нижнее и Среднее Поднепровье. Параллельно с ним в степной зоне Правобережной Украины и на территории Молдавии еще существовало местное металлопроизводство эпохи средней бронзы. Территория лобойковско-головуровского очага значительно расширяется в западном и юго-западном направлениях. Литейные формы, клады и единичные находки лобойковско-головуровских изделий появляются на Южном Буге, Пруте и Дунае. В самом конце эпохи поздней бронзы территория очагов вновь сокращается до пределов Северного Причерноморья.

В связи с удревнением возраста срубного и особенно лобойковско-головуровского очагов стало ясно, что именно с ними следует связывать возникновение металлопроизводства эпохи поздней бронзы на Востоке и Юге Украины. Оба эти очага сформировались в результате миграции и инфильтрации населения из доно-волго-уральского региона. Вместе с этим населением с Востока пришли кузнецы-литейщики, металлурги и горняки. Влияние восточного металлопроизводства тогда достигло Прикарпатья, Нижнего Подунавья и даже Трансильвании (Дергачёв 1997; Дергачёв, Бочкарёв 2002). Именно оно инспирировало обратный карпато-

балканский импульс. Он пришелся на несколько более позднее время, и его воздействие было, действительно, очень сильным. С ним связаны формирование красномаяцкого очага и расцвет северопонтийской металлообработки.

Остановимся еще на одной новой гипотезе, которую в последние годы активно отстаивают некоторые украинские археологи (В. И. Клочко, Л. А. Черных и др.). Эти исследователи отвергают тезис о тотальной зависимости северопонтийского производства от импорта сырья и полагают, что его нужды в основном удовлетворялись за счет местных ресурсов. К этим ресурсам относят донецкие залежи медистых песчаников и мелкие месторождения медной руды, которые якобы были во многих регионах Украины.

Пока эти утверждения являются только простыми предположениями. Они еще не обоснованы должным образом. Так, например, никаких достоверных данных о наличии местных источников меди в Нижнем Поднепровье или, скажем, на территории Северо-Западного Причерноморья нет. Несколько лучше обстоит дело со сведениями о донецкой меди. Установлено, что она действительно добывалась в эпоху поздней бронзы (Татаринов 1979; 1993; 2003). Однако ее доля в сырьевом балансе северопонтийского производства не определена. Для решения этого вопроса не хватает фактов, а те, что есть в нашем распоряжении, весьма противоречивы. Судя по материалам недавних полевых исследований, добыча донецкой меди в эпоху поздней бронзы как будто бы достигла очень большого размаха (Бровендер 2005; Пряхин, Отрощенко, Саврасов, Бровендер 2005). По мнению В. В. Отрощенко, донецкий горно-металлургический центр являлся основной сырьевой базой срубного и лобойковско-головуровского производств (Отрощенко, Тупчиенко 2005). Но с другой стороны, малое число находок литейных форм, металлических изделий и отсутствие у них оригинальных черт говорят о незначительном объеме донецкой металлообработки и ее зависимости от внешних влияний. В этой связи напомним, что Е. Н. Черных не без оснований полагал, что Левобережная Украина в основном снабжалась медью волго-уральского происхождения (Черных 1976). Эти разноречивые данные заставляют нас с осторожностью относиться к новой гипотезе об источниках снабжения северопонтийского производства. В этом вопросе мы предпочитаем придерживаться традиционной точки зрения.

По мере накопления наших знаний становится все более ясным, что северопонтийское производство эпохи поздней бронзы имело весьма сложную структуру. Это можно показать на примере красномаяцкого очага (XIII в. до н. э.). Он сформировался в среде сабаатиновской культуры, которая занимала степную зону от Северо-Западного Приазовья до низовий Прута и Дуная. Кроме сабаатиновского населения, он еще обслуживал обитателей Среднего Поднепровья и, возможно, некоторых других районов Украины. В целом его продукция встречается на территории всей южной половины Восточной Европы от Трансильвании и Молдовы до Подонья и Поволжья. В типологическом отношении он ближе всего стоит к рижештскому (Молдова-Молдавия) и дичевскому (Нижнее Подунавье) очагам. Вместе с ними красномаяцкий очаг образует единую производственную зону. Возможно, что в нее следует включить еще один, трансильванский очаг. Все эти очаги, кроме красномаяцкого, относились к разряду металлургических.

Единая производственная зона, которая объединяла значительную часть металлопроизводства в юго-западной части Восточной Европы, возникла на базе трех близкородственных культур — сабаатиновской, ноуа и кослоджени. Возможно, поэтому в ней сложился своего рода свободный рынок металлов. Карпатская и балканская медь, богемское олово и другое сырье, видимо, беспрепятственно ввозились на территорию Молдавии, Северо-Западного Причерноморья, Нижнего и Среднего Поднепровья. Шел также обмен готовой продукцией. Вполне вероятно, что в этой зоне могли достаточно свободно передвигаться не только торговцы, но и группы кузнецов-литейщиков. Однако, несмотря на эти интеграционные процессы, почти в каждом из перечисленных очагов появились локальные варианты производства. Друг от друга их можно отличить по типологическим особенностям выпускаемой продукции. Согласно данным В. А. Дергачёва, в рижештском очаге было не менее четырех, а в трансильванском — трех локальных

вариантов (Дергачёв 1997). Они возникли в местах разработки медных месторождений. В красномяцком очаге можно выделить также три локальных производственных варианта: буго-днестровский, нижнеднепровский и среднеднепровский. Их формирование, в основном, было обусловлено двумя факторами. Первый из них определялся характером и интенсивностью контактов с металлургическими очагами и горно-металлургическими центрами, а второй — местными традициями производства. Эти факторы были взаимосвязаны. Чем сильнее были внешние контакты, тем слабее сказывалось воздействие традиций, и наоборот. Интенсивность контактов больше всего зависела от территориальной близости к источникам сырья. Так, решештские и дичевские заимствования лучше всего заметны в самом западном из красномяцких вариантов — буго-днестровском, а хуже всего — в среднеднепровском. К этому следует добавить, что первый из названных вариантов имел самое мощное производство, а второй — самое слабое. Карпато-балканское влияние достаточно хорошо прослеживается и в нижнеднепровском варианте. Но, как правило, западные заимствования уже модифицированы в духе лобойковско-головуровских традиций (два ушка у кельтов, полукольцо на конце рукояток серпов и т. д.). По объему выпускаемой продукции он, видимо, уступал буго-днестровскому варианту, но превосходил среднеднепровский. На территории последнего варианта из-за большой удаленности от карпато-балканских источников остро чувствовался дефицит сырья. Металл приходилось экономить. Это привело к миниатюризации некоторых изделий (например, кельтов) и даже к отказу от производства таких орудий, как металлические серпы. Тем не менее, в Среднем Поднепровье также прослеживается карпато-балканское влияние. Но оно было слабым и носило опосредованный характер. Гораздо большее воздействие на местное производство оказали металлообработка Нижнего Поднепровья, а также лобойковско-головуровские традиции.

Следующим звеном в структуре северопонтийского металлопроизводства был производственный центр. О донецком центре мы уже упоминали. Видимо, он был единственным местом во всем регионе, где осуществлялся весь комплекс горно-металлургических операций (от добычи руды до изготовления изделий). Все остальные северопонтийские центры занимались металлообработкой. Правда, если в какой-то из них завозили руду, то местным мастерам приходилось заниматься ее плавкой. Но такие случаи, видимо, были очень редкими.

Основными археологическими признаками металлообрабатывающего центра является локальная концентрация находок металлических изделий и особенно находок кузнечно-литейных инструментов (литейных форм, тиглей, льячек, кузнечных молотков и т. д.). Важное значение также имеют данные об остатках теплотехнических сооружений и отходов производства. В целом каждый такой центр представлял собой территориальное скопление кузнечно-литейных мастерских.

Следуя указанным критериям, сейчас, кроме донецкого, можно выделить еще три центра. Все они находились в Поднепровье. Один из них располагался по обоим берегам Днепра, между Киевом и Каневом. Он принадлежал лобойковско-головуровскому очагу. Другой центр занимал довольно узкую, но длинную полосу земли вдоль правого берега Днепра приблизительно от Верхнеднепровска до Запорожья. Его следует относить к нижнеднепровскому варианту красномяцкого очага. Наконец, третий центр находился в районе херсонских (кардашинских) кучугур в устье Днепра. Он функционировал в течение длительного времени. Но особенно важную роль он начал играть в кардашинско-новоалександровском и заводском очагах.

Возможно, производственные центры также существовали на Южном Буге (в районе Вознесенска) и в некоторых других районах Северо-Западного Причерноморья. Однако нельзя ожидать, что они были распространены повсеместно. Очевидно, их формирование было вызвано особыми условиями (экономическими, политическими, сакральными и т. д.), благоприятствующими занятиям металлообработкой. За пределами этих центров находилось еще множество мастерских, которые были рассеяны по разным районам Северного Причерноморья.

Кузнечно-литейные мастерские являлись первичными ячейками северопонтийского металлопроизводства. Можно также сказать, что с них начиналось и на них замыкалось вся организация этого производства. С археологической точки зрения, мастерская — это производственный участок, где проводились различные кузнечно-литейные операции. Здесь могут находиться остатки печей, горнов, очагов, отходы производства (шлаки, капли металла, древесный уголь и т. д.), а также кузнечно-литейные инструменты (Voškarev, Leskov 1980). Конечно, далеко не всегда удается обнаружить все эти артефакты. Обычно сохраняется лишь какая-то их часть. Но и этого бывает достаточно для надежной идентификации мастерских. В качестве косвенных признаков присутствия мастерских могут рассматриваться отдельные находки инструментов, производственные свалки (как в Мосоловке на Среднем Дону) и особенно клады каменных литейных форм. Эти клады представляют собой собрания, а иногда и полные комплекты матриц (до 10–15 штук), которые были складированы и спрятаны. Их сокрытие в земле могло быть вызвано как экономическими, так и сакральными причинами. Но, так или иначе, они дают нам довольно полное представление о тех наборах литейных форм, которыми пользовались в отдельных мастерских.

Судя по топографии выше перечисленных находок, кузнечно-литейные мастерские располагались на поселениях как больших, так и маленьких. Если ориентироваться на клады литейных форм, то между собой они различались размерами. Среди них были как крупные (Красный Маяк, Завадовка и т. д.), так и совсем маленькие (Кардашинка 1–2). Но те и другие выпускали почти одинаковые наборы инвентаря. Никакой специализации среди них незаметно. Но конечно, только крупным мастерским было под силу изготавливать такие сложные и металлоемкие изделия, как мечи или клепаные котлы. С другой стороны, и маленькие мастерские могли прославиться качеством своей продукции.

О том, как была организована работа мастерских, известно немного. Все же некоторые выводы и предположения на эту тему сделать можно. Как уже давно было установлено в зарубежной и нашей литературе, производством металлических изделий в эпоху бронзы занимались профессиональные мастера. Применительно к северопонтийскому металлопроизводству они могут быть названы кузнецами-литейщиками. Большую часть изделий эти мастера отливали и затем с помощью ковки и других операций доводили их до нужных кондиций. Как формообразующий прием ковка использовалась для изготовления металлической посуды и некоторых категорий украшений. Кузнецы-литейщики, видимо, были универсальными мастерами. Узкая специализация еще отсутствовала. Но, разумеется, какая-то внутренняя градация у них была (мастера и подмастерья и т. д.).

Эти мастера работали в стационарных мастерских, которые, как уже говорилось, располагались на поселениях. Но некоторые исследователи полагают, что они могли также вести бродячий образ жизни. Правда, подтвердить это археологическими фактами трудно. Факты скорее говорят об обратном. Так, все достоверные находки кузнечно-литейного инвентаря, все места свалок и производственных отходов приурочены только к поселениям. Вне поселений находят клады металлических изделий, но не в одном из них нет аксессуаров кузнечно-литейного дела. Показательно также, что северопонтийская металлообработка подразделяется на ряд отчетливых локальных групп и группировок (очаг, вариант, производственный центр).

Но стационарный характер мастерских не означает, что они работали круглогодично, без значительных временных перерывов. Несомненно, такие перерывы были. В частности они были вызваны сезонными колебаниями в поставках сырья. В целом, есть основание предполагать, что работа отдельных мастерских, как и всей северопонтийской металлообработки, в значительной мере регламентировалась сельскохозяйственным и природным циклами (Бочкарёв 1981).

Тесная связь с местным населением предполагает, что мастерские работали на заказ. В зависимости от размеров они обслуживали жителей одного поселения или же нескольких.

С другой стороны, продукция крупных мастерских могла поступать на свободный рынок и распространяться далеко за пределами Северного Причерноморья.

В заключение выскажем еще одно предположение. По всей вероятности, северопонтийское металлопроизводство находилось под контролем местной знати. Представляется, что только она могла обеспечить регулярный импорт сырья и защитить корпоративные интересы кузнецов-литейщиков. С другой стороны, эта знать была кровно заинтересована в развитии и процветании металлопроизводства как одной из самых важных и доходных отраслей экономики.

Металлические булавки с кольцевидной головкой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы³¹

В эпоху поздней бронзы (XIV–X вв. до н. э.) на Правобережной Украине, на территории Молдавии и восточной части Румынии получили распространение бронзовые булавки с круглым, постепенно сужающимся книзу стержнем и головкой в форме кольца (рис. 1, 2). Судя по результатам визуального осмотра, они были отлиты в двустворчатых формах, а иногда и по восковой модели. Этот вывод подтверждается находками нескольких каменных матриц с их негативами (Завадовка, Солоха и др.), а также данными пяти металлографических анализов (Вошкарёв, Leskov 1980: Taff. 8, 72в; 10, 84в; 15, 151в). После отливки стержни булавок проковывались и слегка заострялись. В некоторых случаях они украшались резным орнаментом.

Всего на территории юго-западного региона Восточной Европы нами учтено 46 экз. таких булавок и три литейных формы для их производства (рис. 4). Подавляющее их большинство происходит из поселений и случайных сборов. Лишь пять или семь булавок найдены в погребениях и пять в кладах.

В морфологическом отношении эти булавки являются одними из самых простых украшений того времени. Поэтому их всегда рассматривали в целом, недифференцированно, и относили к одному типу или разряду (Черных 1976: 128–129; Шарафутдинова 1987: 75; Dergacev 2002: 159–160; Лысенко, Лысенко и др. 2005: 157–160). Столь же суммарно их датировали всем периодом эпохи поздней бронзы. Но как будет показано ниже, они не являются столь однородными и единообразными изделиями, как их обычно описывают в литературе. Среди них можно выделить несколько разновидностей, каждая из которых имеет свою историю.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что размеры этих булавок варьируют в довольно широких пределах. Их длина колеблется от 6–9 см до 30–32 см. Вслед за длиной изменяется толщина стержня, вес и некоторые другие параметры изделий. Анализ этих данных показал, что для классификации булавок наибольшее значение имеет изменение размеров их головок. По этому признаку они могут быть разделены на два типа. В первый из них вошли булавки, у которых внешний диаметр кольца головки равен 1,8–2,2 см, а внутренний — 1–2 см (рис. 1). У булавок второго типа эти параметры будут соответственно 1–1,6 см и 0,5 и 1 см (рис. 2). Одним из подтверждений достоверности этой классификации является график, на котором скоррелированы данные о длине булавок и внешнем диаметре их головок (рис. 3). На нем видно, что значки образуют две достаточно различимые группировки. Верхняя из них (затемненные кружки) соответствуют первому типу булавок, а нижняя (крестики) — второму.

Есть основание полагать, что зафиксированные различия не являются случайными. Они вызваны объективными причинами. Одна из них заключается в том, что способы использования булавок этих типов были разными.

³¹ Опубликовано: С. Н. Бибиков и первобытная археология. СПб, 2009. С. 357–365.

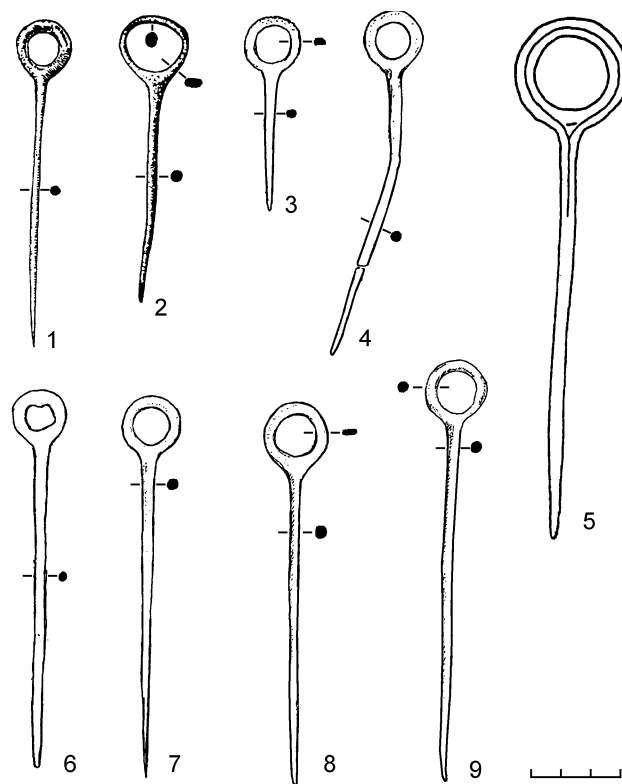

Рис. 1. Булавки с кольцевидной головкой I типа: 1 — Магала; 2 — Трушешти; 3 — Слободка-Шириуцы; 4 — Отрадное; 5 — Жабокруки; 6 — Гырбовэц; 7–9 — Данку

Судя по таким изделиям, как подвесные украшения солонецкого типа (рис. 5, 4–7, 9), булавки с большой головкой (1 тип) являлись частью сложного составного убора (Тереножкін 1964: 204, рис. 2). Кроме булавки, в его состав входили треугольная рамка с кольцами по углам и крестовидные подвески, также снабженные кольцами. Чтобы все это устройство было единым целым и вместе с тем его составные части (булавка, рамка и подвески) оставались бы подвижными («шумящими»), их скрепляли между собой с помощью свободно вращающихся колец. Эти соединительные кольца были важнейшим элементом всей конструкции. Их отливали в особых каменных формах (рис. 5, 1–3). Такие формы были найдены в районе г. Днепропетровска и на сабаатиновском поселении в Береславе на Нижнем Днепре (Во́ккарев, Leskov 1980: 12–13, Taff. 3, 37; Шарафутдинова 1987: 76–77, рис. 1, 13; Gerskovic 1999: 19, Taff. 7, 13). Правда, они предназначались для соединения колец несколько большего диаметра, чем в Солонцах. Но это не меняет сути дела.

Особенностью таких форм является наличие в их центре сквозного отверстия, вокруг которого и располагался негатив кольца. Поскольку каждая такая форма состояла из четырех брусьев (двух для левой створки и двух для правой), то она легко размыкалась как по вертикальной, так и по горизонтальной оси. Благодаря этому в ее центральное отверстие можно было вставить металлическое кольцо и оставить его там, вновь сомкнув створки. В таком виде форма была готова к работе. Ее заливали металлом и в итоге получали новое кольцо, продетое в другое, которое уже находилось в отверстии на форме (рис. 5, 10). Эта операция повторялась столько раз, сколько нужно было отлить соединительных колец или звеньев цепи. Была также возможность соединить одно кольцо сразу с несколькими кольцами. Это зависело от их размеров и диаметра отверстия на форме.

В эпоху бронзы описанная технология была известна в ряде областей Европы (Ebert 1929, т. 2: 160). В Карпато-Дунайском регионе ее использовали при изготовлении так называе-

мых ниспадающих подвесок (Chidiosan 1977: 55–70; Kacsó 1995: 94–111, Abb. 1–8). Вероятно, отсюда она была заимствована мастерами культур ноуа и сабаиновки, которые создали свой вариант ниспадающих подвесок (солонецкий тип).

Следует сказать, что при всех достоинствах литья соединительных колец в каменных формах, эта технология имела ряд ограничений. В частности она не позволяла отливать маленькие кольца. Этому препятствовали как сама конструкция форм, так и их материал. Как показали несложные расчеты, внутренний диаметр таких колец не мог быть заметно меньше 8–9 мм. В конечном счете, это технологическое ограничение и предопределило появление у булавок первого типа крупных головок.

Естественно, далеко не всегда булавки и другие детали украшений солонецкого типа удавалось соединить друг с другом при помощи цельнолитых колец. Например, при поломках часто приходилось прибегать к более простым и доступным средствам ремонта. Известен по меньшей мере один случай, когда вместо кольца была применена скоба, согнутая из толстой проволоки (рис. 5, 5). Вполне вероятно, что в этих же целях могли использовать завязки из органических материалов (кожи, шерсти и т. д.). Но конечно, эти замены во всех отношениях уступали кольцам. Поэтому, вероятно, их рассматривали как своего рода суррогаты. Образцовым оставалось скрепление посредством цельнолитых колец. На них и были рассчитаны размеры головок булавок. По традиции их делали большими даже тогда, когда сами эти булавки носили по одиночке, без металлических подвесок. Впрочем, нельзя исключить, что и в этих случаях также были подвески, только они делались из каких-то мягких материалов (войлока, кожи, ткани). Для их размещения также необходимы были головки сравнительно большого диаметра. Завершая этот раздел, отметим, что какова бы не была причина появления у булавок крупной головки, для целей классификации важен факт наличия такой головки. Она сама является определяющим признаком булавок первого типа. По сравнению с этим вопрос об особой функции таких булавок также приобретает вторичный характер. Главным и первичным остается то, что с формальной точки зрения эти булавки составляют отдельный и самостоятельный тип. Все остальное является его интерпретацией.

Отличительной чертой булавок второго типа является маленькая головка. По всей вероятности они использовались как обычные заколки. Во всяком случае, нет никаких данных о том, что они, подобно булавкам первого типа, входили в состав каких-то сложных металлических украшений. Правда, иногда, как показали материалы гордеевского могильника, их носило парами (Berezanskaia, Klocko 1998: 11, 37, Taff. 28, 1–2). Однако это их основную функцию не меняло. Подобные случаи также зафиксированы в ряде других европейских культур эпохи бронзы (Harding 2000: 374–376, fig. 11, 2, 4). Надо полагать, что их использовали как застежки для плащей, накидок и других видов верхней одежды. Конечно, у больших и богато украшенных булавок могли быть и другие, дополнительные функции. В целом, все их можно относить к предметам галантерейной фурнитуры.

Чаще всего встречаются булавки, у которых внутренний диаметр кольцевидной головки равен 7–8 мм. Очевидно, их носили на довольно толстых шнурках, которые были сплетены из полосок кожи или прочных ниток. Отсутствуют сведения, что в их креплении использовался металл. Но это и не было нужно.

В типологическом отношении эти булавки не выглядят столь однообразно, как изделия первого типа. На корреляционном графике отчетливо видно, что по длине они разделяются на два варианта (рис. 3). Первый из них составляют изделия небольших и средних размеров. Лишь в одном случае их длина превышает 20 см. Они выделяются также тем, что имеют совершенно гладкий и неорнаментированный стержень (рис. 2, 1, 4–10). В этом отношении им идентичны булавки первого типа. От них они отличаются только меньшим размером головки. Всего учтено 11 экз. таких булавок.

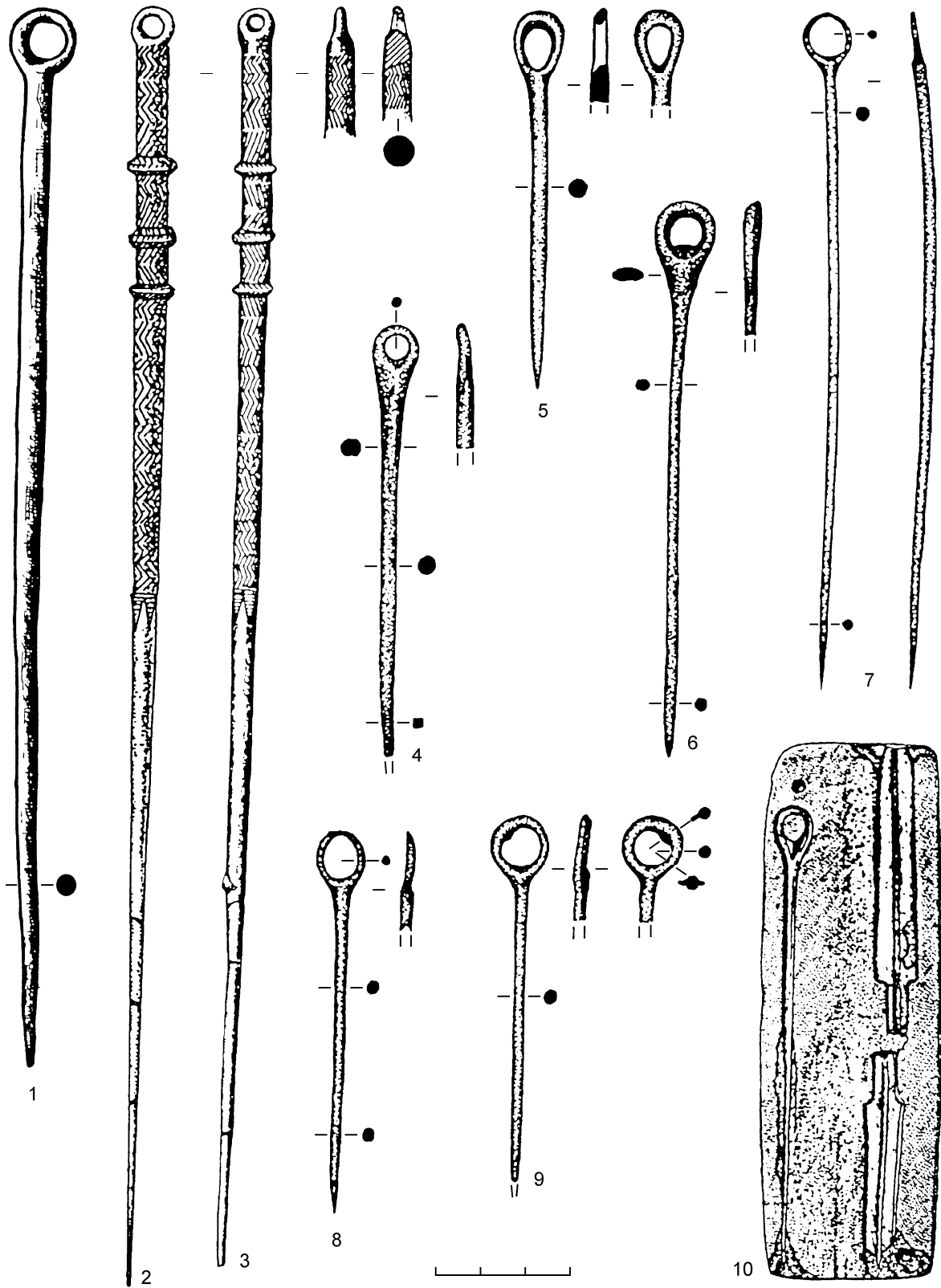

Рис. 2. Булавки с кольцевидной головкой второго типа:

1 — Диброво, 2, 3 — Гордеевка (по С. С. Березанской и В. И. Клочко); 4 — Кременчуг; 5 — М. Букрин;
 6, 8 — неизвестного происхождения (НМИУ); 7 — Киев, Оболонь; 9 — Вишеньки; 10 — Завадовка (по В. И. Клочко и Я. П. Гершковичу). 4-9 по С. Д. Лысенко, С. С. Лысенко и др.

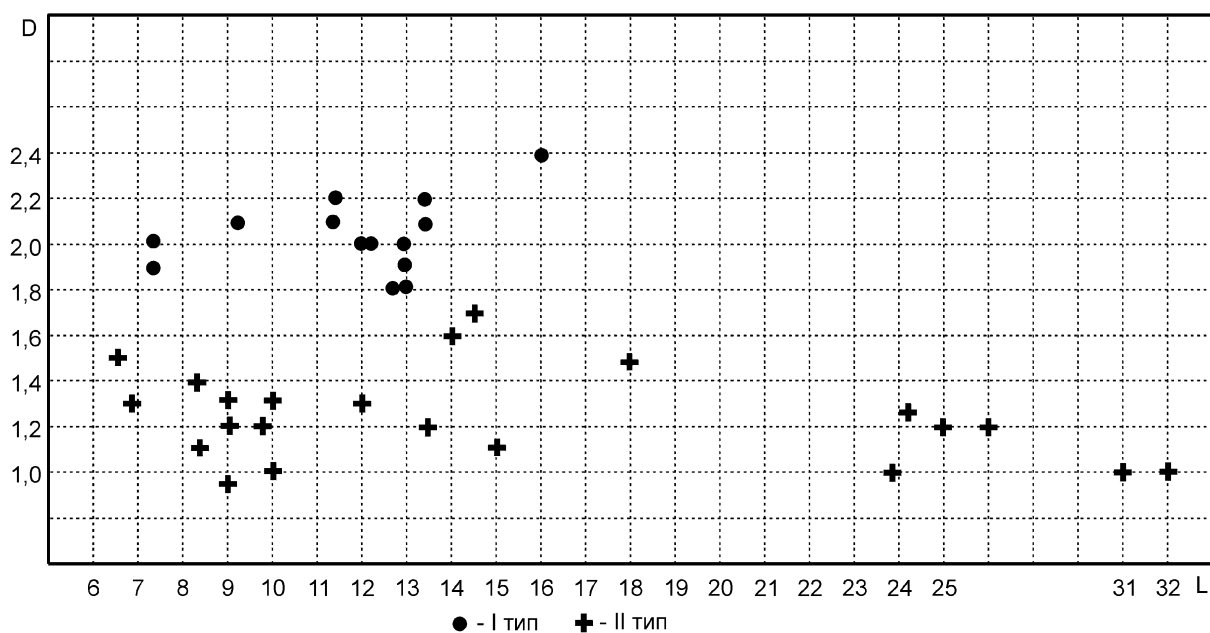

Рис. 3. График корреляции длины булавок (L) и внешнего диаметра их головок (D)

Ко второму варианту относятся большие булавки. Их длина превышает 20 см. На поле графика их значки занимают правый нижний угол (рис. 3). Другим важным признаком является наличие на их стержне трех — четырех тонких параллельных валиков. Валики литые и располагаются несколько ниже шейки булавки (рис. 2, 2, 3). У пяти таких булавок (из шести известных сейчас) верхняя половина стержня украшена нарядным нарезным орнаментом. В двух случаях также орнаментированы головки изделия. Забегая вперед, отметим, что выделенные варианты отражают различия в локализации и культурной принадлежности булавок второго типа.

В нашем распоряжении имеется достаточное количество датированных памятников, чтобы в общих чертах определить хронологию и направление развития булавок с кольцевидной головкой. В основном, это поселения, которые принадлежат культурам ноуа, сабашиновской, белозерской и белогрудовской. Их временные рамки были установлены еще А. И. Тереножкиным (1965: 63–85; Смирнова 1995: 33–53). Первые две культуры синхронны и образуют раннюю группу. Ее относят к XIV–XIII вв. до н. э. Две другие составляют позднюю, белозерско-белогрудовскую группу, и датируются заключительным периодом эпохи поздней бронзы, то есть XII–X вв. до н. э. В ряде случаев эти датировки удастся уточнить с помощью кладовых и погребальных находок, а также литейных форм. Все эти данные обобщены нами в отдельной таблице. В ней показано распределение булавок каждого типа по двум культурно-хронологическим группам (табл. 1).

Таблица 1

Распределение булавок I и II типов по культурно-хронологическим группам

Типы	Булавки I типа	Булавки II типа
Культурно-хронологические группы		
Ноуа-сабашиновская группа	17	
Белозерско-белогрудовская группа	1 (+1)	12

Как можно видеть, все булавки первого типа, кроме двух, встречены в памятниках ранней, ноуа-сабашиновской группы. Важно подчеркнуть, что они уже есть в самых ранних поселениях культуры ноуа (Florescu 1991: fig. 108, 14). К этому же времени (то есть к XIV в. до н. э.)

А. И. Тереножкин относил солонецкий клад, который, по его мнению, принадлежал ранней сабастиновской культуре (Тереножкин 1976: 190). Два других клада с булавками первого типа (Бэ-лени и Данку) в рамках хронологической системы Рейнеке–Мюллера–Карпе уверенно датируются XIII в. до н. э. (Petrescu-Dimbovita 1977: 73–78; Dergacev 1991: 53). Судя по этим данным, хронологический диапазон булавок первого типа охватывает два века начальной поры эпохи поздней бронзы восточного Прикарпатья и Северного Причерноморья (XIV–XIII вв. до н. э.).

Вместе с тем, несколько булавок этого типа как будто были зафиксированы в памятниках более позднего времени. Правда, надежно документировано только одна из них. На ней и следует остановиться. Она происходит из клада металлических изделий, найденного близ с. Жабокруки в Прикарпатской Украине (Zurowski 1949: 175, т. 25, 7). Согласно авторитетному мнению В. Бруна, этот комплекс следует относить ко времени HA1 и соответственно датировать XII в. до н. э. (Brunn 1968: 56). По всей вероятности, находка из Жабокрук свидетельствует о том, что булавки первого типа продолжали употребляться и на ранней фазе заключительного периода эпохи поздней бронзы. В Северном Причерноморье этой фазе соответствует кардашинско-новоалександровская группа, а на территории Молдавии группа голерканы-ханск (Бочкарёв 2006: 58–59; Levitki 1994: 250–256). В их материалах и особенно в первой из названных групп, еще нередко встречаются изделия типичные для предшествующего времени. Среди них могли оказаться также булавки с большой кольцевидной головкой. К числу характерных памятников этого времени относятся клады из Грушки и Жабокрук в верхнем Поднестровье, Мындрешть из Молдавии и Дикого Сада из Нижнего Поднепровья. В более поздних комплексах, синхронных завадовской группе в Северном Причерноморье, булавки первого типа уже не встречаются. Надо полагать, что к этому времени они, как и подвески солонецкого типа, окончательно исчезают. Их полностью вытесняют булавки второго типа. Все их находки были зафиксированы только в памятниках поздней культурно-хронологической группы (белозерско-белогрудовской), которая в целом датируется XII–X вв. до н. э. Эта датировка действительна для обоих вариантов булавок второго типа. Правда, не исключено, что в лесостепной части Правобережной Украины булавки второго варианта могли использоваться и немного дольше. В пользу этого говорит состав инвентаря некоторых погребений гордеевского могильника (Berezanskaia, Klocko 1998: 12–13, 35–36, Taff. 20, 3–7).

Итак, проведенный обзор позволяет заключить, что булавки с кольцевидной головкой в юго-западном регионе Восточной Европы существовали на протяжении 500 лет. В течение этого длительного времени они менялись, что фиксируют выделенные типы. Первый из них датируется начальным периодом эпохи поздней бронзы, а второй — ее концом. Смена типов проходила, видимо, постепенно, эволюционно. Вместе с этим мог также измениться антураж булавок. Булавки первого типа все или какая-то их часть использовались в составе сложных украшений. Кроме булавки, в них также входили и другие металлические детали, которые иногда, возможно, делались из мягких материалов: кожи, войлока, дерева и т. д. Насколько можно судить, ничего подобного у булавок второго типа не было. Они использовались только как заколки.

Булавки первого типа получили распространение у населения культур ноуа и сабастиновской. Их находки встречаются на территории Восточной Румынии, Молдавии и Северного Причерноморья (рис. 4). Они также есть в Среднем Поднепровье. Но здесь их культурная принадлежность остается неизвестной, так как все они происходят из случайных сборов. Можно лишь предполагать, что их использовали люди восточно-тшинецкой культуры.

Ареал распространения булавок второго типа заметно меньше. Они отсутствуют на территории Румынии, Молдавии и прилегающих районов Северо-Западного Причерноморья. В основном их находки сосредоточены в Нижнем и Среднем Поднепровье (рис. 4). Здесь они связаны с памятниками белозерской и белогрудовской культур. Особо следует подчеркнуть, что все комплексные находки булавок второго варианта второго типа атрибутируются нами как белогрудовские. Хотя их известно пока немного (6 экз.), они, несомненно, составляют особый

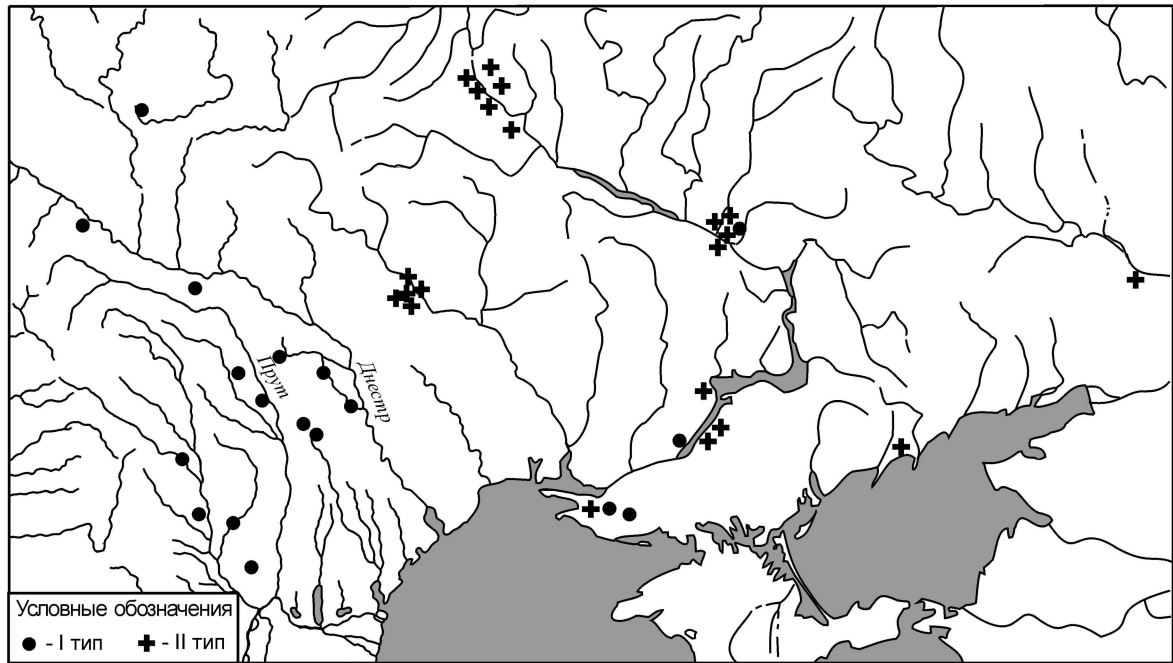

Рис. 4. Карта-схема распространения булавок с кольцевидной головкой

вариант. Этот вариант был справедливо назван гордеевским (Berezanskaia, Klocko 1998: 11). Он отражает культурные и локальные особенности производства булавок второго типа в лесостепной части Правобережной Украины. Очевидно он сформировался как под воздействием белозерского импульса (сама форма булавки), так и лужицкого влияния (орнаментация и размеры булавок).

В заключение затронем вопрос о происхождении и развитии булавок с кольцевидной головкой в Восточной Европе. Эта тема является актуальной, поскольку булавки как отдельная категория изделий и принадлежность костюма не были известны степному населению в эпоху средней бронзы. Их нет в катакомбных и бабинской культурах. Они также отсутствуют в срубных памятниках. В юго-западном регионе Восточной Европы булавки появились в эпоху поздней бронзы вместе с культурами ноа и сабатиновской. Особенно популярны они стали в первой из них. В ней они представлены сравнительно многочисленной и разнообразной серией. Но легко обнаруживается, что типы многих из этих булавок были заимствованы извне или имеют отчетливые инокультурные прототипы. К числу таковых относятся булавки кипрского типа (младший вариант), булавки с трубковидными, роликовыми, шарообразными и плоскими, овальными головками (рис. 6, Б, 1–6). В этот же ряд следует поставить булавки с кольцевидной головкой.

Все они находят точные и многочисленные аналогии в Средней Европе. Особенно хорошо они представлены в унетичской культуре Чехии и Моравии (Tihelka 1953: 267–272; obr. 22, 1–3, 6–8, 10; 23, 1, 2; 24, 2, 3) (рис. 6, А). По системе Рейнеке здесь они датируются периодом ВА2, то есть 2000–1500 гг. до н. э. (Hänsel A. und B. 1997: 102–103, Abb. 1). Около середины II тыс. до н. э. в связи со сменой культур в Средней Европе большинство этих типов булавок, включая изделия с кольцевидной головкой, выходят из употребления. Но примерно в это же время или немного позже они появляются в Восточной Европе. Остается не вполне понятно, каким образом произошло это перемещение. По всей вероятности, в качестве трансляторов выступили такие карпатские культуры, как отомань, витенберг и монтеору. Они существовали длительный промежуток времени (от ранней до поздней бронзы), и некоторые из них имели хорошие связи как со Средней, так и с Восточной Европой. В этом отношении особо следует выделить культуру монтеору. Ее наследие сыграло большую роль в формировании культуры ноа.

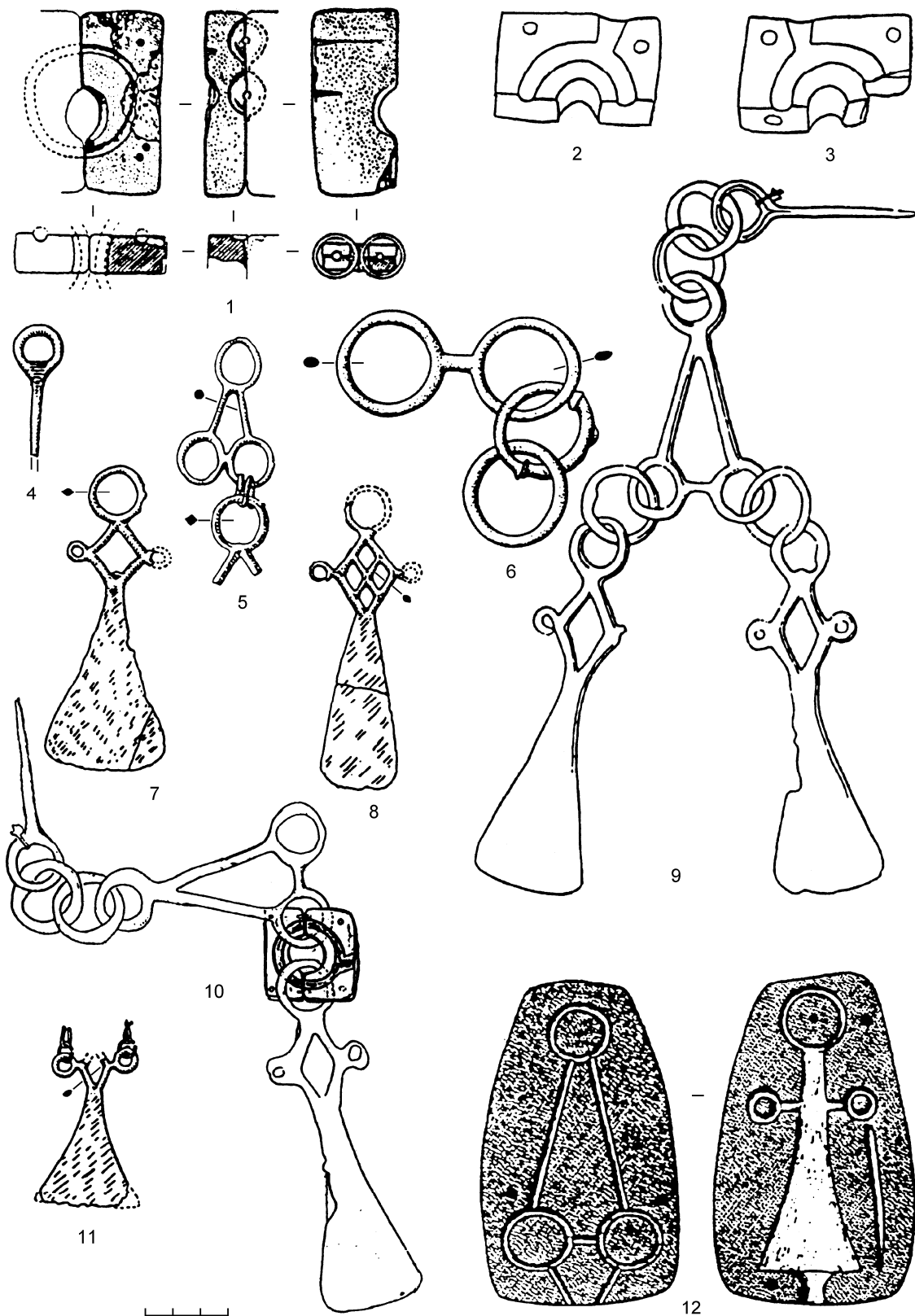

Рис. 5. Подвески солонецкого типа и литейные формы для производства их деталей:

- 1 — Берислав (по И. Н. Шарафутдиновой); 2–3 — р-н Днепропетровска (по О. А. Кривцовой-Граковой);
 4–8 — Бэлени (по И. Драгомиру); 9 — реконструкция способа отливки соединительных колец;
 10 — Солонцы (по А. И. Тереножкину); 11 — Вышнетарасовка (по И. Н. Шарафутдиновой);
 12 — Мындрешты (по В. А. Дергачёву)

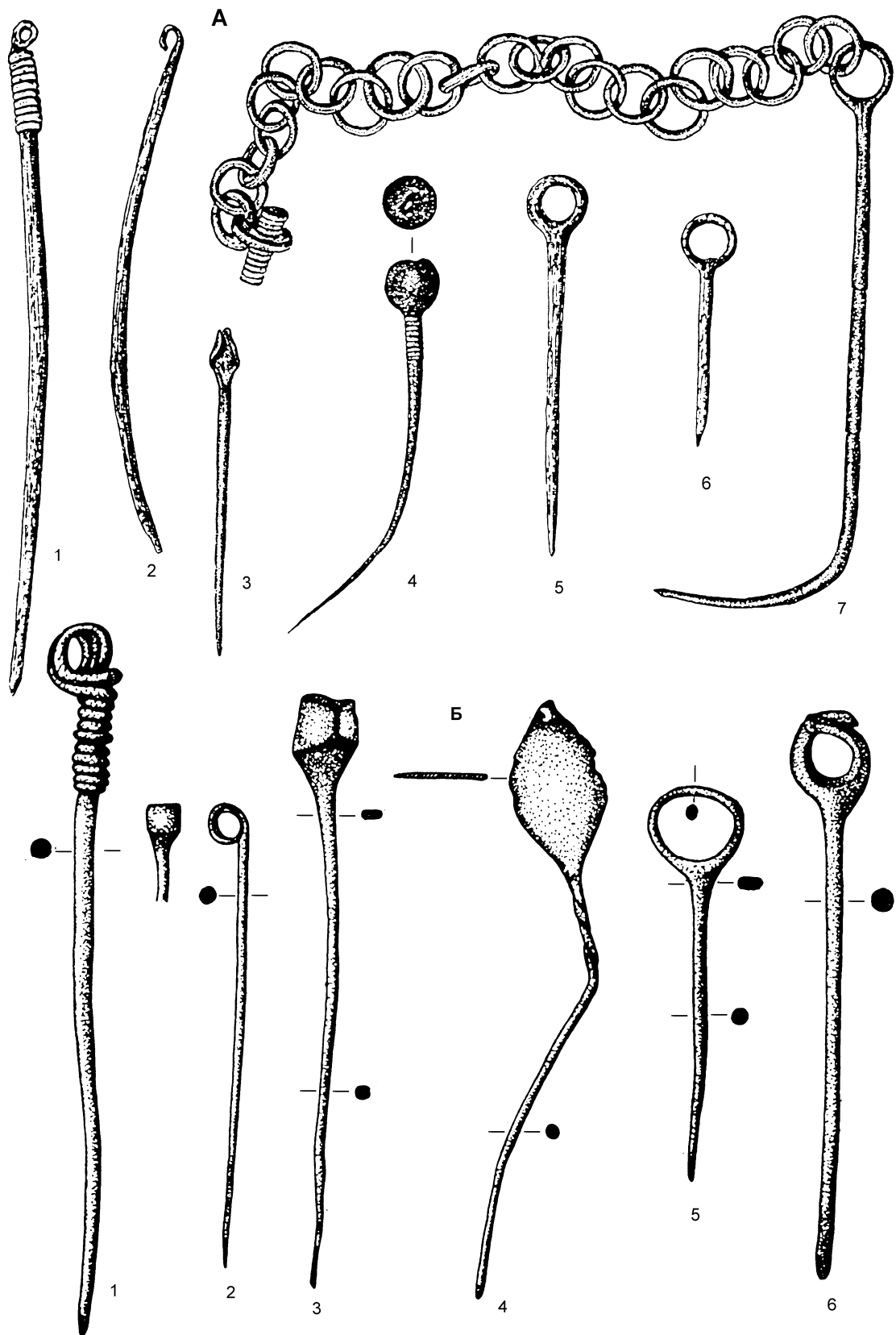

Рис. 6. Булавки культур ноуа (Б) и унетичкой (А). А: 1 — Ладна; 2 — Леднице; 3 — Шардичка; 4 — Шлапанице; 5 — Крепице, Градиско; 6 — Опатовиче у Райграду; 7 — Трштеницы (по К. Тихелка).
 Б: 1, 4 — Гырбовец; 2 — Полна Дильчести; 3 — Глэвэнешти; 4 — Вэлни (по А. Флореску).
 Масштабы разные

В целом не вызывает сомнений, что перечисленные выше типы булавок восходят к средневропейским образцам эпохи ранней бронзы. Они образуют самую позднюю и самую удаленную на восток филиацию этих изделий. Оказавшись в Восточной Европе, некоторые из них сравнительно скоро исчезают (булавки кипрского типа, с трубковидной головкой и т. д.). Но другие доживают до конца эпохи поздней бронзы и даже переходят в век железа (булавки с роликовой головкой). Изделия с кольцевидной головкой относятся к числу долгоживущих и развивающихся видов булавок. Как было показано выше, они делятся на два типа, один из которых состоит из двух вариантов. Эти подразделения отражают локально-хронологические и культурные особенности развития этих булавок.

Сам факт появления металлических булавок в юго-западном регионе Восточной Европы говорит о тех значительных переменах, которые здесь произошли в эпоху поздней бронзы. Выше уже отмечалось, что эта категория изделий в предшествующее время практически не была известна местному степному населению. Массовое распространение булавок означало появление новой фурнитуры, что могло существенно изменить и весь облик традиционного костюма. Конечно, могло быть и наоборот — изменение в костюме повлекло за собой появление булавок. Но в любом случае можно предположить, что это не было ординарным событием.

«Киммерийские» котлы³²

Со времен работы В. А. Городцова северопричерноморские клепаные котлы принято именовать киммерийскими (Городцов 1928: 46–59). Поскольку остается неизвестным ни точная локализация киммерийцев, ни их культура, единственным оправданием этого наименования может быть датировка котлов VIII–VII вв. до н. э. Но именно эта сторона дела менее всего обоснована. Самым веским аргументом в пользу киммерийского возраста котлов является отмеченное О. А. Кривцовой-Граковой сходство некоторых из них с литыми котлами скифского типа (Кривцова-Гракова 1955: 133–135). Правда, это сходство понималось как генетическое, и клепаную посуду соответственно относили к концу эпохи бронзы.

При почти полном отсутствии комплексных находок единственным средством уточнить дату котлов остается типологический анализ,

В настоящее время в пределах юга Европейской части СССР мне известно 18 экз. клепаных котлов из следующих мест: 1) Подолия (Antoniewicz 1958: 57, рис. 2); 2) с. Антонины, бывш. Заславского у. Волынской губ. (Antoniewicz 1928: табл. XXX; 1934: 191–196); 3) бывш. Таращанский у. Киевской губ. (Макаренко 1930: 33–34, рис. 12); 4–5) Молешты, Молдавия³³; 6) с. Ново-Павловка, Кировоградской обл. (Кривцова-Гракова 1955: 133, рис. 31, 3); 7) Одесская обл. (?) (Terenožkin 1962: 272–277, рис. 1); 8) Дикий Сад в г. Николаеве (Кривцова-Гракова 1955: 133, рис. 31, 1); 9) с. Михайловка, Скадовского р-на. Херсонской обл. (Макаренко 1930: 47–78, рис. 20; Terenožkin 1962: 272); 10) Аскания Нова (Николаевский музей. Инв. № 5797); 11) пос. Ивановский, Ростовской обл. (Попов 1914: 157–158); 12) с. Михайловка, Ставропольского края (Минаева 1966: 171–173); 13) р. Эшканон (Крупнов 1958: 191); 14) станица Суворовская, Ставропольского края (Нечитайло 1967: 68–71); 15) с. Лапас, Красноярского р-на. Астраханской обл. (Филипченко 1962: 270–272, рис. 1, 1); 16) с. Домешки, Утевского р-на, Куйбышевской обл. (Гольмстен 1929: 123); 17–18) граница бывш. Херсонской и Таврической губерний (Городцов 1928: 56, рис. 8) (табл. 1).

Котлы из последнего пункта и р. Эшканон придется исключить из дальнейшего анализа, так как они известны только по беглым замечаниям В. А. Городцова и Е. И. Крупнова. Каждый из оставшихся 15 экз. смонтирован из нескольких цельных или составных горизонтальных полос,

³² Опубликовано: Археология. 1972. № 5. С. 63–68.

³³ Любезное сообщение В. А. Дергачёва.

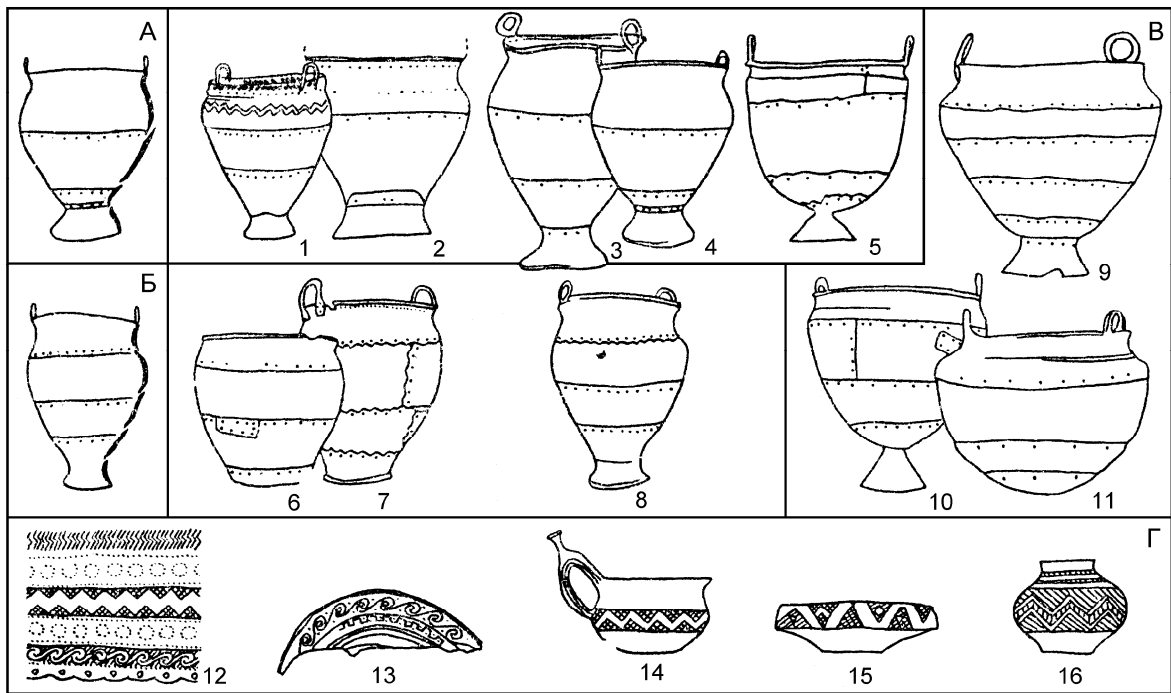

Таблица 1. А — первый способ скрепления полос; Б — второй способ скрепления полос; В — котлы с отклонениями от нормы; Г — «подольская композиция» и ее аналогии.
 1 — Домашки, ок. 1/20 н. в.; 2 — Одесская обл., ок. 1/10 н. в.; 3 — бывш. Тарашанский у., ок. 1/7 н. в.; 4 — Антонины, ок. 1/8 н. в.; 5 — Лапас, ок. 1/10 н. в.; 6 — Михайловка Херсонской обл., ок. 1/15 н. в.; 7 — Михайловка Ставропольского края, ок. 1/11 н. в.; 8 — Подолия, ок. 1/21 н. в.; 9 — пос. Ивановский, ок. 1/17 н. в.; 10 — Дикий Сад, ок. 1/11 н. в.; 11 — Ново-Павловка, ок. 1/11 н. в.; 12 — орнамент на горле подольского котла; 13 — жертвенник из Жаботинского поселения; 14 — черпак из кургана № СХІV близ г. Смелы; 15 — чаша из Ставропольского кургана 1924 г.; 16 — сосуд из кургана № 6 у ст. Норка

скрепленных заклепками; чем крупнее сосуд, тем из большего количества частей он состоит. Но характерно, что даже самые маленькие состоят не менее, чем из трех полос, В этом можно усматривать традицию, которая, возможно, сложилась из взаимодействия двух факторов: размеры котлов определялись хозяйственными потребностями, а размеры полос — техническими возможностями древних мастеров.

Другая традиционная черта клепаной посуды проявляется у «киммерийских» котлов в двух вариантах. Имеется в виду два варианта сборки «обручей» (полос): 1) первый «обруч» входит во второй, второй в третий, третий в четвертый и т. д. (табл. 1 А); 2) второй «обруч» входит и в первый, и в третий, а далее, как в предыдущем случае (табл. 1 Б), Очевидно, при монтаже котлов соблюдалось правило — «обруч» большего диаметра вставлялся в «обруч» меньшего диаметра. У котлов из Антонин, Тарашки, Домашек, Лапаса, Молешт, Одесской обл., Аскания Нова наибольший диаметр тулова падает на первый (верхний) «обруч», поэтому первый «обруч» вставлен во второй. У котлов из Михайловки Херсонской обл., Подолии, Михайловки Ставропольского края наблюдается противоположная картина, так как наибольший диаметр проходит по второму «обручу».

Итак, различия в порядке скрепления полос следует объяснить технической целесообразностью, которая, как показывает средневропейский и кавказский материал, действовала с непреложностью закона. Но каждое правило имеет исключение. В данном случае это демонстрируют котлы из Ивановского, Ново-Павловки, Дикого Сада и Суворовской. По всей вероятности, отклонения от нормы у котлов из Ивановского, Дикого Сада и Ново-Павловки не случай-

ны, так как и по другим признакам они выделяются. Так, в большинстве случаев котлы снабжены приклепанными ручками, а у этих трех и у котлов из Лапаса и Аскания Нова они отлиты или выкованы вместе с верхней полосой.

Далее, котлы из Ново-Павловки, Дикого Сада, Лапаса, Ивановского и Аскания Нова более приземисты, чем все остальные (диаметр устья у них почти равен или больше высоты корпуса), и круглодонны. Наконец, 5 названных экземпляров выделяются и по чисто формальным признакам. По силуэту все котлы можно подразделить на 4 группы:

1) «тюльпановидные» — Подолия, Тараща, Антонины (табл. 1, 3, 4, 8);

2) «горшковидные» — Михайловка Херсонской обл., Домашки, Одесская обл., Михайловка Ставропольского края (табл. 1, 1, 2, 6, 7), Молешты;

3) круглодонные с уступчатым горлом — Ивановский. Ново-Павловка (табл. 1, 9, 11), Аскания Нова;

4) «яйцевидные» — Дикий Сад, Лапас (табл. 1, 5, 10).

Таким образом, котлы, у которых отмечен целый ряд отклонений, и по морфологическим данным не смешиваются с другими.

Как неоднократно отмечалось в литературе, котлы четвертой группы во многом напоминают скифские; те и другие имеют полусферический корпус, слабо профилированный венчик, высокий конический поддон, вертикально поставленные ручки. На этом основании котлы из Дикого Сада и Лапаса принимались за прототипы скифских. Однако резоннее предположить обратное. У ранних скифских и савроматских котлов нет никаких достоверных «киммерийских» черт, в то время как «скифские» элементы у кованой посуды явно присутствуют. Простота формы скифского котла вызвана прежде всего техническими причинами. При такой крупной и сложной отливке придать котлу вычурный профиль было весьма трудно и нецелесообразно. Поэтому литые котлы приобрели самую простую и рациональную форму чаши или бокала. Напротив, при горячей ковке можно добиться большого разнообразия форм, что и демонстрирует клепаная посуда Евразии. Но в силу технических правил сборки («обруч» большего диаметра вставляется в «обруч» диаметра меньшего) формы чаши и бокала оказываются как раз менее всего пригодными для крупных сосудов. При небольшом наклоне стенок «обручи» держатся только на заклепках, что намного снижает практические свойства сосуда. Поэтому неслучайно среди клепаной посуды Средней Европы и Кавказа можно встретить любую форму, кроме чашевидной³⁴.

Все изложенное позволяет утверждать, что изменение структуры николаевского и лапасского котлов (у них наибольшее количество отклонений) вызвано не ходом естественной эволюции, а влиянием литых котлов³⁵. За счет этого влияния следует относить появление круглодонности и приземистости формы. Правда, то и другое также свойственно сосудам, выкованным из одного листа металла, но зато цельное изготовление ручек и корпуса характерно именно для литой посуды. Поскольку такие ручки встречены только у котлов третьей и четвертой групп, то все другие отклонения логично отнести за счет влияния литых котлов VIII–VI вв. до н. э. Как мы увидим, предложенная датировка подтверждается другими данными.

В конце эпохи бронзы в Восточной Европе действовало несколько крупных металлообрабатывающих центров: нижнеднепровский, прикубанский, кобанский, приуральский. Судя по карте распространения котлов, они не могут быть отнесены ни к одному из них (табл. 2).

³⁴ В VII–VI вв. до н. э. на Британских островах были распространены сферические клепаные котлы, которые, как полагают исследователи, заимствовали свою форму и еще целый ряд деталей у цельновыкованных сосудов Греции и Востока. Замечательно, что некоторые из британских экземпляров приобрели коническую форму тулова. С. Хокс и М. Смит относят это за счет влияния ситул типа курд, хотя правдоподобнее другое объяснение: изменение формы связано с особенностями техники сборки клепаной посуды (Hawkes, Smith 1957: 181).

³⁵ К аналогичному выводу пришла Н. Л. Членова, используя другие аргументы (Членова 1967: 106–107).

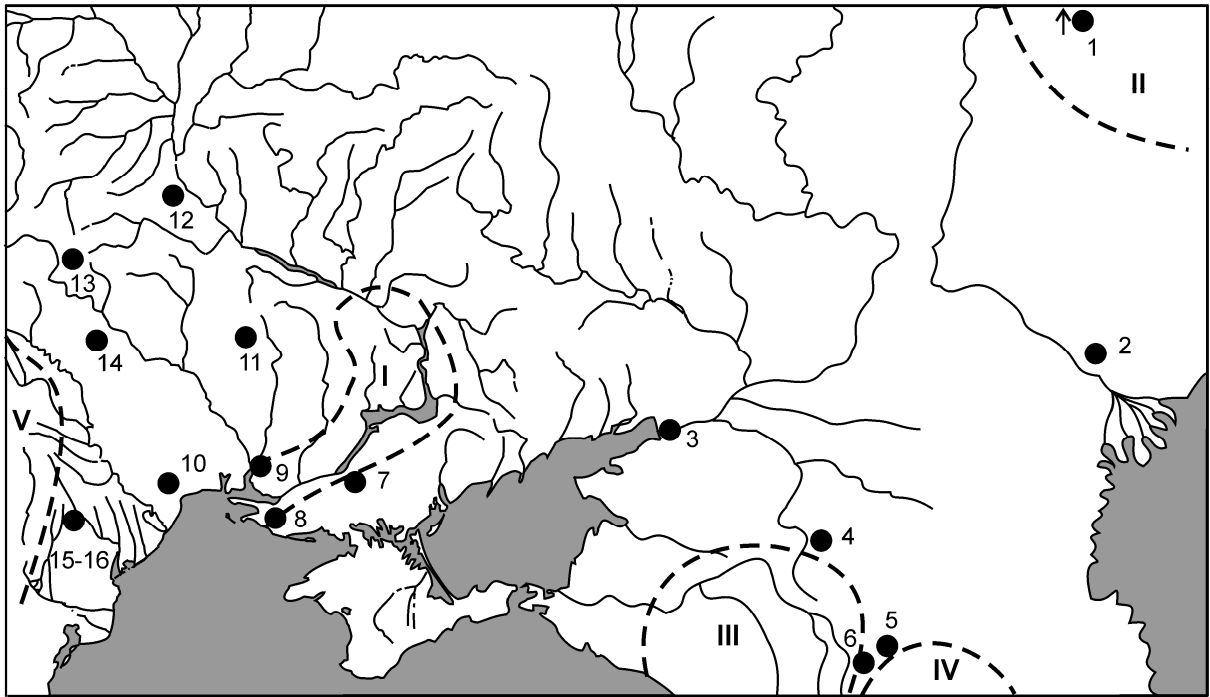

Таблица 2. Карта распространения клепаных котлов:

- I — нижнеднепровский очаг металлообработки; II — приуральский очаг металлообработки;
 III — прикубанский очаг металлообработки; IV — кобанский очаг металлообработки;
 V — трансильванский очаг металлообработки. 1 — Домашки; 2 — Лапас; 3 — пос. Ивановский;
 4 — Михайловка Ставропольского края; 5 — ст. Суворовская; 6 — р. Эшканон; 7 — Аскания Нова;
 8 — Михайловка Херсонской обл.; 9 — Дикий Сад; 10 — Одесская обл.; 11 — Ново-Павловка;
 12 — бывш. Таращанский у.; 13 — Антонины; 14 — Подолия; 15–16 — Молешты

Так, в Поволжье и Приуралье, где находился основной источник металла срубной культуры, найден только один котел. В Предкавказье, куда проникал этот металл, но почти не доходил нижнеднепровский, известно четыре котла, то есть ненамного меньше, чем в Северо-Западном Причерноморье. Вместе с тем кованые котлы, несмотря на отмеченные различия, составляют одну компактную группу, резко отличную от кавказской и дунайской. Очевидно, наиболее правильным будет предположить, что котлы относятся к тому времени, когда своеобразие отдельных металлообрабатывающих очагов резко ослабевает или вовсе сглаживается. Такой процесс имел место в VIII–VII вв. до н. э. В этот период перехода от бронзы к железу в степи и лесостепи от Волги до Дуная появляются курганные погребения с удивительно сходным инвентарем. Именно с этой культурной средой больше всего связано существование и распространение «киммерийских» котлов. Во всяком случае, при таком подходе удастся объяснить и некоторые элементы орнамента клепаной посуды. Так, два котла, из Домашек и Подолии, украшены зигзагами, выполненными в разной технике; в первом случае — чеканом, во втором — гравировкой (табл. 1, 1, 12). Этот мотив был весьма широко распространен в культурах эпохи бронзы Восточной Европы, но особенно он характерен для чернолощеной степной и лесостепной керамики VIII–VII и даже VI в. до н. э. (Тереножкин 1961: 80, рис. 51–52) (табл. 1, 14–16). Показательно, что как на керамике, так и на подольском котле, зигзаги живописно выделены при помощи густой штриховки окружающего пространства. Таким же приемом подчеркнута спираль в подольской композиции. В отличие от зигзага спираль не была свойственна восточноевропейским культурам эпохи бронзы. Она впервые появляется в памятниках VIII–VII вв. до н. э. и притом сразу на обширной территории. Спираль присутствует на чернолесских

браслетах (Тереножкин 1961: 163–167, рис. 110), на жертвеннике из Жаботинского поселения (Покровская 1962: 73–81, рис. 2) (табл. 1, 13), на резной кости Симферопольского кургана (Щепинский 1962: 57–58, рис. 2); на кобанских бронзах (Крупнов 1960: табл. II, 3; XVII, 5; XXI, 1) и т. д. Представляется, что геометрический орнамент и, в частности, спираль выступает как характернейший элемент культуры фрако-киммерийского мира. В данном случае неважно откуда пришел этот орнамент, важно то, что он присутствует на котлах и датирует их.

Но весьма вероятно, что «киммерийские» котлы обязаны своим происхождением местной культурной среде, которая доживает вплоть до раннескифского времени. В настоящее время известен только один памятник подобного рода. Речь идет о Широком кургане, раскопанном в 1916 году Н. И. Веселовским. В ограбленном погребении он нашел два кинжала, типичных для северопричерноморской поздней бронзы (Сообщения... 1926: 200 и сл.). Исходя из типов кинжалов, Б. Н. Граков датировал курган «где-то в пределах X–IX вв. до н. э., э может быть даже VIII в. до н. э. (Граков 1958: 5). Последняя дата, по мнению Б. Н. Гракова, менее вероятна. Но представляется, что как раз VIII в. более всего подходит для этого комплекса. Один из широчанских кинжалов, как известно, биметаллический. Вопреки точке зрения Б. Н. Гракова, индустриальное применение железа в Восточной Европе начинается не ранее VIII в. до н. э.; только в новочеркасской группе памятников появляются биметаллические мечи и кинжалы, только здесь железо решительно вытесняет бронзу. Более того, широкое и быстрое распространение нового металла в южнорусской степи реально можно связать только с приходом кочевников, которые оставили нам памятники новочеркасской группы. Ведь в Средней Европе биметаллическое оружие датируется в массе не ранее гальштата B₃ (Kimmig 1964: 274–276).

Наконец, для датировки Широкого кургана важен обряд погребения, который находит аналогии не в позднесрубных памятниках, а в Симферопольском и Носачевском курганах (столбовая конструкция)³⁶.

Параллельное существование некоторых позднесрубных элементов в памятниках новочеркасской группы кажется тем более вероятным, что эти последние генетически не связаны с доскифской культурой Северного Причерноморья и носят целиком пришлый характер; по обряду погребений они полностью отличаются, по составу инвентаря тяготеют в гораздо большей степени к кавказским и раннескифским культурам, чем к северопричерноморским. Как установил А. А. Иессен, снаряжение верхового коня кобанского происхождения (Иессен 1953: 97–100), оружие так же находят ближайшие аналогии на Кавказе. Рукоятки кинжалов кабардино-пятигорского типа отлиты по восковой модели, то есть в технике, абсолютно не свойственной степным культурам, но традиционно кавказской и вообще переднеазиатской. Как правило, рукоятки этих кинжалов — ажурные. По всей вероятности, прорези были заполнены пастой или каким-либо органическим материалом, что издревле характерно для кавказской и переднеазиатской манеры украшения оружия. Реплику этого приема украшения заманчиво видеть в том факте, что костяные бляшки с выемчатой резьбой из Симферопольского и Носачевского курганов затерты красной краской.

Анализ случайных находок приводит к тому же результату. Среди этих находок есть кобанские боевые топоры и другое оружие, украшения, предметы «роскоши» и почти совсем отсутствуют орудия труда юго-восточного происхождения. Напрашивается совершенно определенный вывод: эти вещи попали в степь не в результате торговых контактов, а каким-то иным путем. Их ареал также достаточно показателен. Кавказские вещи VIII–VII вв. до н. э. встречаются как в степном Причерноморье, так и в украинской лесостепи и даже в среднем и верхнем Поволжье. Столь широкое распространение кавказского «импорта», характер находок, наконец, воинские погребения, чуждые по культуре автохтонному населению, все это, как кажется, сви-

³⁶ На основании сходства ножей с параллельными лезвиями из Кишиневского поселения и Широкого кургана В. Д. Рыбалова датирует широчанский комплекс концом IX–VIII вв. до н. э. (Рыбалова 1966: 75).

детельствует о вторжении в южнорусские стези воинственных кочевников. Если это были киммерийцы, как думает А. И. Тереножкин (1964), то киммерийцы времен кавказских и переднеазиатских походов. Ведь как в противном случае объяснить появление в Носачевском кургане ассирийских пряжек (Ковпаненко 1966: 177–178), а на симферопольской резной кости и на некоторых двукольчатых псалях — переднеазиатских астральных эмблем (Ильинская 1965: 209–211). Как понимать столь стремительное распространение железа в степи, если не связывать этого процесса с переднеазиатскими и среднеевропейскими походами «киммерийцев»?

Итак, подведем итоги:

1) Среди «киммерийских» котлов выделяется группа в 5 экз. с целым рядом отклонений, которые удовлетворительно можно объяснить только влиянием литой посуды;

2) поскольку самые ранние восточноевропейские литые котлы датируются VIII–VII вв. до н. э., то к этому же времени следует относить и часть клепаных котлов;

3) весьма вероятно, что «киммерийские» котлы представляют местные элементы в культуре VIII–VII вв. до н. э., которая в целом чужда автохтонным культурам эпохи бронзы Северного Причерноморья.

О металлических котлах эпохи поздней бронзы Восточной Европы³⁷

В эпоху поздней бронзы на Юге Восточной Европы и особенно на территории нынешней Украины получили распространение цельнометаллические сосуды, которые с легкой руки В. А. Городцова нередко называют котлами киммерийского типа. Среди другой металлической посуды они выделяются своей характерной формой, размерами и особенно техникой изготовления. Их монтировали из нескольких отдельно изготовленных частей (штаб, ручек и проч.), которые между собой скреплялись заклепками. Производство этих изделий требовало большого мастерства и порой очень значительных затрат металла (до 30 и более килограмм меди). Поэтому их вполне справедливо относят к числу выдающихся памятников эпохи поздней бронзы.

Неудивительно, что эти клепаные сосуды уже давно привлекли внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Им посвящено уже немало статей и заметок, количество которых медленно, но неуклонно возрастает. Тем не менее, ряд ключевых проблем так и остались нерешенными. К числу таковых относятся вопросы классификации и хронологии котлов, их происхождения и культурной принадлежности. По каждой из этих проблем было высказано несколько различных мнений. Так, например, одна группа авторов относит клепаные котлы к эпохе поздней бронзы (В. В. Гольмстен, О. А. Кривцова-Гракова, А. И. Тереножкин, В. В. Отрошенко), а другая — только к позднему предскифскому периоду (Б. А. Шрамко, Н. Л. Членова, Т. Вегржанович и др.). Еще ряд исследователей полагает, что эти котлы использовались в течение длительного промежутка времени, который охватывал как конец эпохи бронзы, так и начало века железа (В. А. Городцов, В. С. Бочкарёв, А. М. Лесков, С. В. Демиденко и др.).

Эти, как и некоторые другие, расхождения были вызваны как субъективными, так и объективными причинами. Одной из таких объективных причин является нехватка материалов. В настоящее время имеются данные о находках приблизительно 30 клепаных котлов. Однако для полноценного научного изучения доступны только 19–20 экземпляров. Все остальные котлы дошли до нас во фрагментах, либо сведения о них являются отрывочными и, видимо, не очень точными. Не лучше обстоит дело с комплексными находками. Формально их зарегистрировано не так уж мало — около десятка. Но в действительности только 2 или 3 комплекса дают по настоящему ценные сведения. Все остальные являются малоинформативными.

³⁷ Переработанный и расширенный текст доклада, прочитанного в ноябре 2008 г. в Киеве на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Н. Бибикова.

Еще одним серьезным препятствием, тормозящим исследование клепаных котлов, является их типологическое своеобразие. На фоне других восточноевропейских древностей эпохи бронзы и раннего железа они выглядят достаточно изолированным явлением. Это, в частности, очень затрудняет их датировку. По форме и по ряду других важных признаков они также не имеют близких параллелей среди многочисленной клепаной посуды Кавказа и Средней Европы. Поэтому в нашей литературе их чаще всего сравнивают с так называемыми кубками на ножках, которые встречаются в памятниках нескольких североевразийских культур (срубной, сусканской, федоровской и др.). По мнению ряда авторов (О. А. Кривцовой-Граковой, А. И. Тереножкина, В. В. Отрощенко и др.) сходство некоторых котлов с этими керамическими кубками столь значительно, что ему следует придавать самое серьезное значение. Опираясь на эти аналогии, они определяют возраст и культурную принадлежность ряда котлов. Так, по мнению А. И. Тереножкина, эти изделия могут быть отнесены к срубной культуре и датированы XV–XIV вв. до н. э. (Тереножкин 1982: 218–223). Но далеко не все специалисты разделяют эти выводы. Некоторые из них вообще отрицают какую-либо связь между клепаными котлами и глиняными сосудами срубной культуры (Демиденко 2005: 94–95).

В последнее время круг аналогий клепаным котлам был расширен за счет привлечения микенских материалов. Было установлено, что в эпоху поздней бронзы на территории Греции также было налажено производство клепаной посуды. Особое внимание наших исследователей привлекли медные кратеры (по определению Г. Каро), которые были найдены в нескольких шахтовых гробницах (Mätthaus 1980: 150–157, Taff. 22, 23). В. В. Отрощенко и С. В. Демиденко считают эти изделия точными аналогиями некоторым восточноевропейским котлам (Отрощенко, Тупчиенко 2005: 177; Демиденко 2005: 101–102). Первый из них включил кратеры в один тип вместе с плоскодонными котлами (без поддонов), а второй увидел в них прямые прототипы некоторым из этих котлов. Опираясь на микенские аналогии, оба исследователя датировали восточноевропейские находки временем шахтовых гробниц, то есть концом XVII–XVI вв. до н. э. Остальные клепаные котлы из Восточной Европы они отнесли к более позднему времени. В. В. Отрощенко вслед за А. И. Тереножкиным полагает, что они существовали до XI в. до н. э., а согласно С. В. Демиденко — до VIII–VII вв. до н. э. Таким образом, по одной версии они были в употреблении на протяжении 500 лет, а по другой — почти тысячу.

Работы В. В. Отрощенко и С. В. Демиденко, посвященные клепаным котлам, выделяются своими неординарными выводами. Надо полагать, что благодаря этому, интерес к клепаным котлам заметно возрастет. Впрочем, некоторые их заключения, мне кажутся вполне правильными, и в дальнейшем я попытаюсь их подтвердить. Но в целом микенская гипотеза представляется мне весьма уязвимой для критики как с культурно-исторической, так и методической точек зрения. Вместе с тем она еще раз продемонстрировала, что основными препятствиями на пути успешного изучения этих котлов являются дефицит полноценных источников и достоверных аналогий. Вследствие этого исследователи вынуждены обращаться к материалам других, территориально отдаленных и чуждых культур. Само по себе это порождает новые и еще более масштабные и трудноразрешимые вопросы.

Разумно предположить, что возникшие трудности будут преодолеваются постепенно, по мере накопления новых материалов. Столь же последовательно и медленно будут решаться возникшие проблемы. Но как мне кажется, в сложившейся ситуации так же можно продвинуться вперед, если удастся мобилизовать уже доступные ресурсы. К числу таких ресурсов прежде всего относятся морфологические и технические данные котлов. По моему мнению, сейчас они использованы лишь частично и не очень рационально. Поэтому основной целью данной работы является определение и учет типобразующих признаков и создания на их основе достоверной классификации котлов. Кроме того в работе будут затронута проблема хронологии этих изделий и некоторые другие вопросы.

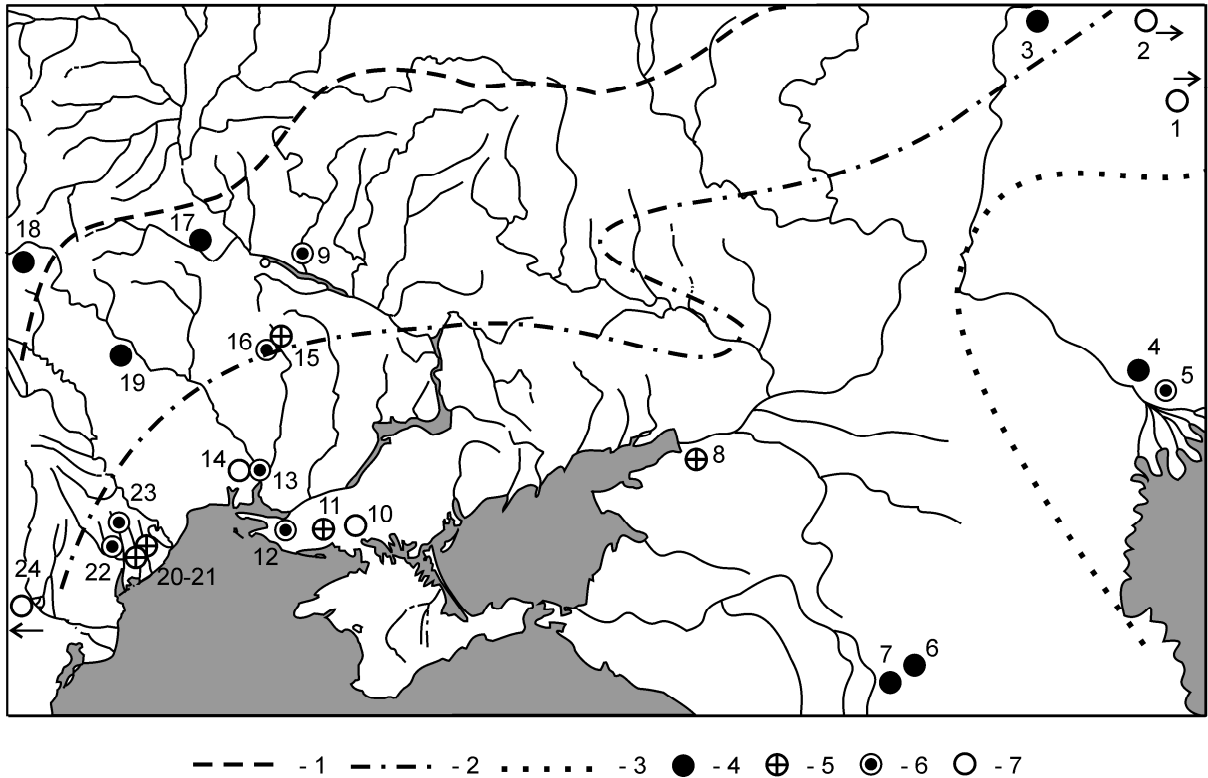

Рис. 1. Карта-схема распространения клепаных котлов:

- 1 — Мыржик; 2 — Булгары; 3 — Домашки; 4 — пос. Комсомольский; 5 — Лапас; 6 — пос. Ивановский; 7 — Суворовская; 8 — Старая Михайловка; 9 — Лубны; 10 — граница Херсонской и Таврической губерний; 11 — Аскания-Нова; 12 — Ивановка; 13 — Дикий Сад; 14 — Октябры; 15 — Покровка; 16 — Ново-Павловка; 17 — Тарашанский у.; 18 — Антонины; 19 — Подолье; 20-21 — Молешты; 22 — Гайдары; 23 — Поповка; 24 — Месич. Условные обозначения: 1 — границы лесной зоны; 2 — границы лесостепной зоны; 3 — границы полупустынной зоны; 4 — котлы I группы; 5 — котлы II группы; 6 — котлы III группы; 7 — котлы неопределенной типологической принадлежности

В нашей литературе уже было предложено несколько схем классификации клепаных котлов (Бочкарёв 1972: 63–68; Лесков 1975: 39–41; Dergacev 2002: 134–135; Отрощенко, Тупчиенко 2005: 176–187; Демиденко 2005: 93–103), и ни одна из них не получила широкого признания. Критический анализ некоторых из этих классификаций был уже проделан С. В. Демиденко, так что нет необходимости возвращаться к этому вопросу. Следует только добавить, что схема, предложенная самим С. В. Демиденко, также далека от совершенства. Тем не менее, все то ценное, что есть в предыдущих разработках, было учтено мною в новой классификации.

Прежде чем перейти к ее описанию, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. В работе были использованы данные о двадцати клепаных котлах. Названия мест их находок перечислены в вертикальном столбце таблицы на рис. 5. Остальные материалы привлекались частично, так как сведения о них являются очень неполными. Но на карте (рис. 1), помечены все пункты достоверных находок котлов. Они рассеяны на огромной территории, протянувшейся от Приуралья и Поволжья до Волыни и Южной Молдавии. За пределами основного ареала оказались одна находка из Центрального Казахстана (ручка котла) и одна — из Сербии (обломок ручки). Больше всего котлов было найдено в Северном Причерноморье, что отчасти объясняется лучшей археологической изученностью этого региона.

Памятники, в которых были встречены эти котлы, относятся к разным видам источников: погребениям (3–4), поселениям (2), кладам (4). Характер еще одного комплекса, найденного близ пос. Ивановского Ростовской обл. остается не вполне ясным (Ильюков 2007: 117–118). Обстоятельства и условия обнаружения других котлов неизвестны. Но вполне вероятно, что все

они также происходят из комплексов. Трудно предположить, что такие крупногабаритные изделия как котлы могли случайно быть потерянными. Поэтому вряд ли их можно даже гипотетически относить к категории единичных случайных находок. Кроме погребений, кладов и поселений некоторые из них могли быть депонированы в святилищах или как votивные дары. Возможно, одним из таких памятников является упомянутый выше ивановский комплекс.

Отобранные для классификации котлы были описаны с помощью 18 различных признаков. Затем эти признаки были сопоставлены между собой и в результате удалось выделить три их устойчивые группировки (рис. 5). Эти группировки соответствуют трем типологическим группам котлов. Прежде чем перейти к их рассмотрению, очевидно, необходимо охарактеризовать сами признаки. Они пронумерованы, а их символы, как и номера, размещены по горизонтали таблицы на рис. 5. Расшифровка символов дана в легенде к этой таблице.

1–3. Все котлы, кроме одного, имеют по две вертикальных ручки, расположенных напротив друг друга (рис. 2–4). Известны три способа их соединения с котлами (рис. 5, признаки № 1, 10, 14 по горизонтали). Согласно первому из них они крепились с помощью заклепок. Каждая такая ручка делалась из стержня (в одном случае из трубки), который сворачивался в незамкнутое кольцо или овал. Выступающие концы ручки разделялись на две половинки, которые расковывались в пластины. В паз между этими пластинами вставлялся край венчика котла, и вся конструкция фиксировалась заклепками. Такие ручки оказались у семи котлов (рис. 2, 1–б). В некоторых случаях ручки не сохранились, но остались следы их крепления как на беспаспортном котле из Одесского Археологического музея (рис. 2, II, 4; Terenozkin 1962: 272, Abb. 1). Можно упомянуть еще находку кованой ручки с раздвоенными концами, которая была обнаружена на поселении эпохи поздней бронзы Мыржик в Центральном Казахстане (Кадырбаев, Курманкулов 1992: 156, рис. 118, 1).

Совсем иным способом крепились ручки на котлах из Молешт-1 и Ивановского. Они были прилиты (рис. 3, 2, 5). Очевидно, их можно было прилить с помощью каменных или глиняных форм, которые на время литья прикреплялись к котлам. Но по мнению Л. С. Ильюкова, ручки у ивановского котла были изготовлены по восковой модели (Ильюков 2007: 118). Вместе с тем, по словам того же Л. С. Ильюкова, на ручках хорошо заметны литниковые наплывы. Кроме того, ниже ручек имеются неровные и бугристые натеки металла. Такие же натеки есть ниже ручек у одного из молешских котлов. Очевидно они появились в результате того, что формы не очень плотно прилегали к венчикам котлов и в образовавшиеся зазоры просачивался жидкий металл. Ручки котла из Ивановского немного шатаются, что могло быть следствием как их износа, так и дефектов литья. Одну из них попытались закрепить, просверлив в ней два отверстия и залив в них металл (Ильюков 2007: 118, рис. 1).

Технология прилива и долива отдельных частей и деталей у металлических предметов была хорошо известна в эпоху поздней бронзы на территории Восточной Европы. Кроме изготовления ручек котлов, ее также использовали при производстве рукояток ножей и кинжалов, что подтверждается многочисленными находками соответствующих металлических изделий (Черных, Кузьминых 1989: 108, рис. 62, 1–3; 63, 1–2). В Поволжье (Потьма 3) и на Урале (Серный Ключ) были найдены глиняная и каменная формы для таких отливок (Малов, Изотова 2009: 123–145, рис. 2–4).

Третий способ крепления ручек представлен у целой серии клепаных котлов (10 экз.). У этих сосудов ручки отливали вместе с их верхними штабами. Эти последние могли быть цельными (рис. 3, 1, 3; 4, 1, 3, 6) или состоять из двух половинок (рис. 4, 1, 2, 4, 5, 7). Независимо от этого ручки всегда были цельнолитыми. Для большей прочности иногда их укрепляли бортиками и валиками. Тем не менее они ломались. У котла, найденного в Аскании Нова на Херсонщине, были отбиты обе ручки. Одну из них попытались восстановить, долив утерянную часть (рис. 3, 4).

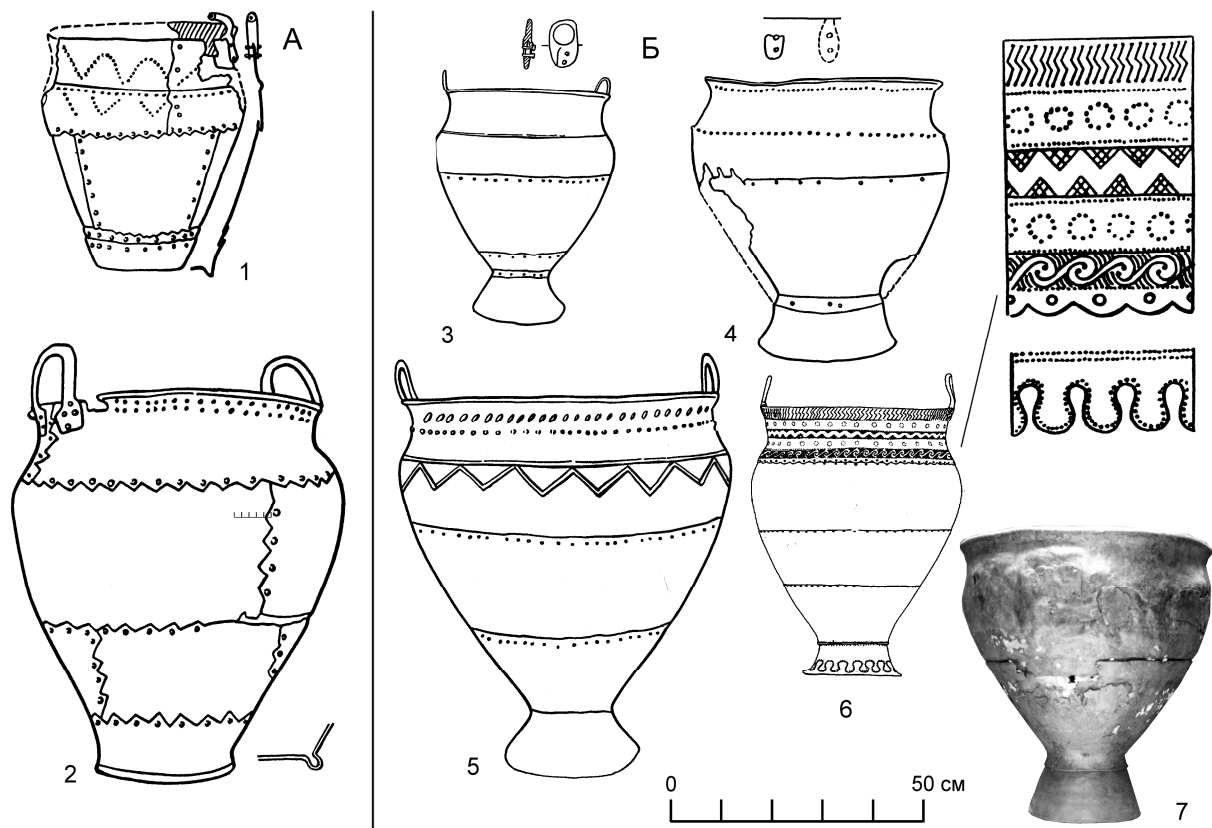

Рис. 2. Котлы I группы. Подгруппы А и Б:

1 — ст. Суворовская (по А. Л. Нечитайло); 2 — Старая Михайловка (по Т. М. Минаевой); 3 — Антонины (по Б. А. Шрамко); 4 — Одесский Археологический музей (по А. И. Тереножкину); 5 — Домашки (по В. В. Гольмстен); 6 — Подолия (по Т. Вегжанович); 7 — пос. Комсомольский

4–6. Формы ручек у котлов также различаются между собой. Можно выделить три их разновидности (рис. 5, признаки № 7, 11, 17 по горизонтали). К первой разновидности относятся так называемые петлевидные ручки (Демиденко 2005: 102). Они имеют форму незамкнутого кольца или овала. Их концы не сходятся и обычно повернуты в противоположные стороны. Только в одном случае они наложены друг на друга (рис. 2, 3). Эти ручки всегда изготавливались в техникековки и крепились к котлам посредством заклепок. Всего котлов с такими ручками зарегистрировано семь экземпляров. Сюда же очевидно нужно присоединить отдельную находку петлевидной ручки с поселения Мыржик.

Вторую разновидность составляют ручки, которые имеют правильную кольцевидную форму (рис. 3, 3–5; 4, 3, 4). Две из них были прилиты, а все остальные — цельнолитые. Сейчас известно семь котлов с кольцевидными ручками.

Последняя разновидность представлена ручками, которые получили название арочных. От закругленного верха они постепенно расширяются книзу, как бы переходя в венчик сосуда. В центре их находится отверстие такой же круглой формы, как у кольцевидных ручек. Такие ручки имеются у семи котлов. Обломок еще одной арочной ручки (рис. 8, 7) найден в кладе металлических изделий Месич на территории Сербии (Рашајски 1975: 67, табл. LXVII, 15).

7–9. Перейду к рассмотрению следующей группы признаков. Они описывают форму края венчиков котлов (рис. 5, признаки № 6, 9, 18 по горизонтали). Можно выделить три их варианта. В первый из них входят венчики, край которых не утолщен или утолщен очень незначительно. Этот признак присутствует у 10 котлов (рис. 2, 1–7; 3, 2, 4, 5). Примечательно, что литые ручки есть только у трех из них (рис. 3, 2, 4, 5). У всех остальных котлов они кованые и крепились с помощью заклепок.

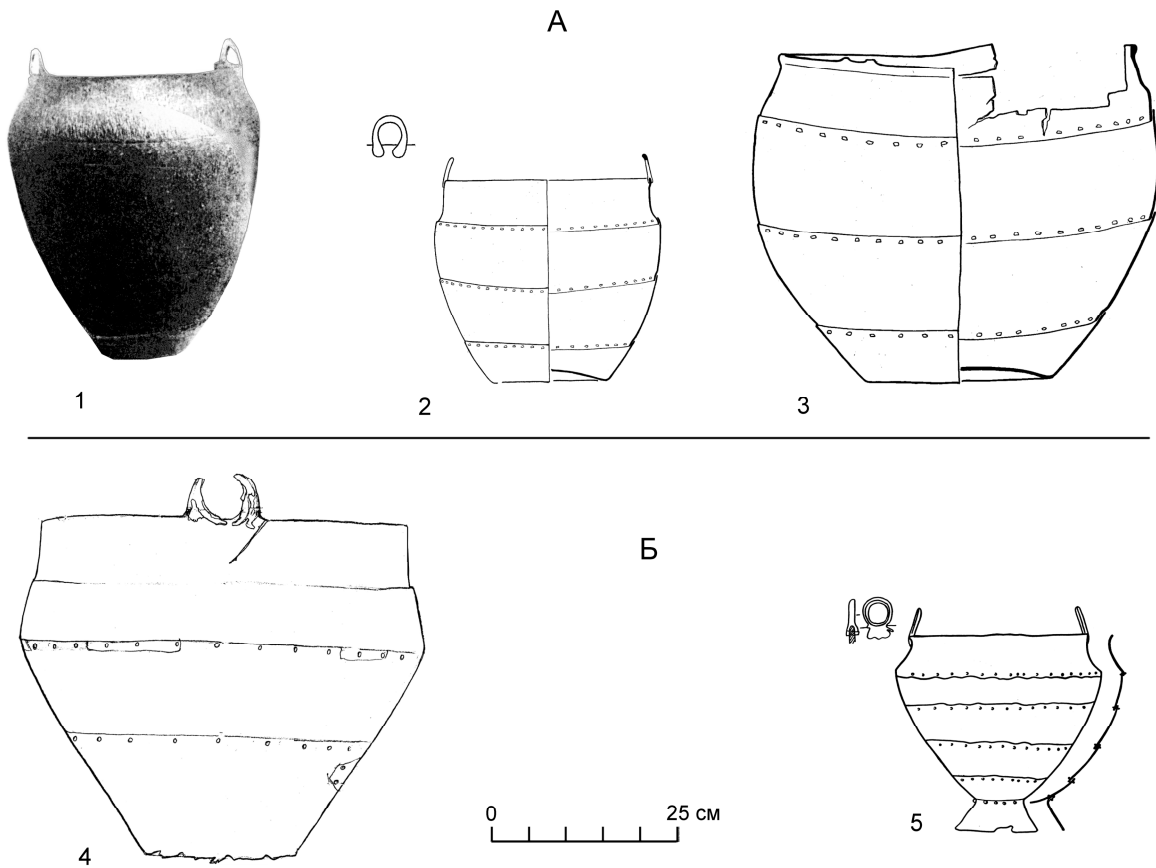

Рис. 3. Котлы II группы. Подгруппы А и Б:

1 — Покровка (по В. В. Отрошенко и М. П. Тупчиенко); 2, 3 — Молешты (по В. А. Дергачёву);
4 — Аскания Нова; 5 — Ивановский (рис. С. Н. Братченко)

Ко второму варианту относятся венчики с утолщенным краем. Иногда, как у второго молештского котла, это утолщение является весьма значительным. Котлов с такими венчиками сейчас известно всего четыре (рис. 3, 1, 3; 4, 3, 4). Все они имеют литые ручки, одна из которых является арочной (рис. 3, 1), остальные — кольцевидные.

В третий вариант входят венчики, край которых отогнут наружу. Таким же бортиком снабжались и ручки котлов. Во всех случаях ручки имеют арочную форму. Этот вариант венчиков зафиксирован у пяти котлов (рис. 4, 1, 2, 5–7). Кроме того, известен еще обломок арочной ручки с бортиком из клада Месич в Сербии (рис. 8, 7).

10–11. Далее перейдем к признакам, которые характеризуют профили котлов (рис. 5, признаки № 4, 16 по горизонтали). В этой связи наибольший интерес вызывает характер перехода от шейки сосуда к его плечикам. Отчетливо различаются две разновидности этого перехода. В одних случаях он плавный и постепенный, а в других — резкий, в форме уступа. Первый из названных признаков есть у 10–11 экз. котлов (рис. 2, 1–7; 3, 1), а второй — у 9–10 (рис. 3, 2, 4, 5; 4, 1–7). Следует отметить, что все котлы с плавным профилем имеют кованые петлевидные ручки, а край их венчиков не утолщен. С другой стороны, у абсолютного большинства котлов с уступчатым профилем ручки являются литыми, а края их венчиков имеют утолщения или они отогнуты наружу. В этих двух группировках хорошо заметна корреляционная зависимость нескольких признаков. Особенно примечательна связь такого показателя как кованые ручки с совершенно определенным набором признаков. То же самое можно сказать о литых ручках, но им будет сопутствовать уже иной набор признаков.

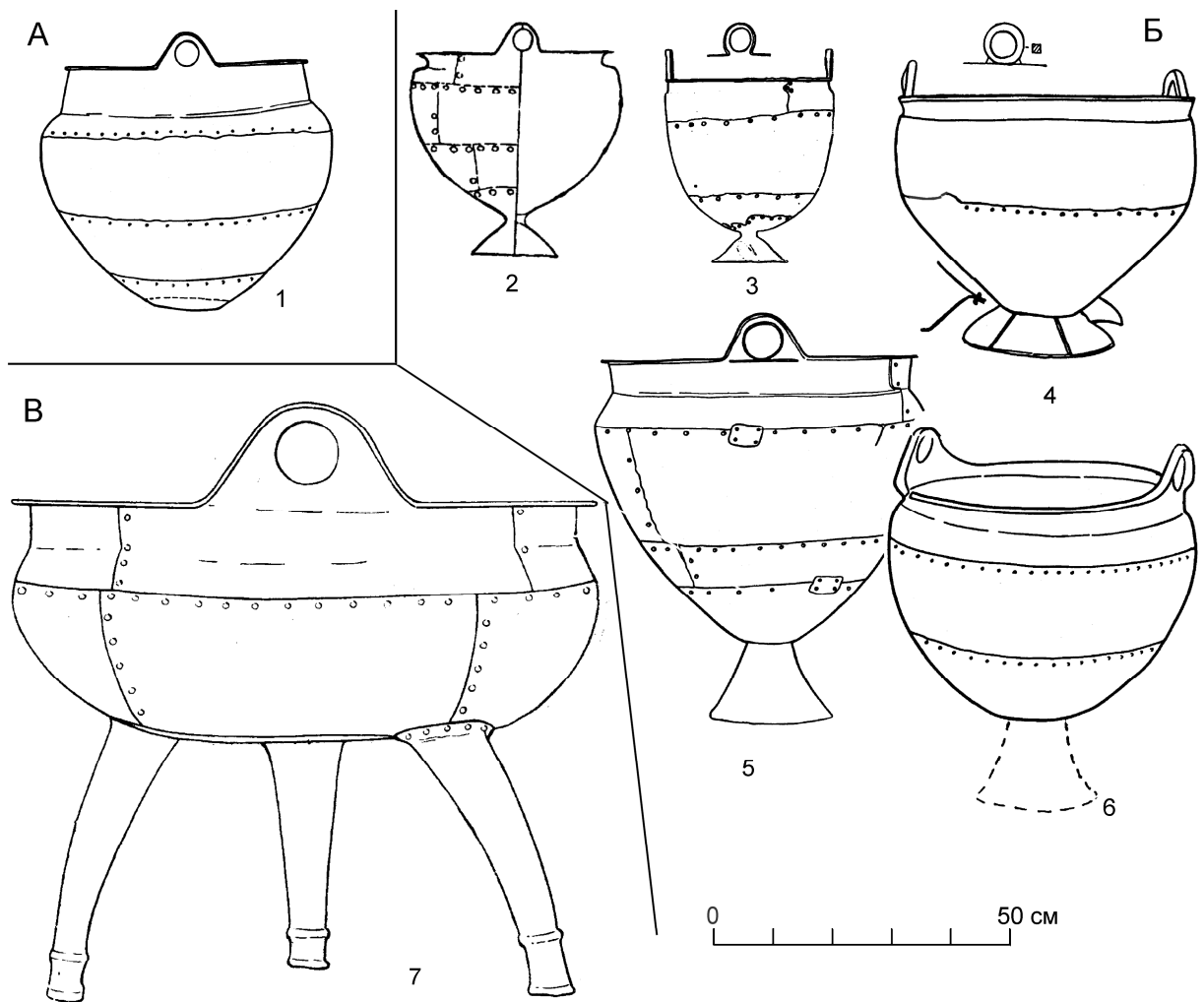

Рис. 4. Котлы III группы. Подгруппы А и Б.

1 — Новопавловка; 2 — Лубни (по В. И. Клочко); 3 — Ивановка (по А. И. Тереножкину);
 4 — Лапас (рис. А. Н. Мелентьева); 5 — Дикий Сад, г. Николаев; 6 — Поповка (по В. А. Дергачёву);
 7 — Гайдары (по В. А. Дергачёву)

12–14. Судя по результатам визуального осмотра, донная часть котлов могла изготовляться несколькими способами — ее могли делать отдельно, вместе с нижней штабой или же вместе с поддоном. Фиксируются три формы дна: плоское, вогнутое и округлое (рис. 5, признаки № 5, 8, 15 по горизонтали). Плоскодонные котлы известны в количестве 7–8 экз. (рис. 2, 1–4, 6, 7; 3, 1, 4). У трех из них поддоны отсутствуют, а у всех остальных они есть. Шесть или семь котлов имеют кованые петлевидные ручки и весь сопутствующий им набор признаков.

Вогнутое дно встречено только у трех котлов (рис. 3, 2, 3; 4, 1). Ни один из них не имеет поддона. Это кажется вполне закономерным, так как форма их дна обеспечивала сосуду достаточную устойчивость и функциональность. По всем остальным признакам (форме ручек, технике их изготовления, профилю горла и т. д.) котел из Ново-Павловки (рис. 4, 1) весьма сильно отличается от двух других.

Третья разновидность представлена котлами с округлым дном. Таких котлов учтено 8 экз. (рис. 2, 5; 3, 5; 4, 2–7). Семь из них имеют поддоны, а восьмой сосуд снабжен тремя отдельно стоящими ножками (рис. 4, 7). Кроме округлого дна, эти котлы имеют еще ряд общих признаков (литые ручки кольцевидной или арочной формы, уступчатый профиль горла и т. д.). Резко выделяется только котел из Домашек (рис. 2, 5). Он единственный из круглодонных кот-

лов, который имеет кованые петлевидные ручки, плавный профиль горла, венчик без резкого утолщения края, орнамент. Все эти признаки в гораздо большей степени роднят его с плоскодонными котлами, чем с круглодонными. Поэтому появление у него округлого дна является некой аномалией. Возможно, это вызвано тем, что его тулово оказалось непропорционально сильно сужено книзу.

15–16. К числу важных признаков котлов следует также отнести наличие или отсутствие у них орнамента (рис. 5, признаки № 2 и 13 по горизонтали). У подавляющего числа котлов орнамента нет. Правда, стенки некоторых из них (рис. 3, 1, 4, 5) покрыты узкими желобками (так называемыми расчесами), которые В. В. Отрощенко и М. П. Тупчиенко рассматривают как некий декор (Отрощенко, Тупчиенко 2005: 177). На мой взгляд, эти желобки являются следами расковки штаб особым инструментом, напоминающим кернер. Подобная кузнечная обработка, вероятно, преследовала не столько декоративные, сколько технологические цели. В этой связи будет уместно отметить, что описанные выше желобки встречаются как на внешних, так и на внутренних стенках некоторых котлов (Ильюков 2007: 188). Но в любом случае заслуживает внимания то обстоятельство, что все котлы с «расчесами» входят во вторую группу, выделенную по результатам корреляции нескольких различных признаков (рис. 5).

Настоящий орнамент есть у пяти котлов (рис. 2, 1, 2, 4–6). У четырех из них он выполнен в технике чеканки и пуансона. По внешним признакам его можно было бы назвать выпукло-углубленным орнаментом. Состоит он из очень простых элементов и мотивов. Это горизонтальные ряды круглых или овальных углублений, «жемчужины», выпуклый валик, ободок и зигзаг. Орнамент всегда располагается в верхней части сосудов и в композиционном отношении также отличается простотой.

Совсем в иной манере украшен котел из Подолии (рис. 2, б). Его орнамент выполнен в технике гравировки. Он покрывает всю верхнюю штабу котла от венчика до плечиков и состоит из нескольких рядов. Орнаментальная полоса есть также на внешней и внутренней сторонах поддона (Wegrzynowicz 2001: 36–38, рис. 11, 12). Необычными также являются орнаментальные мотивы — бегущие спирали, «микенская волна», вертикальные зигзаги (рис. 2, б). Конечно, орнамент этого котла заслуживает специального рассмотрения. Сейчас следует еще раз отметить, что в техническом и стилистическом отношении он резко отличается от орнаментов других клепаных котлов.

В целом, нужно подчеркнуть, что все орнаментированные котлы входят только в первую группу (рис. 5). Вместе с тем, в этой же группе есть два или три котла, которые не имеют орнамента. В этом нет ничего удивительного. У котлов второй и третьей групп, которые относятся к более позднему времени, орнамент полностью исчезает.

Завершая обзор признаков котлов, необходимо еще остановиться на данных, которые характеризуют общие пропорции этих изделий. В качестве основного показателя выбрано соотношение высоты котла (без поддона) и максимального диаметра его тулова.

17–18. Несложные расчеты показали, что этот параметр имеет два основных значения (рис. 5, признаки № 3 и 12 по горизонтали) — высота котла больше его максимального диаметра ($L > D$) и она меньше этого диаметра ($L < D$). Первый из этих признаков оказался характерным для котлов I группы, а второй — для котлов II и III групп. Вместе с тем нужно сказать, что котел II группы из Покровки отнесен к числу изделий с вытянутыми пропорциями, а котел I группы из Одесского музея отмечен как сосуд с укороченными пропорциями. Но эти определения нужно рассматривать как чисто условные, так как у обоих котлов соотношение высоты и максимального диаметра тулова близко к единице. Поэтому каждому из них с одинаковым основанием можно приписывать любой из названных параметров.

Таковы, на мой взгляд, основные признаки котлов, которые удалось учесть. Всего их 18. По моему мнению, они достаточно точно характеризуют все важнейшие составные части этих изделий, а также их общие параметры.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	●	●	●	●	●	●	●											
2	●	●	●	●	●	●	●											
3	●	●	●	●		●	●								●			
4	●	●	●	●	●	●	●											
5	●	●		●	●	●	?					●						
6			●	●	●	●	●						●					
7	●		●	●	●	●	●						●					
8	●	?	●	●	?	?	●											
9			●	●	●				●				●	●				●
10						●		●		●	●	●	●			●		
11					●	●					●	●	●	●		●		
12				●				●	●		●	●	●	●				
13						●				●	●	●	●	●	●	●		
14									●	●	●	●	●	●	●	●		
15									●		●	●	●	●	●	●		
16								●				●	●	●	●	●	●	●
17												●	●	●	●	●	●	●
18												●	●	●	●	●	●	●
19												●	●	●	●	●	●	●
20												●	●	●	●	●	●	●

Рис. 5. Таблица комбинаций признаков клепаных котлов:

- 1 — ручки приклепаны; 2 — с орнаментом; 3 — $L > D$ — высота тулова больше его максимального диаметра; 4 — с плавным профилем горла; 5 — плоскодонные; 6 — край венчика без резкого утолщения; 7 — ручки петлевидной формы; 8 — с вогнутым дном; 9 — с резким утолщением края венчика; 10 — ручки прилитые; 11 — ручки кольцевидной формы; 12 — $L > D$ — высота тулова меньше его максимального диаметра; 13 — без орнамента; 14 — ручки цельнолитые; 15 — круглодонные; 16 — с уступчатым профилем горла; 17 — ручки арочной формы; 18 — край венчика отогнут наружу

Как можно было видеть, по мере описания этих признаков становилось все более и более очевидным, что многие из них тесно связаны между собой и образуют несколько устойчивых сочетаний. Эта ситуация окончательно прояснилась после составления таблицы сопряжения признаков (рис. 5). На ее поле отчетливо выделились три скопления значков, которые соответствуют трем группам котлов. Первая из них занимает левый верхний угол таблицы, а третья — нижний правый. Вторая группа располагается между ними.

Для первой группы (8 котлов) оказались характерными изделия с коваными приклепанными ручками петлевидной формы, плавным профилем горла, неутолщенным или слегка утолщенным краем венчика, плоским дном, вытянутыми пропорциями тулова и орнаментом.

Почти прямо противоположные черты свойственны котлам третьей группы (7 экз.). Все они имеют цельнолитые ручки кольцевидной, а чаще арочной формы, уступчатый профиль горла, округлое дно (одно исключение), приземистые пропорции тулова, утолщенный или чаще отогнутый наружу край венчика. Ни один из них не был орнаментирован.

Несколько менее обособленной выглядит вторая группа (5 котлов). Каждый из ее членов имеет 1–3 общих признака с первой группой и 3–4 — с третьей. Вместе с тем, у нее есть несколько оригинальных черт, которые позволяют ее выделить в отдельное подразделение. К числу таковых относятся прилитые ручки кольцевидной формы, вогнутое дно и утолщенный край венчика.

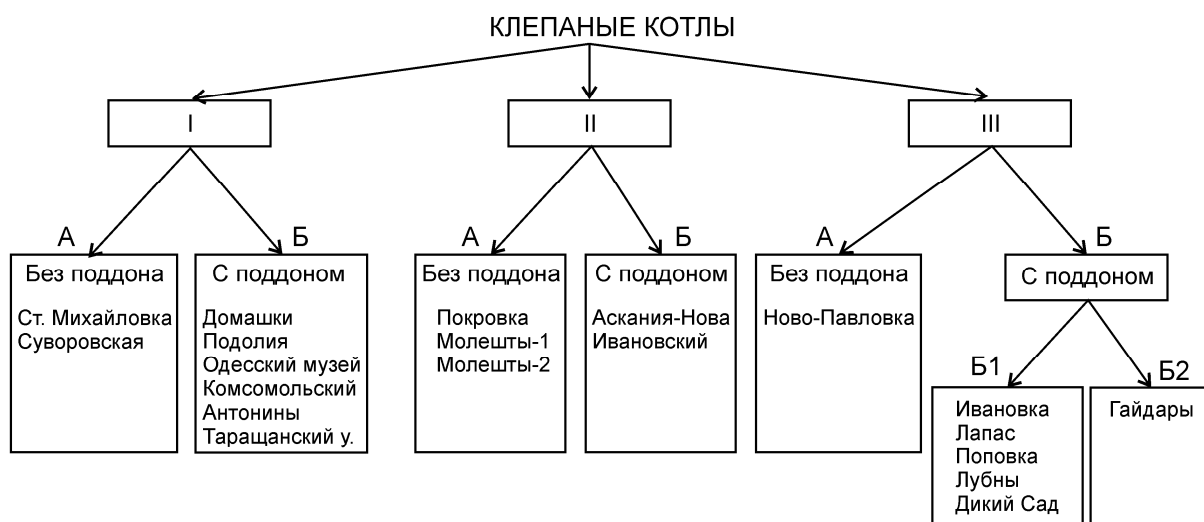

Рис. 6. Схема классификации клепаных котлов

К сказанному еще следует добавить, что котлы каждой из этих групп имеют несколько специфических признаков, которые по разным причинам не вошли в общий список и не учитывались в общей таблице. Однако их следует назвать, так как они важны. Начну с котлов первой группы. У трех из них края штаб обрезаны не прямо, как обычно, а в форме фестонов или зубцов (рис. 2, 1, 2, б). Зубчатый край также имеет одна из латок на стенке котла из пос. Комсомольского. Кроме того, у всех этих котлов, за исключением, возможно, одного (из Антонины), для скрепления штаб вместо обычных стержневидных заклепок использовались трубчатые. Они сворачивались из тонких пластинок металла (Минаева 1966: 172; Нечитайло 1975: 51). Таких заклепок и такого оформления краев штаб, насколько мне известно, нет больше ни у одного из котлов других групп. Но зато они встречаются на металлических окладах деревянной посуды срубной и других культур Поднепровья, Северного Приазовья и Поволжья (Отрошенко 1984: 84–93; Циминданов 2004: 55, 75, 76, рис. 38, 39).

Как уже говорилось, «расчесы» на стенках котлов характерны только для изделий второй группы. Что касается котлов третьей группы, то они выделяются полусферическими очертаниями своего тулова и формой поддона (рис. 4, 2, 4–6). Он у них сильно сужается кверху в отличие от более широких поддонов котлов первой группы.

Завершая на этом подробное описание этих трех групп, следует особо подчеркнуть, что в конечном итоге каждую из них можно достаточно точно определить с помощью 3–4 диагностических признаков. Так, для котлов первой группы определяющими чертами являются кованые приклепанные ручки, неутолщенный или слегка утолщенный край венчика, плоское дно; для котлов второй группы — прилитые кольцевидные ручки, утолщенный край венчика, вогнутое дно; для котлов третьей группы — цельнолитые арочные ручки, отогнутый край венчика и округлое дно. Сами по себе эти краткие характеристики указывают на достаточный компактный характер выделенных групп. Но конечно, надо понимать, что не все котлы им точно соответствуют. В этом отношении показателен котел, найденный в погребении близ пос. Комсомольского (рис. 1, 7). Он единственный, среди котлов всех трех групп, который не имеет ручек. Тем не менее его уверенно можно включить в первую группу, так как из пяти его признаков четыре полностью соответствуют стандартам этой группы.

Проведенный обзор показывает, что выделенные группы являются достаточно обособленными и компактными образованиями. Поэтому они могут рассматриваться как автономные и вместе с тем взаимосвязанные типологические подразделения. Дальнейшая классификация котлов может на них опираться как на исходные таксоны. Так, каждой из групп в зависимости

от отсутствия или присутствия поддонов (ножек) может быть разделена на две подгруппы — А и Б. Кроме того, в подгруппе Б III группы выделяются еще два подразделения — Б1 и Б2. В первое из них вошли котлы с одним поддоном-ножкой, а во второе — с несколькими отдельно стоящими ножками. Эта схема представлена на рис. 6. Дальнейшее типологическое членение материала в рамках этой схемы мне сейчас кажется нецелесообразным.

Как уже говорилось в начале этой работы, культурно-хронологическая интерпретация клепаных котлов сталкивается со значительными трудностями. Было также высказано мнение, что эти трудности будут преодолеваются постепенно по мере накопления новых материалов. Но поскольку удалось выделить новые группы котлов, то возникла настоятельная необходимость их интерпретировать и прежде всего в пространственно-хронологическом отношении.

Картографирование показало, что есть заметная разница между ареалами распространения котлов I и II–III группами. Находки изделий двух последних групп преимущественно сосредоточены на территории Украины и особенно — в Северном Причерноморье (рис. 1). Только две из них оказались за пределами указанных регионов: из пос. Ивановского на Нижнем Дону и дюны Лапас в низовьях Волги. Особенно примечательной кажется локализация котлов с арочными ручками и отогнутым краем венчика (III группа). Все они, кроме одного, происходят со сравнительно небольшого участка степи, расположенного между устьями Днестра и Прута. Ни один из таких котлов не был найден в Доно-Волго-Уральском регионе и на Северном Кавказе.

Несравненно более широкое территориальное распространение имеют котлы I группы. Их ареал простирается от Поволжья и Приуралья до Волыни и предгорий Кавказа. Три из них были обнаружены на территории Украины. Возможно, к ним следует присоединить еще одну находку котла, который, по сведениям В. А. Городцова, входил в состав большого клада вместе с кельтами и слитками металла (Городцов 1928: 56, рис. 8). Этот клад был найден в 1915 году на границе Херсонской и Таврической губ. (Нижнее Поднепровье?). Судя по описанию В. А. Городцова и схематическому рисунку, этот котел имел высокие приклепанные (!) ручки, вытянутые пропорции и широкий поддон. Этих данных в принципе достаточно, чтобы предположительно отнести его к подгруппу Б I группы.

Все остальные котлы этой группы происходят из восточной части их ареала — два были найдены на Северном Кавказе и два в Поволжье (рис. 1). Вполне вероятно, что к этой восточной серии можно добавить еще несколько находок. В этой связи можно назвать кованую ручку с остатками заклепок, найденную на поселении Мыржик. Вероятно, она также принадлежала котлам I группы. Далее упомяну котел из д. Булгар в Башкирии (Членова 1978: 133–136). Он был поврежден. У него отсутствует верхняя штаба с ручками, что, конечно, затрудняет его точное типологическое определение. Но все же можно сказать, что с учетом размера утерянной штабы он имел вытянутые пропорции, как и большинство котлов I группы. Его плоское дно и широкий поддон также указывают на эту группу. Наконец сообщим, что согласно некоторым косвенным данным беспаспортный котел из Одесского Археологического музея, возможно, происходит из Восточного Крыма («из окрестностей Пантикапея»).

С учетом всех этих добавлений количество котлов I группы может возрасти до 12 экз. Из них 3–4 были найдены на Правобережной Украине и в Поднепровье, а все остальные — восточнее Днестра. Обращает на себя внимание, что в отличие от котлов II и III групп, котлы I группы гораздо лучше представлены в восточной части ареала распространения этих изделий, чем в западной.

Выявленные различия в локализации котлов важно теперь сопоставить с их хронологией. Для датировки котлов I группы наибольшее значение имеют две комплексные находки: погребения близ ст. Суворовской в Ставропольском крае и пос. Комсомольского в Астраханской обл. (Нечитайло 1975: 50–58, рис. 2–5; Boroffka, Sava 1998: 84, Abb. 47).

Суворовское погребение было совершено в сравнительно большой яме, впущенной в невысокий курган, который был насыпан над могилой катакомбной культуры. На дне ямы, устланной деревом, находился в скорченном положении костяк взрослого человека. Он лежал на левом боку черепом на восток. Его правая рука была согнута под прямым углом, а левая — едва согнута в локте (Нечитайло 1975: 51, рис. 1, 2). Погребенный сопровождался большим и разнообразным инвентарем. В его состав входило девять металлических изделий: котел (рис. 1, 1), ковшик (рис. 8, 14), тесло (рис. 8, 15), долото-стамеска с костяной рукояткой (рис. 8, 17), черенковый двулезвийный нож (рис. 8, 16), два шила и три иглы в костяном футляре. Кроме того, в могиле были еще кварцитовый пест, песчаниковый «терочник» и роговой предмет в форме колесика с выступающей втулкой (пряслице ?). Каменные изделия находились перед погребенным, котел стоял в его ногах, а весь остальной инвентарь располагался за его спиной. По всей вероятности, эти изделия составляли несколько функциональных наборов. В первый из них входили котел и ковшик, во второй — тесло, долото-стамеска и нож, в третий — пест и «терочник», в четвертый — иглы, шилья и пряслице (?).

Автор раскопок А. Л. Нечитайло высказала мнение, что по чертам обряда суворовский комплекс чужд местной северокавказской культурной среде и ближе всего он стоит к раннесрубным погребениям. В этой связи она подняла вопрос о проникновении срубной культуры в предкавказские степи и в частности на территорию Ставрополя (Нечитайло 1975: 54). А. И. Тереножкин также усиленно настаивал на срубной принадлежности суворовского и других клепаных котлов (Тереножкин 1982: 220–221). Однако сейчас эти выводы не могут быть приняты без существенных оговорок. Дело в том, что нынешнее представление о срубной культуре, как и о других культурах эпохи бронзы Юга Восточной Европы существенно отличаются от тех взглядов, которых придерживались А. И. Тереножкин и А. Л. Нечитайло. Так, постепенно было выяснено, что обряд, свойственный суворовскому погребению, кроме срубной, встречается и в других восточноевропейских культурах — бабинской, лолинской, позднесрубной, сусканской, луговской и др. В Нижнем Подонье и в степном Ставрополье он доживает до конца эпохи поздней бронзы (Потапов 2005: 138–148, рис. 2, 4–7; 3, 10, 11, 17, 18; Корневский, Белинский, Калмыков 2007: 112–113, рис. 18, 5–13). Поэтому данных о положении костяка, его ориентировке, форме могильной ямы уже недостаточно для определения культурной принадлежности суворовского погребения. В решении этого вопроса важное значение приобретает инвентарь. Как уже говорилось, он отличается богатством и разнообразием. Но подобрать его категориям точные и хорошо датированные аналогии оказалось весьма трудным делом.

Бронзовый ковш из суворовского погребения А. Л. Нечитайло сравнила с круглодонными металлическими чашами из уральского местонахождения Усть-Гайва и дремайловского клада на Нижнем Днепре. В этом ее поддержали А. И. Тереножкин и С. В. Демиденко (Тереножкин 1982: 221; Демиденко 2005: 101). Однако признать эти аналогии убедительными нельзя. Ни одна из этих чаш не имеет ручки. У ставропольского ковша она есть (рис. 8, 14). Это отличает их не только в морфологическом, но, возможно, и в функциональном отношении. Вполне вероятно, что упомянутые чаши использовались несколько иначе, чем ставропольское изделие. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых даже называют их бляхами и относят к разряду украшений (Черных, Кузьминых 1989: 134–135). Следует также обратить внимание на значительную разницу в возрасте этих чаш. Усть-гайвинская находка, как и остальные сейминско-турбинские древности, должна датироваться согласно радиоуглеродным датам концом III — началом II тыс. до н. э. (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю 2005: 95–101). К гораздо более позднему времени относится дремайловский клад. По карпато-дунайским аналогиям он датируется не ранее XII в. до н. э. (Бочкарёв 2008: 247).

Приведенные данные делают бесперспективным дальнейшее использование аналогий А. Л. Нечитайло. Но вместе с этим придется признать, что других более близких параллелей ставропольскому ковшу подобрать пока не удастся. В функциональном отношении его можно сравнивать с деревянными и керамическими ковшами, которые изредка встречаются в памят-

никах ряда степных культур (катакомбная, лолинская и др.). Но металлические аналоги этим изделиям остаются неизвестными.

А. Л. Нечитайло справедливо полагает, что для определения возраста суворовского комплекса наибольшее значение имеет датировка бронзового тесла (Нечитайло 1975: 56–57). Она его подробно проанализировала и отнесла к костромскому типу. Этот тип вслед за А. А. Иессеном был датирован эпохой средней бронзы. Действительно, по форме и размерам оно очень похоже на «костромские» тесла. Но по этим же показателям суворовский экземпляр оказался близок и другой разновидности тесел, распространенных в эпоху поздней бронзы в лесостепных и степных регионах Восточной Европы. Часть этих тесел Е. Н. Черных объединил в разряд Т-8 (Черных 1976: 106, табл. XXX, 5–7). В него вошли в основном находки из Поднепровья. Между тем, аналогичные тесла, только более тонкие и с прямоугольным поперечным сечением, встречаются на Северском Донце, в Подонье, на Тамани и в Поволжье (Березанская 1990: 66–67, рис. 16, 11; Сокольский 1980: 147, рис. 1, 13; 2, 16; Пряхин 1996: 45–47, рис. 20, 2, 6). Вместе с поднепровскими находками они составляют единый тип, названный ульяновским. Этот тип состоит из двух вариантов. В один из них входят утолщенные орудия с трапециевидным сечением, а в другой — более тонкие с прямоугольным поперечным сечением.

Визуальное сравнение суворовского экземпляра с теслами костромского и ульяновского типов не позволяют однозначно определить к которому из них он принадлежит. Поэтому для решения этого вопроса пришлось использовать метрические данные и простейшую статистику. По наблюдениям С. Н. Братченко, основные различия между восточноевропейскими теслами эпохи бронзы определяются их пропорциями. Наиболее важными показателями этих пропорций являются индексы А и Б. Индекс А — это соотношение L/B_1 , а Б — B_1/B_2 , где L — общая длина орудия, B_1 — ширина его лезвия, B_2 — ширина его обушной части (Братченко 1996: 45–51, рис. 9; Братченко, Санжаров 2001: 56–66, рис. 35). Индекс А является показателем общих пропорций тесла, а Б — указывает на степень расхождения (скоса) его боковых граней. Более точное представление об особенностях этих орудий, конечно, могут дать графики сопряженности указанных индексов. Поэтому С. Н. Братченко предложил их коррелировать. В результате ему удалось открыть новые звенья в развитии восточноевропейских тесел эпох энеолита–бронзы и более четко разграничить уже ранее выделенные типы.

Эта методика оказалась пригодна и для определения типа суворовского тесла. Для этого орудия и тесел костромского и ульяновского типов (соответственно 22 и 14 экз.) были рассчитаны индексы А и Б. Их корреляция показала, что указанные типы очень четко отделяются друг от друга (рис. 7). Суворовский экземпляр, как и батарейкинский, оказались в составе изделий ульяновского типа (рис. 7, № 3 и 7 — буквенные обозначения Сув. и Бат.). По своим пропорциям они полностью соответствуют стандартам ульяновского типа и заметно отличаются от показателей костромского. Это решает вопрос об их типологической принадлежности. В рамках ульяновского типа они ближе всего стоят к изделиям его восточного варианта. У них прямоугольное сечение и сравнительно тонкая пластина. Этот вариант, судя по таким памятникам, как старобыковский клад и масоловское поселение (Leskov 1981: 5, Taff. 1, 5; Пряхин 1996: 45–47, рис. 20, 2, б), появились еще во времена классической срубной культуры, то есть во II периоде эпохи поздней бронзы (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 15–16, рис. 1). Он дожил до начала IV периода, что, в частности, документирует батарейкинский клад. В абсолютном выражении время его существования приблизительно приходится на XVII–XIV вв. до н. э. Что касается другого варианта ульяновского типа, то он может быть датирован только III периодом эпохи поздней бронзы.

Принадлежность суворовского тесла к одному из степных типов изделий еще не означает, что оно было отлито где-то на Севере и затем привезено на Кавказ. Высокое содержание мышьяка (3,7 %) и сурьмы (1,24 %) в металле (Нечитайло 1975: 53) как раз может говорить о его местном производстве. Местной чертой, свойственной теслам костромского типа, является и такой признак, как слегка разведенные в стороны уголки лезвия суворовского орудия (рис. 8, 15).

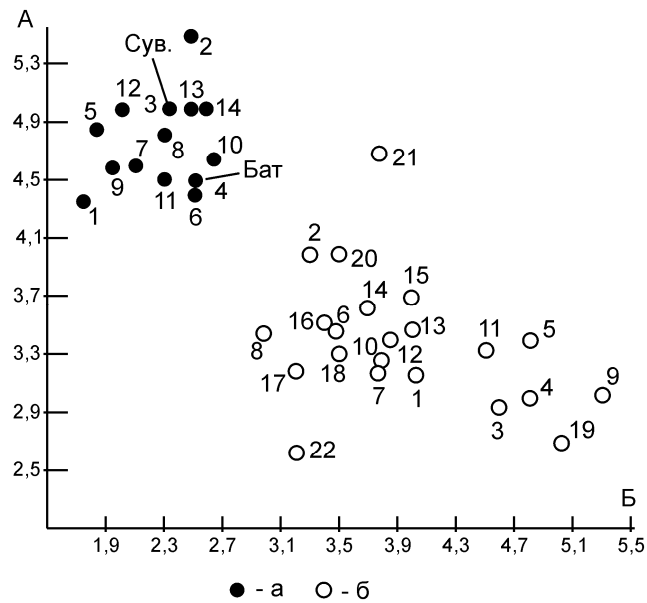

Рис. 7. График корреляции признаков тесел: а — ульяновский тип; б — костромской тип

Металлические шилья, иглы и нож из суворовского погребенья относятся к числу широко распространенных, но типологически мало выразительных изделий. Правда, А. И. Тереножкин решительно заявил, что нож из этого комплекса является характерным типом катакомбной культуры (Тереножкин 1982: 221). Очевидно этим он еще раз хотел подчеркнуть глубокую древность клепаных котлов. В действительности такие черенковые ножи с листовидным клинком также были широко распространены в степных культурах эпохи поздней бронзы. Особенно хорошо они представлены в погребениях начальной поры этой эпохи. По схеме В. А. Дергачёва и В. С. Бочкарёва это соответствует первому и второму периоду общей периодизации эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 15–16, рис. 1). Но нередко они встречаются и в более поздних памятниках (Черных 1976: 114–114, табл. XXXIV, 9–25). В частности, несколько их экземпляров есть в батарейкинском кладе, в состав которого входит тесло аналогичное суворовскому (Сокольский 1980: 147, рис. 1, 1, 2, 4).

В основном то же самое можно сказать о шильях. Как и двулезвийные ножи, они появились еще в энеолите и без заметных морфологических изменений просуществовали несколько тысячелетий. На протяжении I–II периодов эпохи поздней бронзы они сравнительно часто попадают в инвентарь погребений степных культур.

Несколько иначе обстоит дело с металлическими иглами. Это также простые изделия, форма которых длительное время оставалась неизменной. Но в отличие от ножей и шильев, они не всегда и не везде становились частью погребального приданного. В этой связи важно отметить, что их нет в погребениях катакомбной культуры, как и в погребениях других культур эпохи бронзы Северного Кавказа. Зато иглы часто встречаются в могилах степных культур начальной поры эпохи поздней бронзы (I–II периоды). Иногда, как в суворовском комплексе, они идут в сочетании с шильями. Такой комплект как часть погребального инвентаря засвидетельствован уже в синташтинской, потаповской и покровской культурах (Епимахов 2005: 61–63, рис. 95, 12, 13; Васильев и др. 1994: 52–56, рис. 3, 13–16; 5, 7, 11; Качалова (ред.) 1993: табл. 12, 13, 14). Они также встречаются в погребениях срубной и алакульской культур, но заметно реже. Самые поздние степные погребения с набором иглы и шила датируются рубежом II и III периодов. Находки этих погребений разбросаны по всему огромному пространству степи (Моргунова, Халыпин 2000: 154, рис. 3, 5, 6; Отрощенко 2009: 121). Это, как правило, — курганные могилы. Костяки в них лежат на левом или правом боку скорчено и ориентированы в

восточный и северо-восточный сектора. Кроме иглы и шила, в состав их инвентаря изредка входят кубки на поддонах и другие сосуды, украшенные в так называемом андроновском стиле (Моргунова, Халяпин 2000: 154, рис. 3, 2, 4; Ковалёва, Ромашко, Чернявская, Христан 1981: 24, рис. 6, 2, И; Берестнев 2001: рис. 61, 8, 9; Литвиненко 1999: 17–21, рис. 13). Черты обряда и особенно характерная керамика позволяет некоторые из них отнести к группе «срубных погребений с андроновскими чертами». Эта группа была выделена еще в 80-е годы прошлого века и впоследствии неоднократно анализировалась в литературе (Березанская, Гершкович 1983: 100–106; Кузьмина 1987: 48–49; Гершкович 1998: 61–92; Беспалый 1997: 99–101). Последний по времени обзор ее материалов был сделан В. В. Отрощенко (Отрощенко 2009: 114–126). Мне также придется на ней коротко остановиться, так как она имеет отношение к теме котлов. Для удобства я буду ее именовать верхнемаевской группой по названию населенного пункта в Днепропетровской обл., в окрестностях которого было исследовано несколько характерных курганных погребений (Волкобой 1980: 69–75).

Первые погребения верхнемаевской группы были открыты еще В. А. Городцовым во время его знаменитых раскопок на Северском Донце. Он их отнес к срубной культуре. Затем они были обнаружены в Поднепровье и почти на всей территории Левобережной Украины. Постепенно выяснилось, что такие погребения также есть в Подонье, Поволжье и в Приуралье (Казаков 1978: 67–85; Мыськов 1992: 86–95; Обыденнов 1998: 26, 27, рис. 62; Колев 2000: 246). Таким образом, оказалось, что ареал их распространения практически совпадает с территорией, занятой срубными памятниками. Это стало еще одной причиной для их «срубной» атрибуции. Их рассматривали как обычные срубные погребения, в обряде и керамики которых хорошо выражены черты андроновского влияния. Но после открытия такталачукского могильника в Татари, выделение памятников сусканского типа в Самарском Поволжье и ревизии приказанской культуры, оценки этих погребений существенно изменились (Казаков 1978: 67–85; Колев 1991: 162–206; Обыденнов 1998: 16–20). Стало очевидно, что погребения верхнемаевской группы появились в Среднем Поволжье тогда, когда там уже не было срубной культуры. Ее сменили черкаскульская, сусканская и луговская культуры. Первая из них появилась в результате миграции уральского населения, а две другие возникли на месте под воздействием восточного импульса (Обыденнов 1998: 21–42; Колев 1991: 162–200; 2000: 244–251). Их появление привело к краху местной срубной культуры, что повлекло за собой цепную реакцию изменений во всем «срубном мире» от Поволжья до Поднепровья. Оказалось, что погребения верхнемаевской группы являются одними из самых ярких археологических свидетельств этих событий. Их появление в Подонье и на территории Левобережной Украины было откликом на смену культур в Волго-Уральском регионе. Вместе с тем они ознаменовали новый и мощный всплеск волго-уральских влияний, достигших на Юго-Западе Поднепровья и Правобережной Украины. В целом эту группу можно считать своего рода маркером важнейшего культурно-исторического рубежа, который приходится на стык II и III периодов, то есть приблизительно на середину II тыс. до н. э.

Наиболее заметным индикатором перехода к новому периоду, конечно, являются кубки. Надо полагать, что на Украине и в Подонье они появились с первой волной волго-уральского влияния и как иноземный элемент просуществовали совсем недолго. Иными словами, они могут быть отнесены к узкому хронологическому горизонту, который прослеживается от Приуралья до Поднепровья и даже Побужья.

Если следовать логике одной из последних работ В. В. Отрощенко, то с событиями, о которых речь шла выше, следует связывать не только появление кубков, но также клепаных котлов на поддонах и таких богатых комплексов, как погребение из пос. Комсомольского (Отрощенко 2009: 114–126). Возможно, что в этот ряд нужно было бы поставить и погребение из ст. Суворовской. Кроме общих соображений, к такому предположению подталкивают и вполне конкретные данные.

Возвращаясь к рассмотрению суворовского погребения, напомним, что из состава его инвентаря осталось проанализировать три изделия. Одним из них является металлическое долото-стамеска с костяной рукояткой. В настоящее время рукоятка распалась и металлическую часть этого орудия можно рассмотреть во всех деталях. Оно относится к категории узких стержневидных долот-стамесок с прямым лезвием. Такие изделия, но обычно с желобчатым лезвием и круглым стержнем, появились на Северном Кавказе еще во времена майкопской культуры. Затем они распространились в степную зону и постепенно их стержень из круглого превратился в прямоугольный (Братченко 2001: 25). В течение эпохи средней бронзы их заменили втульчатые орудия, и они вышли из употребления. Но в Волго-Уральском регионе их продолжали выпускать и в эпоху поздней бронзы. Чаще всего теперь они имеют прямое лезвие и прямоугольное сечение стержня. Такие долота-стамески известны в сейминско-турбинских, синташтинских, петровских, срубных, черкаскульских и межовских памятниках (Черных 1970: рис. 60, 42–44, 46; Черных, Кузьминых 1989: 128–129, рис. 71, 9–11; Дегтярёва и др. 2001: 27–28, рис. 3, 1–3; Пряхин 1996: 51, 52, рис. 26, 5–7; Обыденнов, Шорин 1995: 79, рис. 52, 5, 8, 9). В целом эти материалы датируются в пределах I–IV периодов эпохи поздней бронзы. Нет пока достоверных данных, что долота-стамески существовали и в более позднее время. Практически все они происходят из поселений. Но иногда их также находят в погребальных памятниках (Генинг и др. 1992: 155–158, 266–268, рис. 75, 4; 148, 17; Епимахов 2005: 72, илл. 58, 3).

Если ориентироваться на приведенные аналогии, то суворовское долото-стамеска датируется в очень широких временных пределах — приблизительно от 2000 до 1200 гг. до н. э. Эти же аналогии позволяют утверждать, что в типологическом отношении оно было связано с волго-уральской традицией металлопроизводства.

В суворовском погребении было найдено два каменных предмета, один из которых А. Л. Нечитайло определила как пест для растирания краски, а другой — как терочник (Нечитайло 1975: 53, рис. 5, 3, 4). Однако не исключено, что они являются кузнечными инструментами. Судя по этнографическим данным и трасологическим исследованиям, многие так называемые песты, ступки и терочники в древности использовались как кузнечные молотки, наковальни и абразивы. Этот вывод может быть также подтвержден анализом погребальных памятников, в которых встречаются такие орудия. Оказалось, что обычно они сопровождают наборы более или менее крупных металлических изделий (тесел, долот, топоров и т. д.). Эта связь достаточно хорошо заметна в погребениях катакомбной культуры (Братченко, Санжаров 2001: 55). Она также отчетливо прослеживается в погребальных комплексах синташтинской, покровской и других культур начальной поры эпохи поздней бронзы (Генинг и др. 1992: 123, 125, 137–139, 148, 228–233, рис. 62, 2–4, 6; 76, 2–6; 104, 4, 5; Пряхин, Моисеев, Беседин 1998: 9–11, 14, 17, 24, рис. 4, 5, 6; 6, 19; 8, 2; 13, 5, 6; Ткачёв 2007: 188–190, рис. 71, 11, 12). В последующее время во II периоде эпохи поздней бронзы, вслед за исчезновением в погребальном инвентаре металлоемких предметов, также исчезают песты и терочники. Так, в погребениях срубной и алакульской культур отсутствуют как крупные металлические, так и крупные каменные предметы. Таким образом, наблюдается прямая и обратная зависимость этих двух категорий погребального инвентаря.

Исходя из приведенных данных, можно предполагать, что упомянутые выше каменные изделия действительно были кузнечными инструментами. Очевидно, они предназначались для текущего ремонта, правки и заточки тех металлических изделий, которые они сопровождали в погребальных комплексах. Такую же функцию следует приписать каменным орудиям из погребений из ст. Суворовской и пос. Комсомольского. Они были своего рода приложениями к металлическим изделиям этих комплексов.

Роговой предмет в форме колесика с четырьмя подовальными отверстиями и односторонне выступающей втулкой, насколько мне известно, не имеет аналогий в восточноевропейских материалах эпохи бронзы. Неизвестно также его функциональное назначение. Сделано

предположение, что он мог использоваться в качестве балансира в примитивной дрели (Нечитайло 1975: 53). Мне кажется более правдоподобной догадка, высказанная А. И. Тереножкиным. По его мнению, этот предмет имеет отношение к ткацкому делу (Тереножкин 1982: 221).

Таковы инвентарь и обряд суворовского погребения. Их анализ показал, что в этом комплексе можно выделить два компонента, восходящих к разным культурным традициям. Один из них был связан с местной средой, а другой — с блоком степных культур эпохи поздней бронзы. Первый компонент представлен металлом суворовских изделий. Судя по данным спектрального анализа, все эти изделия, за исключением котла (результаты его анализа мне неизвестны), были сделаны из традиционного кавказского сплава — мышьяковой меди (Нечитайло 1975: табл. на с. 53). Особенно широкое распространение этот сплав получил на Кавказе и в степи в эпоху средней бронзы (Черных 1966: 41–50). В последующее время мышьяковые бронзы повсеместно исчезают, кроме территории Северного Кавказа. В эпоху поздней бронзы их продолжают интенсивно использовать в прикубанском очаге металлопроизводства (Черных 1980: 151–154). В этом отношении показательным является батарейкинский клад на Тамани (Сокольский 1980: 144–150). Это — большой и представительный комплекс, в котором преобладают так называемые позднекубанские серпы (свыше 35 экз.). Вместе с ними были также найдены несколько изделий степных типов, которые уверенно датируются III периодом эпохи поздней бронзы (Дергачёв, Бочкарёв 2002: 89, 98). Все изделия батарейкинского клада были отлиты из мышьяковой бронзы (Черных 1980: 150–155). Подобная картина наблюдается и в суворовском комплексе. Несмотря на типологическую разнородность его металлического инвентаря он весь был изготовлен только из мышьяковой бронзы.

Перейду к рассмотрению другого компонента суворовского погребения, который условно может быть назван степным или северным. На него А. Л. Нечитайло прежде всего и обратила внимание, потому что он выражен достаточно хорошо. В инвентаре он представлен такими изделиями как тесло, долото-стамеска, иглы, котел. Все их аналогии уходят на север, к материалам степных культур. Это также относится к котлу. У него, как и у однотипного котла из Старой Михайловки (рис. 2, 2), края штаб были обрезаны в форме зубцов или фестонов, а заклепки свернуты в трубочки из полосок металла. То и другое оказалось характерно для металлических накладок деревянной посуды (рис. 8, 11–13), распространенной в ряде степных культур эпохи поздней бронзы (Отрощенко 1984: 84–93; Циминданов 2004: 55, 75, 76, рис. 38, 39). Нередко эти накладки, как и некоторые котлы, украшались точечным (пуансонным) орнаментом. Перечисленные детали позволяют связать клепаные котлы еще одной ниточкой с той культурной средой, которая в эпоху поздней бронзы сложилась в степи.

Возможно, что к этой же группе изделий степных типов следовало бы отнести и другие предметы суворовского инвентаря. Однако их культурная принадлежность остается неизвестной. Для некоторых из них (ковшик, роговой предмет) вообще отсутствуют аналогии. Поэтому категорически отрицать их местное происхождение нельзя. Видимо, будет правильным отнести эти изделия к разряду культурно не определенных.

Не вполне также понятны истоки обряда суворовского погребения. Уже отмечалось, что они могли быть как иноземного, так и местного происхождения. Вслед за А. Л. Нечитайло я склоняюсь к первому из этих предположений. В этом меня убеждает как вся структура обряда, так и некоторые его характерные черты. К числу последних я отношу появление в составе инвентаря металлических иглол и иглол в сочетании с шильями. Эта черта свойственна, как уже отмечалось, степным погребениям эпохи поздней бронзы. Конечно, в пользу его северного происхождения также говорит и значительная часть суворовского инвентаря.

Но в отличие от А. Л. Нечитайло и других авторов, я не могу столь однозначно связывать суворовский комплекс с классической срубной культурой II периода. На мой взгляд, он не имеет никаких особых или примечательных срубных черт. Напротив, есть признаки, которые прямо противоречат его срубной атрибуции. К их числу относятся данные о ранге суворовского

погребения. По количеству, качеству и разнообразию инвентаря его не с чем сравнивать в срубной культуре. В погребальном инвентаре этой культуры нет металлических изделий крупнее и тяжелее обычного столового ножа. Из металлических изделий в основном встречаются небольшие и легкие украшения, а также шилья. Практически полностью отсутствуют крупные каменные орудия, которые можно было бы отнести к разряду кузнечных инструментов. В подавляющем числе случаев встречается только керамика. В целом, срубный погребальный инвентарь выглядит бедным и однообразным. По этой причине сопоставление суворовского погребения со срубными выглядит весьма неубедительным.

Между тем, у суворовского комплекса есть прямой аналог. Это — погребение у пос. Комсомольского в Астраханской обл. (Boroffka, Sava 1998: 74, Abb. 47). Два эти погребения прежде всего сближают клепаные котлы. Оба они относятся к одной группе, но к разным подгруппам. Само по себе помещение этих изделий в могилы является важным и редким фактом. Такие находки зафиксированы только для котлов первой группы. Далее, в обоих этих погребениях встречены наборы металлических изделий и комплекты каменных орудий, которые, очевидно, были кузнечными инструментами. Наконец, следует сказать, что по богатству и функциональному разнообразию инвентаря они стоят друг к другу гораздо ближе, чем к каким-либо другим погребениям эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы. Поэтому есть все основания сближать их в культурно-хронологическом отношении.

Выше было высказано предположение, что два эти погребения с клепаными котлами следует поставить в один ряд с памятниками верхнемаевской группы. Хотя в типологическом отношении они не вполне идентичны, их появление следует связывать с одним и тем же событием — сменой культур в Поволжье и Приуралье. Этот вывод подтверждается прежде всего хронологическими данными. Все эти памятники, включая погребения с котлами, датируются тем же временем, что и блок новых волго-уральских культур (сусканская, черкаскульская и луговская), то есть — III периодом эпохи поздней бронзы. Их синхронность подтверждается многочисленными находками кубков в памятниках указанных культур (Колев 2000: 246, рис. 11), а также широким распространением лобойковско-дербеденовских металлических изделий. В частности, такие изделия известны в сусканских и черкаскульских памятниках, а также и в погребении из пос. Комсомольского. Это — бритвы и кинжалы с упором (рис. 8, 18, 19). Изделия этих типов есть в кармановском и дербеденовскомкладах в Татарии и в лобойковском кладе на Нижнем Днепре (Кузьминых 1981: 56–60, рис. 5, 4; 8, 6; Leskov 1981: 8–11, Taff. 3, 38, 48). К кругу лобойковско-дербеденовских бронз также относится суворовское тесло, хотя орудия такого типа появились еще во II периоде эпохи поздней бронзы.

Широкое распространение памятников верхнемаевской группы было вызвано новым и мощным всплеском волго-уральского влияния. Некоторые исследователи даже не исключают, что отдельные группы волго-уральского населения мигрировали на территорию Подонья и далее в юго-западном направлении (Колев 2000: 245–248). В пользу такого развития событий свидетельствуют сами кубки. Их форма и особенно орнаментация соответствуют стандартам сусканской, черкаскульской и федоровской керамики. К числу таких стандартов относятся мелкозубчатый штамп, узкие и глубокие каннелюры, косые треугольники, меандровые узоры и т. д. Получают также распространение сосуды с округлыми боками и горшки с валиковой орнаментацией. Одновременно с новыми стереотипами в керамике формируется лобойковско-дербеденовское металлопроизводство и топоры-кельты проникают в степную зону Восточной Европы (Бочкарёв 1990: 1, 4, 5; 2002б: 115–118). Все эти новшества составляют единый поток инноваций. К их числу я отношу также появление богатых погребений с котлами и сами эти котлы.

По мнению С. В. Демиденко, котлы из Суворовской и Старой Михайловки на Ставрополье были скопированы непосредственно с микенских образцов и они являются древнейшими изделиями такого рода на всей территории Восточной Европы (Демиденко 2005: 101–102).

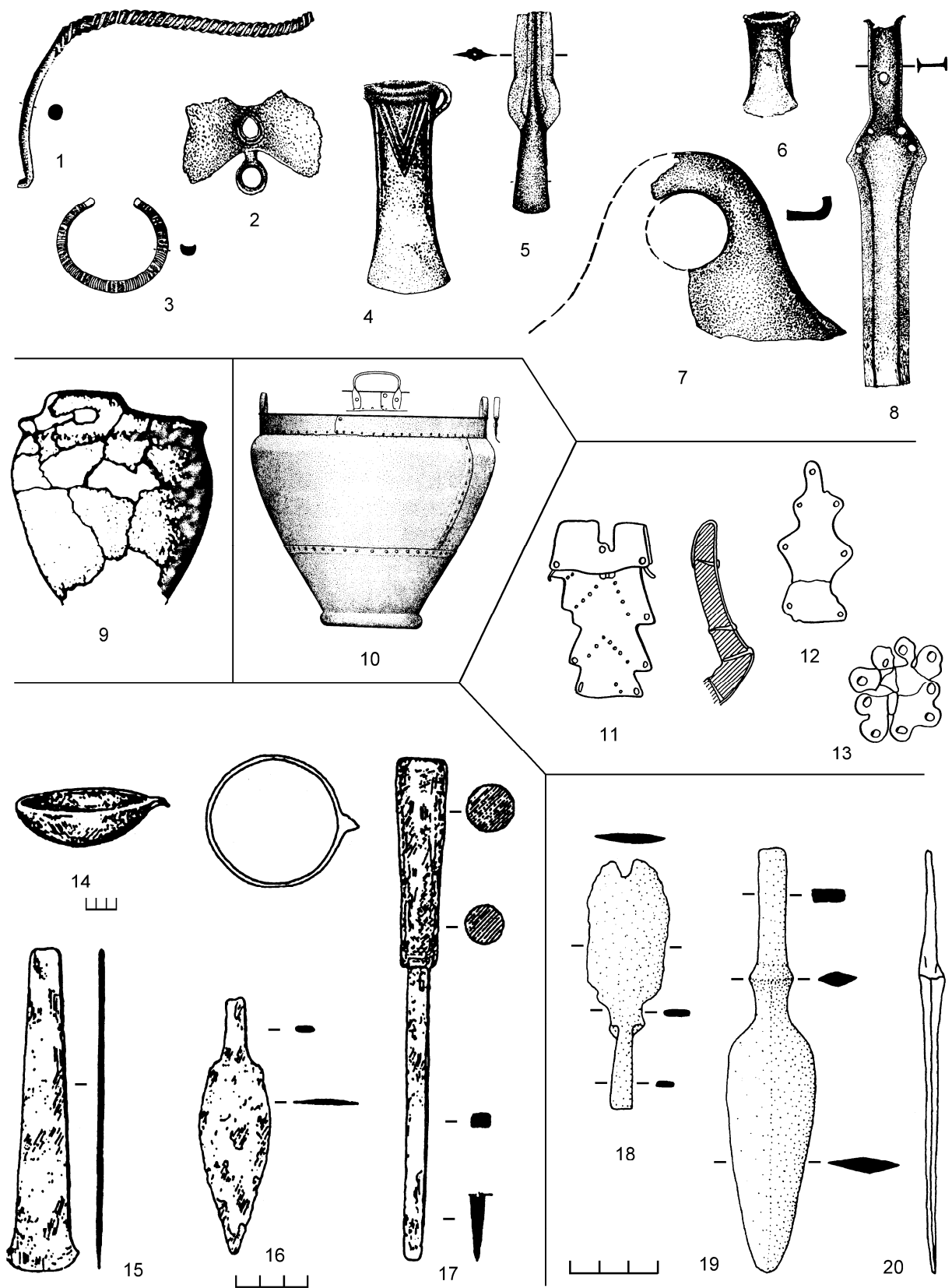

Рис. 8. Изделия из различных комплексов эпохи поздней бронзы: 1–8 — клад Месич (по Р. Рашайскому); 9 — пос. Чобручи (по С. М. Огульникову и Г. Р. Чеботаренко); 10 — Пилос (по Х. Маттеусу); 11 — Большая Белозерка? кург. 12, погр. 2 (по В.В. Циминданову); 12 — Лобойковский клад; 13 — Михайловка (по В. В. Отрошенко); 14–17 — ст. Суворовская? кург. 4, погр. 2 (по А. Л. Нечитайло); 18, 19 — пос. Комсомольский, погр. 16 (по А. А. Плахову)

Более осторожен в своих выводах В. В. Отрощенко. Но он также не сомневается в сходстве микенских и ставропольских сосудов и датирует эти последние концом XVII–XVI в. до н. э. (Отрощенко, Тупчиенко 2005: 177–178). В действительности вопрос о достоверности этих микенских аналогий является спорным и требует обсуждения.

Оба автора сопоставляют котлы из Ставрополя с микенскими клепаными сосудами, которые в свое время Г. Каро назвал кратерами. Само название этих сосудов ничего не говорит об их функции. Она еще не установлена. Но по мнению Х. Маттеуса, они не могли быть котлами. Настоящие микенские котлы имеют совсем другую форму и представлены несколькими типами и большим количеством экземпляров (Mätthaus 1980: 150, Taff. 1–4).

Кратеры были найдены в нескольких шахтовых гробницах в Микенах (III–V и E гробницы) и в Пилосе. Их точное количество назвать затруднительно, так как часть из них известна только по фрагментам. Около 10 экз. сохранились в удовлетворительном состоянии. Судя по ним, кратеры были склепаны из 3–4 штаб и донной части. Они имеют плоское дно с очень хорошо выраженной закраиной и две или три вертикальных ручки, приклепанные к краю венчика. Высота этих сосудов колеблется в пределах 35–78 см (Mätthaus 1980: 150–154). В целом, можно сказать, что они имеют форму широкогорлого горшка с плоским дном, хорошо выраженной шейкой и высоко поставленными плечиками.

С. В. Демиденко заявил, что по морфологическим и техническим признакам эти кратеры практически тождественны котлам из Ставрополя (Демиденко 2005: 101–102). Далее он перечисляет черты их сходства: те и другие сосуды были склепаны из нескольких полос металла, имеют плоское дно с закраиной, вытянутые пропорции, высоко поставленные плечики, а также кованые ручки, прикрепленные к венчику раздвоенными концами. Вместе с тем он называет и некоторые отличия микенских кратеров. Так, часть из них имеет не две, а три ручки. Форма ручек — прямоугольная. Ни один из кратеров не имеют орнамента, а края их штаб обрезаны ровно. В заключении он констатирует, что качество изготовления микенских кратеров было выше, чем у котлов из Ставрополя (Демиденко 2005: 102).

Можно назвать еще несколько отличительных признаков кратеров, которые не были учтены С. В. Демиденко. Края венчиков этих сосудов оформлялись в виде граненого выступа или были отогнуты вовнутрь. Эти особенности позволили Х. Маттеусу разделить кратеры на два варианта (Mätthaus 1980: 151). Ни одна из этих разновидностей венчиков у клепаных котлов Восточной Европы не встречается. Далее Х. Маттеус отмечает, что границы шейки и плечиков у кратеров всегда четко обозначена, так как она приходится на стык первой и второй штаб. Это связано с тем, что первая штаба предназначалась только для моделирования горла, а вторая — для плечиков и значительной части тулова. У восточноевропейских котлов эта норма не соблюдалась. Например, у суворовского котла верхняя штаба доходит почти до середины тулова (рис. 2, 1). Благодаря конструктивной особенности плечики кратеров выражены гораздо лучше, впрочем, как и закраины дна. У старомихайловского котла шейка плавно переходит в плечики, а закраина едва помечена (рис. 2, 2). У суворовского экземпляра еще более плавный переход от горла к тулову, а закраина вовсе отсутствует. Между тем, у микенских кратеров эта деталь является обязательной. Столь же регулярно используются ленточные ручки и стержневидные заклепки. О трубчатых заклепках на кратерах в литературе ничего не сообщается.

Таковы черты сходства и различия микенских кратеров и ставропольских котлов. Хотя материалов для сравнения, на мой взгляд, еще не достаточно, все же можно заключить, что эти сосуды похожи по форме и практически идентичны по технике изготовления. Но друг от друга они отличаются многими деталями. В целом можно сказать, что их сближают общие черты, а разъединяют конкретные признаки. В этой связи необходимо отметить, что техника клепки металлической посуды появилась на Древнем Востоке и на Кавказе (майкопская культура) еще в IV–III тыс. до н. э. Во II тыс. до н. э. она была уже хорошо известна во многих районах Евразии. Еще более широко в пространстве и времени была распространена простая и рациональная

форма горшка, которую в металле воспроизводят кратеры и котлы. Поэтому совсем не обязательно форму и технику этих котлов возводить к микенским образцам или предполагать воздействие в противоположном направлении. Все могло быть совсем иначе. Другое дело конкретные детали оформления этих сосудов. Их много и они носят оригинальный характер. Различия в деталях как раз и указывает, что реальной связи между двумя этими группами клепаных сосудов, по всей вероятности, и не было. Сомнения в достоверности микенских аналогий еще больше усилятся, если принять во внимание географический фактор. Северный Кавказ и Южную Грецию разделяют многие сотни километров, горные и водные преграды, множество различных культур. Каким образом в позднем бронзовом веке удалось преодолеть все эти препятствия и установить связи между этими удаленными регионами, остается загадкой. Никаких других данных, подтверждающих возможность таких контактов, нет. Следует еще добавить, что с методической точки зрения прямое сопоставление территориально удаленных материалов является ошибочным приемом и особенно опасным для хронологических построений. На этот счет имеется множество поучительных примеров. Есть они и в нашей археологии. В этой связи достаточно назвать историю с датировкой Бородинского клада и дисковидных псалиев с шипами. В обоих случаях были использованы прямые микенские аналогии, и, как недавно выяснилось, они привели к ошибочным выводам.

Завершая тему о микенских аналогиях, несколько слов необходимо сказать о хронологии и происхождении кратеров. Судя по доступным сейчас материалам, они существовали непродолжительный промежуток времени, который целиком укладывается в I позднеэлладский период по Фурумарку (XVI в. до н. э.). Впоследствии они, видимо, полностью вышли из употребления. Их происхождение остается не вполне ясным. Х. Маттеус предполагал, что кратеры, как и микенские котлы I типа, у которых с ними ряд общих черт, возникли на Крите и оттуда попали на материковую Грецию (Mätthaus 1980: 157).

До появления работ В. В. Отрощенко и С. В. Демиденко сосуды из Ставрополя обычно сравнивали с остальными котлами и подчеркивали сходство тех и других с керамикой срубной культуры. Как полагал А. И. Тереножкин, аналогии в керамике должны были подтвердить местные, «срубные» корни клепаных котлов. Подобрать формальные параллели ставропольским котлам среди горшков срубной культуры Поволжья, Подонья и Левобережной Украины не составляет особого труда (Качалова (ред.) 1993: табл. 22, 28; 43, 7; Семёнова 2000: 174, рис. 18, 1–11; Пряхин 1993, рис. 13, 3–5; 38, 11; 55, 15; Берестнев 2001: рис. 68, 8; 72, 10). Но такие же или близкие им горшки встречаются и в более поздних культурах Восточной Европы (Колев, Ластовский, Мамонов 1995: 69–74, рис. 19, 6, 9; 21, 4, 5; 22, 5, 4, 11; Берестнев 2001: рис. 93, 4, 7–9; 91, 14, 98, 8, 12, 99, 7, 11; Зданович 1984: 83, рис. 1, И. 5, 2, 4, 6, 8, 9. Черных 1983: 81–87, рис. 6, 4, 6–8, 11). Это не удивительно, так как простая горшковидная форма, как уже говорилось, является широко распространенной и долго живущей моделью, особенно в скотоводческих культурах. Поэтому для того, чтобы сузить круг аналогий, необходимо, наряду с формой, привлечь и другие данные. Среди этих данных наибольшее значение, видимо, имеет орнамент суворовского котла. Шейка котла украшена горизонтальным зигзагом, выбитым керном (рис. 2, 1). Эта же фигура зигзага, но исполненная в другой технике, есть у котлов из Домашек и Подолии (рис. 2, 5, 6). Сам по себе мотив зигзага был распространен широко. Но в степных культурах эпохи поздней бронзы он, пожалуй, лучше всего представлен на срубной керамике. Одинарные, двойные или тройные зигзаги украшают банки, горшки и, особенно часто, остроресберные сосуды (Семёнова 2000: 175). Все эти разновидности зигзага продолжали использовать и позже, на протяжении всего III периода. В частности, они встречаются на кубках верхнемаевской группы. Но теперь им иногда сопутствует такой новый орнаментальный элемент как валик (Горбов, Мимоход 1999: 28, рис. 5; Ковалёва и др. 1977: 16, 25, табл. 3, 6; 4, 12; Литвиненко 1999: 17–21, рис. 13). Сочетание этих двух элементов можно видеть как на керамике, так и на котлах из Суворовской и Домашек (рис. 2, 1, 2). На первом из этих котлов зигзаг проходит вы-

ше выпуклого ободка, а на втором — ниже. Если эти аналогии достоверны, то мы получим еще один аргумент в пользу датировки котлов первой группы III периодом эпохи поздней бронзы.

Другим важным комплексом для определения возраста котлов I группы является погребение у пос. Комсомольского на левом берегу Волги в Астраханской обл. (Boroffka, Sava 1998: 84, Abb. 47). В состав его инвентаря, кроме котла, входили металлические кинжал, бритва, шило и золотая серьга. Каменные изделия представлены сердоликовой бусиной, пестом (молотком?) и ступкой (наковальней?). Костяк полностью не сохранился. От него осталось только несколько косточек. По их расположению, а также по размещению инвентаря В. В. Отрощенко установил позу и ориентировку костяка. Согласно его реконструкции погребенный лежал по диагонали ямы на правом боку в сильно скорченном положении, с кистями рук, положенными перед лицом, и головой, ориентированной на СВВ (Отрощенко 2009: 115, рис. 1, 10a). По инвентарю и особенностям обряда В. В. Отрощенко отнес это погребение во второму этапу так называемой бережновско-маевской срубной культуры и датировал его в пределах XIV–XIII вв. до н. э. с возможным удревнением до XV в. до н. э. (Отрощенко 2009: 122). К этому еще следует добавить, что во второй этап указанной культуры он также включил все погребения с кубками верхнемаевской группы.

Датирующими категориями инвентаря этого погребения являются кинжал и бритва (рис. 8, 18, 19). Оба эти изделия имеют на своих черенках объемные упоры для рукояток. Наличие этой детали указывает на достаточный поздний возраст кинжала и бритвы. Такие упоры впервые появляются только в III периоде и продолжали использоваться на кинжалах и ножах до конца эпохи бронзы. Уточнить возраст нашего кинжала позволяет форма его клинка. Она остролистная. Как установил А. М. Лесков, кинжалы и ножи с остролистными клинками характерны для раннесабатиновского времени или, говоря иначе, — для III периода (Leskov 1981: 43–45, Taff. 1, C, 8; 3, 38, 39). Они есть в целом ряде ключевых комплексов этого периода (Лобойковский, Кабаковский, Малокопанский, Кармановский и др. клады). В следующем, IV периоде им на смену приходят изделия с лавролистной формой клинка (Leskov 1981: 44–45, Taff. 15).

Бритва принадлежит к типу изделий, на конце клинка которых имеется полукруглый или полуовальный вырез. Их черенок снабжен объемным упором. Форма клинка варьирует от овальной до округлой. Бритвы этого типа есть в таких характерных памятниках III периода как лобойковские и терешковский клады и комплексы литейных форм из Голоуровки и Макарьевского (Leskov 1981: 11, Taff. 3, 48; Кузьминых 1981: 64, рис. 10, 5; Дмитриев 1930: 55, табл. 2, рис. 2). Бритвы этой же формы, но только с плоским упором на черенке, найдены в дербеденовском кладе в Татарии и в погребении близ с. Высокое в Запорожской обл. (Кузьминых 1981: 56–58, рис. 8, 6; Отрощенко 2001: мал. 32, 2). Примечательно, что в погребении близ с. Высокое бритва найдена вместе с керамическим кубком. Два эти комплекса также могут быть датированы III периодом, хотя их бритвы принадлежат более архаическому варианту, чем в остальных комплексах этого периода. В IV периоде появляются новые разновидности бритв, а зона распространения этой категории изделий сокращается до пределов Северного Причерноморья. Теперь клинки бритв приобретают сердцевидную форму, а ниже выреза появляется круглое отверстие (Voskarev, Leskov 1980: Taff. 2, 22; 3, 30).

В итоге можно заключить, что кинжал и бритва уверенно датируются III периодом эпохи поздней бронзы. Оба эти изделия принадлежат к кругу лобойковско-дербеденовских бронз, характерных для этого времени. Остальной инвентарь этого погребения не имеет большого хронологического значения. Пожалуй, нужно лишь отметить, что золотая серьга отличается по форме от срубных и ческаркульских височных подвесок. Возможно, что она, как и сердоликовая бусина, попала на Нижнюю Волгу с территории Северного Кавказа.

Котел из пос. Комсомольского, как и пять других клепаных сосудов, относится к подгруппе Б группы I. Изделия этой подгруппы отличаются тем, что они имеют поддоны. По форме и пропорциям их чаще всего сравнивают с глиняными кубками на конических ножках, о ко-

торых уже не раз говорилось выше. Некоторые исследователи полагают, что эти котлы повторяли форму кубков и, следовательно, они синхронны им (Отрощенко, Тупчиенко 2005: 179–180). Действительно, они имеют общее сходство, которое в литературе иногда называют силуэтным. Но детально кубки и котлы еще не сопоставляли. По моим представлениям кубки, как и вся верхнемаевская группа, датируются рубежом II и III — началом III периода. В пределах этого промежутка времени они могли сосуществовать с котлами I группы. Но вопрос об их типологической связи придется оставить открытым до проведения детального анализа кубков.

Итак, исследования инвентаря и обряда погребений из ст. Суворовской и пос. Комсомольского позволяют придти к выводу, что оба комплекса относятся к III периоду эпохи поздней бронзы, то есть приблизительно к XV–XIV вв. до н. э. Очевидно, этим же временем следует датировать, в основном, котлы первой группы. По всей вероятности, они изготавливались в мастерских лобойковско-дербеденовской металлообрабатывающей зоны (Бочкарёв 1995: 121–122). Территория этой зоны простиралась от Приуралья до Приднепровья, а ее влияние достигало земель Правобережной Украины и Молдавии. Она обслуживала несколько культур, включая такие, как сусканская, луговская и черкаскульская в Волго-Уралье, и позднесрубную — в Подонье и Левобережной Украине. Логично предположить, что вместе с прекращением деятельности лобойковского и дербеденовского очагов и распадом их зоны котлы первой группы выходят из употребления. Однако, возможно, некоторые из них продолжали использоваться и позднее. В этой связи некоторый интерес вызывает глиняный сосуд, который, по мнению авторов раскопок, возможно, имитирует клепаные котлы. Он был найден в слое белозерской культуры Чобручи в Молдавии (Агульников, Чеботаренко 1990: 95, рис. 1, 9). Судя по сохранившейся части, этот сосуд копировал котлы вытянутых пропорций, то есть, возможно, I группы (рис. 8, 9).

На этом можно завершить рассмотрение хронологии котлов I группы и перейти к следующему разделу. В нем будут проанализированы данные о датировке двух других групп. К сожалению, их совсем немного, что затрудняет решение поставленной задачи. Особенно не хватает материалов для котлов II группы. Достаточно сказать, что ни один из них не был найден в комплексе с вещами других категорий. Исключение, возможно, составляет только клад из Бэлэни в Румынской Молдове. В его состав входит фрагмент стенки и венчика большого бронзового сосуда (Dragomir 1967: R18n, 204; Petrescu-Dimbovita 1977: 74, Pl. 78, 9). Край венчика этого сосуда имеет заметное утолщение, а поверхность его стенок покрыта вертикальными и горизонтальными «расчесами». Обе эти черты являются характерными признаками котлов II группы. Клад из Бэлэни датируется XIII в. до н. э., что соответствует времени IV периода нашей периодизации.

На сравнительно поздний возраст котлов II группы указывают и некоторые другие данные. На таблице (рис. 5) хорошо видно, что эти котлы сильнее связаны с III группой, чем с I. К этому еще следует добавить, что с технико-технологической точки зрения они выглядят более совершенными изделиями, чем сосуды I группы. В этом отношении показательна техника изготовления и крепления их ручек. Все эти наблюдения вместе взятые позволяют предположить, что они появились позднее котлов I группы.

Несколько лучше обстоит дело с хронологией котлов III группы. Один из них был случайно найден в районе поселения эпохи поздней бронзы «Дикий Сад» в черте города Николаева (Фабрициус 1951: 111). Возможно, он происходит из слоя этого поселения, которое датируется белозерским временем (Горбенко 2007: 7–12), то есть V периодом по нашей периодизации.

Важной находкой является фрагмент ручки котла, который был обнаружен в составе клада бронзовых вещей в Месич Шупая на территории нынешней Сербии (Рашајски 1975: 63–68, табл. 62, 15). Форма, размеры, бортик по внешнему краю этого предмета не оставляет сомнений в том, что он является частью ручки котла III группы (рис. 8, 7). По хронологии Рейнке клад датируется НаА1, то есть XII в. до н. э. Иными словами он синхронен ранним комплексам V периода эпохи поздней бронзы.

Наконец, следует сказать, что целый котел III группы оказался в наборе разнообразных металлических вещей IX–VIII вв. до н. э., который получил название Лубенского клада (Клочко 2003: 31–37). Он прекрасно сохранился и является одним из лучших образцов котлов III группы (рис. 4, 2). Однако есть некоторые сомнения относительно достоверности лубенской находки. Они вызваны тем, что остались неизвестными обстоятельства ее обнаружения. Кроме того, состав находки производит впечатление нарочито подобранной коллекции ярких вещей «киммерийского времени» с территории многих регионов Северной Евразии. Но возможно, эти сомнения безосновательны.

Таковы доступные данные о хронологии котлов всех трех групп. Их немного и не все они заслуживают доверие. Тем не менее, благодаря им удается составить общее представление о временной последовательности этих групп. Древнейшей является I группа, а самой поздней — III. Вторая группа, видимо, следует за первой и предшествует третьей. Вполне вероятно, что I и II, II и III группы частично сосуществовали. В целом можно сказать, что первая группа датируется III периодом эпохи поздней бронзы, вторая, ориентировочно, — IV, а третья — IV–V. Если принимать в расчет Лубенский клад, то котлы III группы использовались еще в позднейшем предскифском периоде. В итоге выходит, что клепаные котлы появились около середины II тыс. до н. э. и вышли из употребления в начале I тыс. до н. э.

Описанная здесь хронология котлов отчасти совпадает с выводами В. В. Отрощенко и С. В. Демиденко. Так, во всех трех схемах к числу самых ранних котлов отнесены находки из Суворовской и Старой Михайловки. Близки также взгляды С. В. Демиденко и мои относительно возраста некоторых поздних котлов. Но конечно, есть множество различий. Их больше, чем совпадений. Это вполне закономерно, так как объектами хронологии в этих трех случаях были совершенно разные классификации.

Завершая работу, подведу ее некоторые итоги. Клепаные котлы подразделяются на три типологические группы, которые носят хронологический и отчасти локально-хронологический характер. Ареал находок ранней группы охватывает значительную часть Южной половины Восточной Европы. Территория распространения котлов II и III групп значительно меньше. Она сокращается до пределов Северного Причерноморья. Можно утверждать, что путь развития котлов был путем усовершенствования исходных моделей. От кованных ручек постепенно перешли к изготовлению ручек цельнолитых. Параллельно с этим менялись очертания ручек, пропорции тулова, формы венчиков и днищ котлов. В конечном итоге котлы приобрели приземистое округлое тулово, цельнолитые арочные ручки и венчик с бортиком. Внешне они стали больше похожи на котлы бештаугорского и скифского типов, чем на сосуды I группы. Поэтому совсем не случайно многие исследователи видят в них прототипы котлов раннего железного века. Надо полагать, что благодаря произошедшим изменениям были заметно улучшены их технические и функциональные характеристики.

Судя по доступным сейчас данным, клепаные котлы появились на территории Восточной Европы в III периоде эпохи поздней бронзы. Это было время смены культур в Волго-Уральском регионе, формирования нового блока культур и лобойковско-дербеденовской зоны металлопроизводства. Котлы, также как и валиковая керамика, кубки или кельты лобойковско-дербеденовских типов могут быть своего рода символом этой новой эпохи. Их происхождение трудно связать с какой-то одной конкретной культурой. Они были порождены той разнородной и очень насыщенной культурной средой, которая сложилась в XV–XIV вв. до н. э. Карта распространения котлов I группы приблизительно соответствует географическому ареалу этой среды. Но в IV периоде культурная ситуация вновь изменилась. Производство котлов в основном сосредоточилось на территории Северного Причерноморья, занятого сабатиновской культурой. Здесь же их продолжали изготавливать и позднее, во времена белозерской культуры. История клепаных котлов видимо окончательно завершилась с приходом скифов.

Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр)³⁸

Погребения с кузнечно-литейными инструментами привлекли пристальное внимание исследователей с момента открытия. Почти единодушно они были интерпретированы как прямой показатель специализации литейного дела, выделения профессиональных мастеров. Особое внимание было также обращено на большую редкость таких погребений. Но в оценке этого обстоятельства, которое, как казалось, проливает свет на организацию металлообрабатывающего производства, мнения разошлись. Г. Чайлд объяснил его тем, что в обществах бронзового века Европы кузнецы-литейщики были детрибализированы, так как составляли отдельные касты или цеха. Поэтому общество исключало их «из ранга тех, кто удостоивался погребальной церемонии» (Childe 1947: 163). К мнению Чайлда склонился и Е. Н. Черных (1966: 166), хотя первоначально малочисленность этих памятников он связывал с тем, что в древности профессия литейщика была очень редкой (Черных 1972: 185). Совсем иначе этот же факт понял В. П. Шилов. Согласно его представлениям, погребения литейщиков единичны потому, что «процесс узкой специализации общинных мастеров проходил лишь начальные этапы своего развития» (Шилов 1959: 20). В 1975 г. был предложен еще один вариант объяснения. Появление (или отсутствие) этих погребений было отнесено за счет особенностей погребального обряда той или иной культуры (Бочкарёв 1975: 65).

Прежде чем сопоставить эти точки зрения, выявить их сильные и слабые стороны, обратимся к самому археологическому материалу.

Анализ материала. В Восточной Европе открыто 13 комплексов, которые обобщенно можно квалифицировать как погребения мастеров по обработке металлов. Анализ этого материала позволяет сформулировать следующие тезисы.

1. По инвентарю, могильной конструкции, другим деталям обряда каждое из 13 погребений имеет определенную культурную привязку: 2 из них принадлежат фатьяновской культуре, 4 — полтавкинской, 5 — катакомбной и 2 — абашевской. Столь же очевидна культурная принадлежность остальных погребений с кузнечно-литейным инвентарем, открытых в Западной и Средней Европе (Bulter, Waals 1967: 73; Mozsolics 1967: 28), на Кавказе (Авалишвили 1970: 183–188) и в Сибири (Матющенко, Ложникова 1969: 23–24). Учитывая сказанное, наш исходный вопрос может быть сформулирован более точно и определенно: почему в одних культурах есть погребения кузнецов-литейщиков, а в других они отсутствуют? Сразу же обнаруживается, что вывод В. Шилова и первоначальное предположение Е. Черных не дают удовлетворительного ответа. В Северной части Евразии известно много культур и с более развитой и дифференцированной металлообработкой (металлургией), в которых, однако, нет таких погребений.

2. Прочная связь этих погребений с археологическими культурами и отдельными общинами (родами?), особенно очевидная на примерах Волосовско-Даниловского могильника и братской могилы Пепкинского кургана, позволяет заключить, что в обществах этих культур мастера по обработке металла не были детрибализированы.

3. Наборы кузнечно-литейных инструментов не идентичны по составу. Чаше других орудий встречаются глиняные литейные формы (в 11 погребениях из 13). В половине случаев они сопровождаются тиглями. Последние есть только там, где имеются формы. Поэтому может возникнуть впечатление, что литейные формы являются необходимым условием присутствия тиглей. В целом «форма + тигель» — наиболее устойчивое сочетание в этих комплексах. Оно особенно характерно для погребений в катакомбах. Сопла имеются в четырех комплексах, три

³⁸ Опубликовано: Проблемы археологии. Сборник статей в память профессора М. И. Артамонова. Л., 1978. Вып. 2. С. 48–53.

из которых принадлежат полтавкинской культуре. В трех погребениях они найдены вместе с формами и еще в двух — с тиглями. Сочетание «форма + тигель + сопло» зафиксировано только в двух случаях. В жутовском погребении нет ни форм, ни тиглей, и оно «опознается» по соплам и кузнечным инструментам. Последние присутствуют еще в четырех комплексах. Причем ростовское погребение дает только эти инструменты. По сведениям Бултера, три аналогичных комплекса открыты в культуре колоколовидных кубков (Bulter, Waals 1967: 73). Близкий к ростовскому состав кузнечных орудий есть в погребении у Веселой Роши в Ставропольском крае. Наконец, ростовские орудия имеют неплохие соответствия в этнографических материалах (Гарсиласо Инка де ла Вега 1974: 135). Все это вселяет уверенность, что погребение из Ростова правильно отнесено к интересующей нас категории памятников. Вероятно, список этих памятников может быть расширен при изучении каменных орудий, которые при тщательном анализе могут оказаться кузнечными инструментами.

Самые богатые производственные наборы дают одно из калиновских погребений и Пепкинский курган. В каждом из них есть как бы двойные комплекты, хотя и здесь в них не представлен весь технологический список орудий металлообработки.

Не вызывает сомнений, что в древности все эти погребения были выделены по производственному, «профессиональному» признаку. Ничем другим они не выделяется среди тысяч погребений эпохи бронзы.

4. Содержание и облик нашего источника в первую очередь и непосредственно определялся нормами погребального обряда. Судя по представленным материалам, в ряде культур существовали такие нормы обряда, которые учитывали профессиональную специализацию умерших. В других культурах или культурных группах эпохи бронзы они отсутствовали, чего Чайлд не учитывал.

Требуется методологический пересмотр. И Чайлд, и Шилов, и Черных, пытаясь выяснить, почему редки погребения литейщиков, решали вопрос вообще, безотносительно к той или иной археологической культуре. Но ведь мы имеем дело с разными культурами, погребальные обряды которых, возможно, отражают не одни и те же явления. Поэтому более правильной и будет такая постановка вопроса: почему в одних культурах есть погребения с кузнечно-литейными инструментами, а в других, с сотнями раскопанных памятников и развитой металлургией, они отсутствуют?

Гипотеза. Эти соображения составляют основу для новой гипотезы: погребения кузнецов-литейщиков возможны в тех культурах (обществах), в которых мастера по обработке металлов не были детрибализированы и погребальный обряд которых фиксировал профессиональную специализацию умерших. Из гипотезы вытекают два ожидания, которые в принципе можно проверить и тем самым хотя бы частично верифицировать саму гипотезу. В тех культурах, где есть эти погребения, следует ожидать: а) тесную связь очага металлообработки (металлургии) с культурой; б) открытия могил мастеров из других сфер производства.

Первое ожидание отчетливо подтверждается для абашевской и фатьяновской культур. Для катакомбной и полтавкинской культур вопрос остается открытым, их металлообработка изучена недостаточно.

Что касается второго ожидания, то просмотр материалов катакомбной, фатьяновской и полтавкинской культур дал положительные результаты.

В некоторых могилах перечисленных культур наряду с обычным и широко распространенным инвентарем (сосудами для питья и пищи, личными украшениями, оружием и т. д.) встречаются орудия труда — рабочие топоры, тесла, долота, выпрямители древков стрел и т. д. Иногда орудия труда образуют яркие функциональные наборы. Вот некоторые из них. В 1973 г. киевскими археологами близ г. Ворошиловграда было раскопано погребение, в котором кроме традиционного инвентаря донецкого варианта катакомбной культуры находились несколько песчаниковых выпрямителей древков стрел и их заготовок, кремневые наконечники стрел на

разной стадии изготовления, отжимники, наковаленка, абразивы и прочее.³⁹ Судя по описанию такое же погребение открыл В. А. Городцов у Черевкова (кург. 1, погр. 5) (Городцов 1905: 225). Кажется естественным трактовать эти памятники как погребения мастеров по изготовлению стрел. В алитубском погребении волго-манычского варианта катакомбной культуры покойник сопровождался плотничьими инструментами — металлическими теслами, долотом, ножом. Такой же состав бронзовых орудий был найден в полтавкинском погребении у г. Волгограда. Еще в трех полтавкинских памятниках (Ровное, кург. Д-37; Бородаевка, кург. Г-6; хут. Степана Разина, кург. 4, погр. 6) (Качалова 1962а: 39–41; Мерперт 1967: 98, 99) были зафиксированы, вероятно, погребения «плотников». В качестве специализированных погребений фатьяновской культуры можно указать на ряд комплексов из Кузьминского могильника (Бадер 1962: 15–25).

Совсем иная картина в абашевских погребениях. В них отсутствуют производственные наборы, практически нет орудий труда. Исключение составляют как раз два комплекса с литейными формами. Это обстоятельство, скорее всего, объясняется тем, что в обществе абашевской культуры специализация затронула лишь сферу металлообработки.

Выводы. Предложенная гипотеза позволяет ответить и на вторую часть исходного вопроса. Очевидно, погребений кузнецов-литейщиков нет в тех обществах (культурах) и группах (фракциях, будь то цеха, кланы или касты), погребальные обряды которых не учитывали профессиональной специализации умерших. Судя по всему, такие культуры и фракции составляли большинство в бронзовом веке Восточной Европы.

Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл.⁴⁰

Летом 1963 г. житель поселка Самарского Ростовской обл. М. П. Королев при копке глины наткнулся на клад медно-бронзовых вещей. Вещи эти были своевременно собраны и переданы в областной музей. Тогда же заместитель директора Ростовского музея С. М. Марков и автор настоящей статьи обследовали место находки. Было установлено, что клад найден на глубине 1,5–2 м от современной поверхности, на правом высоком берегу р. Кагальник, на южной окраине поселка Самарского. Никаких остатков культурного слоя или следов погребения здесь обнаружено не было, лишь при шурфовке на месте находки был подобран еще один фрагмент серпа. Итак, всего в кладе оказалось 14 вещей: 9 топоров и их обломков, 4 фрагмента серпов и небольшой обломок медного слитка.

Топоры клада подразделяются на 3 типа. Первый из них представлен двумя целыми и двумя фрагментированными образцами (рис. 1, 7–10). Эти топоры имеют более или менее вислый обух, скошенный впереди, довольно узкое, слегка изогнутое тело и полукруглое лезвие. По деталям оформления тела и обуха топоры различаются между собой. Самый крупный топор первого типа имеет сильно развитую обушную часть с глубоким скосом впереди, слабо изогнутое тело и лезвие, скошенное назад (рис. 1, 7). У другого топора при почти таком же обухе — более узкое, изящное тело, которое переходит в полукруглое лезвие, равномерно расширяющееся в обе стороны (рис. 1, 10). Два фрагментированных топора имеют более простую форму и очень напоминают вислообушные топоры эпохи средней бронзы (рис. 1, 8, 9). У трех топоров первого типа обух смят с боков, так что проушина приобрела почти прямоугольные очертания, у четвертого топора проушина — круглая (рис. 1, 9).

Для топоров второго типа характерно наличие по сторонам втулки трех валиков и промежуточных между ними желобков (рис. 1, 4). Верхняя грань топора примерно посередине имеет заметный перегиб, что придает телу топора изогнутое очертание. Обух топора смят с боков и проушина приобрела прямоугольную конфигурацию.

³⁹ Личное сообщение С. Н. Братченко.

⁴⁰ Опубликовано: Археология Кавказа и Средней Азии. КСИА АН СССР. М., 1972. Вып. 132. С. 87–89.

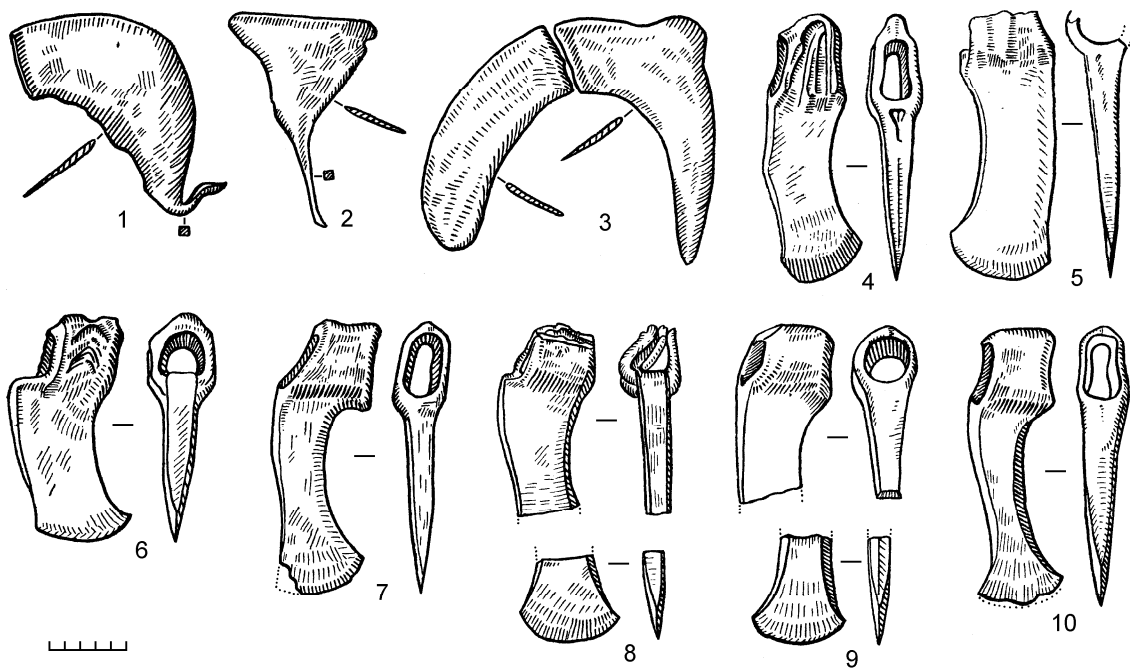

Рис. 1. Самарский клад:

1–3 — серпы; 4–5 — топоры второго типа; 6 — топор третьего типа; 7–10 — топоры первого типа

Возможно, ко второму типу относится и другой самарский топор, у которого отсутствует часть обуха. Проушина у этого топора была круглой (рис. 1, 5).

Третий тип представлен лишь одним массивным топором, который имеет короткое, широкое тело, поставленное под углом к обуху, и полукруглое слегка вытянутое назад лезвие. Верхняя грань топора при переходе от тела к обуху обрывается широким уступом. Обух топора орнаментирован валиками, но совсем в иной манере, чем у топоров второго типа. Проушина у этого топора — круглая (рис. 1, 6).

В состав Самарского клада входят еще четыре фрагмента от трех серпов. От одного из них сохранилась только рукоятчная часть, к тому же сильно раскованная и приспособленная для вторичного использования в качестве сечки (?) (рис. 1, 2). От второго серпа сохранилось все, кроме стержня рукоятки. Он имеет сильно изогнутую спинку, но без резкого перегиба. На спинке сохранился не до конца удаленный литник (рис. 1, 3). У последнего, третьего серпа (рис. 1, 1) отсутствует часть лезвия, но тип можно представить достаточно четко: это серп с равномерно изогнутой спинкой (II группа по А. А. Иессену) (Иессен 1951: 110, рис. 48). В целом описанные серпы близки к вариации прикубанских серпов, что и позволяет датировать Самарский клад эпохой поздней бронзы.

Наиболее полные аналогии самарские топоры находят в топорах Бериславского клада на Украине (Добровольский 1948: 152–163, табл. 1), а также в депаспортизованной коллекции Краснодарского музея (Иессен 1951: 96–97 рис. 25, 26). По мнению А. А. Иессена, эти топоры составляют среди прикубанских бронз архаичную группу, которая несколько предшествовала или развивалась параллельно топорам верхнекубанской группы (Иессен 1951: 106). Решение вопроса о возможной хронологической градации между обеими группами А. А. Иессен ставил в зависимость от выяснения их географического распространения. Сейчас, как и 20 лет назад, такой карты нет, что, однако, не помешало А. М. Лескову, который опирается на типологию серпов, удревить комплексы с этими топорами. Анализируя серпы Бериславского и Коблевского кладов, А. М. Лесков пришел к выводу, что в типологическом и хронологическом отно-

шении они занимают промежуточное положение между костромскими серпами и коленчатыми серпами из верхней Кубани (Лесков 1967: 171). Не вдаваясь в разбор схемы А. М. Лескова, отметим, что действительно серпы Бериславского, Коблевского и Самарского кладов своеобразны. Наряду с серпами второй группы (по А. А. Иессену) среди них встречаются коленчатые серпы, но без резкого перегиба спинки, что их незначительно, но все же отличает от верхнекубанских серпов. Это обстоятельство приобретает особое значение, поскольку дает возможность наметить две группы комплексов, отличных между собой как по набору топоров, так и серпов.

Конечно, предложенная группировка имеет только предварительный характер и требует проверки через новые комплексы. Вместе с тем следует иметь в виду, что ни один из двенадцати прикубанских кладов с серпами и топорами не дает сочетания типов обеих групп.

Что касается территориальных и хронологических взаимоотношений обеих групп, то этот вопрос по-прежнему остается открытым. Маловероятно только, что 1) обе группы синхронны и распространены на одной и той же территории; 2) комплексы с вислообушными топорами (I группа) моложе комплексов с верхнекубанскими топорами (II группа).

Остаются недоказанными еще две возможности: 1) обе группы распространены на одной и той же территории и одновременны; 2) группы распространены на разных территориях и синхронны; 3) обе группы распространены на разных территориях и одновременны или одновременны.

Ни одной из этих версий нельзя отдать предпочтение по типологическим соображениям, а других данных мы пока не имеем. Можно только предполагать, что хронологический разрыв между группами был небольшим, так как обе группы содержат близкие типы серпов, а вислообушные топоры имеют явные «кубанские» элементы (Иессен 1951: 106).

Самарский клад пополняет наши сведения и о характере северных связей прикубанского очага металлургии и металлообработки. Так же как и другие прикубанские клады эпохи поздней бронзы, найденные в северопрichernоморских степях, он является кладом сырья. В эпоху средней бронзы и на рубеже бронзового и железного веков кавказский импорт в степи имел другой характер: ввозилась готовая продукция и полуфабрикаты, но не сырье.

Приложение

Химический состав металлических предметов Самарского клада

Самарский клад, представленный топорами (4 целых и 5 обломков), серпами (4 обломка) и одним слитком, имел общий вес 6 кг. По химическому составу все предметы (кроме слитка) представляли собой мышьяковистую бронзу, содержащую, кроме основного металла (меди), до 5 % мышьяка (см. табл. 1). При этом различий в составах топоров и серпов не наблюдалось. По своей характеристике сплавы, из которых были выполнены предметы клада, были близки составу предметов так называемой северокавказской культуры, кубанской группы (Черных 1966: 40–50, 104–107).

Топоры по соотношению сурьмы, мышьяка и никеля в составе металла можно разбить на две группы. Первая группа — два топора (№ 1 и № 2 в таблице химического состава), которые отличались от остальных содержанием сурьмы (1 % и 2 %) и более высокой концентрацией никеля (0,4 %). Топор подобного состава встречался среди предметов кубанской группы (Черных 1966: 107, анализ № 116). Остальные топоры (анализы № 3–9) вошли во вторую группу. Сурьма в металле этой группы содержалась в сотых долях процента, а никель количественно не превышал 0,1 %. Среди проанализированных обломков топоров были два, принадлежащие обушной части (№ 6, 7), и два — лезвию (№ 8, 9). Оба обломка лезвий в равной степени могли принадлежать любому из двух обломков обушной части. Химическим составом эти обломки почти не отличались, а незначительное изменение в составе металла можно объяснить тем, что металл для анализа брался из диаметрально противоположных частей. Так, различие в содер-

жании свинца наблюдается из-за плохой растворимости этого металла в меди. И если учесть, что отливка топоров производилась через более массивную обушную часть и что свинец тяжелее меди, то при заполнении литейной формы расплавленным металлом в первую очередь оформлялась лезвийная часть, обедненная свинцом, и затем уже обушная часть, в которую попадал свинец, сконцентрировавшийся в расплавленной меди в придонной части тигля.

Серпы. Четыре обломка серпов (анализы № 10–13) химически не отличались от состава топоров второй группы. Два обломка (№ 12 и 13) бесспорно относятся к одному серпу, так как по линии разлома они совпадают. Это подтверждается и полным совпадением химического состава. Таким образом, тринадцать металлических предметов Самарского клада принадлежат семи топорам и трем серпам.

Таблица 1

Результаты количественного спектрального анализа в %
металлических предметов Самарского клада

Шифр лабор.	Наименование предмета, шифр или инвентарный №, рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	In
1	Топор СК-63/2, 7	92	0,02	0,4	0,05	0,02	1	5	Сл.	–	0,4	0,1		Сл.
2	Топор СК-63/5, 5	03	0,02	0,2	0,05	0,01	2	4	Сл.	–	0,4	–	0,02	Сл.
3	Топор СК-63/1, 6	94	Сл.	0,01	0,05	Сл.	0,05	5	Сл.	–	0,06	–	Сл.	–
4	Топор СК-63/3, 4	99	Сл.	0,02	0,01?	Сл.	0,03	0,75	Сл.	–	0,02	Сл.	0,05	–
5	Топор СК-63/4, 10	96	Сл.	0,05	0,01?	Сл.	0,02	3	Сл.	–	0,08	–	0,01	–
6	Обломок топора СК-63/6, 9	95	0,02	0,15	–	0,01	0,07	4	Сл.	–	0,06	–	Сл.	–
7	Обломок топора СК-63/7, 8	97	Сл.	0,25	–	0,02	0,02	2	Сл.	Сл.	0,06	–	Сл.	Сл.
8	Обломок топора СК-63/8, 9	94	Сл.	Сл.	–	Сл.	0,03	5	Сл.	–	0,08	–	Сл.	–
9	Обломок топора СК-63/9, 8	94	Сл.	Сл.	0,01?	Сл.	0,07	5	Сл.	–	0,06	–	Сл.	–
10	Обломок серпа СК-63/10, 1	95	0,3	0,3	–	0,02	0,03	4	Сл.	Сл.	0,08	–	Сл.	–
11	Обломок серпа СК-63/12, 2	95	Сл.	0,05	–	0,02	0,07	4	Сл.	Сл.	0,1	–	Сл.	–
12	Обломок серпа СК-63/11, 3	96	Сл.	0,2	–	0,03	0,3	3	Сл.	Сл.	0,08	–	Сл.	–
13	Обломок серпа СК-63/13, 3	96	0,05	0,3	–	0,03	0,3	3	Сл.	Сл.	0,1	–	Сл.	–
14	Слиток СК-63/14	99	–	Сл.	0,03	Сл.	–	–	Сл.	–	0,04	0,02	0,1	Сл.

Высокое содержание мышьяка в меди (до 5 %) и общий характер распределения остальных примесей указывают на рудную базу Кавказа, а некоторые колебания в содержании мышьяка, сурьмы, никеля и других компонентов не могут изменить взгляда на источник.

Анализ **слитка** показал, что он состоит из чистой меди с незначительными примесями других элементов, в числе которых отсутствуют мышьяк (анализ № 14). Это обстоятельство может служить доказательством специального добавления мышьяка при выплавке металлических изделий исследованного клада.

Д. В. Наумов, С. С. Миняев

Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы⁴¹

Одним из важных событий в кавказской археологии стало открытие А. А. Иессеном прикубанского очага металлургии и металлообработки. Благодаря тщательному типологическому анализу материалов ему удалось выявить на территории Северо-Западного Кавказа особую, отличную от кубанской и колхидской, группу металлических изделий. Ведущими формами этой группы оказались топоры верхнекубанского типа, так называемые поздние кубанские серпы, некоторые типы тесел, кинжалов, булавок. По мнению А. А. Иессена, на производство этих изделий шло местное сырье, запасы и разработки которого им отмечены во многих пунктах бассейна Верхней Кубани. В развитии прикубанского очага он наметил три этапа, которые в совокупности охватывали промежуток времени с XI (XII?) по VII вв. до н. э.

В целом, прикубанский очаг рассматривался А. А. Иессеном как локальное производственное объединение, для которого было характерно сочетание местных архаичных традиций и новых черт, идущих от высоко развитой кобанской металлургии.

Эти выводы А. А. Иессена нашли в нашей литературе широкое признание и поддержку. Но, вопреки ожиданиям, они почти не получили дальнейшего развития. Это объясняется очень медленным притоком новых материалов из горных и предгорных районов Северо-Западного Кавказа. Все же к настоящему времени фонд источников вырос настолько, что появилась возможность внести в схему А. А. Иессена некоторые добавления и поправки. В основном, они будут касаться относительной и абсолютной хронологии.

Новые материалы позволяют выделить древнейшую группу прикубанского очага, которая может быть названа ахметовской. В ее состав вошли клады, подобные Ахметовскому и Таманскому (табл. 1, 1–7), металлический инвентарь нескольких погребений, а также довольно большая серия единичных находок с территории северо-западного Кавказа. Сравнительный анализ источников показал, что характерными представителями этой группы являются топоры самарского, бериславского и урекского типов (табл. 1, 2, 4, 6), «таманские» серпы (табл. 1, 3) и 2-й вариант (по А. А. Иессену) поздних кубанских серпов (табл. 1, 10). Как по отдельным типам, так и по их сочетаниям ахметовская группа хорошо отличима от основной (бекешевской) группы прикубанского очага. Вместе с тем, эти группы оказались прочно связанными с находками поздних кубанских серпов 1-го варианта (табл. 1, 10). Оба эти обстоятельства (различия и сходство) необходимо учитывать при оценке относительного возраста ахметовской группы. Судя по типологическим данным и внешним аналогиям, она старше бекешевской группы. На юге (в Абхазии и Западной Грузии) она связана с памятниками типа Урекского клада (табл. 1, 9), а на севере (на Украине) — с лобойковским очагом. Эти связи позволяют датировать ахметовскую группу в пределах XV–XIII вв. до н. э. Но вполне вероятно, что в будущем эти даты придется уточнить в сторону некоторого удреждения.

Более уверенно и определенно можно говорить о возрасте бекешевской группы. Как уже отмечалось в литературе (Лесков, Козенкова), она лучше всего синхронизируется с белозерской культурой, время которой — XII–X вв. до н. э. — достаточно надежно установлено в рамках хронологической системы Рейнеке–Мюллера–Карпе (Тереножкин, Смирнова). Этим же временем некоторые исследователи датируют раннекобанскую культуру, с которой бекешевская группа имела самые тесные и прямые контакты.

⁴¹ Опубликовано: Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб, 1996. С. 96–97.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
ТИПЫ																				
КОМПЛЕКСЫ																				
1 Кубанский клад 1897 г.			>7		>3															
2 Таманский клад	1		>5		>15															
3 Коблевский клад					>10	1?				?										
4 Крыловский клад					2	1														
5 Бериславский клад				2	2	3				2										
6 Самарский клад	1		1(2)	2	2	4														
7 Ахметовский клад				7	1					2										
8 ст. Удобная, кург. № 2					1			1												
9 Урекский клад 1941 г.						6			1											
10 ст. Удобная, кург. № 1							1	1		1										
11 Балашовский клад					1					1										
12 Пицундский клад									1				1					1	2	
13 Лыхнинский клад									13				1					10	10(12)	
14 Кнышовский клад															1	1				
15 Упорнинский клад										1				3	2	1	1			
16 Боргустанский клад										1	1				19	1				1
17 Бекешевский клад							1			3				1	1	2				
18 Агурский клад										1					1					
19 Ростовский клад					?					43						4	1			
20 Кара Джурт										3					1					
21 погр. у горы Бык										2								1		
22 Курчанский клад								1		8				1						
23 Ольгенфельдский клад										1?				1				2		

Таблица 1

Особо следует остановиться на хронологическом соотношении ахметовской группы с Пицундским и Лыхнинским кладами (табл. 1, 12–13), которые А. А. Иессен отнес к раннему этапу прикубанского очага. Позиция этих комплексов своеобразна. Благодаря топорам пиленковского типа (табл. 1, 9), они связываются с Урекским кладом и тем самым (хотя и косвенно) — с ахметовской группой. С другой стороны, их нельзя сильно отрывать от бекешевской группы, так как в их составе оказались топоры раннего варианта верхнекубанского типа (табл. 1, 19). Учитывая эти обстоятельства, кажется целесообразным разместить эти комплексы на хронологическом стыке указанных групп (табл. 1, 12–13).

В итоге можно заключить, что в прикубанском очаге отчетливо выделяются две хронологические группы: ахметовская и бекешевская, — первая из которых датируется XV–XIII вв. до н. э., а вторая — XII–X вв. до н. э. Что касается позднейшей (по А. А. Иессену) группы прикубанского очага, то нет больше причин включать ее в этот очаг. Она легко может быть идентифицирована с памятниками так называемой протомеотской культуры, металлический инвентарь которой свидетельствует о сравнительно широком освоении железа и общем переоформлении кубанской металлообработки. Очевидно, здесь мы имеем дело с явлением уже другой эпохи.

Литература

- Авалишвили 1970 — *Авалишвили Г. Б.* Погребение литейщика из могильника села Гантиади // СА. 1970. № 4. С. 183–189.
- Аванесова 1978 — *Аванесова Н. А.* К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива // Вопросы археологии, древней истории и этнографии Узбекистана. Самарканд, 1978. С. 21–62.
- Аванесова 1979 — *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.
- Аванесова 1990 — *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1990.
- Аванесова 1991 — *Аванесова Н. А.* Результаты исследований могильника эпохи бронзы Джаркутан ЧВИ // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1991. С. 67–78.
- Агапов и др. 1983 — *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семёнова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья // Культура бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 6–58.
- Агапов, Кузьминых 1994 — *Агапов С. А., Кузьминых С. В.* Металл потаповского могильника в системе евразийской металлургической провинции // *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семёнова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. С. 167–173.
- Агульников, Чеботаренко 1990 — *Агульников С. М., Чеботаренко Г. Ф.* Поселение Белозерской культуры Чобручи // Археологические исследования в Молдавии. 1985. Кишинев, 1990. С. 90–99.
- Алярд 1911 — *Алярд К.* Книга о флагах. СПб, 1911.
- Андреев 1985 — *Андреев Ю. В.* К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3. С. 9–29.
- Аникович 1992 — *Аникович М. В.* К определению понятия «археологическая эпоха» // РА. 1992. № 1. С. 85–94.
- Артамонов 1948 — *Артамонов М. И.* Третий Разменный курган у ст. Костромской // СА. 1948. № 10. С. 161–182.
- Артамонов 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л.; Прага, 1966.
- Арутюнов 1985 — *Арутюнов С. А.* Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
- Бадер 1950 — *Бадер О. Н.* Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. Пермь, 1950.
- Бадер 1962 — *Бадер О. Н.* Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой // АСГЭ. 1962. Вып. 5. С. 5–30.
- Бадер 1963 — *Бадер О. Н.* Балановский могильник. М., 1963.
- Бадер 1964 — *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.
- Бадер 1970 — *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
- Березанская 1990 — *Березанская С. С.* Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев, 1990.
- Березанская, Гершкович 1983 — *Березанская С. С., Гершкович Я. А.* Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 100–110.
- Березанская и др. 1986 — *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарфутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Берестнев 2001 — *Берестнев С. И.* Восточнукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Харьков, 2001.
- Беспалый 1997 — *Беспалый Г. Е.* Андроновское погребение на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов, 1997. С. 99–101.
- Бич 1948 — *Бич О. И.* Архив А. А. Спицына (Крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.) // СА. 1948. № 10. С. 21–52.
- Боталов и др. 1996 — *Боталов С. Г., Григорьев С. А., Зданович Г. Б.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996. Т. I. С. 64–88.
- Бочкарёв 1972 — *Бочкарёв В. С.* Киммерийські казани // Археологія. 1972. № 5. С. 63–68.
- Бочкарёв 1975 — *Бочкарёв В. С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев, 1975. С. 65–68.

- Бочкарёв 1981 — *Бочкарёв В. С.* Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Материалы методологического семинара Ленинградского отделения Института археологии. Л., 1981. С. 22–27.
- Бочкарёв 1986 — *Бочкарёв В. С.* К вопросу о хронологическом соотношении сейминского и турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986. Вып. 3. С. 78–111.
- Бочкарёв 1990 — *Бочкарёв В. С.* Факторы развития металлообрабатывающего производства Южной половины Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Краткие тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. А. Латынина. Л., 1990. С. 4–5.
- Бочкарёв 1991 — *Бочкарёв В. С.* Волго-уральский очаг культуругенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культуругенез в историческом аспекте. СПб, 1991. С. 24–27.
- Бочкарёв 1995а — *Бочкарёв В. С.* Культуругенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (По материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1995. С. 114–123.
- Бочкарёв 1995б — *Бочкарёв В. С.* Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культуругенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Саратов; СПб, 1995. С. 18–29.
- Бочкарёв 2002а — *Бочкарёв В. С.* Волго-уральский регион в эпоху бронзы // История татар. Казань, 2002. Т. 1. С. 46–68.
- Бочкарёв 2002б — *Бочкарёв В. С.* Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб, 2002. Кн. I. С. 113–118.
- Бочкарёв 2006 — *Бочкарёв В. С.* Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб, 2006. С. 53–65.
- Бочкарёв 2008 — *Бочкарёв В. С.* Знаменская находка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 245–252.
- Бочкарёв, Пелих 2008 — *Бочкарёв В. С., Пелих А. Л.* К хронологии памятников Прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Владикавказ, 2008. С. 64–70.
- Братченко 1996 — *Братченко С. Н.* До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996. С. 32–57.
- Братченко 2001 — *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.
- Братченко, Санжаров 2001 — *Братченко С. Н., Санжаров С. М.* Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини (III тис. до н. е.). Луганськ, 2001.
- Брей, Трамп 1990 — *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М., 1990.
- Бровендер 2005 — *Бровендер Ю. М.* Карташинский производственный комплекс Донецкого горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы (некоторые итоги исследования) // Проблемы гірничної археології. Алчевськ, 2005. С. 11–23.
- Варущенко и др. 1987 — *Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клизе Р. К.* Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987.
- Васильев 1975 — *Васильев И. Б.* «Загадочная» керамика // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки Куйбышевского ОМК. 1975. Вып. 3. С. 76–83.
- Васильев и др. 1994 — *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семёнова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
- Васильев, Кузьмина 1981 — *Васильев И. Б., Кузьмина О. В.* Абашевские поселения лесостепного Заволжья // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. Воронеж, 1981. С. 88–104.
- Васильев, Пряхин 1977 — *Васильев И. Б., Пряхин А. Д.* Сурушское поселение эпохи бронзы // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6. С. 137–147.
- Виноградов 1995 — *Виноградов Н. Б.* Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Саратов; СПб, 1995. С. 71–74.
- Виноградов 2003 — *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.

- Власкин, Ильюков 1992 — *Власкин М. В., Ильюков Л. С.* Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона // РА. 1994. № 3. С. 178–194.
- Волкобой 1980 — *Волкобой С. С.* Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье // Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980. С. 69–75.
- Гамбашидзе 1963 — *Гамбашидзе О.* Тхморский клад. Тбилиси, 1963.
- Гарсиласо Инка де ла Вега 1974 — *Гарсиласо Инка де ла Вега.* История государства инков. М. 1974.
- Генинг и др. 1992 — *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта. Челябинск, 1992.
- Генинг, Левченко 1995 — *Генинг В. Ф., Левченко В. Н.* Археология древностей — период зарождения науки. Киев, 1995.
- Гершкович 1998 — *Гершкович Я. П.* Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье) // Археологический альманах. Донецк, 1998. № 7. С. 61–92.
- Гольмстен 1929 — *Гольмстен В. В.* Археологические памятники Самарской губ. // ТСАРАНИОН. 1929. Т. 4. С. 125–137.
- Горбенко 2007 — *Горбенко К.* Городище «Дикий Сад» у XIII–IX ст. до н. э. // Емінак. № 1. Миколаїв, 2007. С. 7–18.
- Горбов, Мимоход 1999 — *Горбов В. Н., Мимоход Р. А.* Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. С. 24–69.
- Горбунов 1976 — *Горбунов В. С.* Могильники уральской абашевской культуры в южной Башкирии // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 54–56.
- Горбунов 1977 — *Горбунов В. С.* История племен абашевской культуры в бассейне р. Белой: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Горбунов 1992 — *Горбунов В. С.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.
- Городцов 1905 — *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Харьковской губ. 1901 г. // Труды XII АС. 1905. Т. 1. С. 174–225.
- Городцов 1915 — *Городцов В. А.* Культура бронзовой эпохи в Средней России // ОРМ за 1914 г. М., 1915. С. 121–226.
- Городцов 1928 — *Городцов В. А.* К вопросу о Киммерийской культуре // ТСАРАНИОН. 1928. Т. 2. С. 46–60.
- Граков 1958 — *Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР // СА. 1958. № 4. С. 3–9.
- Гришин 1971 — *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / САИ. М., 1971. Вып. В3-12.
- Грязнов 1941 — *Грязнов М. П.* Древняя бронза минусинских степей / Труды отдела истории первобытной культуры ГЭ. Л., 1941. Т. 1.
- Деген-Ковалевский 1939 — *Деген-Ковалевский Б. Е.* Проблема датировки «больших кубанских курганов» // КСИИМК. 1939. Вып. 2. С. 14–17.
- Дегтярёва и др. 2001 — *Дегтярёва А. Д., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б.* Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи-3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2001. Вып. 3. С. 23–54.
- Дегтярёва, Попова, Кизина, Астрединов 1998 — *Дегтярёва А. Д., Попова Т. М., Кизина Н. Г., Астрединов В. М.* Технологические особенности изготовления металлического инвентаря погребения воина-колесничего Кондрашкинского кургана // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 11. С. 82–89.
- Демиденко 2005 — *Демиденко С. В.* К вопросу о происхождении клепаных «киммерийских» котлов Северного Причерноморья // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 93–103.
- Денисов, Черных 1969 — *Денисов В. П., Черных Е. Н.* Верхнемуллинская находка топоров-кельтов // СА. 1969. № 3. С. 239–243.
- Деопик 1979 — *Деопик Д. В.* Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С. 62–67.

- Дергачёв 1975 — *Дергачёв В. А.* Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н. э. из Днепровско-Прутского междуречья. Кишинёв, 1975.
- Дергачёв 1997 — *Дергачёв В. А.* Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштахта Карпато-данубио-нодропонтийского региона. Кишинэу, 1997.
- Дергачёв, Бочкарёв 2002 — *Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинёв, 2002.
- Дмитриев 1930 — *Дмитриев П. А.* Литейная форма Шадринского музея // Техника обработки камня и металла. М., 1930. С. 53–60.
- Дмитриев 2002 — *Дмитриев С. В.* Знаменный комплекс в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии // *Parabellum*. СПб, 2002. № 14. С. 47–66.
- Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991 — *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Л., 1991.
- Егоров 1951 — *Егоров Н. М.* Бургустанский клад 1941 г. // СА. 1951. № 15. С. 292–295.
- Егоров 1967 — *Егоров В. Л.* Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины // СА 1967. № 1. С. 250–253.
- Епимахов 1995 — *Епимахов А. В.* Погребальные памятники синташтинского времени (архитектурно-планировочное решение // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Кн. 1, ч. 5. Челябинск, 1995. С. 43–47.
- Епимахов 2005 — *Епимахов А. В.* Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск, 2005. Кн. 1.
- Епимахов, Хэнкс, Ренфрю 2005 — *Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.
- Ефименко, Третьяков 1961 — *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Абашевская культура в Поволжье // МИА. 1961. № 97. С. 43–110.
- Жебелёв 1948 — *Жебелёв С. А.* Археолог-энтузиаст (Памяти А. А. Спицына) // СА. 1948. № 10. С. 9–11.
- Захарук 1988 — *Захарук Ю. Н.* «Система трех веков» и проблема человека и природы // Природа и человек. М., 1988. С. 52–56.
- Збруева 1952 — *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. 1952. № 30.
- Збруева, Смирнов 1939 — *Збруева А. В., Смирнов А. П.* Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла 1938–1939 гг. // ВДИ. 1939. № 4. С. 192–200.
- Збруева, Тихонов 1970 — *Збруева А. В., Тихонов Б. М.* Памятники эпохи бронзы Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970. С. 40–127.
- Зданович 1983 — *Зданович Г. Б.* Основные характеристики истровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 48–68.
- Зданович 1984 — *Зданович С. Я.* Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 79–98.
- Зданович 1988 — *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанской степи. Свердловск, 1988.
- Зданович 1995 — *Зданович Г. Б.* Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995. С. 21–42.
- Зданович 1999 — *Зданович Г. Б.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск; Аркаим, 1999. С. 42–43.
- Зданович Г., Зданович Д. 1995 — *Зданович Г. Б., Зданович Д. Г.* Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Кн. 1, ч. 5. Челябинск, 1995. С. 48–62.
- Зданович, Батанина 2007 — *Зданович Г. Б., Батанина И. М.* Аркаим — «страна городов». Пространство и образы. Челябинск, 2007.
- Иванов 1992 — *Иванов И. В.* Эволюция почв степной зоны в голоцене. М., 1992.
- Иванов, Васильев 1995 — *Иванов И. В., Васильев И. Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.
- Иессен 1947 — Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
- Иессен 1950 — *Иессен А. А.* К вопросу о датировке «больших кубанских курганов» // СА. 1950. № 12. С. 157–200.

- Иессен 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951. № 23. С. 75–124.
- Иессен 1953 — *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. № 18. С. 49–110.
- Ильинская 1965 — *Ильинская В. А.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии. МИА. 1965. № 130. С. 206–211.
- Илюков 2007 — *Илюков П. С.* Редкая находка из Нижнего Подонья // Современное состояние и пути развития Юга России. Ростов-на-Дону, 2007. С. 117–122.
- История... 2000 — История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Итс 1976 — *Итс Р. Ф.* Золотые мечи и колодки невольников. М., 1976.
- Кадырбаев, Курманкулов 1992 — *Кадырбаев М. К., Курманкулов М.* Культура древних скотоводов и металлургов Сарт-Арки: Алма-Ата, 1992.
- Казаков 1978 — *Казаков Е. П.* Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 67–108.
- Каменецкий, Маршак, Шер 1975 — *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ количественных источников. М., 1975.
- Канторович, Кузьминых 2006 — *Канторович А. Р., Кузьминых С. В.* Археология. М., 2006.
- Каталог... 1887 — Каталог собрания древностей графа Александра Сергеевича Уварова (отд. 1–2). М., 1887.
- Качалова 1962а — *Качалова Н. К.* К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. № 5. С. 31–49.
- Качалова 1962б — *Качалова Н. К.* Культурная принадлежность калиновского «литейщика» и Колтубанского погребения // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. 22. С. 24–26.
- Качалова 1983 — *Качалова Н. К.* О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. № 24. С. 4–19.
- Качалова (ред.) 1993 — *Качалова Н. К.* (редактор). Памятники срубной культуры волго-уральского междуречья / Археология России. САИ. Вып. В1-10. Саратов, 1993.
- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие / САИ. М., 1966. Вып. Е-1-36, 2.
- Киселёв 1951 — *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кияшко 1999 — *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко 2002 — *Кияшко А. В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Клейн 1991 — *Клейн Л. С.* Археологическая типология. Л., 1991.
- Клейн 2000 — *Клейн Л. С.* Археологическая периодизация: подходы и критерии // Stratum plus. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 1. С. 485–515.
- Клочко 2003 — *Клочко В. И.* Лубенский скарб // Пам'ятки України. Київ, 2003. Вып. 4. С. 30–37.
- Ковалёва и др. 1977 — *Ковалёва И. Ф., Волковой С. С., Марина З. П., Лихачёв В. А., Попцов В. А.* Исследования курганных могильников у с. Верхняя Маёвка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977. С. 8–113.
- Ковалёва, Ромашко, Чернявская, Христан 1981 — *Ковалёва И. Ф., Ромашко В. А., Чернявская Н. В., Христан А. М.* Раскопки курганных могильников бронзового века среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981. С. 19–44.
- Ковачёва 1967 — *Ковачёва Т.* Нова колективна находка от бронзовата епоха при с. Върбица, Плевенски окръг // Археология. София, 1967. Кн. 2, № 2. С. 51–59.
- Ковпаненко 1966 — *Ковпаненко Г. Т.* Носачівський курган VIII–VII ст. до н. э. // Археологія. Київ, 1966. Вып. 20. С. 174–179.
- Козенкова 1995 — *Козенкова В. И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант / САИ. М., 1995. Вып. В 2-5.
- Колев 1991 — *Колев Ю. И.* Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности восточноевропейской Лесостепи. Самара, 1991. С. 162–206.
- Колев 2000 — *Колев Ю. И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья в древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 242–301.

- Колев, Ластовский, Мамонов 1995 — *Колев Ю. И., Ластовский А. А., Мамонов А. Е.* Многослойное поселение эпохи неолита — позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара 1005. С. 50–109.
- Кореневский 1973 — *Кореневский С. Н.* Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области // СА. 1973. № 1. С. 39–54.
- Кореневский 1975 — *Кореневский С. Н.* Металлические орудия труда и оружие эпохи бронзы Восточной Европы (втульчатые топоры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- Кореневский 1976 — *Кореневский С. Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. 1976. № 4. С. 16–31.
- Кореневский 1977 — *Кореневский С. Н.* О древнем металле бассейна р. Самары // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 44–65.
- Кореневский 1983 — *Кореневский С. Н.* Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 96–109.
- Кореневский 2004 — *Кореневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободнинская общность. М., 2004.
- Кореневский и др. 2007 — *Кореневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М., 2007.
- Косарев 1974 — *Косарев М. Ф.* Древние культуры томско-пермского Приобья. М., 1974.
- Косарев 1981 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Косинцев 1983 — *Косинцев П. А.* Предварительное сообщение щ фауне поселения Кулевчи III // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 50–59.
- Костюков и др. 1995 — *Костюков В. П., Етимахов А. В., Нелин Д. В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995. С. 156–207.
- Крамарев 2003 — *Крамарев А. И.* Погребальные памятники срубной культуры Южного Средневожья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 153–160.
- Крамарев 2004 — *Крамарев А. И.* Некерамический инвентарь в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневожья. Рукопись.
- Кременецкий 1997 — *Кременецкий К. В.* Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ: Тр. ГИМ. 1997. Вып. 97. С. 30–46.
- Кривцова-Гракова 1949 — *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад. М., 1949.
- Кривцова-Гракова 1955 — *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. С. 5–162.
- Крупнов 1958 — *Крупнов Е. И.* Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. 1958. № 68. С. 176–195.
- Крупнов 1960 — *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Кузнецов 1993 — *Кузнецов П. Ф.* Хронология памятников среднего бронзового века Волго-Уральского междуречья // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб, 1993. С. 73–74.
- Кузнецов 2001 — *Кузнецов П. Ф.* Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века Восточной Европы. Самара, 2001. С. 178–182.
- Кузьмина 1978 — *Кузьмина Е. Е.* Связи евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н. э. // Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев, 1978. Т. 221. С. 21–23.
- Кузьмина 1987 — *Кузьмина Е. Е.* О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987. С. 48–69.
- Кузьмина О. 1992 — *Кузьмина О. В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара, 1992.
- Кузьмина О. 1995 — *Кузьмина О. В.* Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпох неолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Саратов; СПб, 1995. Ч. 2. С. 27–51.

- Кузьминых 1981 — *Кузьминых С. В.* Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 41–70.
- Кузьминых 1986 — *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1986.
- Кузьминых, Сафонов 2008 — *Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. А. А.* Спицын и отечественная археология эпохи раннего металла // История и практика археологических исследований. СПб, 2008. С. 86–95.
- Лесков 1967 — *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967. С. 143–178.
- Лесков 1975 — *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на Юге Украины: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1975.
- Литвиненко 1999 — *Литвиненко Р. А.* Периодизация срубных памятников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. С. 4–23.
- Лысенко, Лысенко и др. 2005 — *Лысенко С. Д., Лысенко С. С., Диденко С. В., Якубенко Е. А.* Бронзовые украшения эпохи поздней бронзы — начала раннего железного века из фондов национального музея Украины // Проблемы археологии Среднего Поднепровья. Киев; Фастов, 2005. С. 152–200.
- Ляхов 1996 — *Ляхов С. В.* Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожовка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. С. 77–83.
- Малов 1992 — *Малов Н. М.* Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 22–54.
- Малов, Изотова 2009 — *Малов Н. М., Изотова М. А.* Селище литейщиков срубной культуры Потьма-3 в Саратовском Прихоперье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7. С. 123–145.
- Марковин, Глебов 1979 — *Марковин В. И., Глебов А. И.* Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской // СА. 1979. № 2. С. 239–244.
- Массон 1976 — *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Массон 1995 — Конвергенция и дивергенция в процессе развития древних культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Саратов; СПб, 1995. С. 5–7.
- Матвеева 1975 — *Матвеева Г. И.* Поселения раннего железного века на Самарской Луке // Краеведческие записки Куйбышевского ОМК. 1975. Вып. 3. С. 93–104.
- Матющенко 1961 — *Матющенко В. И.* К вопросу о бронзовом литье в низовьях реки Томи // КСИА. 1961. Вып. 84. С. 133–135.
- Матющенко 1973 — *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2. Самусьская культура / ИИС. Томск, 1973.
- Матющенко, Ложникова 1969 — *Матющенко В. И., Ложникова Г. В.* Раскопки могильника у деревни Ростовка близ Омска в 1966—1969 гг. // ИИС. Томск, 1969. Вып. 2. С. 18–34.
- Медникова, Лебединская 1999 — *Медникова М. Б., Лебединская Г. В.* Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд. М., 1999. С. 200–216.
- Мерперт 1967 — *Мерперт Н. Я.* Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. Киев, 1967. С. 82–99.
- Мерперт 1981 — *Мерперт Н. Я.* К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981. С. 4–21.
- Минаева 1966 — *Минаева Т. М.* Нова знахідка казана кіммерійського часу // Археологія. 1966. Т. 20. С. 171–173.
- Монгайт 1973 — *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Моргунова, Порохова 1989 — *Моргунова Н. Л., Порохова О. И.* Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989. С. 160–172.
- Моргунова, Халяпин 2000 — *Моргунова Н. Л., Халяпин М. В.* Погребения эпохи поздней бронзы у с. Покровка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. Вып. 4. С. 153–167.
- Мунчаев 1994 — *Мунчаев Р. М.* Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 158–225.
- Мыськов 1992 — *Мыськов Е. П.* Новые памятники бронзового века в волго-донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. С. 86–96.

- Нечитайло 1967 — *Нечитайло А. Л.* Раскопки курганов у станицы Суворовская // АО 1966 года. 1967. С. 68–71.
- Нечитайло 1975 — *Нечитайло А. Л.* Про одне з найдавніших кіммерійських поховань // Археологія (Нова серія). Київ, 1975. Вып. 15. С. 202–207.
- Нечитайло 1994 — *Нечитайло Н. Л.* Клад серпов поздней бронзы из урочища Нарат-Эшик в Карачае // 18 «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994. С. 27–28.
- Обыденнов 1998 — *Обыденнов М. Ф.* Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа, 1998.
- Обыденнов, Шорин 1995 — *Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф.* Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.
- Обыденнова, Хузин 1982 — *Обыденнова Г. Т., Хузин Ф. Ш.* Кармановское поселение эпохи бронзы // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 30–37.
- Отрошенко 1984 — *Отрошенко В. В.* Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1984. С. 84–96.
- Отрошенко 1997 — *Отрошенко В. В.* До питання про класифікацію та культурну належність клепаных казанів // Проблеми історії та археології України. Харків, 1997. С. 16–17.
- Отрошенко 2001 — *Отрошенко В. В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.
- Отрошенко 2009 — *Отрошенко В. В.* Найпізніші поховання бережнівсько-маївської зрубно-металургійної культури // Проблеми гірничої археології (Матеріали VII-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). Алчевськ, 2009. С. 114–126.
- Отрошенко, Болтрик 1982 — *Отрошенко В. В., Болтрик Ю. В.* Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С. 38–46.
- Отрошенко, Тупчієнко 2005 — *Отрошенко В. В., Тупчієнко М. П.* Бронзові клепані казани та Донецький гірнично-металургійний центр // Проблеми гірничої археології. Алчевськ, 2005. С. 176–122.
- Отчет... 1959 — Отчет о раскопках могильника Шичжайшань, уезд Дзиньнин провинции Юньнань. Пекин, 1959. Т. 1, 2 (на кит. яз.).
- Падин 1963 — *Падин В. А.* Курганы эпохи бронзы около Трубчевска // СА. 1963. № 1. С. 283–293.
- Патрушев, Халиков 1982 — *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Волжские ананьинцы. М., 1982.
- Пелих, Фоменко 2005 — *Пелих А. Л., Фоменко В. А.* Новые металлические предметы позднебронзового времени с территории Центрального Предкавказья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 66–69.
- Переводчикова 1980 — *Переводчикова Е. В.* Типология и эволюция скифских наварший // СА. 1980. № 2. С. 23–44.
- Покровская 1962 — *Покровская Е. Ф.* Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА АН УССР. 1962. № 12. С. 73–81.
- Полесских 1956 — *Полесских М.* В недрах времени. Пенза, 1956.
- Попов 1914 — *Попов Х. И.* Описание археологического отдела Донского музея. Корректур⁴². 1914. С. 157–158.
- Порохова 1989 — *Порохова О. И.* Срубно-алакульское покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989. С. 60–71.
- Потапов 2005 — *Потапов В. В.* О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. М., 2005. С. 138–150.
- Пряхин 1971 — *Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.
- Пряхин 1976 — *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- Пряхин 1991 — *Пряхин А. Д.* Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1991. Кн. 1.
- Пряхин 1993 — *Пряхин А. Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1993. Кн. 1.

⁴² Работа не была закончена и в свет не вышла.

- Пряхин 1996 — *Пряхин А. Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1996. Кн. 2.
- Пряхин, Горбунов 1976 — *Пряхин А. Д., Горбунов В. С.* Абашевские памятники у с. Береговка в Башкирии // АО 1975 года. 1976. С. 198–199.
- Пряхин и др. 1989 — *Пряхин А. Д., Беседин В. И., Левых Г. А., Матвеев Ю. П.* Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989.
- Пряхин, Моисеев, Беседин 1998 — *Пряхин А. Д., Моисеев Н. Б., Беседин В. И.* Селезни-2. Курган доновожжской абашевской культуры. Воронеж, 1998.
- Пряхин, Отрощенко, Саврасов, Бровендер 2005 — *Пряхин А. Д., Отрощенко В. В., Саврасов А. С., Бровендер Ю. М.* Некоторые результаты исследований украинско-российской экспедиции на Картамышском рудопроявлении Луганской области Украины // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2005. С. 102–117.
- Пряхин, Синюк, Матвеев 1981 — *Пряхин А. Д., Синюк А. Т., Матвеев Ю. П.* Терешковский клад эпохи поздней бронзы // СА. 1981. № 3. С. 281–284.
- Рабинович 1972 — *Рабинович М. Г.* Древнерусские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии. М., 1972. С. 170–181.
- Равдоникас 1939 — *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Л., 1939. Т. 1.
- Равдоникас 1940 — *Равдоникас В. И.* Неолитический могильник на Онежском озере // СА. 1940. № 6. С. 46–62.
- Рашајски 1975 — *Рашајски Р.* Остата Месић-Шупаја код Вршца // Праисторијске оставе у СРБији и Војводини. Београд, 1975. № 1. С. 63–68.
- Рогудеев 1997 — *Рогудеев В. В.* Клад бронзовых серпов у станицы Казанской // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 году. Азов, 1997. Вып. 14. С. 113–122.
- Рыбалова 1966 — *Рыбалова В. Д.* Еще раз о начальной дате железного века на Днепре // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Л., 1966. Вып. 1. С. 74–82.
- Рындина 1998 — *Рындина Н. Б.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М., 1998.
- Сальников 1965 — *Сальников К. В.* Кельты Зауралья и Южного Урала // Новое в советской археологии. МИА. М., 1965. № 130. С. 160–164.
- Сальников 1967 — *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала, М., 1967.
- Сафронов 1970 — *Сафронов В. А.* Хронология памятников II тыс. до н. э. юга восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
- Семёнова 2000 — *Семёнова А. П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 152–208.
- Скарбовенко 1981 — *Скарбовенко В. А.* Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 5–26.
- Смирнов 1975 — *Смирнов Н. Г.* Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1975. Вып. 13. С. 38–39.
- Смирнов, Кузьмина 1977 — *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Смирнова 1995 — *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1995. № 4. С. 33–53.
- Смолин 1926 — *Смолин В. Ф.* Случайная находка бронзовых предметов в Казанском крае (Ерыклинский клад) // Вестник Научного общества татароведения. Казань, 1926. № 4. С. 72–76.
- Сокольский 1980 — *Сокольский Н. И.* Таманский клад бронзовых орудий // СА. 1980. № 2. С. 144–150.
- Сообщения... 1926 — Сообщения ГАИМК. Л., 1926. Вып. I.
- Спицын 1899а — *Спицын А. А.* Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. 1899. Т. 11, вып. 1–2. С. 53–133.
- Спицын 1899б — *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. СПб, 1899. Т. 7. С. 301–340.
- Спицын 1903а — *Спицын А. А.* Галичский клад // ЗОРСА. 1903. Т. 5, вып. 1. С. 104–110.
- Спицын 1903б — *Спицын А. А.* Медный век в Верхнем Поволжье // ЗОРСА. 1903. Т. 5, вып. 1. С. 77–93.

- Спицын 1905 — *Спицын А. А.* Новые сведения о медном веке в средней и северной России // ЗОРСА. 1905. Т. 7, вып. 1. С. 73–82.
- Спицын 1909 — *Спицын А. А.* Некоторые находки медного века // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 65–67.
- Спицын 1923 — *Спицын А. А.* Саратовские стоянки медного века // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. Вып. 34, ч. 1. Саратов, 1923. С. 32–38.
- Спицын 1928 — *Спицын А. А.* Карты бронзового века Восточной Европы // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, изданный Семинарием им. Н. П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 77–84.
- Степи Евразии... 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1981.
- Студзицкая 1969 — *Студзицкая С. В.* Бронзовый кинжал из собрания ГИМ // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 227–229.
- Сымонович 1966 — *Сымонович Э. А.* Ингульский клад // СА. 1966. № 1. С. 127–142.
- Тавадзе, Сукарелидзе 1959 — *Тавадзе Ф., Сукарелидзе Т.* Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Татаринов 1979 — *Татаринов С. И.* Металлообработка в эпоху поздней бронзы на Среднем Донце // СА. 1979. № 4. С. 258–265.
- Татаринов 1993 — *Татаринов С. И.* Древний металл Восточной Украины. Артёмовск, 1993.
- Татаринов 2003 — *Татаринов С. И.* Древние горняки-металлурги Донбасса. Славянск, 2003.
- Тереножкин 1961 — *Тереножкин А. И.* Передскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
- Тереножкін 1964 — *Тереножкін О. І.* Поховання епохи бронзи біля с. Солонець // Археологія. Київ, 1964. Вып. 16. С. 202–207.
- Тереножкин 1964 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы // Тезисы докладов на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 10.
- Тереножкин 1965 — *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода // СА. 1965. № 1. С. 63–85.
- Тереножкин 1976 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Тереножкин 1982 — *Тереножкин А. И.* Ягорлыцкий котел // СА. 1982. № 2. С. 218–223.
- Тихонов 1960 — *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. № 90. М., 1960. С. 5–115.
- Ткачѳв 2002 — *Ткачѳв А. Л.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002. Ч. 2.
- Ткачѳв 2007 — *Ткачѳв В. В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Тов 2004 — *Тов А. А.* Бронзовые кельты с южного берега Краснодарского водохранилища // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 3. С. 301–308.
- Трифонов 1997 — *Трифонов В. А.* К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и археология. СПб, 1997. Вып. 2. С. 94–97.
- Фабрициус 1951 — *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951. Вып. 1.
- Филипченко 1962 — *Филипченко В. А.* Бронзовые котлы Астраханского музея // СА. 1962. № 1. С. 276–278.
- Халиков 1977 — *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М., 1977.
- Халиков 1980 — *Халиков А. Х.* Приказанская культура / САИ. М., 1980. Вып. В 1–24.
- Халиков, Лебединская, Герасимова 1966 — *Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966.
- Ханенко, Ханенко 1899 — *Ханенко Б., Ханенко В.* Древности Поднепровья. Каменный и бронзовый века. Киев, 1899.
- Циминданов 2004 — *Циминданов В. В.* Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004.
- Челяпов 1992 — *Челяпов В. П.* Засеченский курганный могильник. Рязань, 1992.
- Черников 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА. 1960. № 88.
- Черных 1966 — *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы / МИА. 1966. № 132.
- Черных 1967 — *Черных Е. Н.* О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других // СА. 1967. № 1. С. 295–301.

- Черных 1970 — *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. 1970. № 172 (1).
- Черных 1972 — *Черных Е. Н.* Металл — человек — время. М., 1972.
- Черных 1976 — *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.
- Черных 1978а — *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
- Черных 1978б — *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.
- Черных 1980 — *Черных Е. Н.* О химическом составе металла таманского клада // СА. 1980. № 2. С. 150–154.
- Черных 1983 — *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной половины Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.
- Черных 2000 — *Черных Е. Н.* Феномен и парадоксы Каргалинского комплекса // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000. С. 15–24.
- Черных, Корневский 1976 — *Черных Е. Н., Корневский С. Н.* О металлических предметах с Царева кургана близ г. Куйбышева // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 201–208.
- Черных, Кузьминых 1989 — *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
- Черняков 1968 — *Черняков И. Т.* Бецилівський скарб пізньої бронзи // Археологія. Київ, 1968. Вып. 21. С. 131–134.
- Чижевский 2002 — *Чижевский А. А.* Е. А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа при-казанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002. С. 30–36.
- Членова 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова 1972 — *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Членова 1978 — *Членова Н. Л.* Киммерийский котел из Башкирии // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы. М., 1978. С. 133–136.
- Шарафутдинова 1968 — *Шарафутдинова И. Н.* Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1968.
- Шарафутдинова 1971 — *Шарафутдинова Э. С.* Металлические изделия кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 45–49.
- Шарафутдинова 1987 — *Шарафутдинова И. Н.* Бронзовые украшения сабашиновской культуры // Межплеменные связи на территории Украины. Киев, 1987. С. 69–86.
- Шилов 1959 — *Шилов В. П.* О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА. 1959. № 60. С. 11–38.
- Щепинский 1962 — *Щепинский А. А.* Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12. С. 57–65.
- Эдинг 1940 — *Эдинг Д. Н.* Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля / Труды ГИМ. 1940. Вып. 10.
- Aner 1956 — *Aner E.* Grab und Hort // Offa. 1956. 15. S. 31–42.
- Aner 1961 — *Aner E.* Die fruhen Tullenbeile des nordischen kreises // Acta Archaeologica. København, 1961. Bd. 32. S. 165–219.
- Antoniewicz 1928 — *Antoniewicz V.* Arheologia Polski. Warszawa, 1928.
- Antoniewicz 1958 — *Antoniewicz V.* Les chaudières préscythiques en bronze // Archeologia Polona. Warszawa, 1958. I. S. 57–78.
- Aricescu 1965 — *Aricescu A.* Depozitele de bronzuri din Dobrogea // SCIV. 1965. T. 16, no. 1. P. 17–42.
- Aspelin 1885 — *Aspelin J. R.* Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1885. V. 1–5.
- Avila 1983 — *Avila R.* Bronzene Lanzen und Pfelspitzen der griechischen Spätbronzezeit / Prähistorische Bronzefunde. München, 1983. Abt. 5. Bd. 1.
- Bader 1990 — *Bader T.* Bemerkungen über die ägäischen Einflüsse auf die alt- und mittelbronzezeitliche Entwicklung im Donau-Karpatenraum / Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral-Museums. 1990. Bd. 15.
- Bader 1991 — *Bader T.* Die Schwerter in Rumänien. Stuttgart, 1991.
- Berezanskaia, Klocko 1998 — *Berezanskaia S., Klocko V.* Das Graberfeld von Hordeevka. Leidorf, 1998.
- Betancourt 1987 — *Betancourt P. P.* Dating the Aegean Late Bronze Age with Radicarbon: Addendum // Archaeometry. 1987, No. 29. P. 45–50.

- Bočkarev, Leskov 1980 — *Bočkarev V. S., Leskov A. M.* Jung- und Spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeer gebiet // *Prähistorische Bronzefunde*. München, 1980. Abt. 19. Bd. 1.
- Boroffka 1998 — *Boroffka N.* Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud, Teil II // *Eurasia Antiqua*. 1998. Bd. 4. S. 81–135.
- Boroffka, Sava 1998 — *Boroffka N., Sava E.* Zu den steinchren „Zeptern/Stossel-Reptern“, „Miniatursäulen“ und „Phalli“ der Bronzezeit Eurasiens // *Archäologische Mittelungen aus Iran und Turan*. Berlin, 1998. Bd. 3a. S. 17–113.
- Bortvin 1928 — *Bortvin N. N.* The Verkhny-Kizil Find // *ESA*. 1928. T. 3. P. 122–131.
- Bouzek 1966 — *Bouzek J.* The Aegean and Central Europe, an introduction to the study of cultural interrelations ca 1600–1300 BC // *Pamyatki Archeologickê*. 1966. T. 57. S. 242–277.
- Bouzek 1985 — *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. Praha, 1985.
- Brunn 1968 — *Brunn W. A.* Mitteldeutsche Hortfunde der Jüngerer Bronzezeit / Römisch-Germanische Forschungen. Berlin, 1968. Vol. 29.
- Bulter, Waals 1967 — *Bulter I. I., Waals J. J. van der.* Bell beakers and early metal-working in the Netherlands // *Palaeohistoria*. 1967. No. 12. P. 41–139.
- Cărciumaru 1983 — *Cărciumaru M.* Mărturii ale artei rupestre prehistorice in România. București, 1987.
- Chidiosan 1977 — *Chidiosan N.* Depozitul de bronzuri de la Misca // *SCIV*. 1977. T. 28. P. 55–70.
- Childe 1930 — *Childe G.* The Bronze Age. Cambridge, 1930.
- Childe 1944 — *Childe G.* Archaeological ages as technological stages // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. London., 1944. Vol. 74. P. 1–19.
- Childe 1947 — *Childe G.* Prehistoric Communities of the British Isles. London, 1947.
- Childe 1954 — *Childe G.* The Socketed Celt in Upper Eurasia // *Annual Report of the Institute of Archaeology*. 1954. No. 10. P. 11–25.
- Clark 1968 — *Clark D. L.* Analytical archaeology. London, 1968.
- Daniel 1943 — *Daniel G.* The Three Ages. London, 1943.
- Dergacev 1991 — *Dergacev V.* Depozitul de bronzuri din satul Dancu — raionul Hincești (R. Moldova) // *Thraco-Dacica*. Bucuresti, 1991. T. 12. P. 39–55.
- Dergacev 2002 — *Dergacev V.* Die aneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. Stuttgart, 2002.
- Dragomir 1967 — *Dragomir J. T.* Le dépôt de l'âge du bronze Tardif de Băleni // *Inventoria Archaeologica Romaniae*. București, 1967. 4.
- Ebert 1929 — *Ebert M.* Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1929.
- Esin 1972 — *Esin E.* Notes on Turkish flag-pole finials // *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden, 1972. Vol. 16, n. 1. P. 14–33.
- Farot 2000 — *Farot Z.* Die bronzezeitlichen Lanzenspitzen des Schweiz / *Universitätsforschungen zur prähistorischen archäologie*. Bonn. 2000. Bd. 66.
- Florescu 1991 — *Florescu A.* Repertoriul culturii noua-coslogeni din Romania. Calarasi, 1991.
- Forbes 1950 — *Forbes K. J.* Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950.
- Fox 1923 — *Fox C.* The Archeology of the Cambridge Region. A Topographical Study of the Bronze, Early Iron, Roman and Anglo-Saxon Ages, with an Introductory Note on the Neolithic Age. Cambridge, 1923.
- Furmănek, Velačik, Vladar 1991 — *Furmănek V., Velačik L., Vladar J.* Slovensko v dobe bronzovey. Bratislava, 1991.
- Gerskovic 1999 — *Gerskovic J.* Studien zur spätbronzezeitlicheh Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und der Westküste des Asov'schen Meeres. Leidorf, 1999.
- Gimbutas 1956 — *Gimbutas M.* Borodino, Seima and their Contemporaries // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Cambridge, 1956. Newseries. Vol. 22. P. 143–172.
- Graslund 1987 — *Graslund B.* The Birth of Prehistoric Chronology. Cambridge, 1987.
- Greenwell, Brewis 1909 — *Greenwell W., Brewis W.* The Origin, Evolution and Classification of the Bronze Spearhead in Great Britain and Ireland // *Archaeologia*. London, 1909. Vol. 61, part 2. P. 339–472.
- Hachmann 1957 — *Hachmann R.* Die frühe Bronzezeit im westlichen Ostseegebiet und ihre mittel- und südost-europäischen Beziehungen. Hamburg, 1957.

- Hajnalova 1975 — *Hajnalova E.* Katalóg zvyškov semieu a plodov v archeologických nálezoch na Slovenska. Nitra, 1975.
- Hänsel 1968 — *Hänsel B.* Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. Bonn, 1968.
- Hänsel 1977 — *Hänsel B.* Zur historischen Bedeutung der Theisszone um das 16. // Jahrhundert v. Chr. Jahresbericht des Institutes für Vorgeschichte der Universität Frankfurt a. M. München, 1977. S. 87–100.
- Hänsel 1982 — *Hänsel B.* Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. // Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Berlin, 1982. S. 1–38.
- Hänsel A. und B. 1997 — *Hänsel A., Hänsel B.* Schätze der Bronzezeit Europas. Gaben an die Götter. Berlin, 1997.
- Hansen 1991 — *Hansen S.* Studien zu den Metalldeponierungen während der Urnenfelderzeit im Rhein-Main-Gebiet. Bonn, 1991.
- Hansen 1994 — *Hansen S.* Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhönetal und Karpatenbecken. Bonn, 1994.
- Harding 2000 — *Harding A.* European societies in the Bronze Age. Cambridge, 2000.
- Hartman 1970 — *Hartman A.* Prähistorische Goldfunde aus Europa. Berlin, 1970.
- Hawkes, Smith 1957 — *Hawkes C. F. C., Smith M. A.* On some Buckets and Cauldrons of the Bronze and Early Iron Ages // The Antiquaries Journal. London, 1957. T. 37, nos. 3–4. P. 131–198.
- Hundt 1955 — *Hundt H.-J.* Versuch zur Deutung der Depotfunde der nordischen jüngeren Bronzezeit unter besonderer Berücksichtigung Mecklenburgs // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral-Museums. Mainz, 1955. Teil. 1. S. 95–140.
- Hüttel 1978 — *Hüttel H.-G.* Altbronzezeitliche Pferdetrensen // Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt am Main. München, 1978. S. 65–86.
- Hüttel 1982 — *Hüttel H.-G.* Zur Abkunft des danubischen Pferd-Wagen-Komplexes der Altbronzezeit // Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. Berlin, 1982. S. 39–63.
- Junghans, Sangmeister, Schröder 1974 — *Junghans S., Sangmeister E., Schröder M.* Kupfer und Bronze in der frühen Metallzeit Europas. Berlin, 1974.
- Kacso 1995 — *Kacso C.* Der Hortfund von Arpasel, Kr. Bihor // Bronzefunde aus Rumänien. Berlin, 1995. S. 81–130.
- Kimmig 1964 — *Kimmig W.* Seevölkerbewegung und Urnenfelderkultur // Studien aus Alteuropa. 1964. Teil 1. S. 220–283.
- Klindt-Jensen 1975 — *Klindt-Jensen O.* A history of Scandinavian archaeology. London, 1975.
- Klocko 1995 — *Klocko V. K.* Zur bronzezeitlichen Bewaffnung in der Ukraine // Eurasia Antiqua. Berlin, 1995. Bd. 1. S. 81–163.
- Kovács 1977 — *Kovács T.* The Bronze Age in Hungary. Budapest, 1977.
- Krause et al. 1989 — *Krause R., Becker B., Kramer B.* Zur absoluten Chronologie der frühen Bronzezeit // Germania. 1989. Jg. 67. Halbband 2. S. 42–50.
- Kristiansen 1987 — *Kristiansen K.* Centre and periphery in Bronze Age Scandinavia // Centre and periphery in the Ancient World. Cambridge, 1987. P. 74–85.
- Kristiansen 1990 — *Kristiansen K.* Chiefdoms, states, and systems of social evolution. Chiefdoms: power, economy, and ideology. Cambridge, 1990.
- Kristiansen 1993 — *Kristiansen K.* From Villanova to Seddin. The Reconstruction of the Elite Exchange Network during to Eighth Century BC // Trade and Exchange in Prehistoric Europe. Oxford, 1993. P. 143–151.
- Kristiansen 2002 — *Kristiansen K.* Rulers and warriors. Symbolic transmission and social transmission in Bronze Age Europe // From leaders to rules. New York, 2002. P. 85–104.
- Leskov 1981 — *Leskov A.* Jüng- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet 1 (Depots mit einheimischen Formen). München, 1981.
- Levi 1982 — *Levi I.* Social and Religions Organization in Bronze Age Denmark / BAR. 1982. ins. 124.
- Levitki 1994 — *Levitki O.* Grupul Holercani-Hansca. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului Hallstadian timpuriu cu ceramica incizata // Relations Thracico-Illyro-Helleniques. București, 1994. P. 219–256.
- Makarenko 1930 — *Makarenko N.* La civilization de Scythes et Hallstatt // ESA. 1930. T. 5. S. 22–48.
- Manning 1988 — *Manning S.* The Bronze Age Eruption of Thera: Absolute Dating, Aegean Chronology and Mediterranean Cultural Interrelation // Journal of Mediterranean Archaeology. 1988. No. 1/1. P. 17–25.

- Masson 1998 — *Masson V. M.* Die europäischen Steppen in den frühen Metallzeiten // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. München, 1998. S. 19–26.
- Matthäus 1980 — *Matthäus H.* Die Bronzegefäße der Kretisch-mykenische Kultur. München, 1980.
- Mohen 1990 — *Mohen J.-P.* Metallurgie préhistorique. Introduction à la paléometallurgie. Paris, 1990.
- Mozsolics 1967 — *Mozsolics A.* Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967.
- Müller-Karpe 1959 — *Müller-Karpe H.* Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959.
- Müller-Karpe 1978 — *Müller-Karpe H.* Zur altbronzezeitlichen Geschichte Europas // Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt A. M. 1977. München, 1978. S. 39–64.
- Petrescu-Dimbovita 1977 — *Petrescu-Dimbovita M.* Depozite de bronzuri din România. București, 1977.
- Picchelaury 1997 — *Picchelaury K.* Waffen der Bronzezeit aus Ost Georgien // Eurasia Antiqua. Berlin, 1997. Bd. 4. S. 20–80.
- Randsborg 1991 — *Randsborg K.* Historical Implications Chronological Studies in European Archaeology. C. 2000–500 B. C. // Acta Archaeologica. København, 1991. Bd. 62. S. 89–108.
- Renfrew, Bahn 1991 — *Renfrew C., Bahn P.* Archaeology. London, 1991.
- Rowlands 1971 — *Rowlands M.* The archaeological interpretation of prehistoric metalworking // World Archaeology. 1971. No. 3/2. P. 210–224.
- Schmidt 1926 — *Schmidt A.* Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbino an der Kama Üfher // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1926. Bd. 18. H. 1–3. S. 1–35.
- Shennan 1986 — *Shennan S. J.* Central Europe in the third millennium BC: an evolutionary trajectory for the beginning of the European Bronze Age // Journal of Anthropological Archaeology. London, 1986. No. 5. P. 115–146.
- Sherratt A. & S. 1991 — *Sherratt A., Sherratt S.* From luxuries to commodities: the nature of Mediterranean Bronze Age trading systems // Cambridge Archaeological Journal. 1991. No. 1. P. 351–386.
- Smith 1904 — *Smith R. A.* A Guide to the Antiquities of the Bronze Age in the Department of British and Medieval Antiquities. British Museum. Oxford, 1904.
- Spennemann 1985 — *Spennemann D.* Einige Bemerkungen zur Schäftung von Lappen – und Tüllenbeilen // Germania. Mainz am Rhein, 1985. Jg. 63. Halbband 1. S. 129–138.
- Sprockhoff 1956 — *Sprockhoff E.* Jüngbronzezeitliche Hortfunde Südzone des nordischen Kreises. (Per. V). Mainz, 1956.
- Takayasy Higuchi 1986 — *Takayasy Higuchi.* Archaeological Approach to Ancient Bronze // East Asia Bulletin of the Metals Museum. Sendai, 1986. Vol. 11. P. 14–20.
- Tallgren 1916 — *Tallgren A.-M.* Collection Zaoussailov au Musée Historique de Finlande à Helsingfors. Helsingfors, 1916. 1.
- Terenožkin 1962 — *Terenožkin A. I.* Der Bronzekessel des Odessaer Museums // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1962. Bd. 92. S. 272–277.
- Tihelka 1953 — *Tihelka K.* Moravska uneticka pohrebiste // Památky archeologické. Praga, 1953. T. 44. S. 229–328.
- Točík 1964 — *Točík A.* Drevná osada z doby bronzovej vo Veselom. Bratislava, 1964.
- Vladar 1978 — *Vladar J.* Umenie dávneho kóna Spiša. Bratislava, 1978.
- Wanzek 1989 — *Wanzek B.* Die Grusmodell für Tüllenbeile im südöstlichen Europa / Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn, 1989. Bd. 2.
- Wegrzynowicz 2001 — *Wegrzynowicz T.* Kociol z Podova // Wiadomości Archeologiczne. Warszawa, 2001. T. 55. S. 31–46.
- Wilke 1925 — *Wilke G.* Depotfund. Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1925. T. 2. S. 362–386.
- Willroth 1985 — *Willroth K.-H.* Aspekte älterbronzezeitlicher Deponierungen in südlichen Skandinavien // Germania. Mainz am Rhein, 1985. Jg. 63. Halbband 2. S. 361–400.
- Zurowski 1949 — *Zurowski K.* Zabytki brązowe z młodziej epoki brązu i wczesnego okresu zelata z dorzecza górnego Dniestru // Przegląd Archeologiczny. Poznań, 1949. № 8. S. 155–247.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия. М.: Наука.
АС	— Археологический съезд.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ+	— Государственный исторический музей. М.
ГЭ+	— Государственный Эрмитаж. Л.; СПб.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. СПб.
ЗРАО	— Записки Русского Археологического общества. СПб.
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИИС	— Из истории Сибири. Томск.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Л.; М.
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР. Киев.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Л.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ОМК	— Областной музей краеведения. Куйбышев.
ОРИМ	— Отчёты Российского исторического музея им. Императора Александра III. М.
РА	— Российская археология. М.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.; Л.
ТСРАНИОН	— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. București.

В. С. Бочкарёв

**Культурогенез и древнее металлопроизводство
Восточной Европы**

Редакционно-издательская группа:

Л. Б. Кирчо (редактор), М. Б. Рысин, В. Я. Стеганцева

Отпечатано в типографии «Инфо Ол».
Санкт-Петербург, ул. Рентгена, д. 1
тел. (812) 325-13-15

9 785904 538071

